

Выпуск обновлённый

ИСТОРИЯ США

Дрестелитид

 ДРОБД

ИСТОРИЯ США. ХРЕСТОМАТИЯ

Э.А. Иванян

Жене, дочерям и внукам моим посвящаю

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважительное отношение к истории своей страны является одной из отличительных черт американцев. Изучение отечественной истории облегчается доступом к широкому кругу первоисточников, позволяющих в более полной мере оценивать значение и роль происходящих событий или разворачивавшихся в стране и за ее пределами исторических процессов. Исторические документы (за исключением тех, которые составляют государственную тайну в течение определенного законом и строго соблюдаемого срока давности) являются достоянием общественности даже в тех случаях, когда излагаемые в них факты не делают чести американскому государству, его внешней или внутренней политике. Со всеми на то основаниями можно утверждать, что в американской истории практически не существует «белых пятен», сознательно охраняемых государственными ведомствами, или фактов, намеренно скрывааемых американскими исследователями. Наличие у исследователя или студента возможности сверять информацию, получаемую из различных публикаций, с текстами первоисточников если не исключает соблазн искажать историю, то, во всяком случае, заметно снижает результативность подобного намерения.

Настоящая Хрестоматия представляет собой сборник важнейших исторических документов, а также заявлений, речей и т. п. видных государственных и общественных деятелей США. Это первое в нашей стране учебное пособие по истории зарубежного государства, предназначенное служить источником официальной информации, дополняющей традиционное изложение исторических фактов. Знакомство с представленными в пособии документами и материалами, изначально опубликованными в различных американских официальных и неофициальных изданиях, позволяет лучше понять прошлое и настоящее Соединенных Штатов Америки. Вместе с теоретическим курсом – учебником Э. А. Иваняна «История США» (2004) – Хрестоматия составляет учебный комплекс для студентов гуманитарных вузов.

В то же время книга может быть полезна всем, кто интересуется американской историей. Исторические материалы, помещенные в Хрестоматию, позволят читателю составить собственное мнение о фактах американской истории, а не полагаться на суждения и оценки, неизбежно несущие на себе отпечаток субъективных взглядов отдельных исследователей.

Многие из включенных в Хрестоматию материалов публикуются в полном виде, однако в ряде случаев в интересах более четкого представления объемного текста некоторые документы приводятся в сокращении, т. е. с изъятием частей текста, не имеющих принципиального значения для содержания документа.

Все вошедшие в Хрестоматию тексты предваряются комментариями составителя, объясняющими историческое значение того или иного документа и позволяющими читателю получить представление об обстоятельствах и причинах, вызвавших необходимость появления данного документа, т. е. рассматривать его в историческом контексте.

Большинство вошедших в настоящее издание документов и материалов даются в переводе составителя Хрестоматии. Тексты, представленные в иных переводах, включены в пособие с разрешения обладателей авторских прав.

Составитель выражает искреннюю признательность издательским домам «Весь мир» (директор О. А. Зимарин) и «Стратегия» (генеральный директор А. К. Рябов), редакции журнала «США * Канада: экономика, политика, культура» (бывш. «США: экономика, политика, идеология»), а также переводчикам Н. А. Хоменко, Е. В. Нетесовой, А. Л. Семенову, И. Э. Иванян и Г. В. Здорных за разрешение на включение их переводов в учебное пособие.

Э. Иванян

МЕЙФЛАУЭРСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ (MAYFLOWER COMPACT)

Мейфлауэрское соглашение считается одним из основополагающих документов американской истории. Оно было подготовлено и подписано незадолго до прибытия в Кейп-Код (Северная Вирджиния) английского корабля «Мейфлауэр» со 102 пассажирами на борту. (Во время трансатлантического плавания один из пассажиров погиб, но появились на свет два новорожденных, в результате чего на борту корабля оказалось 103 человека.) Соглашение подписал 41 взрослый мужчина – главы семейств и одинокие мужчины, включая членов экипажа и слуг (кроме двух матросов, не собиравшихся оставаться в Америке более года).

Необходимость составления такого документа вызывалась тем, что среди пассажиров корабля начались разногласия по поводу образа жизни по прибытии в пункт назначения. Английские пуритане-кальвинисты, готовые сохранить уже сложившееся в их среде общинное устройство, не нашли общего языка с небольшой группой лиц (доставка их в Америку была оплачена лондонскими торговцами), которые получили гарантии свободного расселения на территории Вирджинии.

После подписания Мейфлауэрского соглашения пассажиры судна избрали на год *Дж. Карвера* губернатором своей колонии, которая получила название Плимутской (она просуществовала вплоть до 1691 г., когда была поглощена Колонией Массачусетского залива). По прошествии полугода пребывания в Америке 20 оставшихся в живых подписантов Соглашения образовали администрацию колонии. В 1621 г. Карвер погиб. На его место был избран *У. Брэдфорд*, переизбравшийся на губернаторский пост на протяжении последующих тридцати с лишним лет.

Во имя Господа Бога аминь. Мы, нижеподписавшиеся, верноподданные нашего великодержавного повелителя – короля Джеймса, Божьей волей короля Великобритании, Франции и Ирландии, защитника веры, etc.¹

Предприняв во славу Божью и во имя распространения христианской веры и в честь нашего короля и страны путешествие с целью основания первой колонии в северных частях Вирджинии, настоящим торжественно и со взаимного согласия, перед Господом Богом и перед друг другом обязуемся объединиться в гражданское политическое сообщество для установления более совершенного порядка и сохранения и осуществления вышеуказанных целей; и на основании этого составлять, учреждать и создавать по мере необходимости такие справедливые и основанные на всеобщем равенстве законы, ордонансы, постановления, конституции и обязанности, которые будут сочтены наиболее соответствующими и отвечающими интересам всеобщего блага колоний, и которые мы обязуемся должным образом соблюдать, и которым мы обязуемся подчиняться. В подтверждение чего мы поставили свои подписи под настоящим в Кейп-Коде одиннадцатого ноября восемнадцатого года правления Англией, Францией и Ирландией и пятьдесят четвертого года правления Шотландией нашего повелителя короля Джеймса². Anno Domini 1620³.

[Далее следует 41 подпись пассажиров и членов экипажа «Мейфлауэра».]

An American Primer / Ed. by D. J. Boorstin. N.Y., 1968.

Томас Пейн ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ (COMMON SENSE)

Один из наиболее известных документов ранней американской истории, эссе-памфлет *Томаса Пейна* (1737-1809) был анонимно опубликован в колониях в январе 1776 г. Пейн назвал английского короля Георга (Джорджа) III «царственным чудовищем», лично ответственным за все акты несправедливости, творимые в отношении американских колонистов. Напечатанный в Америке тиражом в 120 тысяч экземпляров 50-страничный памфлет оказал серьезное влияние на отношение колонистов к британской короне и стал наиболее эффективным инструментом антибританской пропаганды в борьбе американских колоний за отделение от Англии.

Спустя всего лишь пять месяцев после выхода в свет памфлета Пейна, в июне 1776 г., на рассмотрение Континентального конгресса была представлена резолюция, декларирующая право колоний на свободу и независимость, а еще месяц спустя конгресс одобрил проект Декларации независимости, подготовленный Т. Джефферсоном.

...На следующих далее страницах я прибегаю лишь к простым фактам, понятным аргументам и здравому смыслу и не имею каких-либо иных намерений в отношении читателя, кроме как помочь ему избавиться от предубеждений и предпочтений, позволить его разуму и его чувствам самостоятельно определиться, поспособствовать тому, чтобы он обрел или, вернее, не отвергнул бы истинную человеческую натуру и основательно расширил свои взгляды за пределы нынешней ситуации.

Теме борьбы между Англией и Америкой посвящены многочисленные тома. Люди всех сословий занимались этими противоречиями, исходя из различных мотиваций и с различными расчетами, но все было бесполезно, и период дебатов закончился. Исход состязания решается оружием как последним средством; обращение к нему было выбором короля, и Континент принял этот вызов. <...>

Солнце никогда не видело более благородной цели. Это дело не отдельного города, графства, провинции или королевства, а всего Континента – по крайней мере, одной восьмой населенной части земного шара. Это озабоченность не одного дня, одного года или одного века; в противостояние фактически вовлечены будущие поколения, и они будут в той или иной степени испытывать влияние происходящих ныне событий чуть ли не до самого конца жизни на Земле. Сегодня настало время зарождения Континентального союза, веры и чести. Малейший излом сегодня будет подобен имени, вырезанному кончиком булавы на нежной коре молодого дубка; рана будет увеличиваться с ростом дерева, и имя предстанет перед потомками крупными буквами.

¹ В данном случае «и проч.» – традиционное завершение перечисления ряда титулов и званий. – *Прим. сост.*

² **Джеймс** (1566-1625) – король Шотландии (под именем Джеймса VI) с 1567 г. и король Англии и Ирландии (под именем Джеймса I) с 1603 г. Упоминание в тексте Мейфлауэрского соглашения Франции исторически не обосновано. С 1610 по 1643г. королем Франции был Людовик (Луи) XIII (1601-1643), а регентом при малолетнем короле – кардинал Ришелье. – *Прим. сост.*

³ 1620 г. (*лат.*). – *Прим. пер.*

Переход от переговоров к оружию ознаменовал начало новой политической эры – возник новый способ мышления. Все планы, предложения и т. п., относившиеся к периоду до девятнадцатого апреля, т. е. до начала военных действий⁴, подобны прошлогоднему календарю, который, будучи своевременным тогда, сегодня стал ненужным и бесполезным. Все, что выдвигалось тогда защитниками противоположных точек зрения, сводилось к одному и тому же, а именно к союзу с Великобританией. Единственным расхождением между сторонами был метод его достижения: одна из сторон предлагала прибегнуть к силе, другая предлагала дружить; но так случилось, что на сегодняшний день сторонники первого пути потерпели поражение, а сторонники второго утратили свое влияние. <...>

Я слышал утверждение некоторых, что, подобно тому как Америка процветала в условиях ее прежней связи с Великобританией, такая же связь необходима в интересах ее будущего счастья и всегда будет столь же необходима. Ничто не может быть более ошибочным, чем аргумент такого рода. Мы можем с таким же основанием утверждать, что если ребенок рос на молоке, то ему никогда не следует давать мяса, или же что первым двадцати годам нашей жизни суждено стать образцом на последующие двадцать лет. Но и эти утверждения предполагают искажение правды, и я тут же отвечаю, что Америка процветала бы так же, а возможно, и в большей степени, если бы ни одна европейская держава не обращала бы на нее никакого внимания. Торговля, с помощью которой она обогатилась, является жизненной необходимостью, и у нее всегда будет рынок, тогда как потребление является привычкой Европы.

Но ведь она защищала нас, говорят некоторые. То, что она поглотила нас, – это правда; признается и то, что она защищала Континент за наш и свой счет и что она защищала бы Турцию, исходя из тех же соображений, а именно ради торговли и владычества.

Увы! Мы долго заблуждались, были скованы древними предубеждениями и приносили огромные жертвы суевериям. Мы хвастались защитой Великобритании, не отдавая себе отчета в том, что она исходила из своих *интересов*, а не из *привязанности* к нам; что она защищала нас от *наших врагов* не *ради нас*, а от *своих врагов* ради *собственных интересов*, от тех, кто не ссорился с нами *по любой иной причине* и кто всегда будет нашим врагом *по той же причине*. Пусть Великобритания откажется от претензий на Континент или же Континент сбросит зависимость; и мы будем жить в мире с Францией и Испанией, даже если они окажутся в состоянии войны с Великобританией. <...>

Недавно в парламенте высказывались утверждения, что колонии связаны между собой лишь через материнскую страну, т. е. что Пенсильвания и Джерси, подобно всем остальным, являются колониями-сестрами через Англию. Это, конечно, весьма косвенный способ доказательства взаимоотношений, но наиболее прямой и верный способ доказательства вражды или враждебности, если это можно так назвать. Франция и Испания никогда не были и, возможно, никогда не будут нашими врагами – врагами *американцев*, но лишь нашими врагами как *подданными Великобритании*.

Но Великобритания же наша прародительница, говорят некоторые. Тем более ей должно быть стыдно. Даже дикие звери не едят своих детенышей, а дикари не воюют со своими семьями... Европа, а не Англия является матерью Америки. Новый Свет стал убежищем для преследуемых сторонников гражданской и религиозной свободы из *всех частей* Европы. Они бежали сюда не от нежных объятий матери, а от жестокости чудовища. Что касается Великобритании, то, как и прежде, эта тирания, изгнавшая из дома первых эмигрантов, до сих пор преследует их потомков. <...>

Но даже признав, что все мы были британского происхождения, какой вывод следует из этого? Никакой. Великобритания, будучи явным врагом, исключает любое другое название или определение: утверждения о том, что примирение является нашим долгом, звучат как фарс. Первый король Англии нынешней династии (Вильгельм Завоеватель) был французом, и половина пэров Англии являются выходцами из этой страны. Следуя этой же логике, Англией должна править Франция.

Много говорилось об объединенной мощи Великобритании и колоний, что вместе они могут бросить вызов всему миру. Но это простые предположения; исход войны неясен, и все эти высказывания ничего не значат, поскольку наш Континент никогда не согласится пожертвовать своим населением, чтобы поддержать британское оружие в Азии, Африке или Европе.

И кроме всего прочего, к чему нам бросать вызов всему миру? В наши планы входит торговля, и она, при разумной ее организации, обеспечит нам мир и дружбу со всеми народами Европы, поскольку в интересах всей Европы иметь в лице Америки открытый порт. Ее торговля всегда будет защитой, а отсутствие у нее залежей золота и серебра охранит ее от захватчиков.

Я бросаю вызов самому горячему стороннику примирения и предлагаю ему назвать хотя бы одно свидетельство пользы, которую наш Континент будет иметь от сохранения связи с Великобританией. Я вновь утверждаю, что никакой пользы от этого не будет. Наша кукуруза получит свою цену на любом рынке Европы, а импортируемые нами товары должны быть оплачены независимо от того, где мы их приобретаем.

Однако убытки и потери, которые мы несем в результате такой связи, бесчисленны. Наш долг перед всем человечеством и перед самими собой обязывает нас отказаться от союза, поскольку любое подчинение или

⁴ 19 апреля 1775г. у города Лексингтон (Вирджиния) произошло первое крупное сражение Войны за независимость, завершившееся поражением английских войск. – *Прим. сост.*

любая зависимость от Великобритании влечет за собой прямое вмешательство нашего Континента в европейские войны и ссоры и вовлекает нас в конфликт с государствами, которые в иной ситуации искали бы нашей дружбы и в отношении которых мы не питаем ни злобы, ни недовольства. Поскольку Европа является нашим рынком, нам не следует завязывать пристрастные связи с какой-либо отдельной ее частью. В истинных интересах Америки держаться в стороне от европейских распри, чего ей никогда не удастся, тогда как, сохраняя зависимость от Великобритании, она превращается в гири на весах британской политики. <...>

Вызывает отвращение довод, выдвигаемый со ссылкой на универсальный ход развития событий, на всевозможные примеры из прошлых веков, что наш Континент может остаться зависимым от какой-либо иностранной державы. Самые большие оптимисты в Великобритании так не думают. Сегодня даже наиболее буйная фантазия не в состоянии предложить план, за исключением отделения, который обеспечил бы нашему Континенту безопасность продолжительностью хотя бы в один год. Примирение *сейчас* представляется несбыточной мечтой. Естественность перестала быть оправданием этой связи, и искусственность не может занять ее место. Как мудро заметил Мильтон⁵, «истинное примирение никогда не возникнет там, где существуют столь глубокие раны смертельной ненависти». <...>

Безумно и глупо вести разговоры о дружбе с теми, кому наш разум запрещает доверять и наше расположение к кому, глубоко израненное, вынуждает нас ненавидеть их. С каждым днем исчезают последние остатки родства между нами и ними. И может ли оставаться надежда на то, что по мере исчезновения взаимоотношений взаиморасположение будет расти, или же на то, что мы будем с большим успехом достигать согласия по мере десятикратного увеличения количества причин для ссор и более серьезного, чем когда-либо прежде, осложнения взаимоотношений?

Вы, твердящие нам о гармонии и примирении, можете ли вы вернуть нам ушедшие времена? Можно ли вернуть проститутке утерянную невинность? Точно так же вы не сможете примирить Великобританию и Америку. Разорвана последняя нить, народ Великобритании предъявляет нам счет. Существуют раны, нанесение которых природа не сможет простить; она перестала бы быть природой, если бы это сделала. Точно так же, как любящий не может простить насильнику насилие над любимой, наш Континент не может простить Великобритании убийства. <...>

О вы, любящие человечество! Вы, осмеливающиеся противостоять не только тирании, но и тирану, сделайте шаг вперед! Каждая пядь старого мира находится под гнетом, подавлена. Свобода преследуется по всему земному шару. Азия и Африка уже давно ее изгнали. Европа считает ее незнакомкой, а Англия сделала ей предупреждение, перед тем как изгнать ее. О, примите изгнанника и подготовьтесь к тому, чтобы стать со временем убежищем для человечества. <...>

Heffher R. D. A Documentary History of the United States. N.Y., 1965.

ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ (DECLARATION OF INDEPENDENCE)

После начала Войны за независимость (1775-1783) и первых столкновений на полях сражений с англичанами у городов Лексингтон и Конкорд американцы были готовы к провозглашению независимости от британской короны. Их решимость укрепилась после того, как масштаб военных действий расширился, а попытки добиться мирного решения конфликта путем переговоров с Лондоном не принесли успеха. Общественное мнение колоний испытало сильное влияние революционного памфлета-эссе Т. Пейна «Здравый смысл» (1776).

В мае-июне 1776 г. дебаты в Континентальном конгрессе по вопросу провозглашения независимости достигли апогея. 7 июня на рассмотрение конгресса были представлены три резолюции, предусматривавшие провозглашение независимости, установление союзных отношений с зарубежными странами и создание конфедерации. 11 июня решением конгресса был сформирован комитет, которому поручалось подготовить Декларацию независимости. В состав комитета были включены горячие сторонники независимости: *Томас Джефферсон* (1743-1826), *Бенджамин Франклин* (1706-1790), *Джон Адамс* (1735-1826), *Роджер Шерман* (1721-1793), а также *Роберт Ливингстон* (1746-1813), выражавший взгляды умеренного крыла конгресса. С учетом того что Джефферсон обладал репутацией талантливого ученого и литератора, подготовку текста Декларации комитет поручил именно ему.

Уже спустя две недели черновой вариант Декларации был представлен Джефферсоном на рассмотрение комитета. После внесения нескольких поправок, предложенных Франклином и Адамсом, 28 июня согласованный текст был предложен вниманию членов Континентального конгресса. Радикальному крылу конгресса удалось одолеть яростное сопротивление противников разрыва с Лондоном и уговорить сторонников умеренной позиции. 2 июля резолюция, провозглашающая независимость бывших колоний, была одобрена «единогласно» (воздержались лишь делегаты от Нью-Йорка), после чего конгресс обратился к обсуждению представленного Джефферсоном проекта Декларации независимости. Дебаты продолжались два дня. Из воспоминаний самого Джефферсона известно, что 4 июля все члены конгресса, за исключением одного, подписали текст Декларации.

Однако, судя по имеющимся историческим данным, официальное подписание было отложено до того момента, когда удастся придать столь важному документу подобающий вид, т. е. отпечатать Декларацию на пергаменте. Лишь 2 августа 1776 г. эта задача была выполнена и текст был вновь подписан членами конгресса, фамилии которых были опубликованы в январе 1777 г. вместе с аутентичным текстом Декларации.

⁵ Джон Мильтон (1608-1674) – английский поэт, политический деятель, мыслитель. – Прим. сост.

Принята единогласно всеми тринадцатью Соединенными Штатами Америки.

Когда в ходе человеческой истории для одного народа оказывается необходимым расторгнуть политические связи, соединяющие его с другим народом, и занять среди держав мира самостоятельное и независимое положение, на которое он имеет право согласно законам природы и ее Творца, то уважение к мнению человечества обязывает этот народ изложить причины, побуждающие его к отделению.

Мы считаем самоочевидными истины:

что все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью;

что для обеспечения этих прав люди создают правительства, справедливая власть которых основывается на согласии управляемых;

что, если какой-либо государственный строй нарушает эти права, народ вправе изменить его или упразднить и установить новый строй, основанный на таких принципах и организующий управление в таких формах, которые должны наилучшим образом обеспечить безопасность и благоденствие народа.

Благоразумие, конечно, требует, чтобы давно сложившиеся формы правления не сменялись вследствие маловажных и преходящих причин, так как опыт прошлого показывает, что люди скорее склонны терпеть зло, пока оно еще переносимо, чем пользоваться своим правом упразднения привычных форм жизни. Но когда длинный ряд злоупотреблений, неизменно преследующих одну и ту же цель, обнаруживает стремление подчинить народ абсолютному деспотизму, то право и долг народа свергнуть такое правительство и создать новые гарантии обеспечения своей будущей безопасности.

Наши колонии также долго и терпеливо переносили различные притеснения, и только необходимость заставляет нас теперь изменить формы прежнего государственного строя. История правления ныне царствующего короля Великобритании – это история беспрестанных злоупотреблений и насилия, непосредственная цель которых заключается в установлении в наших штатах абсолютного деспотизма. В доказательство этого представим на беспристрастное суждение всего мира следующие факты:

Он⁶ отказывался утверждать самые необходимые и полезные для общественного блага законы.

Он запрещал своим губернаторам принимать законы неотложной важности, если их вступление в силу было невозможно до утверждения королем, а когда действие этих законов таким образом приостанавливалось, оставлял их безо всякого внимания.

Он не разрешал принимать другие законы, отвечавшие интересам населения обширных областей, если это население не соглашалось отказаться от своего права на представительство в законодательном собрании, права бесценного для них и опасного лишь для тиранов.

Он созывал сессии законодательных собраний в необычных, неудобных и удаленных от местонахождения архивов местах, с единственной целью физически утомить законодателей и подчинить их таким образом своей воле.

Он неоднократно распускал законодательные собрания за то, что они с мужественной твердостью противились его попыткам нарушить принадлежащие народу права.

Он отказывался в течение продолжительного времени после их роспуска назначать новые выборы, вследствие чего законодательная власть, которую нельзя уничтожить, возвращалась опять к народным массам, а страна тем временем подвергалась опасностям внешнего вторжения и внутренних потрясений.

Он пытался препятствовать заселению штатов, мешая с этой целью применению существующих законов о натурализации иностранцев, отказывая в утверждении новых законов для поощрения иммиграции и затрудняя приобретение земельных наделов.

Он препятствовал отправлению правосудия, отказываясь утверждать законы об учреждении судов.

Он подчинил судей своей воле, поставив их в исключительную зависимость от себя как в отношении срока службы, так и в отношении их окладов.

Он учредил множество новых должностей и направлял к нам бесчисленные толпы чиновников, чтобы притеснять и разорять народ.

Он содержал у нас в мирное время постоянную армию без согласия на то наших законодательных собраний.

Он стремился сделать военную власть независимой и поставить ее выше власти гражданской.

Он вступал в сговор с другими для подчинения нас власти, чуждой нашей Конституции и не признаваемой нашими законами, утверждая акты этой незаконной власти, издававшиеся со следующими лицемерными целями:

размещения у нас крупных воинских частей;

защиты военных с помощью несправедливого суда от наказаний за убийства жителей наших штатов;

⁶ Имеется в виду король Великобритании. – *Прим. сост.*

прекращения нашей торговли с другими частями света;
обложения нас без нашего согласия налогами;
лишения нас во многих случаях права на суд присяжных;
отправки нас за океан и предания там суду за мнимые преступления;

уничтожения свободной системы английских законов в соседней провинции⁷, установления там строя, основанного на произволе, и расширения ее пределов таким образом, чтобы она служила одновременно и примером и средством для распространения той же абсолютной власти и в наших колониях;

отмены наиболее важных для нас законов и коренного изменения нашей системы управления;

ропуска наших законодательных собраний и присвоения себе издания всевозможных законов вместо нас.

Он отказался от управления нами, лишил нас своего покровительства и начал войну против нас.

Он пиратствовал на наших морях, опустошал наши берега, жег наши города и убивал наших соотечественников.

Он посылает теперь целые армии иностранных наемников, чтобы завершить дело уничтожения, разорения и тирании, начатое раньше с такими жестокостью и вероломством, которые едва ли были известны даже в самые варварские времена и которые совершенно недостойны главы цивилизованной нации.

Он вынуждал наших сограждан, захваченных в плен в открытом море, поднимать оружие против своей родной страны и либо быть палачами своих друзей и братьев, либо погибать от их рук.

Он вызывал в нашей среде внутренние волнения и пытался поднять против жителей нашей приграничной полосы жестоких индейских дикарей, которые ведут войну, уничтожая поголовно всех, независимо от возраста, пола и состояния.

В течение всех этих притеснений мы покорно просили о восстановлении наших прав. Единственным ответом на наши повторные петиции были новые несправедливости. Государь, которому свойственны все черты, отличающие тирана, не может быть правителем свободного народа.

Не оставляли мы также без внимания и наших британских собратьев. Мы указывали им время от времени на попытки их законодательных палат подчинить нас противозаконным образом своей юрисдикции. Мы напоминали им про обстоятельства, при которых мы эмигрировали из Европы и поселились здесь. Мы звали к их прирожденному чувству справедливости и великодушию и заклинали их во имя наших кровных уз осудить чинимые нам несправедливости, которые неминуемо должны были разъединить нас и прекратить сношения между нами. Но и они также оставались глухи к голосу справедливости и кровного родства. Поэтому мы должны примириться с необходимостью нашего отделения и относиться отныне к ним, как к другим народам, считая их врагами во время войны и друзьями в мирное время.

Поэтому мы, представители *Соединенных Штатов Америки*, собравшись на Генеральный конгресс и призывая Всевышнего быть свидетелем искренности наших намерений, именем и властью доброго народа наших колоний торжественно во всеуслышание объявляем, что наши соединенные колонии отныне являются, и по праву должны быть, *свободными и независимыми Штатами*, что они полностью освобождаются от верности Британской короне, и что всякая политическая связь между ними и государством Великобританией полностью расторгается, и что, как *свободные и независимые Штаты*, они полномочны объявлять войну, заключать мир, вступать в союзы, вести торговлю и осуществлять все другие акты и начинания, которые по праву могут совершать *независимые государства*. И подтверждение настоящей Декларации, с твердой верой в покровительство Божественного провидения, мы даем взаимный обет жертвовать своими жизнями и своим состоянием и свято блюсти нашу честь.

[Далее следуют подписи 56 представителей колоний.]

Heffner R. D. A Documentary History of the United States. N.Y., 1965.

Сент-Джон де Кревкёр

ПИСЬМА АМЕРИКАНСКОГО ФЕРМЕРА (LETTERS FROM AN AMERICAN FARMER)

Французский офицер *Эктор Сент-Джон де Кревкёр* (по другим данным, он носил имя Мишель Гийом Жан де Кревкёр) (1735-1813) принимал участие в так называемых французских и индейских войнах, продолжавшихся в Северной Америке с 1754 по 1763 г. По окончании военных действий он принял решение остаться в Новом Свете и в течение последующих пятнадцати лет занимался фермерством в графстве Орандж.

В годы, предшествующие Американской революции, де Кревкёру довелось проехать по всем тринадцати английским колониям и получить представление о жизни простых американцев. Впечатления от этих поездок и весь собранный фактический материал нашли отражение в написанных им в форме эссе 12 письмах, изданных в 1782 г. под названием «Письма американского фермера». Наибольшей известностью пользуется третье письмо. В нем впервые американское общество было названо «плавильным котлом» многочисленных народов.

⁷ Так в оригинале. По-видимому, имеется в виду Канада. – *Прим. сост.*

Кто такой американец

Мне хотелось бы, чтобы я смог познакомиться с чувствами и мыслями, которые должны волновать сердца и возникать у просвещенного путешественника-англичанина, впервые вступающего на этот континент. Он должен сильно возрадоваться тому, что он живет в то время, когда была открыта и заселена эта прекрасная страна; он обязательно должен разделить чувство национальной гордости, глядя на ряд поселений, украшающих эти обширные берега. Он говорит себе: это дело рук моих соотечественников, беспокойных и нетерпеливых, которые нашли убежище здесь, когда были потрясены расколами, страдали от всевозможных бедствий и лишений. Они принесли с собой свои национальные таланты. Им они в первую очередь обязаны той свободой, которой они обладают, и тем достатком, который они имеют. Здесь он видит индустрию своей собственной страны, развивающуюся в новой форме, и прослеживает в деятельности своих соотечественников зачатки всех искусств, наук и отраслей творчества, которые расцветают в Европе. Здесь он зрит прекрасные юрты, зажиточные поселения, обширные поля – огромную страну, изобилующую приличными домами, хорошими дорогами, садами, лугами и мостами там, где сотню лет назад все было диким, покрытым лесами и неосвоенным! Сколько же приятных идей должно навеять это прекрасное зрелище! Это – перспектива, которая должна вызывать у доброго гражданина глубоко прочувствованное удовлетворение. Сложность заключается в том, как рассматривать такую обширную картину.

Он прибыл на новый континент; современное общество предлагает себя на его обозрение, оно отличается от того, что он видел доселе. Оно не состоит, как в Европе, из знаменитых лордов, которые владеют всем, и людской черни, не владеющей ничем. Здесь нет аристократических семей, нет ни судов, ни королей, ни епископов, ни владычества духовников, ни невидимой власти, предоставляющей немногим вполне зримую власть, ни крупных промышленников, нанимающих тысячи работников, ни впечатляющей изощренности роскоши. Богатые и бедные отстоят друг от друга не столь далеко, как в Европе.

За исключением нескольких городов, мы все являемся тружениками на земле, от Новой Шотландии до Западной Флориды. Мы все – земледельцы, рассеянные по огромной территории, общающиеся друг с другом посредством хороших дорог и судоходных рек, объединенные шелковыми узами мягкого правительства. Мы все уважаем законы, не опасаясь их строгости, поскольку они являются справедливыми. Нас всех вдохновляет свободный и неограниченный дух трудолюбия, поскольку каждый работает на себя. Если он разъезжает по нашим сельским районам, он видит не враждебный замок и высокомерный особняк, контрастирующие с глиняной хижинкой и жалкой лачугой, в которых скотина и люди помогают друг другу сохранять тепло и прозябают в низости, дымном смраде и нужде. Во всех наших жилищах видно радующее глаз единообразие достойного достатка. Самая убогая из наших бревенчатых хижин является сухим и удобным жилищем.

Самыми высшими званиями, которые могут себе позволить наши горожане, являются адвокат или торговец. Фермеры – так и никак не иначе именуются сельские жители нашей страны... У нас нет принцев, для которых мы трудимся, голодаем, проливаем кровь: мы являемся самым совершенным обществом из всех существующих в мире. Здесь человек свободен, как ему и положено быть, и это отрадное равенство не является чем-то преходящим, как многое другое. <...>

Этот путешественник еще пожелает узнать, откуда пришли все эти люди. Это смесь англичан, шотландцев, ирландцев, французов, голландцев, немцев и шведов. Из этой смешанной породы возникла раса, ныне именуемая американцами... В этом огромном американском пристанище в силу различных обстоятельств и в результате различных причин сошлись бедняки Европы, и с какой стати им спрашивать друг друга, откуда они родом? Увы, две трети из них не имели родины. Может ли бродящий по свету бедняга, который работает и голодает, вся жизнь которого является бесконечной чередой саднящей скорби или крайней нужды, может ли этот человек назвать Англию или любую другую страну своей? Страну, у которой для него не было хлеба, поля которой не приносили ему урожая, в которой он видел лишь хмурые взгляды богачей, жестокость законов, тюрьмы и наказания, в которой ему не принадлежал ни единый фут огромной территории нашей планеты? Нет! Движимые различными мощными, они прибыли сюда. Все способствовало их возрождению: новые законы, новый образ жизни, новая общественная система. Здесь они стали людьми. В Европе они были, подобно многим, бесполезными растениями, нуждающимися в рыхлой земле и освежающих осадках, они увядали и их косили нужда, голод и войны, но сейчас, оказавшись пересаженными на новую почву, они, подобно всем растениям, пустили корни и расцвели!.. Его страной является та, которая дала ему землю, хлеб, защиту, и в результате – *Ubi panis ibi patria*⁸ является девизом всех эмигрантов. Итак, кто же такой американец, этот новый человек? Он либо европеец, либо же потомок европейца, отсюда эта странная смесь кровей, подобной которой вы не увидите ни в одной другой стране... Он становится американцем, оказавшись в обширном лоне нашей великой *Alma mater*. Здесь отдельные представители всех наций объединяются в сплав, образующий новую человеческую расу, чей труд и чьи потомки однажды приведут к огромным изменениям в мире. Американцы являются западными пилигримами, которые несут с собой не только энергию и трудолюбие, но и огромный объем знаний из области искусств и наук, давно уже зародившихся на Востоке; они завершат этот великий цикл. Когда-то

⁸ Где хлеб, там и моя родина (*лат.*). – Прим. пер.

нынешние американцы были разбросаны по всей Европе; здесь же они вошли составной частью в одну из наилучших из когда-либо существовавших общественных систем, которая отныне будет складываться под влиянием различных климатических условий, в которых проживают американцы. Поэтому американец должен любить эту страну в гораздо большей степени, чем ту, в которой родился он или его предки. <...>

Letters from an American Farmer. N.Y., 1981.

ЗАПИСКИ ФЕДЕРАЛИСТА (THE FEDERALIST PAPERS)

Для вступления в силу одобренная и подписанная делегатами Филадельфийского (Конституционного) конвента (май-сентябрь 1787 г.) Конституция Соединенных Штатов Америки нуждалась в ратификации девятью из тринадцати штатов США. Именно после направления штатам текста Основного закона обострилась политическая борьба между сторонниками и противниками сильной централизованной власти и принятой Конституции – федералистами и антифедералистами. Лидерами и основными выразителями позиций этих политических группировок стали наиболее известные «отцы-основатели» американского государства – *Александр Гамильтон* (1755-1804) и *Томас Джефферсон* (1743-1826).

В отличие от антифедералистов, редко бравшихся за перо для отстаивания своей точки зрения и защиты предпочитаемых ими принципов государственного правления, возглавляемые Гамильтоном федералисты были организационно гораздо более сплоченными и пользовались любой возможностью, чтобы отстоять свои разумные, по их мнению, взгляды. В спор по вопросам, связанным с Конституцией США, оказались вскоре вовлечены крупные газеты страны. 5 октября 1787 г. в филадельфийской газете «Индепендент гзетир» была опубликована первая из ряда статей за подписью «Sentinel». В ней антифедералист С. Браун подвергал критике идею создания сильного центрального правительства. В Нью-Йорке почти одновременно началась публикация серии антифедералистских статей за подписью «Cato» (Катон).

Федералисты серьезно восприняли опасность появления этих статей в преддверии предстоящей ратификации Конституции штатами. 27 октября нью-йоркская газета «Индепендент джорнэл» опубликовала первое эссе за подписью «Publius» (Публий), принадлежавшее перу Гамильтона. На протяжении последующих десяти месяцев в нью-йоркских газетах было опубликовано еще 84 эссе виднейших федералистов страны (А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея); впоследствии они были объединены под заголовком «Записки федералиста». Одним из наиболее содержательных документов ранней американской истории считается эссе №10, автором которого был *Джеймс Мэдисон* (1751-1836).

Федералист № 10
22 ноября 1787 г.

К народу штата Нью-Йорк.

В числе множества благ, которые сулит нам продуманно образованный Союз, ни одно не заслуживает более тщательного совершенствования, чем его стремление раскалывать общество и контролировать ожесточенность враждующих фракций. Ничто так не тревожит адепта идеи народных правительств в том, что касается их природы и будущего, как мысль о склонности народовластия к сему опасному злу. Поэтому он обязательно вынесет оценку любому проекту, который, не нарушая принципов, коих придерживается наш друг, предлагает надежное средство излечения. Нестабильность, несправедливость и смятение, привнесенные в органы народного самоуправления, были поистине смертельными болезнями, повсюду приводившими народные правительства к гибели, так как они продолжают оставаться излюбленными темами, в которых противники свободы черпают наиболее лицемерные доводы для своих разглагольствований. Весьма полезные усовершенствования, внесенные американскими конституциями в модели народной власти, как древние, так и современные, не могут не вызывать справедливого восхищения, но было бы неоправданным предубеждением считать, что они полностью устранили опасность подобного рода, как этого хотели и ждали.

Наши самые серьезные и добродетельные граждане, сторонники уважения как общественных и личных убеждений, так и общественной и личной свободы, повсеместно жалуются на то, что наши правительства слишком нестабильны, что за распрями соперничающих партий забывают об общественном благе и что меры слишком уж часто принимаются ими не с учетом законов справедливости и прав меньшинства, а по решению превосходящей силы заинтересованного и властного большинства. Сколь страстно ни желали бы мы, чтобы эти жалобы оказались безосновательными, известные факты не позволяют нам отрицать, что они в какой-то степени справедливы. Беспристрастное рассмотрение положения наших дел обнаруживает, что некоторая часть вины за обрушившиеся на нас несчастья ошибочно возлагается на действия наших правительств.

Но вместе с тем нельзя не видеть, что существуют и иные причины многих из наших тяжелейших бед, в особенности все еще сохраняющегося и растущего недоверия к государственным учреждениям и страха за права личности, которые испытывают наши граждане на всех оконечностях нашего континента. Все это является в основном, если не целиком, результатом неустойчивости и несправедливости, которыми дух фракционности заразил наше правительство.

Под фракцией я подразумеваю группу граждан – независимо от того, составляют они большинство или меньшинство целого, – которые объединены и побуждаются к действию неким общим эмоциональным влечением или интересом, противоречащим правам других граждан или долговременным и совокупным

интересам общества.

Существуют два способа избавления от вреда, причиняемого фракционностью: первый – устранить ее причины, второй – контролировать ее последствия.

В свою очередь, существуют два способа устранения причин, порождающих фракции: первый – уничтожить саму свободу, необходимую для их существования; второй – внушить всем гражданам одни и те же мысли, вызвать одни и те же чувства, одни и те же интересы.

Не может быть более справедливой характеристики первого из названных средств, чем то, что оно хуже самой болезни. Свобода для фракций все равно что воздух для огня – питание, без которого он немедленно гаснет. Но было бы не меньшей глупостью ликвидировать свободу, жизненно необходимую для политической жизни, лишь по той причине, что она питает фракционность, равно как желать уничтожения воздуха, без которого невозможна живая природа, лишь потому, что он придает огню разрушительную силу.

Второе средство столь же непрактично, сколь первое было бы неразумным. Пока человеческому разуму свойственно ошибаться, а человек вправе пользоваться им, неизбежно существование различных мнений. Пока сохраняется связь между разумом человека и его эгоизмом, его мнения и чувства будут взаимно влиять друг на друга и последние будут приспосабливаться к первым. Разнообразие способностей человека, откуда и берет свое происхождение право собственности, также является столь же непреодолимым препятствием на пути к единообразию интересов. Защита этих способностей является наиважнейшей целью правительства. Защита различных и неравных способностей приобретения собственности немедленно приводит к обладанию различными по степени и виду формами собственности, а из воздействия их на чувства и воззрения соответствующих собственников проистекает появление в обществе различных интересов и разделение его на различные партии.

Таким образом, скрытые причины фракционности заложены в человеческой природе, и мы видим, как они повсюду активизируются в различной степени в зависимости от обстоятельств жизни гражданского общества. Желание иметь различные точки зрения на религию, правительство и множество других проблем как теоретического, так и практического характера; приверженность различным лидерам, честолюбиво конкурирующим между собой за превосходство и власть над другими, или к другим личностям, чьи достоинства представляли интерес для порывов человеческой души, разделили, в свою очередь, людей на партии, разожгли в них взаимную вражду и сделали их более расположенными к взаимному раздражению и угнетению, чем к сотрудничеству во имя общего блага. Предрасположение людей к взаимной вражде столь велико, что и отсутствие существенных причин достаточно даже самых пустячных и надуманных различий, чтобы возбудить в них неприязненные страсти и привести их к жесточайшим конфликтам.

Но наиболее распространенным и стойким источником фракционности были многообразие форм собственности и неравномерность ее распределения. Те, кто обладает собственностью, и те, кто ею не обладает, всегда представляли вполне определенные интересы общества. Аналогичным образом отличаются друг от друга кредиторы и должники. Интересы земельные, производственные, коммерческие, финансовые наряду с другими, менее значимыми интересами неизбежно возникают в цивилизованных государствах и разделяют их на различные классы, руководствующиеся различными чувствами и взглядами. Регулирование этих разнообразных и противоречивых интересов составляет основную задачу современного законодательства и предполагает дух партийности и фракционности в диктуемой необходимостью и обычной деятельности правительства.

Ни одному человеку не дозволено быть судьей при рассмотрении дела, касающегося его лично, поскольку его собственные интересы, несомненно, сделают пристрастными его решения и, вполне вероятно, повредят его репутации. В равной степени – нет, даже с большим основанием – группе людей также не следует быть одновременно судьями и тяжущимися сторонами. А между тем чем являются многие важнейшие законодательные акты, как не судебными решениями, касающимися прав не только отдельных лиц, но и целых обществ? И кем являются различные классы законодателей, как не заинтересованными сторонами в тех самых делах, по которым они выносят решения? Скажем, предложен закон о частных долгах. Это вопрос, где с одной стороны выступают кредиторы, а с другой – должники. От правосудия требуется отнестись непредвзято как к той, так и к другой стороне. Однако стороны сами выступают, да и должны выступать, в роли судей, и от самой многочисленной стороны, или, другими словами, самой мощной фракции, следует ожидать, что она одержит верх. Нужно ли поощрять, и в какой степени, местных промышленников, вводя ограничения против иностранных? Это вопрос, который по-разному решат земледельцы и промышленники, и, возможно, ни те ни другие не станут руководствоваться законом или общественным благом. Распределение налогов пропорционально различным видам собственности представляется актом, требующим проявления высшей степени объективности, однако вряд ли найдется другой законодательный акт, который открывал бы перед господствующей партией столь широкие возможности и столь большой соблазн поправить правовые нормы. Ведь каждый шиллинг, который они отбирают у меньшинства, – это шиллинг, положенный в собственный карман.

Бессмысленно утверждать, будто просвещенные государственные мужи способны примирить эти сталкивающиеся интересы и заставить их служить общественному благу. Просвещенные государственные деятели не всегда будут стоять у кормила власти. К тому же во многих случаях может ли вообще быть предпринято подобное примирение, принимая во внимание косвенные и отдаленные последствия, которые лишь в редких случаях возобладают над насущными выгодами, извлекаемыми одной из сторон в ущерб

правам другой или в ущерб всеобщему благу.

Вывод, к которому мы приходим, заключается в том, что *причины*, порождающие фракционность, невозможно устранить и что спасение от фракционности следует искать в средствах, контролирующих ее *последствия*.

Если фракция объединяет меньшинство граждан, выход из положения предлагает сам принцип республиканского правления, позволяющий большинству нанести поражение пагубным взглядам с помощью простого голосования. Этот путь может связать правительство по рукам и ногам, он может потрясти общество, но фракция окажется неспособной осуществлять и маскировать насилие, прикрываясь положениями Конституции. В то же время, если во фракцию объединяется большинство населения, то форма народного правления дает возможность фракционерам принести в жертву своему главному увлечению или интересу как общественное благо, так и права другой части граждан. А потому высокая цель, стоящая перед нашими исследованиями, заключается в том, чтобы оградить общественное благо и права личности от опасностей, которыми грозит фракционность, и вместе с тем сохранить дух и форму народного правления. Позвольте мне добавить, что эта же цель является высшим *desideratum*⁹, с помощью которого эта форма правления может быть избавлена от *opprobrium*¹⁰, столь долго довлевшего над ней, и рекомендована человечеству в качестве заслуживающей уважения и одобрения.

Какими же средствами можно достичь этой цели? Очевидно, что лишь одним из возможных двух. Следует либо воспрепятствовать тому, чтобы большинство граждан одновременно разделяло одно и то же увлечение или преследовало один и тот же интерес, или же, если такое увлечение или интерес уже охватил это большинство, то это большинство должно быть с учетом местных условий обезврежено, дабы оно оказалось не в состоянии сговориться и осуществить свои тайные планы угнетения. Хорошо известно, что в случае совпадения побудительных причин и возможностей нельзя будет полагаться ни на нравственные, ни на религиозные соображения как средство достаточного контроля. Они не являются таковым и в случаях, связанных с несправедливостью и насилием в отношении отдельных лиц, и их действенность снижается в прямой пропорции к численности объединенных одним увлечением или интересом людей, т.е., иными словами, они становятся все менее эффективными по мере возрастания необходимости в их эффективности.

Исходя из таких взглядов на предмет исследования можно заключить, что чистая демократия, под которой я подразумеваю общество, состоящее из небольшого числа граждан, собирающихся вместе и лично осуществляющих правление, не располагает средством излечения вреда, наносимого фракционностью. Общее увлечение или интерес практически во всех случаях охватит на себе большинство. Форма правления сама по себе обеспечивает взаимное общение и согласие, и не существует ничего, что удержало бы от соблазна принести в жертву слабую сторону или какую-либо неугодную личность. По этой причине такие демократии всегда являли собой зрелище разгула страстей и раздоров, всегда оказывались несовместимыми с правом личности на безопасность или владение собственностью; в общем и целом они существовали недолго и умирали насильственной смертью. Политические теоретики, ратовавшие за демократический тип правления, ошибочно полагали, что в результате предоставления человечеству минимума в форме равенства в политических правах все люди окажутся равными и сгладятся все различия в их отношении к собственности, в их взглядах и увлечениях.

Республика, под которой я подразумеваю систему правления, осуществляющего представительную власть, открывает иные перспективы и сулит найти искомые нами целебные средства. Рассмотрим по пунктам, чем же республика отличается от чистой демократии, и тогда мы поймем природу этого лекарства и его эффективность, получаемую в результате создания союза штатов.

Двумя основными отличиями республики от демократии являются: во-первых, делегирование функции правления в республике небольшому числу граждан, избираемых остальными; во-вторых, большее число граждан и более обширная часть страны, на которую может быть распространена власть республики.

Результатом первого отличия республики является, в частности, то, что общественные взгляды совершенствуются и расширяется общественный кругозор, поскольку эти взгляды просеиваются через выборный орган, состоящий из граждан, чья мудрость позволяет наилучшим образом определить истинные интересы страны и чей патриотизм и стремление к справедливости с наибольшей вероятностью не допустят принесения их в жертву сиюминутным или своекорыстным соображениям. В таких условиях вполне может оказаться, что общественное мнение, выраженное представителями народа, будет в большей степени соответствовать общественному благу, чем в том случае, если его будет высказывать сам собравшийся с этой целью народ. Однако результат может быть и обратным. С помощью интриг, подкупа и других средств представителями народа могут оказаться лица, одержимые разногласиями, приверженные местным предрассудкам или таящие злоешие замыслы. Победив на выборах, они затем предадут интересы народа. Отсюда возникает вопрос: какая республика – малая или крупная – в большей степени способна избрать истинных защитников народного блага? Два очевидных довода свидетельствуют в пользу крупной.

Прежде всего следует отметить, что, сколь мала ни была бы республика, избранных представителей

⁹ Желаемое (лат.). – Прим. пер.

¹⁰ Позор, бесчестье (лат.). – Прим. пер.

должно быть достаточно, чтобы они могли охранять ее от тайных сговоров небольшого числа лиц, и, как бы велика республика ни была, представителей должно быть определенное количество, что позволяет предотвращать беспорядки, вносимые толпой. Стало бы, если число представителей в обоих случаях не является прямо пропорциональным числу избирателей (а в небольшой республике пропорционально превосходит число граждан), то из этого следует, что в случае, если отношение числа достойных лиц к общему числу граждан в крупной республике не меньше, чем в малой, первая предоставляет большие возможности выбора и, следовательно, большую вероятность того, что он будет правильным.

Далее, поскольку в крупной республике каждый представитель будет избран большим числом голосов, чем в малой, недостойному кандидату будет гораздо труднее добиться успеха в использовании недостойных методов, слишком часто практикуемых в ходе выборов; а волеизъявление граждан, будучи более свободным, с большей вероятностью предпочтет людей, обладающих самыми привлекательными качествами, равно как и наиболее широко признанной и устоявшейся репутацией.

Следует признать, что здесь, как и в большинстве других случаев, существует золотая середина, по обе стороны которой наличествуют сложности. Чрезмерно увеличивая число выборщиков, мы обрекаем представителей на недостаточную осведомленность о всех местных обстоятельствах и интересах, равно как и, чрезмерно уменьшая это число, обрекаем выборщиков на излишнюю привязанность к местным особенностям и тем самым лишаем их способности учитывать и защищать важные общенациональные интересы. В этом отношении федеральная Конституция являет собой удачное сочетание: решение важных и всеобщих проблем передается в ведение общенациональных законодателей, а дел частных и местных – законодательным органам штатов.

Другое отличие республики от демократии состоит в том, что республиканская форма правления предусматривает вовлечение в нее большего числа граждан и охват большей территории, и именно это обстоятельство делает фракционные объединения в условиях республики менее опасными, чем при демократии. Чем малочисленнее общество, тем меньше в нем, возможно, отличных друг от друга партий и интересов; чем меньше отличных друг от друга партий и интересов, тем чаще большинство граждан оказываются приверженцами одной партии, а чем меньше число лиц, составляющих большинство, и чем меньше территория, на которой они находятся, тем легче им договориться между собой и осуществить свои планы установления тирании. Расширьте сферу действий – и у вас возникнет большее разнообразие партий и интересов, значительно уменьшится вероятность того, что у большинства появится общий повод покушаться на права остальных граждан, а если таковой возникнет, всем, у кого он имеется, будет труднее осознать свою силу и действовать заодно. Помимо других препятствий, следует отметить, что в тех случаях, когда осознаются несправедливые и бесчестные цели, объединение затрудняется недоверием, прямо пропорциональным числу людей, в чьем согласии ощущается необходимость.

Отсюда со всей ясностью следует, что всеми преимуществами, которыми обладает республика перед демократией в контроле над фракционной деятельностью, обладает и крупная республика перед малой, и то же самое можно сказать о союзе штатов по отношению к отдельным штатам, в него входящим. Заключается ли это преимущество в избрании представителей, чьи просвещенные взгляды и добродетели позволяют им возвыситься над местными предрассудками и несправедливыми замыслами? Не станем отрицать, что представительство Союза, скорее всего, будет обладать этими необходимыми достоинствами. Заключается ли это преимущество в большей гарантии безопасности вследствие большего разнообразия партий во избежание такой ситуации, когда какая-то одна партия могла бы превзойти по численности и подавить все остальные? Аналогично: возрастает ли безопасность в результате увеличения разнообразия партий в рамках Союза? Наконец, заклучается ли преимущество Союза в том, что возникает больше препятствий на пути сговора и реализации тайных желаний несправедливого и заинтересованного большинства? И в этом опять-таки размеры Союза обеспечивают ему ощутимые преимущества.

Лидеры фракционных групп могут разжечь пламя в пределах своего конкретного штата, но им будет не под силу распространить пожар на остальные штаты. Та или иная религиозная секта может вырождаться в политическую фракцию на какой-то части Конфедерации, но множество разных сект, раскиданных на ее огромных пространствах, должно защитить наши национальные собрания от опасностей, исходящих из этого источника. Буря вокруг проблемы бумажных денег, ликвидации долгов, равного распределения собственности и прочих недостойных и злоумышленных проектов в гораздо меньшей степени способна поразить весь Союз, чем какую-то отдельную часть его, точно также, как недуг скорее поразит отдельное графство или район, нежели целый штат.

Таким образом, в самой масштабности территории и надлежащей структуре Союза мы видим республиканское средство от недугов, которым чаще всего подвержены республиканские правительства. И в полном соответствии с той степенью удовлетворения и гордости, которые мы ощущаем, будучи республиканцами, нам следует со всей энергией и целеустремленностью лелеять дух и поддерживать высокую репутацию федералистов.

Публий

The Federalist Papers. N.Y., 1961.

Парижский договор 1783 г. поставил точку на войне североамериканских колоний за свою независимость. Но будущее бывших колонистов оставалось неясным. Американцам предстояло определить, в каком государстве они будут жить, какими будут основы его политической системы, органы центральной власти и их функции, а также разработать законы, регулирующие взаимоотношения как между ними, так и между государством и обществом.

Несмотря на достигнутый недавними американскими колониями британской короны успех в достижении независимости, общество раздирали многочисленные противоречия между столь же многочисленными политическими и экономическими группировками, преследовавшими подчас противоположные интересы. Будущее американского государства, как и на протяжении всех предшествующих десятилетий, находилось в руках немногочисленных представителей состоятельных слоев населения. Существовавшие с 1777 г. Статьи Конфедерации, продекларировавшие республиканскую систему правления и провозгласившие Континентальный конгресс полноправным правительством американского государства, оказались слабым инструментом государственного контроля над жизнью общества. Они не отвечали новым условиям, которые сложились после окончания Войны за независимость (1775-1783).

Первые шаги по пересмотру действующих законов американского государства стали предприниматься уже в 1785 г. В сентябре 1786 г. в ходе работы Аннаполисского конвента была принята резолюция, подготовленная Александром Гамильтоном (1755-1804), которая признала необходимость привести форму федерального правления в соответствие с «велениями времени». Уже в феврале 1787 г. Континентальный конгресс обратился ко всем штатам с предложением направить своих делегатов на намечаемый на май того же года Филадельфийский конвент (переименованный позднее в Конституционный конвент) с «единственной и срочной целью пересмотра Статей Конфедерации». В работе конвента приняли участие представители двенадцати штатов (Род-Айленд отказался). 17 сентября 1787 г. 39 делегатов из 40 присутствовавших на заключительном заседании конвента подписались под текстом Конституции Соединенных Штатов Америки. Но лишь 2 июля 1788 г., после того как она была утверждена девятым штатом (им стал Нью-Хэмпшир) и после получения конгрессом информации об этом факте, Конституция стала Основным законом страны.

Мы, народ Соединенных Штатов, в целях образования более совершенного союза, утверждения правосудия, охраны внутреннего спокойствия, организации совместной обороны, содействия общему благосостоянию и обеспечения нам и нашему потомству благ свободы, устанавливаем и принимаем эту Конституцию для Соединенных Штатов Америки.

Статья I

Раздел 1. Все установленные здесь полномочия законодательной власти принадлежат Конгрессу Соединенных Штатов, который состоит из Сената и Палаты представителей.

Раздел 2. Палата представителей состоит из членов, избираемых раз в два года населением каждого из штатов; при этом избиратели каждого из штатов должны отвечать тем же требованиям, которые установлены для избирателей наиболее многочисленной палаты Законодательного собрания штата.

Не может быть представителем тот, кто не достиг двадцатипятилетнего возраста, не состоит в течение семи лет гражданином Соединенных Штатов и не является в момент избрания жителем того штата, где он избирается.

Представители и прямые налоги распределяются между отдельными штатами, могущими вступить в настоящий Союз, пропорционально численности их населения, для определения которой к числу всех свободных людей, включая лиц, находящихся в услужении на определенный срок, и исключая не платящих налогов индейцев, прибавляется три пятых всех прочих лиц.

Настоящее исчисление населения производится в течение трех лет после первой сессии Конгресса Соединенных Штатов, а затем через каждые десять лет в порядке, который будет установлен специальным законом. От каждых тридцати тысяч жителей не может быть избрано более одного представителя. До производства такого исчисления населения штат Нью-Хэмпшир избирает трех представителей, Массачусетс – восемь, Род-Айленд и колония Провиденс – одного, Коннектикут – пять, Нью-Йорк – шесть, Нью-Джерси – четырех, Пенсильвания – восемь, Делавэр – одного, Мэриленд – шесть, Вирджиния – десять, Северная Каролина – пять, Южная Каролина – пять и Джорджия – трех.

При открытии вакансий в представительстве от какого-либо штата исполнительная власть последнего назначает выборы для заполнения этих вакансий.

Палата представителей избирает своего спикера и других должностных лиц; ей одной принадлежит право возбуждать преследование в порядке импичмента.

Раздел 3. В состав Сената Соединенных Штатов входят по два сенатора от каждого штата, избираемые на шесть лет Законодательными собраниями соответствующих штатов; каждый сенатор имеет один голос.

Немедленно вслед за тем, как сенаторы соберутся после первых выборов, они разделяются на три по возможности равные группы. Места сенаторов первой группы становятся вакантными по истечении второго года, второй группы – по истечении четвертого года и третьей группы – по истечении шестого года, так чтобы одна треть избиралась вновь каждые два года; если вследствие отставки или по другой причине вакансии откроются в перерыве между сессиями Законодательного собрания штата, исполнительная власть последнего может произвести временные назначения впредь до следующей сессии Законодательного собрания, которое и заполняет эти вакансии.

Не может быть сенатором тот, кто не достиг тридцатилетнего возраста, не состоит в течение девяти лет

гражданином Соединенных Штатов и не является в момент избрания жителем того штата, где он избирается.

Вице-президент Соединенных Штатов является председателем Сената, но может голосовать лишь в том случае, если голоса разделятся поровну.

Сенат избирает других своих должностных лиц, а также временного президента Сената (president pro tempore) в случаях отсутствия вице-президента или исполнения последним обязанностей Президента Соединенных Штатов.

Сенату принадлежит исключительное право осуществления суда в порядке импичмента. Заседая с этой целью, сенаторы приносят присягу или делают торжественное заявление. Если подсудимым является Президент Соединенных Штатов, председательствует председатель Верховного суда. Ни одно лицо не может быть осуждено без согласия двух третей присутствующих сенаторов.

Приговор в случаях импичмента ограничивается отстранением от должности и лишением права занимать какую-либо почетную, ответственную или оплачиваемую должность на службе Соединенных Штатов. Однако в дальнейшем тем не менее производится расследование, отстраненному от должности предъявляется обвинение, он предается суду и несет, согласно приговору, наказание в соответствии с законом.

Раздел 4. Время, место и порядок избрания сенаторов и представителей устанавливаются в каждом штате его Законодательным собранием; но Конгресс может в любое время издать закон, устанавливающий или изменяющий подобного рода правила, за исключением правил о месте выборов сенаторов.

Конгресс собирается не реже одного раза в год, а его сессии начинаются в первый понедельник декабря, если законом не будет установлен другой день.

Раздел 5. Каждая палата решает вопросы, касающиеся результатов выборов, полномочий и правомочности избрания ее членов, и большинство каждой из палат составляет кворум, необходимый для ведения дел. Но палата и в меньшем составе может переносить заседания с одного дня на другой и имеет право применять к отсутствующим членам предусмотренные каждой палатой меры воздействия с целью обеспечить посещение ими заседаний.

Каждая палата может устанавливать регламент своих заседаний, наказывать своих членов за нарушение порядка и двумя третями голосов исключать их из своего состава.

Каждая палата ведет журнал своих заседаний и периодически публикует его, за исключением тех разделов, которые, по ее заключению, носят секретный характер; сведения о голосах «за» и «против», поданных членами каждой палаты по тому или иному вопросу, по желанию одной пятой присутствующих вносятся в журнал.

Во время сессии Конгресса ни одна из палат не может без согласия другой палаты отсрочить свои заседания более чем на три дня или назначить их не в том месте, в котором должны заседать обе палаты.

Раздел 6. Сенаторы и представители получают за свою службу вознаграждение, устанавливаемое законом и выплачиваемое Казначейством Соединенных Штатов. Во всех случаях, кроме измены, совершения тяжкого уголовного преступления и нарушения общественного порядка, они не могут быть подвергнуты аресту во время их присутствия на сессии соответствующей палаты, а также следования в палату и возвращения из нее; за речи и высказывания в палатах они не могут привлекаться к ответственности ни в каком другом месте.

Ни один сенатор или представитель не может быть назначен в течение времени, на которое он избран, на какую-либо гражданскую должность на службе Соединенных Штатов, если эта должность была создана или связанное с ней жалование было увеличено в названный период, и ни одно лицо, занимающее какую-либо должность на службе Соединенных Штатов, не может быть членом одной из палат, пока состоит в этой должности.

Раздел 7. Все законопроекты по сборам поступлений дохода исходят от Палаты представителей, но Сенат может предлагать поправки к ним и участвовать в их обсуждении, так же как и в обсуждении других законопроектов.

Каждый законопроект, принятый Палатой представителей и Сенатом, прежде чем стать законом, представляется Президенту Соединенных Штатов. Если он одобряет законопроект, то подписывает его, в противном же случае возвращает законопроект со своими возражениями в ту палату, которой последний был предложен, а палата вносит все возражения Президента в свой журнал и пересматривает законопроект. Если при таком новом рассмотрении законопроект будет утвержден двумя третями голосов палаты, он вместе с возражениями Президента пересылается в другую палату, которая также пересматривает законопроект, и последний в случае принятия его двумя третями голосов этой палаты становится законом. Во всех указанных случаях обе палаты применяют поименный порядок голосования, и имена лиц, голосовавших за законопроект или против него, вносятся в журнал соответствующей палаты. Если законопроект не будет возвращен Президентом в течение десяти дней (не считая воскресных дней) после того, как он был ему представлен, законопроект становится законом, так же как если бы он был подписан Президентом. Законопроект не становится законом только в случае, если он не мог быть

возвращен в Конгресс ввиду того, что последний отсрочил свои заседания.

Все постановления, резолюции или решения, для которых необходимо совместное участие Сената и Палаты представителей (за исключением решений об отсрочке заседаний), представляются Президенту Соединенных Штатов и только после его одобрения вступают в силу. В случае же неодобрения они должны быть снова утверждены двумя третями голосов Сената и Палаты представителей в соответствии с теми правилами и условиями, которые установлены в отношении законопроекта.

Раздел 8. Конгресс имеет право:

устанавливать и взимать налоги, пошлины, подати и акцизные сборы или того, чтобы уплачивать долги и обеспечивать совместную оборону и общее благосостояние Соединенных Штатов; причем все пошлины, подати и акцизные сборы должны быть единообразны на всей территории Соединенных Штатов;

заключать займы от имени Соединенных Штатов;

регулировать торговлю с иностранными государствами, между отдельными штатами и с индейскими племенами;

устанавливать единообразные правила о натурализации и единообразные законы о неплатежеспособности на всей территории Соединенных Штатов;

чеканить монету, регулировать ее ценность и ценность иностранной монеты, устанавливать единицы мер и весов;

устанавливать наказания за подделку государственных ценных бумаг и находящейся в обращении монеты Соединенных Штатов;

учреждать почтовые службы и почтовые пути;

поощрять развитие наук и полезных искусств, обеспечивая на определенный срок авторам и изобретателям исключительное право на их произведения и открытия;

учреждать подчиненные Верховному суду судебные органы;

определять и карать морской разбой, тяжкие преступления, совершенные в открытом море, и другие нарушения международного права;

объявлять войну, выдавать каперские свидетельства¹¹ и разрешения на репрессалии¹² и устанавливать правила относительно захватов на суше и на море;

набирать и содержать армии, однако никакие денежные ассигнования в этих целях не должны производиться более чем на двухлетний срок;

создавать и содержать флот;

издавать правила по управлению и организации сухопутных и морских сил;

созывать народное ополчение для проведения в жизнь законов Союза, подавления восстаний и отражения нападений;

принимать меры по организации, вооружению и дисциплинированию народного ополчения и по управлению той его частью, которая используется на службе Соединенных Штатов, сохраняя за штатами право назначения офицеров и обучения народного ополчения в соответствии с уставными правилами, утвержденными Конгрессом;

пользоваться во всех случаях исключительной законодательной властью в предоставленном каким-либо из штатов округе (не превышающем десяти квадратных миль), который с одобрения Конгресса станет местопребыванием Правительства Соединенных Штатов, а также осуществлять подобную же власть на всех территориях, приобретенных с согласия Законодательного собрания штата, которые станут местопребыванием Правительства, для постройки фортов, казенных складов, арсеналов, доков и других необходимых сооружений;

издавать все законы, которые будут необходимы для осуществления как вышеуказанных прав, так и всех других прав, которыми настоящая Конституция наделяет Правительство Соединенных Штатов, его департаменты или должностных лиц.

Раздел 9. Конгресс до тысяча восьмьсот восьмого года не может запрещать перемещение или ввоз таких лиц, которых какой-либо из существующих ныне штатов сочтет нужным допустить, но такой ввоз может облагаться пошлиной или налогом, не превышающим десяти долларов с каждого лица.

Не допускается какая-либо приостановка действия habeas corpus¹³, если только этого не потребует общественная безопасность в случае мятежа или вторжения.

Не могут приниматься законопроекты о лишении гражданских и имущественных прав и какие-либо законы

¹¹ **Каперство** – захват (с ведома своего правительства) частными судами неприятельских коммерческих судов или кораблей нейтральных стран, перевозящих грузы для воюющей страны. Запрещено в 1856 г. – *Прим. сост.*

¹² **Репрессалии** – принудительные меры, применяемые одним государством в ответ на неправомерные действия другого государства. – *Прим. сост.*

¹³ **Право задержанного на рассмотрение судом законности его ареста (лат.).** – *Прим. сост.*

ex post facto¹⁴.

Не допускается обложение подушной податью или иными прямыми налогами иначе, как сообразно с переписью или упомянутым выше исчислением населения.

Не могут налагаться налоги или пошлины на предметы, вывозимые из какого-либо штата.

Не должно оказываться предпочтение гаваням одного штата перед гаванями другого посредством каких-либо торговых или финансовых предписаний, а суда, следующие в какой-нибудь штат или из штата, не могут принуждаться к заходу в гавань другого штата, разгрузке и уплате там пошлины.

Никакие денежные выдачи из Казначейства не могут производиться иначе, как согласно установленным законом назначениям, а подробные отчеты о государственных доходах и расходах подлежат периодическому опубликованию.

Соединенные Штаты не жалуют никаких дворянских титулов, и ни одно лицо, занимающее какую-нибудь оплачиваемую или почетную должность на службе Соединенных Штатов, не может без согласия Конгресса принять тот или иной дар, вознаграждение, должность или титул от какого-либо короля, принца или иностранного государства.

Раздел 10. Ни один штат не может вступать в договоры, союзы или конфедерации; выдавать каперские свидетельства и разрешения на репрессалии; чеканить монету; выпускать кредитные билеты; допускать уплату долгов чем-либо, кроме золотой и серебряной монеты; принимать законопроекты о лишении гражданских и имущественных прав, законы ex post facto или законы, нарушающие обязательства по договорам, а также жаловать дворянские титулы.

Ни один штат не может без согласия Конгресса облагать пошлинами или сборами импорт и экспорт товаров, за исключением случаев, когда и о необходимо для осуществления законов штата об инспекции; причем чистый доход со всех сборов и пошлин, наложенных штатом на импорт и экспорт, поступает в пользу Казначейства Соединенных Штатов, а все такого рода законы подлежат пересмотру и контролю Конгресса.

Ни один штат не может без согласия Конгресса устанавливать какие-либо тоннажные сборы, содержать в мирное время войска или военные корабли, входить в соглашения или заключать договоры с другим штатом или иностранным государством, а также вступать в войну, если только он не подвергся нападению или не находится в такой непосредственной опасности, при которой недопустимо промедление.

Статья II

Раздел 1. Исполнительная власть осуществляется Президентом Соединенных Штатов Америки. Он состоит в своей должности в продолжение четырехлетнего срока, и выборы его и избираемого на тот же срок вице-президента производятся следующим образом.

Каждый штат назначает в установленном его Законодательным собранием порядке выборщиков в количестве, равном общему числу сенаторов и представителей, которых штат имеет право посылать в Конгресс; но не могут назначаться выборщиками сенаторы, представители и лица, занимающие почетные или оплачиваемые должности на службе Соединенных Штатов.

Выборщики собираются по своим соответствующим штатам и выбирают тайным голосованием двух лиц, из которых хотя бы одно не должно быть жителем одного с ними штата. Затем они составляют список всех лиц, за которых подавались голоса, с указанием числа голосов, поданных за каждого из них. Список подписывается и удостоверяется выборщиками, а затем пересылается в запечатанном виде в местопребывание Правительства Соединенных Штатов на имя председателя Сената. Председатель Сената в присутствии Сената и Палаты представителей вскрывает все удостоверенные списки, после чего производится подсчет голосов. Лицо, получившее наибольшее число голосов, становится Президентом, только если это число превышает половину всего числа выборщиков. Если же это большинство голосов получили несколько человек и за них подано равное число голосов, то Палата представителей непосредственно избирает тайным голосованием одного из них Президентом. Если же ни одно лицо не соберет большинства голосов, то Палата представителей в таком же порядке избирает Президента из числа пяти лиц, получивших наибольшее число голосов. При этом при избрании Президента голоса подаются по штатам, и представительство каждого штата имеет один голос; избирательный кворум для этих целей составляют две трети штатов, а для избрания необходимо большинство всех штатов. Лицо, получившее после избрания Президента наибольшее число голосов, в любом случае считается вице-президентом. Если же окажется, что несколько лиц имеют равное количество голосов, то Сенат избирает из них вице-президента тайным голосованием.

Конгресс может определить время избрания выборщиков и день, в который они подают свои голоса; этот день должен быть единым для всей территории Соединенных Штатов.

Не может быть избран на должность Президента тот, кто не является гражданином Соединенных Штатов по рождению или не был гражданином Соединенных Штатов во время утверждения настоящей Конституции. Равным образом не может быть избран на эту должность тот, кто не достиг тридцатипятилетнего возраста и

¹⁴ Законы с обратной силой действия (лат.). – Прим. сост.

не имел в течение четырнадцати лет постоянного жительства в Соединенных Штатах.

В случае отстранения Президента от должности или его смерти, отставки либо неспособности осуществлять связанные с должностью права и обязанности последние переходят к вице-президенту. На случай отстранения, смерти, отставки или неспособности Президента и вице-президента Конгресс может установить законом, какое должностное лицо должно действовать как Президент и будет заменять такового до устранения причин, препятствующих Президенту осуществлять свои обязанности, или до избрания нового Президента.

Президент в установленные сроки получает за свою службу вознаграждение, которое не может увеличиваться или уменьшаться в течение периода, на который он избран; в течение этого периода он не может получать какое-нибудь другое денежное вознаграждение от Соединенных Штатов или от какого-либо из штатов.

Перед вступлением в должность Президент приносит присягу или даст торжественное обещание: «Я торжественно клянусь (обещаю), что буду честно выполнять обязанности Президента Соединенных Штатов и по мере своих сил охранять, защищать и поддерживать Конституцию Соединенных Штатов».

Раздел 2. Президент является главнокомандующим армии и флота Соединенных Штатов и народного ополчения отдельных штатов, когда оно призывается на действительную службу Соединенных Штатов; он может требовать от руководителя каждого исполнительного департамента письменное мнение по любому вопросу, относящемуся к его компетенции; он имеет право отсрочки исполнения приговоров, а также помилования за преступления, совершенные против Соединенных Штатов, за исключением случаев осуждения в порядке импичмента.

Он имеет право по совету и с согласия Сената заключать международные договоры при условии их одобрения двумя третями присутствующих сенаторов; по совету и с согласия Сената назначать послов и иных полномочных представителей и консулов, судей Верховного суда, а также всех других должностных лиц Соединенных Штатов, о назначении которых в настоящей Конституции нет иных постановлений и должности которых установлены законом. Однако Конгресс может законом предоставить право назначения низших должностных лиц, каких найдет нужным, единолично Президенту, судам или главам департаментов.

Президент имеет право замещать все вакансии, которые откроются в период между сессиями Сената, предоставляя должностные полномочия на срок до окончания ближайшей сессии Сената.

Раздел 3. Президент периодически представляет Конгрессу отчет о состоянии Союза и предлагает на его усмотрение такие меры, которые сочтет необходимыми и полезными; в экстренных случаях он созывает обе палаты или одну из них, а в случае разногласий между палатами по поводу времени отсрочки сессий сам переносит их на такое время, какое сочтет необходимым; он принимает послов и других полномочных представителей, обеспечивает точное соблюдение законов и определяет полномочия должностных лиц Соединенных Штатов.

Раздел 4. Президент, вице-президент и все гражданские должностные лица Соединенных Штатов отстраняются от должности, если при осуждении в порядке импичмента они будут признаны виновными в измене, взяточничестве или других тяжких преступлениях и проступках.

Статья III

Раздел 1. Судебная власть Соединенных Штатов осуществляется Верховным судом и теми низшими судами, которые будут время от времени учреждаться Конгрессом. Как судьи Верховного суда, так и судьи низших судов сохраняют свои должности, пока их поведение является безупречным; в установленные сроки они получают за свою службу вознаграждение, которое не может быть уменьшено, пока они состоят в должности.

Раздел 2. Судебная власть распространяется на все дела, решаемые по закону и праву справедливости, возникающие на основе настоящей Конституции, законов Соединенных Штатов и заключаемых Соединенными Штатами международных соглашений; на все дела, касающиеся послов, других полномочных представителей и консулов; на все дела Адмиралтейства и другие морские дела; на все споры, в которых Соединенные Штаты являются стороной; на все споры между двумя или более штатами, между штатом и гражданами другого штата, между гражданами различных штатов, между гражданами одного штата по искам о землях, полученных в дар от различных штатов, а также между штатом или его гражданами и иностранными государствами, гражданами или подданными.

Все дела, касающиеся послов, других полномочных представителей и консулов, а также дела, в которых одной из сторон является штат, подсудим Верховному суду в качестве первой инстанции. Во всех других ранее упомянутых случаях Верховный суд является апелляционной инстанцией, решающей вопрос как права, так и факта с теми ограничениями и в соответствии с теми правилами, которые будут установлены Конгрессом.

Все дела о преступлениях, за исключением рассматриваемых в порядке импичмента, подсудны суду присяжных. Судебное разбирательство происходит в том штате, где было совершено преступление; а если оно было совершено вне пределов штата, то суд происходит в том месте (или местах), которое будет предусмотрено в законе, изданном Конгрессом.

Раздел 3. Под изменой Соединенным Штатам понимается только ведение войны против них, присоединение к их врагам, оказание им помощи и услуг. Никто не может быть признан виновным в измене, если это не будет подтверждено показаниями двух свидетелей инкриминируемого акта или собственным признанием обвиняемого в открытом судебном заседании.

Конгресс имеет право определять наказание за измену, но осуждение за измену не должно влечь за собой лишение прав или конфискацию имущества иначе, как при жизни осужденного.

Статья IV

Раздел 1. В каждом штате должны пользоваться уважением и полным доверием публичные акты, официальные документы и судебные решения всякого другого штата. Конгресс может посредством общих законов предписывать способы удостоверения подлинности таких актов, документов и судебных решений, а также их силы.

Раздел 2. Граждане каждого штата имеют право на все привилегии и личную неприкосновенность граждан других штатов.

Лицо, обвиненное в каком-либо штате в измене, тяжком уголовном или ином преступлении, скрывающееся от правосудия и обнаруженное в другом штате, подлежит по требованию исполнительной власти штата, из которого оно бежало, выдаче для препровождения в штат, юрисдикции которого подлежит это преступление.

Ни одно лицо, обязанное к службе или работе в каком-либо из штатов согласно его законам и бежавшее в другой штат, не может на основании законов или постановлений последнего освободиться от этой службы или работы и должно быть выдано по требованию стороны, которая имеет право на такую службу или работу.

Раздел 3. Конгресс может принимать в Союз новые штаты, но не может образовывать или учреждать новые штаты в пределах юрисдикции другого штата; равным образом не могут без согласия Законодательных собраний заинтересованных штатов и Конгресса образовываться новые штаты путем слияния двух или более штатов или их частей.

Конгресс вправе распоряжаться территорией или иной собственностью, принадлежащей Соединенным Штатам, и издавать в связи с этим все необходимые правила и постановления, но ничто в этой Конституции не может толковаться в ущерб законным притязаниям Соединенных Штатов или какого-либо отдельного штата.

Раздел 4. Соединенные Штаты гарантируют каждому штату в настоящем Союзе республиканскую форму правления и охрану каждого из них от нападения извне, а по просьбе Законодательного собрания или исполнительной власти (когда Законодательное собрание не может быть созвано) и от внутренних насилий.

Статья V

Если две трети членов обеих палат сочтут необходимым, Конгресс вносит поправки к настоящей Конституции или же по требованию Законодательных собраний двух третей штатов созывает Конвент для внесения поправок, которые в обоих случаях приобретают обязательную силу и значение как часть Конституции, если будут ратифицированы Законодательными собраниями трех четвертей штатов или же Конвентами в трех четвертях штатов, смотря по тому, какой из этих двух способов ратификации предложит Конгресс. Однако никакая поправка, принятая до тысяча восьмисот восьмого года, не может как-либо затрагивать первый и четвертый параграфы девятого раздела первой статьи, и ни один штат без его согласия не может быть лишен равного с другими голоса в Сенате.

Статья VI

Все долги и обязательства, существовавшие до принятия настоящей Конституции, сохраняют для Соединенных Штатов такую же юридическую силу, какую они имели при Конфедерации.

Настоящая Конституция и законы Соединенных Штатов, изданные в ее исполнение, равно как и все договоры, которые заключены или будут включены Соединенными Штатами, являются высшими законами страны, и судьи каждого штата обязаны к их исполнению, хотя бы в Конституции и законах отдельных штатов встречались противоречащие постановления.

Вышеупомянутые сенаторы и представители, равно как члены Законодательных собраний отдельных штатов, а также все должностные лица исполнительной и судебной властей Соединенных Штатов и отдельных штатов, обязываются присягой или обещанием к соблюдению настоящей Конституции. При этом никогда не будет требоваться принадлежность к какой-либо религии в качестве условия для занятия какой-либо должностной или исполнения какой-нибудь общественной обязанности в Соединенных Штатах.

Статья VII

Ратификация Конвентами девяти штатов является достаточной для принятия этой Конституции теми штатами, которые утвердили ее в указанном порядке.

Утверждена на Конвенте с общего одобрения присутствующих штатов семнадцатого сентября тысяча семьсот восемьдесят седьмого года от Рождества Христова и в двенадцатом году

независимости Соединенных Штатов Америки.

В удостоверение чего мы поставили здесь свои подписи.

С подлинным верно:

Уильям Джексон,
секретарь

Джордж Вашингтон,
председатель и депутат от Вирджинии

[Далее следуют подписи 38 делегатов от 12 штатов.]

Padover S. K. The Living U.S. Constitution. N.Y., 1963.

БИЛЛЬ О ПРАВАХ (BILL OF RIGHTS)

Отсутствие в тексте Конституции Соединенных Штатов Америки статей, гарантирующих гражданские права, уже в первые годы существования американского государства стало одной из основных тем политических разногласий, ассоциировавшихся со специфическими групповыми и партийными интересами. От президента, правительства и конгресса ожидали обещанного еще Конституционным конвентом правового документа, который гарантировал бы гражданам страны их права и свободы.

На протяжении четырех лет после принятия Конституции в конгресс стекались многочисленные предложения штатов. Основные из предложенных поправок нашли отражение в подготовленных *Джеймсом Мэдисоном* (1751-1836) дополнениях, содержащих гарантии прав на свободу вероисповедания, слова и печати, свободу собраний, прав на хранение и ношение оружия, на неприкосновенность личности и жилища, на справедливое отправление правосудия и введение суда присяжных. Эти статьи составили десять первых поправок к Конституции США, утвержденных конгрессом 25 сентября 1791 г. После ратификации этих поправок законодательными собраниями штатов с 15 декабря 1791 г. они стали составной частью Конституции США под общим названием «Билль о правах».

Статья I

Конгресс не должен издавать законов, устанавливающих какую-либо религию или запрещающих ее свободное исповедание, ограничивающих свободу слова или печати или право народа мирно собираться и обращаться к Правительству с петициями о прекращении злоупотреблений.

Статья II

Поскольку для безопасности свободного государства необходимо хорошо организованное народное ополчение, право народа хранить и носить оружие не подлежит ограничениям.

Статья III

В мирное время ни один солдат не должен помещаться на постой в какой-либо дом без согласия его владельца; во время же войны это допуска-с ген только в порядке, установленном законом.

Статья IV

Право народа на неприкосновенность личности, жилища, бумаг и имущества не может нарушаться необоснованными обысками или арестами, и ордера на обыск или арест не будут выдаваться без достаточных оснований, подтвержденных присягой или торжественным заявлением. Такие ордера должны содержать подробное описание места обыска, а также подлежащих аресту лиц или имущества.

Статья V

Никто не должен привлекаться к ответственности за тяжкое или иное позорящее преступление иначе, как по постановлению или обвинению, вынесенному присяжными Большого жюри, за исключением случаев возбуждения дел, касающихся состава сухопутных и морских сил либо народного ополчения в период, когда последнее в связи с войной или угрожающей обществу опасностью находится на действительной службе; никто не должен дважды отвечать жизнью или телесной неприкосновенностью за одно и то же преступление; никто не должен принуждаться свидетельствовать против самого себя в уголовном деле; никто не должен лишаться жизни, свободы или имущества без законного судебного разбирательства. Никакая частная собственность не должна отбираться для общественного пользования без справедливого вознаграждения.

Статья VI

Во всех случаях уголовного преследования обвиняемый имеет право на скорый и публичный суд беспристрастных присяжных того штата и округа, где было совершено преступление, причем этот округ должен быть заранее установлен законом; обвиняемый имеет право требовать, чтобы ему сообщили о характере и мотивах обвинения и дали очную ставку с показывающими против него свидетелями; обвиняемый может требовать принудительного вызова своих свидетелей и пользоваться помощью адвоката для защиты.

Статья VII

По судебным делам, основанным на общем праве, с суммой иска, превышающей двадцать долларов, сохраняется право на суд присяжных, и факт, рассмотренный присяжными, не должен подвергаться пересмотру каким-либо судом Соединенных Штатов иначе, как на основе положений общего права.

Статья VIII

Не должны требоваться непомерно большие залоги, взыскиваться чрезмерные штрафы, налагаться жестокие и необычные наказания.

Статья IX

Перечисление в Конституции определенных прав не должно толковаться как отрицание или умаление других прав, сохраняемых народом.

Статья X

Полномочия, не предоставляемые настоящей Конституцией Соединенным Штатам и не запрещенные ею штатам, остаются за штатами или за народом.

World Almanac and Book of Facts, 2003. N.Y., 2003.

ПОПРАВКИ К КОНСТИТУЦИИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ (AMENDMENTS TO THE CONSTITUTION OF THE UNITED STATES OF AMERICA)

После принятия в 1791 г. первых десяти поправок к Конституции США на протяжении более чем двух столетий были приняты еще 17 поправок к тексту Основного закона, закрепляющих правовые основы истребованных жизнью законоположений, а также вносящих изменения в уже существующие законоположения, которые были изначально проигнорированы, недостаточно четко сформулированы или признаны более не отвечающими требованиям исторического момента.

После утверждения Конгрессом США каждая из поправок становится полноправной статьей Конституции.

Поправка XI

1795 г.

Судебная власть Соединенных Штатов не должна толковаться таким образом, чтобы распространяться на какое-либо исковое производство, основанное на праве или справедливости и возбужденное или ведущееся против одного из штатов гражданами другого штата либо гражданами или подданными какого-либо иностранного государства.

Поправка XII

1804 г.

Выборщики собираются в своих штатах и голосуют бюллетенями за Президента и вице-президента, из которых, по крайней мере, один не должен быть жителем одного с ними штата; они указывают в своих бюллетенях лицо, за которое голосуют как за Президента, и в отдельных бюллетенях – лицо, за которое голосуют как за вице-президента; они же составляют отдельные списки всех лиц, за которых голосовали как за Президента, и всех лиц, за которых голосовали как за вице-президента, с указанием числа голосов, поданных за каждого из них; эти списки они подписывают, удостоверяют и направляют опечатанными в место пребывания Правительства Соединенных Штатов на имя председателя Сената. Председатель Сената в присутствии Сената и Палаты представителей вскрывает все опечатанные списки, после чего голоса подсчитываются.

Лицо, получившее наибольшее число голосов, поданных за Президента, становится Президентом, если таковое число составляет большинство голосов всех назначенных выборщиков; если же ни одно лицо не получит такого большинства голосов, тогда из лиц (не более трех из числа тех, за которых голосовали как за Президента), имеющих наибольшее число голосов, Палата представителей незамедлительно выбирает Президента, голосуя бюллетенями. Но при выборах Президента голоса подаются по штатам, причем представительство от каждого штата имеет один голос; кворум в таком случае составляют члены Палаты представителей от двух третей штатов; при этом для избрания Президента необходимо большинство голосов всех штатов. Если Палата представителей, когда право выбора переходит к ней, не выберет Президента до четвертого дня следующего марта, тогда вице-президент будет действовать в качестве Президента, как в случае смерти или иной конституционной неспособности Президента.

Лицо, получившее наибольшее число голосов за вице-президента, становится вице-президентом, если таковое число составляет большинство голосов всех назначенных выборщиков. Если же ни одно лицо не получит большинства голосов, тогда из двух лиц, которые получили наибольшее число голосов среди всех кандидатов, находившихся в списке, Сенат выбирает вице-президента; кворум в таком случае составляют две трети всех сенаторов, при этом для избрания вице-президента необходимо большинство голосов всех сенаторов. Но ни одно лицо, не подлежащее в силу конституционных требований избранию на должность Президента, не подлежит избранию на должность вице-президента Соединенных Штатов.

Поправка XIII

1865 г.

Раздел 1. В Соединенных Штатах или в каком-либо месте, подчиненном их юрисдикции, не должно существовать ни рабство, ни подневольное услужение, кроме тех случаев, когда это является наказанием за преступление, за которое лицо было надлежащим образом осуждено.

Раздел 2. Конгресс имеет право исполнять настоящую статью путем принятия соответствующего законодательства.

Поправка XIV

1868 г.

Раздел 1. Все лица, родившиеся или натурализованные в Соединенных Штатах и подчиненные юрисдикции оных, являются гражданами Соединенных Штатов и штата, в котором они проживают. Ни один штат не должен издавать или применять законы, которые ограничивают привилегии и льготы граждан Соединенных Штатов, равно как ни один штат не может лишить какое-либо лицо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры либо отказать какому-либо лицу в пределах своей юрисдикции в равной защите закона.

Раздел 2. Представители распределяются между отдельными штатами в соответствии с численностью их населения, каковая определяется путем подсчета всех жителей штата, исключая не облагаемых налогом индейцев. Но если при избрании выборщиков Президента и вице-президента Соединенных Штатов, на выборах представителей в Конгресс, исполнительных и судебных должностных лиц штата или членов Законодательного собрания штата отказывается в праве голоса кому-либо из жителей мужского пола, достигших возраста двадцати одного года и являющихся гражданами Соединенных Штатов, или это право ограничивается каким-либо образом, кроме как за участие в восстании или ином преступлении, норма представительства от этого штата должна быть уменьшена в такой пропорции, как число таковых граждан мужского пола соотносится с общим числом граждан мужского пола такового штата, достигших возраста двадцати одного года.

Раздел 3. Ни одно лицо не может быть сенатором, или представителем в Конгрессе, или выборщиком Президента или вице-президента либо занимать какую-либо должность, гражданскую или военную, на службе Соединенных Штатов или на службе какого-либо штата, если оно, приняв ранее присягу в качестве члена Конгресса, или должностного лица Соединенных Штатов, или члена Законодательного собрания какого-либо штата либо исполнительного или судебного должностного лица какого-либо штата в том, что будет поддерживать Конституцию Соединенных Штатов, потом приняло участие в мятеже или восстании против Соединенных Штатов либо оказало помощь или поддержку врагам оных. Но Конгресс может двумя третями голосов каждой палаты устранить таковое ограничение.

Раздел 4. Правомерность государственного долга Соединенных Штатов, санкционированного законом, включая долги, сделанные для выплаты пенсий и наград за службу при подавлении мятежа или восстания, не ставится под сомнение. Но ни Соединенные Штаты, ни какой-либо штат не должны принимать на себя никаких обязательств или оплату долгов, связанных с оказанием помощи мятежу или восстанию против Соединенных Штатов, или признавать какие-либо претензии, связанные с потерей или освобождением какого-либо раба; все таковые долги, обязательства и претензии должны считаться незаконными и недействительными.

Раздел 5. Конгресс имеет право исполнять настоящую статью путем принятия соответствующего законодательства.

Поправка XV

1870 г.

Раздел 1. Право голоса граждан Соединенных Штатов не должно отрицаться или ограничиваться Соединенными Штатами или каким-либо штатом по признаку расы, цвета кожи либо в связи с прежним нахождением в подневольном услужении.

Раздел 2. Конгресс имеет право исполнять настоящую статью путем принятия соответствующего законодательства.

Поправка XVI

1913 г.

Конгресс имеет право устанавливать и взимать налоги с доходов, получаемых из любого источника, без распределения этих налогов между штатами и безотносительно к каким-либо переписям или исчислениям населения.

Поправка XVII

1913 г.

В состав Сената Соединенных Штатов входят по два сенатора от каждого штата, избираемых населением

оного на шесть лет; каждый сенатор имеет один голос. Избиратели в каждом штате должны отвечать требованиям, предъявляемым к избирателям более многочисленной палаты Законодательного собрания штата. Когда в представительстве какого-либо штата в Сенате открывается вакансия, исполнительная власть такового штата издает приказ о проведении выборов для заполнения таковых вакансий; при этом Законодательное собрание штата может уполномочить исполнительную власть оного произвести временные назначения, пока население не заполнит вакансии путем выборов, проведенных в порядке, установленном Законодательным собранием.

Настоящая поправка не должна толковаться таким образом, чтобы ее действие распространялось на избрание или срок полномочий сенатора, выбранного до того, как она вступила в силу как часть Конституции.

Поправка XVIII

1919 г.

Раздел 1. Спустя один год после ратификации настоящей статьи сим будут запрещены в Соединенных Штатах и на всех территориях, подчиненных их юрисдикции, производство, продажа и перевозка опьяняющих напитков с целью их потребления; запрещены будут также ввоз опьяняющих напитков в Соединенные Штаты и их территории с указанной целью, равно как и вывоз этих напитков с таковой целью.

Раздел 2. Конгресс и отдельные штаты имеют право совместно исполнять настоящую статью путем принятия соответствующего законодательства.

Раздел 3. Настоящая статья не вступает в силу, если она не будет ратифицирована в качестве поправки к Конституции Законодательными собраниями отдельных штатов – как это предусмотрено в Конституции – в течение семи лет со дня представления ее Конгрессом на одобрение штатов.

Поправка XIX

1920 г.

Право голоса граждан Соединенных Штатов не должно отрицаться или ограничиваться Соединенными Штатами или каким-либо штатом по признаку пола.

Конгресс имеет право исполнять настоящую статью принятием соответствующего законодательства.

Поправка XX

1933 г.

Раздел 1. Сроки полномочий Президента и вице-президента заканчиваются в полдень 20-го дня января, а сроки полномочий сенаторов и представителей – в полдень 3-го дня января в те годы, когда таковые сроки закончились бы, если настоящая статья не была бы ратифицирована, с этого же времени начинаются сроки полномочий их преемников.

Раздел 2. Конгресс собирается по меньшей мере один раз в год, и таковая сессия начинается в полдень 3-го дня января, если только Конгресс законом не назначит другой день.

Раздел 3. Если к моменту, установленному как начало срока полномочий Президента, избранный Президент умрет, избранный вице-президент становится Президентом. Если Президент не был избран до момента, установленного как начало срока полномочий, или если избранный Президент не отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатам на эту должность, тогда избранный вице-президент действует в качестве Президента до тех пор, пока Президент не будет отвечать таковым требованиям. В случае, когда ни избранный Президент, ни избранный вице-президент не отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатам на их должности, Конгресс может принять закон, указывающий, кто будет действовать в качестве Президента, или устанавливающий порядок избрания того лица, кому надлежит действовать в качестве Президента; таковое лицо выполняет соответствующие обязанности, пока Президент или вице-президент не будет отвечать требованиям, предъявляемым к кандидатам на их должности.

Раздел 4. Конгресс может в законе предусмотреть меры на случай смерти кого-либо из лиц, из которых Палата представителей – когда право выбора переходит к ней – может выбрать Президента, и на случай смерти кого-либо из лиц, из которых Сенат – когда право переходит к нему – может выбрать вице-президента.

Раздел 5. Разделы 1 и 2 вступают в силу на 15-й день октября, ближайшего после ратификации настоящей статьи.

Раздел 6. Настоящая статья не вступает в силу, если она не будет ратифицирована в качестве поправки к Конституции Законодательными собраниями трех четвертей отдельных штатов в течение семи лет со дня ее представления.

Поправка XXI

1933 г.

Раздел 1. Восемнадцатая статья поправок к Конституции Соединенных Штатов сим отменяется.

Раздел 2. Перевозка или ввоз в какой-либо штат, на какую-либо территорию или в какое-либо владение Соединенных Штатов для доставки туда или использования там опьяняющих напитков, в нарушение действующих там законов, запрещается.

Раздел 3. Настоящая статья не вступает в силу, если она не ратифицирована в качестве поправки к Конституции Конвентами отдельных штатов – как это предусмотрено в Конституции – в течение семи лет со дня представления ее Конгрессом на одобрение штатов.

Поправка XXII

1951 г.

Раздел 1. Ни одно лицо не может быть избрано на должность Президента более чем два раза, и ни одно лицо, которое занимало должность Президента или действовало в качестве Президента в течение более двух лет от срока, на каковой другое лицо было избрано Президентом, не избирается на должность Президента более чем один раз. Но действие настоящей статьи не распространяется на лицо, занимающее должность Президента, когда настоящая статья была предложена Конгрессом, и не препятствует какому-либо лицу, которое занимает должность Президента или действует в качестве Президента, в течение срока, в пределах которого настоящая статья вступает в силу, занимать должность Президента или действовать в качестве Президента в течение остатка такого срока.

Раздел 2. Настоящая статья не вступает в силу, если она не будет ратифицирована в качестве поправки к Конституции Законодательными собраниями трех четвертей отдельных штатов в течение семи лет со дня ее представления Конгрессом на одобрение штатов.

Поправка XXIII

1961 г.

Раздел 1. Округ, являющийся местом пребывания Правительства Соединённых Штатов, назначает в порядке, установленном Конгрессом, выборщиков Президента и вице-президента в количестве, равном такому числу сенаторов и представителей в Конгрессе, которое мог бы избрать округ, если бы он был штатом, но ни в коем случае не большем, чем избирает наименее населенный штат. Они дополняют выборщиков, назначенных штатами, но должны рассматриваться – при выборах Президента и вице-президента – в качестве выборщиков, назначенных штатами; они собираются в округе и выполняют такие обязанности, которые предписаны поправкой XII.

Поправка XXIV

1964 г.

Раздел 1. Право граждан Соединенных Штатов голосовать на каких-либо первичных или иных выборах за Президента или вице-президента, за выборщиков Президента или вице-президента либо за сенаторов или представителей в Конгрессе не должно отрицаться или ограничиваться Соединенными Штатами или каким-либо штатом в связи с неуплатой какого-либо избирательного или иного налога.

Раздел 2. Конгресс имеет право исполнять настоящую статью путем принятия соответствующего законодательства.

Поправка XXV

1967 г.

Раздел 1. В случае отстранения Президента от должности либо его смерти или отставки вице-президент становится Президентом.

Раздел 2. Если должность вице-президента становится вакантной, Президент назначает вице-президента, который вступает в должность по утверждению большинством голосов обеих палат Конгресса.

Раздел 3. Если Президент передаст временному президенту (president pro tempore) Сената и спикеру Палаты представителей свое письменное заявление о том, что он не в состоянии осуществлять полномочия и обязанности своей должности, и пока он не передаст им письменное заявление обратного содержания, таковые полномочия и обязанности выполняются вице-президентом в качестве исполняющего обязанности Президента.

Раздел 4. Если вице-президент и большинство высших должностных лиц исполнительных департаментов либо такого другого органа, который Конгресс может законом предусмотреть, передают временному президенту (president pro tempore) Сената и спикеру Палаты представителей свое письменное заявление о том, что Президент не в состоянии осуществлять полномочия и обязанности своей должности, вице-президент незамедлительно принимает на себя полномочия и обязанности этой должности в качестве исполняющего обязанности Президента.

Затем, когда Президент передает временному президенту (president pro tempore) Сената и спикеру Палаты представителей свое письменное заявление о том, что неспособность более не существует, он возобновляет осуществление полномочий и обязанностей своей должности, если вице-президент и большинство высших должностных лиц исполнительных департаментов либо такого другого органа, какой Конгресс может законом предусмотреть, не представит в течение четырех дней временному президенту

(president pro tempore) Сената и спикеру Палаты представителей свое письменное заявление о том, что Президент не в состоянии осуществлять полномочия и обязанности своей должности. Вслед за тем Конгресс решает данный вопрос, собравшись для этой цели в течение сорока восьми часов, если в это время не проходит его сессия. Если Конгресс в течение двадцати одного дня после получения последнего письменного заявления или – если не в это время проходит сессия Конгресса – в течение двадцати одного дня после того, как Конгресс собрался, определяет двумя третями голосов обеих палат, что Президент не в состоянии осуществлять полномочия и обязанности своей должности, вице-президент продолжает осуществлять оные в качестве исполняющего обязанности Президента; в противном случае Президент вновь возобновит осуществление полномочий и обязанностей своей должности.

Поправка XXVI

1971 г.

Раздел 1. Право голоса граждан Соединенных Штатов в возрасте восемнадцати лет или старше не должно отрицаться или ограничиваться Соединенными Штатами или каким-либо штатом в зависимости от возраста.

Раздел 2. Конгресс имеет право исполнять настоящую статью принятием соответствующего законодательства.

Поправка XXVII

1992 г.

Ни один закон, изменяющий компенсацию за услуги сенаторов и членов Палаты представителей, не вступает в силу, пока не состоятся выборы членов Конгресса.

World Almanac and Book of Facts, 2003. N.Y., 2003.

Джордж Вашингтон

ПЕРВАЯ ИНАУГУРАЦИОННАЯ РЕЧЬ (FIRST INAUGURAL ADDRESS)

К инаугурационным торжествам *Джордж Вашингтон* (1732-1799) готовился долго. Написанный собственноручно восьмистраничный текст инаугурационной речи он многократно репетировал вслух. Это было необходимо, поскольку, не будучи публичным оратором, Вашингтон не хотел выглядеть неуверенным в себе. Речь была адресована в основном федералистам промышленно развитого Севера (во главе с А. Гамильтоном), выступавшим за укрепление федеральной власти, и антифедералистам сельскохозяйственного Юга (во главе с Т. Джефферсоном) – сторонникам предоставления широких прав штатам. Эти противоборствующие политические силы мешали объединению страны в мощный союз и формированию эффективной государственной власти.

Первая в истории страны президентская инаугурация состоялась 30 апреля 1789 г. в Нью-Йорке в здании Федерал-холла. В отсутствие формальной процедуры инаугурационных торжеств руководство церемонией президент единоличным решением взял на себя.

Сотраждане – члены сената и палаты представителей!

Среди превратностей жизни ни одно событие не могло вызвать у меня большее волнение, чем то, уведомление о котором было передано по вашему распоряжению и получено 14-го дня настоящего месяца. С одной стороны, меня призвала моя страна, гласу которой я не могу внимать без благоговения и любви, из того пристанища, которое я избрал себе с тщательным пристрастием и надеждой, руководствуясь твердым намерением обрести на склоне лет покой, необходимость и ценность коего усиливается и для меня с каждым днем в силу приобретенных мной привычек и частых недугов в добавление к постепенному ухудшению моего здоровья по мере прожитых лет. С другой стороны, размах и тяжесть той задачи, к выполнению которой призвал меня глас моей страны, вполне достаточные ими того, чтобы пробудить в самых мудрых и опытных ее гражданах желание с исполненным сомнениями тщанием изучить мои достоинства, не могут не вызвать подавленности духа у того, кто (в силу недостатков и слабостей природного свойства и неопытности в делах гражданского упрощения) должен с особым вниманием подходить к осознанию своих слабых сторон. При таком конфликте эмоций я осмелюсь утверждать лишь то, что я принимаю на себя эти обязанности после глубоких раздумий, тщательно оценив все обстоятельства, способные повлиять на их исполнение. Я осмеливаюсь надеяться лишь на то, что, если я принял эту нежность под влиянием приятных воспоминаний о прежних заслугах или сентиментальной чувствительности к такому яркому доказательству доверия со стороны моих сотраждан и в силу этого в слишком малой степени принял во внимание мою неспособность, равно как и слабую склонность к исполнению предстоящих мне тяжелых и неизведанных обязанностей, моя ошибка будет признана не столь тяжелой с учетом тех мотивов, которые ввели меня в заблуждение, а ее последствия будут оценены моей страной с некоторой долей той пристрастности, в атмосфере которой они возникли.

Таковы были те впечатления, под влиянием которых я, повинувшись зову общества, признал себя годным для исполнения такой должности, и было бы непростительной ошибкой не припасть в этом первом официальном выступлении с пламенной мольбой к той всемогущей Божественной сущности, которая правит Вселенной, верховодит в совете государств и своей ниспосылаемой свыше помощью способна

восполнить любой недостаток человеческой природы, с просьбой об освящении Ее благодатью – во имя свобод и счастья народа Соединенных Штатов – правительства, учрежденного им самим во имя этих основных целей, и о даровании каждому инструменту управления способности успешно осуществлять возложенные на него функции. Воздавая эти почести Великому архитектору всякого общественного и частного блага, я питаю уверенность, что это в равной степени выражает и мои и ваши чувства, чувства всех сограждан в целом, как и каждого отдельного соотечественника. Нет; ни одного народа, которому следовало бы признать и вознести хвалу Невидимой длани, руководящей делами людей, в большей степени, нежели народ Соединенных Штатов. Каждый шаг, проделанный им на пути к статусу независимого государства, представляется несущим на себе некий знак ниспосланной свыше воли; и в той только что свершившейся критически важной революции в системе единого правительства спокойные дебаты и добровольное согласие столь многочисленных отдельных сообществ, результатом которых стало это событие, не могут быть сравнимы с методами создания большей части иных правительств без того, чтобы не воздать ей благочестивой благодарности вкупе со смиренной надеждой на будущие ее милости, знамения которых можно увидеть в нашем прошлом. Эти мысли, вызванные потрясениями дня сегодняшнего, слишком сильно отпечатались в моем сознании, чтобы их можно было проигнорировать. Я уповаю на то, что вы разделите со мной мое убеждение, что ничто иное не может в большей степени повлиять на успех начала работы нового и независимого правительства.

В статье об учреждении исполнительного ведомства в обязанности президента вменяется «рекомендовать к вашему рассмотрению такие меры, которые он сочтет необходимыми и целесообразными». Обстоятельства моей сегодняшней встречи с вами не дают мне основания углубляться в этот предмет за пределы простой ссылки на великую конституционную хартию, в соответствии с которой создано это собрание и в которой, при определении ваших прав, содержится указание на те сферы ведения, которые подлежат вашему вниманию. Более пристойным в данных обстоятельствах и намного более отвечающим обуевающим меня чувствам будет, вместо внесения рекомендаций конкретных мер, воздать должную дань талантам, моральным устоям и патриотизму, которые служат украшением тем людям, которые были избраны для разработки и утверждения их. В таких высоких достоинствах я усматриваю вернейший залог ни о, что, с одной стороны, никакие местнические предубеждения или пристрастия, никакие особые точки зрения или партийные распри не послужат помехой тому всеобъемлющему и беспристрастному взгляду, с коим должно подходить к этому огромному собранию сообществ и интересов, с тем чтобы, с другой стороны, фундамент нашей государственной политики покоился на безупречных и непреложных принципах личной морали, а превосходство свободного правительства было бы продемонстрировано всеми теми его качествами, которые способны завоевать доброе отношение граждан страны и вызвать уважение окружающего мира. Я размышляю о таком будущем со всей надеждой, на какую только может подвигнуть меня горячая любовь к своей стране, поскольку нет истины более фундаментальной, чем существование в системе мироздания и естественном ходе вещей неразрывной связи между добродетелью и счастьем, между долгом и благом, между истинными максимумами честной и великодушной политики и богатыми плодами процветания и благосостояния общества, поскольку мы не должны умахлять убежденности в том, ню благосклонная улыбка Небес никогда не выпадает на долю нации, нарушающей вечные законы порядка и правды, установленные на Небесах; и поскольку сохранение священного огня свободы и участь республиканской модели правления справедливо считаются, возможно столь же основательно и определенно, зависящими от эксперимента, вверенного рукам американского народа.

Помимо обычных вопросов, предлагаемых вашему вниманию, вашему суждению, необходимо решить вопрос о том, в какой степени осуществление целевых полномочий, делегированных V статьей Конституции, считается необходимым при настоящем положении дел в силу характера отражений, выдвинутых в адрес нынешней системы или в силу степени обеспокоенности, породившей их. Вместо внесения конкретных рекомендаций по этому предмету, где мои официальные полномочия не дают мне никаких путеводных огней, я вновь буду полностью полагаться на вашу проницательность и приверженность общественному благу, поскольку я уверяю себя, что, пока вы будете с тщанием избегать любых изменений, которые могли бы поставить под угрозу преимущества единого и эффективного правительства или которым следует дожидаться будущих уроков опыта, глубокое уважение к основополагающим правам свободных людей и забота об общественной гармонии в существенной степени будут оказывать воздействие на ваши суждения по поводу того, в какой степени можно надежно усилить первые или, не рискуя и с пользой, содействовать последней.

К предыдущим замечаниям я должен добавить еще одно, которое адресовано в первую очередь палате представителей. Оно касается меня лично и по этой причине будет по возможности кратким. Когда мне впервые выпала честь быть призванным на службу моей стране, тогда находившейся в преддверии напряженной борьбы за свои свободы, мое восприятие долга требовало отказа от какого-либо денежного вознаграждения. Я никогда не отступал от этой твердой убежденности и, руководствуясь до сих пор породившими ее чувствами, должен отклонить как неприменимую в отношении меня любую долю персонального вознаграждения, которое может быть сочтено необходимым включить в положение о финансировании органа исполнительной власти, и, соответственно, молиться о том, чтобы расчеты денежного жалованья по должности, на которую я поставлен, на время моего пребывания в ней не выходили бы за рамки тех фактических расходов, которые могут быть сочтены необходимыми во имя общественного блага.

Высказав вам таким образом мои чувства, вызванные тем событием, которое свело нас вместе, я покидаю вас, не преминув обратиться еще раз к милосердному Отцу человечества со смиренной просьбой о том,

чтобы, коли ему угодно было даровать американскому народу возможность для обсуждения в обстановке полного спокойствия и принятия с беспримерным единством решения о форме правительства во имя безопасности его союза и реализации его стремления к счастью, Его божественное благословение столь же явственно осенило бы широту взглядов, взвешенность консультаций и мудрость мер, от которых и должен зависеть успех нашего правительства.

*Инаугурационные речи президентов США /
Под ред. и с комм. Э.А. Иваняна. М., 2002.
Пер. Н. А. Хоменко.*

Джордж Вашингтон
ПРОЩАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ
(WASHINGTON'S FAREWELL ADDRESS)

Свое прощальное послание к нации *Джордж Вашингтон* (1732-1799) решил опубликовать, когда в общественном сознании еще была жива надежда на то, что президент будет баллотироваться на новый, третий срок. Конституционных положений, ограничивающих срок президентства, тогда не существовало, и Вашингтон мог оставаться главой американского государства на протяжении еще многих лет. Но 65-летний президент не проявлял желания продлить свое пребывание на посту, да и состояние здоровья не позволяло ему этого.

За полтора с лишним месяца до наступления даты очередных выборов Вашингтон обратился с прощальным посланием к нации, в котором, помимо объявления своего решения более не претендовать на пост Президента США, изложил свои взгляды на будущее американского государства и дал рекомендации относительно того, какой линии следует придерживаться правительству страны в проведении внешней и внутренней политики.

Согласно американской политической традиции, ежегодно 22 февраля, т.е. до начала очередной сессии законодательного собрания страны, текст этого послания Вашингтона зачитывается перед обеими палатами Конгресса США.

*Соединенные Штаты,
17 сентября 1796 г.*

Друзья и сограждане!

Принимая во внимание, что приближаются новые выборы гражданина, которому предстоит возглавить администрацию Соединенных Штатов, и фактически настало время, когда ваши помыслы должны быть посвящены выбору лица, облеченного этим ответственным доверием, мне представляется своевременным, особенно учитывая то, что это может способствовать более четкому выражению общественной позиции, довести до вашего сведения мое решение отказаться от того, чтобы фигурировать среди тех лиц, из которых будет делаться выбор. <...>

То, что я согласился до настоящего времени служить на посту, на который дважды призывал меня ваш выбор, было жертвой, которую мои намерения принесли представлению о долге, и уважением к тому, что мне представлялось вашим желанием. Я постоянно надеялся, что мне удастся гораздо раньше, следуя соображениям, которые я не мог игнорировать, вернуться в отставку, из которой я, вопреки желанию, был отозван. Моя решимость поступить таким образом до последних выборов даже подтолкнула меня к мысли о подготовке обращения к вам; однако здравые размышления по поводу того затруднительного и угрожающего состояния наших дел в отношениях с иностранными государствами и единогласный совет лиц, пользующихся моим доверием, вынудили меня отказаться от этой идеи. Я рад, что ваша озабоченность по поводу как внешних, так и внутренних проблем уже не вызывается намерениями, противоречащими чувству долга или порядочности, и я убежден, что, независимо от ваших предубеждений относительно моих услуг, в нынешнем состоянии, в котором находится наша страна, вы не отнесетесь неодобрительно к моему решению подать в отставку. <...>

Здесь, возможно, мне следует остановиться. Но забота о вашем благосостоянии, которая сохранится, пока я жив, и понимание опасности, вполне естественно вызванное этой озабоченностью, вынуждают меня и моменты, подобные нынешнему, предлагать на ваше законное обсуждение и рекомендовать на ваше рассмотрение некоторые мысли, являющиеся результатом долгих раздумий и основательных наблюдений, которые кажутся мне весьма важными для вашего счастья как народа. Они будут предложены вашему вниманию, и вы располагаете полным правом видеть в них беспристрастные предостережения уходящего друга, возможно не имеющего личных мотивов давать предубежденные советы. Не могу я забыть и об одобрительном отношении, проявленном вами в прошлом к моим взглядам в аналогичных случаях. <...>

Граждане единой страны по рождению или по выбору, эта страна вправе рассчитывать на вашу любовь. Звание американца, которое принадлежит вам по признаку национальной принадлежности, должно неизменно вызывать законную гордость патриотизмом в большей степени, чем любое другое звание, производное от местных пристрастий. При наличии незначительных оттенков различий у вас у всех единые религия, нравы, привычки и политические принципы. У вас общее дело, за которое вы боролись и вместе одержали победу. Независимость и свобода, которыми вы обладаете, являются результатами общих решений, общих усилий, общих опасностей, страданий и успехов.

Но эти соображения, как бы убедительно ни взывали они к вашим чувствам, значительно уступают

соображениям, отвечающим более непосредственным образом вашим интересам. В этом смысле каждая составная часть нашей страны обретает самые настоятельные поводы к тому, чтобы бережно хранить и защищать общий союз. <...>

Поэтому все части нашей страны, осознавая таким образом прямую и особую заинтересованность в союзе, все они вместе не могут не обнаружить в единой массе средств и усилий более убедительную силу, более убедительные возможности и соответственно более надежные гарантии защиты от внешней опасности, менее частые нарушения мира иностранными государствами и, что неизмеримо более ценно, должны извлечь из союза гарантию от тех свар и войн между собой, которые столь часто поражают соседние страны, не объединенные едиными правительствами, и вызвать которые могло бы одно лишь соперничество между ними, но которые противостоящие иностранные альянсы, привязанности и интриги поощряли бы и ожесточали. Следовательно, подобным же образом они будут избегать необходимости увеличения числа военных учреждений, которые при любой форме правления не благоприятствуют свободе и которые следует рассматривать как особенно враждебные республиканской свободе. В этом смысле ваш союз следует считать основной опорой вашей свободы, и любовь к первому должна повысить для вас ценность второй.

Эти соображения убеждают каждый мыслящий и целомудренный разум и свидетельствуют о необходимости сохранения союза как основополагающей цели патриотического стремления. <...>

Единое правительство абсолютно необходимо для обеспечения эффективности и прочности вашего союза. Никакие альянсы между составными частями союза, какими бы строго соблюдаемыми они ни были, не могут заменить такое правительство. Неизбежно возникнут нарушения и помехи, которые во все времена испытывали все альянсы. Осознавая эту важную истину, вы усовершенствовали свою первую попытку принятием формы правления, в отличие от предшествующей, более рассчитанной на тесный союз и на эффективное руководство вашими общими интересами. Нынешняя форма правления, плод вашего собственного выбора, независимая и не вызывающая опасений, принятая в результате досконального изучения и зрелого обдумывания, абсолютно свободная с точки зрения своих принципов и распределения своих властных полномочий, соединяющая безопасность с энергией и содержащая условие возможности внесения поправок, справедливо располагает правом претендовать на ваше доверие и вашу поддержку. Уважение к ее авторитету, соблюдение ее законов, подчинение ее установлениям являются долгом, предписанным основополагающими принципами истинной свободы. Основой нашей политической системы признается право народа создавать и изменять свои формы правления. Но существующая Конституция до тех пор, пока она не изменена в результате четкого и достоверного решения народа, священна и обязательна для всех. Сама идея полномочий и права народа на образование правительства предусматривает обязанность каждой личности подчиняться учрежденному правительству. Любые препоны на пути отправления законов, любые союзы и ассоциации, созданные под любым уважительным предлогом с действительным намерением осуществлять руководство или контроль над конституционными властями, препятствовать им или запугивать их в ходе принятия ими решений и осуществления действий, наносят ущерб этому основополагающему принципу и носят пагубный характер.

Они способствуют возникновению фракционной борьбы, приданию ей чрезвычайной роли, замене делегированной воли нации волей партии – зачастую небольшого, но предприимчивого меньшинства общества – и, принимая во внимание чередующиеся триумфы партий, превращению государственных органов власти в зеркало, отражающее непродуманные и нелепые прожекты фракций, а не в орган реализации разумных планов, поддерживаемых всеобщим мнением и отвечающих взаимным интересам. <...>

Чередующееся доминирование одной фракции над другой, обостренное естественным для партийных расколов чувством возмездия, которое в различные времена и в различных странах влекло за собой наиболее чудовищные преступления, само является ужасным деспотизмом. Но это ведет в конечном счете к более прочно закрепившемуся деспотизму. Нарастающие разброд и лишения подталкивают людей к мысли искать защиты и одобрения у отдельной личности с абсолютной властью, и рано или поздно глава победившей фракции, более способный или более удачливый, чем его соперники, обращает эту ситуацию на пользу своего собственного возвышения на руинах общественной свободы.

Хотя подобная крайность не ожидается (но ее тем не менее не следует полностью упускать из виду), непрекращающиеся искажения партийного пуха вполне способны привлечь внимание разумных людей и обязать их предотвращать и сдерживать эти искажения.

Всегда приносят плоды отвлечение общественного внимания и ослабление государственной власти. Это пробуждает в обществе необоснованную зависть и фальшивые тревоги, разжигает вражду между отдельными слоями общества, временами приводит к бунтам и восстаниям. Все это открывает дверь зарубежному влиянию и коррупции, которые под прикрытием партийных разногласий легко находят доступ к правительству. Таким образом политика и воля одной страны оказываются подчиненными политике и воле другой.

Существует мнение, что в свободных странах партии представляют собой полезный инструмент контроля за отправлением власти и способствуют сохранению духа свободы. В каком-то смысле это, возможно, верно, и в правительствах монархического толка патриоты могут рассматривать партийный дух со снисхождением, если не с одобрением. Но в правительствах народного толка, в избранных правительствах такого рода дух не следует поощрять. Можно с уверенностью утверждать, что в каждой партии,

естественно, будет всегда достаточно такого духа; а в условиях наличия постоянной опасности проявления крайностей общественное мнение должно использовать свое влияние для того, чтобы смягчить и умерить его. Чтобы поддерживать огонь, необходима всеобщая бдительность для предотвращения того, что он разгорится в пламя, иначе огонь не согреет, а поглотит.

Важно также, чтобы привычка мыслить предупредила тех, кому поручено руководить свободной страной, что не следует превышать полномочия, определенные им Конституцией, и избегать покушения одного властного подразделения на прерогативы другого. Дух покусительства способствует консолидации прерогатив всех властных подразделений в одних руках и, таким образом, создает, независимо от формы государственного правления, истинный деспотизм... Если, по мнению народа, распределение или изменение властных полномочий в какой-либо их части неверно, пусть оно будет изменено поправкой, предусмотренной Конституцией. Но нельзя допускать изменений путем узурпации власти, поскольку, даже если в конкретном случае это будет служить благу, таким оружием обычно свержаются свободные правительства. Такой прецедент всегда намного перевесит с точки зрения нанесенного вреда любую частичную или временную выгоду. <...>

Проявляйте добрую волю и соблюдайте справедливость по отношению ко всем государствам. Поддерживайте мир и согласие со всеми. Религия и мораль поощряют такое поведение... В осуществлении такого плана ничто не является более существенным, чем отказ от постоянной, глубоко укоренившейся вражды по отношению к одним государствам и горячей привязанности к другим; вместо этого следует развивать честные и дружественные отношения со всеми. Государство, испытывающее по отношению к другому ставшую привычной ненависть или вошедшую в привычку симпатию, является в какой-то степени рабом. Оно раб своей вражды или расположенности, и каждое из этих чувств достаточно для того, чтобы сбить такое государство с пути, отвечающего его долгу и интересу.

Антипатия, существующая в одном государстве по отношению к другому, легко располагает обе стороны к нанесению оскорбления или ущерба, нетерпимому отношению к малейшей нанесенной обиде, а также к заносчивости и несговорчивости при возникновении непринципиальных или незначительных споров. Отсюда частые коллизии, упорные, острые и кровавые столкновения. Нация, движимая недоброй волей и негодованием, вопреки трезвым политическим расчетам иногда понуждает правительство к войне.

Аналогичным образом горячая привязанность одного государства к другому приводит к множеству нежелательных последствий. Симпатия к государству-фавориту, способствуя иллюзии надуманного взаимного интереса в случаях, когда взаимные интересы в действительности отсутствуют, и внушение одной стороне враждебных чувств по отношению к другой втягивают первую в участие в спорах и войнах второй без достаточных на то оснований или оправданий. Она также ведет к предоставлению государству-фавориту привилегий, в которых отказано другим, что вполне может нанести большой урон предоставляющему уступки государству, безосновательно теряющему то, что следовало бы сохранить, и провоцирующему ревность, недобрые чувства и намерение отплатить сторицей у тех, кто лишен аналогичных привилегий; и тщеславным, продажным или введенным в заблуждение гражданам (посвятившим себя государству-фавориту) предоставляется возможность жертвовать интересами своей собственной страны или предавать ее и, не навлекая на себя позора, а подчас даже и обретая популярность, скрывать истинные основы безрассудных уступок тщеславию, коррупции или увлечению под маской благородного чувства долга, достойного похвалы уважения общественного мнения или похвального стремления к всеобщему благу. <...>

Свободному народу следует быть *постоянно* настороже ввиду опасности коварных уловок иностранного влияния (заклинаю вас верить мне, сограждане), поскольку история и опыт свидетельствуют, что иностранное влияние является одним из злейших врагов республиканского правительства. Но для того чтобы эта настороженность приносила пользу, она должна быть непредвзятой, иначе она станет инструментом того самого влияния, которого следует избегать, вместо того чтобы быть защитой от него. Чрезмерное расположение к одному иностранному государству и чрезмерная неприязнь к другому приводят к тому, что те, в отношении которых проявляются эти чувства, видят опасность лишь с одной стороны и не замечают козней влияния – с другой. Истинные патриоты, которые могут сопротивляться интригам фаворита, становятся подозрительными и ненавистными, тогда как жертвы обмана удостаиваются аплодисментов и доверия народа, предавая его интересы.

Основополагающим правилом поведения для нас во взаимоотношениях с иностранными государствами является развитие наших торговых отношений с ними при минимально возможных *политических* связях. Поскольку у нас уже возникли обязательства, давайте будем их выполнять, проявляя добрую волю в полной мере. Но давайте тут и остановимся. Европа определила для себя ряд первостепенных интересов, которые либо не касаются нас, либо имеют к нам весьма отдаленное отношение. Поэтому ей приходится ввязываться в частые конфликты, причины которых, по сути, далеки от наших забот. Следовательно, неразумно для нас связывать себя искусственными узами с заурядными превратностями ее политики или со столь же заурядными коллизиями ее дружественных либо враждебных отношений.

Наше географически отдаленное положение позволяет нам придерживаться иного курса. Если мы останемся народом, полагающимся исключительно на себя, руководимым эффективным правительством, то уже недалеко время, когда мы сможем пренебречь материальным ущербом от исходящих извне неприятностей; когда мы сможем занять позицию, обеспечивающую тщательное соблюдение нейтралитета, который мы решим в любой момент объявить; когда враждующие государства, осознавая невозможность

сделать приобретения за наш счет, не будут с легкостью нас провоцировать; когда мы сможем выбирать между миром и войной, учитывая собственные интересы, диктуемые справедливостью.

Почему же не воспользоваться преимуществами такого особого положения? К чему покидать нашу собственную почву и переходить на чужую? К чему делать нашу судьбу зависимой от судьбы любой части Европы и связывать наш мир и процветание с проявлениями честолюбия, соперничества, интересов, настроений или капризов Европы?

Нашим верным политическим курсом является воздержание от постоянных союзов с любой частью зарубежного мира, поскольку, по-моему, мы можем сейчас так поступать; и, прошу понять меня правильно, это не значит, что мы способны на несоблюдение уже существующих обязательств. Я придерживаюсь принципа, в одинаковой мере приложимого как к государственным, так и к частным делам, что честность является лучшей политикой. Поэтому я повторяю: пусть эти обязательства соблюдаются в их изначальном смысле, но, по-моему, нет необходимости и было бы неразумным их расширять.

Политика, гуманность и наши интересы диктуют необходимость установления гармоничных отношений со всеми государствами. Но даже наша торговая политика должна основываться на принципах равенства и непредвзятости, не стремясь получить и не предоставляя исключительных привилегий или льгот; сообразуясь с естественным положением вещей; разумно распределяя и варьируя торговые потоки, но ничего не навязывая... Нельзя совершить большей ошибки, чем ожидать предоставления действительных привилегий одним государством другому. Это иллюзия, которую должен вылечить опыт и которую должна отвергнуть врожденная гордость.

Предлагая вам, мои соотечественники, эти советы старого и любящего вас друга, я не осмеливаюсь надеяться на то, что они произведут желаемое мной сильное и неизгладимое впечатление. Я могу лишь пожелать, чтобы они контролировали обычное проявление эмоций и предостерегли нашу страну от того курса, который до сего времени определял судьбу государств. Но я льщу себя надеждой, что они окажутся в какой-то мере полезными хотя бы в отдельных случаях, что они смогут иногда смягчить ярость партийного духа, предостеречь от вреда зарубежных интриг, защитить от фальшивого патриотизма. Эта надежда будет достойной наградой за озабоченность вашим благополучием, которой мои советы и были продиктованы.
<...>

*Great Presidential Decisions; State Papers That
Changed the Course of History; From Washington
to Nixon / Ed. by R. B. Morris. N.Y., 1973.*

ДОКТРИНА МОНРО (MONROE DOCTRINE)

Идея провозглашения обеих частей американского континента зоной, закрытой для европейской колонизации, принадлежала Дж. К. Адамсу, государственному секретарю в администрации президента *Джеймса Монро* (1758-1831). Как политическая доктрина она была впервые изложена в июле 1823 г. в форме предупреждения правительству России.

Обсуждение действий Испании на юге континента, направленных на восстановление утерянных там ею колоний, было связано с инициативой, проявленной министром иностранных дел Великобритании Дж. Каннингом. Он предложил Правительству США выступить с совместным заявлением о «неодобрении» таких шагов со стороны, Испании. Хотя американские экс-президенты Т. Джефферсон и Дж. Мэдисон поддерживали необходимость такого коллективного демарша, Адамс считал целесообразным сделать заявление от имени лишь Соединенных Штатов, дабы его страна не выглядела «шлюпкой, плетущейся в кильватере британского крейсера». Президент Монро согласился с мнением своего государственного секретаря, но считал более разумным не распространять такое заявление по дипломатическим каналам, а включить его в очередное ежегодное послание президента к Конгрессу Соединенных Штатов, которое было зачитано 2 декабря 1823 г.

Сотраждане – члены сената и палаты представителей!

...По предложению Российского императорского правительства, переданного через имеющего постоянную резиденцию в Вашингтоне посланника императора, посланнику Соединенных Штатов в Санкт-Петербурге даны все полномочия и инструкции касательно вступления в дружественные переговоры о взаимных правах и интересах двух держав на северо-западном побережье нашего континента... Этим дружеским шагом Правительство Соединенных Штатов желало продемонстрировать огромное значение, которое оно неизменно придавало дружбе императора, и свое стремление развивать наилучшее взаимопонимание с его правительством. В ходе переговоров, вызванных этим желанием, и в договоренностях, которые могут быть достигнуты, было сочтено целесообразным воспользоваться случаем для утверждения в качестве принципа, касающегося прав и интересов Соединенных Штатов, того положения, что американские континенты, добившиеся свободы и независимости и оберегающие их, отныне не должны рассматриваться как объект будущей колонизации со стороны любых европейских держав. <...>

В самом начале последней стадии переговоров было сделано заявление о том, что в Испании и Португалии предпринимаются серьезные усилия для улучшения условий жизни народа в этих странах и что эти усилия отличаются чрезвычайной осторожностью. Вряд ли стоит упоминать, что достигнутый на сей день результат сильно отличается от ожидавшегося.

Мы всегда с беспокойством и интересом наблюдали за событиями в этой части земного шара, с которой у нас не только существуют тесные взаимоотношения, но с которой связано наше происхождение. Граждане Соединенных Штатов питают самые дружеские чувства к своим братьям по ту сторону Атлантического океана, к их свободе и счастью. Мы никогда не принимали участия в войнах европейских держав, касающихся их самих, и это соответствует нашей политике. Мы негодуем по поводу нанесенных нам обид или готовимся к обороне лишь в случае нарушения наших прав либо возникновения угрозы им.

По необходимости мы в гораздо большей степени оказываемся вовлеченными в события, происходящие в нашем полушарии, и выступаем по поводам, которые должны быть очевидны всем хорошо осведомленным и непредубежденным наблюдателям. Политическая система союзных держав существенно отличается в этом смысле от политической системы Америки... Поэтому в интересах сохранения искренних и дружеских отношений, существующих между Соединенными Штатами и этими державами, мы обязаны объявить, что должны будем рассматривать попытку с их стороны распространить свою систему на любую часть этого полушария как представляющую опасность нашему миру и безопасности. Мы не вмешивались и не будем вмешиваться в дела уже существующих колоний или зависимых территорий какой-либо европейской державы. Но что касается правительств стран, провозгласивших и сохраняющих свою независимость, и тех, чью независимость, после тщательного изучения и на основе принципов справедливости, мы признали, мы не можем рассматривать любое вмешательство европейской державы с целью угнетения этих стран или установления какого-либо контроля над ними иначе, как недружественное проявление по отношению к Соединенным Штатам. <...>

An American Primer / Ed. by E. J. Boorstin. N.Y., 1968.

Алексис де Токвиль

О ДЕМОКРАТИИ В АМЕРИКЕ (ON DEMOCRACY IN AMERICA)

Французский историк и публицист *Алексис де Токвиль* (1805-1859) приехал в Соединенные Штаты Америки в апреле 1831 г. для изучения американской пенитенциарной системы. Однако истинной целью его поездки в США было написание книги об американском обществе. Жизнь американцев привлекала всеобщее внимание, но в Европе о ней было еще мало известно. Занимаясь вместе со своим другом Г. де Бомоном изучением американских тюрем, Токвиль интересовался и другими сторонами жизни Америки. Он посетил большинство регионов страны и познакомился со многими видными американцами. Беседы с ними дали Токвилю богатый материал для понимания американской действительности, американской политической системы, социальных и расово-этнических проблем, особенностей «американского образа жизни» и «американского характера». Токвиль имел также возможность ознакомиться со множеством документов, которые оказали ему неоценимую помощь в лучшем понимании того, что он видел собственными глазами.

По возвращении во Францию Токвиль работал над своей книгой, «О демократии в Америке» несколько лет. Первый том, состоявший из двух частей был опубликован в 1835 г.; второй, состоявший из четырех частей – в 1840 г. На протяжении многих десятилетий книга Токвиля оставалась одним из наиболее фундаментальных трудов, посвященных Соединенным Штатам и изданных в Европе.

В настоящее издание включен отрывок из первой части книги Токвиля который, помимо философско-политических взглядов автора, содержит заслуживающие внимание характеристики политической и социальной жизни Соединенных Штатов в первой трети XIX в., основанные на личных наблюдениях и выводах автора.

Отличие Конституции Соединенных Штатов Америки от всех прочих федеральных конституций

На первый взгляд, американская федерация похожа на все прочие федерации – Между тем она отличается от всех прочих. – Причины этого. – В чем заключаются отличия американской федерации от всех остальных. – Американское правительство нельзя считать федеральным в чистом виде, оно, скорее, является общенациональным правительством с ограниченными полномочиями.

Соединенные Штаты Америки не были первым и единственным примером государственного федеративного устройства. Даже не ссылаясь на древние времена, можно привести несколько примеров в современной Европе: Швейцария, Германская империя, республика Нидерланды либо были, либо продолжают оставаться федерациями.

Изучая Конституции этих весьма несхожих между собой стран, можно не без удивления отметить, что власть, которой они наделяют федеральное правительство, во многом напоминает ту, которую американская Конституция предоставляет Правительству Соединенных Штатов. Как и американская Конституция, они передают центральной власти право заключать мир и объявлять войну, право набирать войско и взимать налоги с населения, заботиться об удовлетворении общественных потребностей и регулировать общенациональные интересы. <...>

Американские штаты, вошедшие в Союз в 1789 году, дали свое согласие не только на то, чтобы федеральное правительство издавало для них законы, но и на то, чтобы оно само приводило эти законы в исполнение. <...>

В Америке Союз управляет не штатами, а простыми гражданами. Когда федеральное правительство намеревается собрать налоги, оно обращается не к властям Массачусетса, а к каждому жителю этого

штата. Прежние федеральные правительства имели дело с целыми народами, тогда как американский Союз – с отдельными личностями. Сила, которой он обладает, не взята взаймы, но присуща ему самому. Он имеет своих собственных правителей, свои суды, своих судебных чиновников и свою армию.

Безусловно, национальный дух, общность чувств, провинциальные предрассудки каждого штата приводят к определенному сужению сферы влияния федерального правительства подобного устройства, а также к возникновению своеобразных очагов сопротивления его воле; имея лишь Ограниченные полномочия верховной власти, такое правительство не может быть столь же могущественным, как то, которое обладает этой властью в полном объеме; однако именно в этом и заключается недостаток, присущий федеративной системе правления.

В Америке каждый штат имеет гораздо меньше возможностей и поводов оказывать сопротивление центру. Ну а если все же подобная мысль и возникнет в штате, то он может осуществить ее, только открыто отказываясь подчиняться законам Союза, нарушая привычное функционирование судебной власти, поднимая знамя бунта, – словом, он должен принять самые крайние меры, на что люди обычно долгое время не решаются. <...>

В американском Союзе... федеральное правительство может делать все, на что оно имеет право. <...>

В Америке федеративные штаты, прежде чем добиться независимости, в течение длительного времени входили в состав одной целостной империи, и у них еще окончательно не сложилась привычка полностью управлять самими собой, а национальные предрассудки еще не смогли пустить там глубокие корни; во всех этих штатах по сравнению с остальным миром было больше образованных людей, поэтому те страсти, которые обычно будоражат людей, заставляя их сопротивляться расширению федеральной власти, ощущались в этих штатах значительно слабее, мм II великие политические деятели страны боролись с подобными страстями. Почувствовав болезнь, американцы немедленно и решительно отыскивали средство для ее лечения: они переделали законы и спасли свою страну.

Преимущества федеративной системы вообще и её особое значение для Америки

Чувство счастья и свободы, испытываемое маленькими нациями. – Могущество больших наций. – Великие державы стимулируют развитие цивилизации. – Сила страны нередко является главной предпосылкой ее процветания. – Задача федеративной системы государственного устройства заключается в соединении тех преимуществ, которыми обладают народы, живущие как на больших, так и на малых территориях. – Преимущества данной системы для Соединенных Штатов. – Законы существуют для населения, а не население для законов. – Предприимчивость, прогресс, склонность к свободе и умение ее использовать, присущие американцам. – Общественное сознание Союза есть не что иное, как отражение в сжатом виде провинциального патриотизма. – Предметы и идеи свободно обращаются в пределах территории Соединенных Штатов. – Союз свободен и счастлив, словно маленькая страна, и вместе с тем его уважают как страну большую.

В маленьких странах общество относится с большим вниманием к каждой мелочи, люди стремятся улучшить буквально все; а так как устремления народа существенно препятствует его слабость, то все усилия и средства практически целиком направляются на улучшение благосостояния страны, а не растрачиваются понапрасну в погоне за славой. Более того, поскольку возможности каждого в этих государствах ограничены, то ограничены в равной степени и сами желания. Скромные состояния делают всех приблизительно равными; нравы там просты и миролюбивы. Принимая все это во внимание и учитывая разный уровень нравственности и просвещенности населения, можно сказать, что в маленьких странах народ живет обеспеченнее и спокойнее, чем в больших. <...>

Таким образом, маленькие страны во все времена были колыбелью политической свободы. И тот факт, что большинство из них, становясь более крупными, теряло эту свободу, говорит о том, что обладание свободой больше зависит от малого размера страны, нежели от характера населяющего ее народа.

В мировой истории нет примера крупного государства, которое в течение продолжительного времени оставалось бы республикой¹⁵; это дает повод утверждать, что подобное и вовсе невозможно... С уверенностью можно сказать лишь то, что крупная республика неизменно будет подвергаться гораздо большей опасности, нежели маленькая.

Все гибельные для республик страсти возрастают пропорционально росту их территорий, в то время как добродетели, служащие им опорой, вовсе не увеличиваются в той же прогрессии.

Честолюбивые устремления отдельных лиц нарастают вместе с укреплением могущества государства; сила партий увеличивается в зависимости от важности тех целей, которые они ставят перед собой; однако любовь к отечеству, которая должна оказывать противодействие всем этим разрушительным страстям, не становится сильнее в большой республике по сравнению с малой. Легко доказать, что в большой республике это чувство менее глубоко и менее сильно. Огромные богатства и крайняя нищета, столичные города, падение нравов, рост индивидуализма, разброс интересов – таковы опасности, ежедневно порождаемые большим государством. Многие из этих факторов не причиняют никакого вреда существованию монархии, напротив, некоторые из них могут даже способствовать ее долголетию. Кстати говоря, в монархиях сила правительства заключается в нем самом, оно использует народ и в то же время

¹⁵ Я не говорю здесь о конфедерации маленьких республик, а имею в виду большую крепкую республику как таковую.

не зависит от него; чем многочисленнее народ, тем сильнее монарх. Республиканское же правительство может противостоять этим опасностям лишь при поддержке большинства населения. Между тем эта опора правительства несколько не больше, вообще говоря, в крупной республике по сравнению с маленькой. Следовательно, в то время как средства воздействия непрестанно увеличиваются в количестве и в мощи, противодействующая сила остается неизменной. Можно даже сказать, что она сокращается, потому что по мере роста численности населения и дифференциации образа мышления и интересов формирование прочного большинства становится соответственно все более и более сложным. <...>

Вместе с тем большие государства располагают и своими особыми преимуществами, которые нельзя не признавать.

В этих государствах стремление к власти у обыкновенных людей выражено сильнее, чем в других местах, да и любовь к славе здесь проявляется заметнее в тех душах, для которых рукоплескания многочисленного народа являются достаточным вознаграждением за их дела и в каком-то смысле поднимают их в собственных глазах. То обстоятельство, что мысль здесь более быстродейственна и могущественна, идеи обращаются свободнее, столичные города представляют собой огромные интеллектуальные центры, в которых сходятся, сверкая, все лучи человеческого разума, объясняет нам, почему в крупных странах по сравнению с маленькими развитие просвещения и общий прогресс цивилизации идут более быстрыми темпами. Следует также добавить, что важные открытия нередко требуют такого уровня развития национальных сил, который правительство маленького народа обеспечить не в состоянии; у крупных наций правительство генерирует больше общих идей, решительнее освобождается от прежней рутины и местного эгоизма. Его проекты талантливее, а действия смелее.

Благосостояние малых стран бывает более полным и всеобъемлющим до тех пор, пока они живут в мире; когда же начинаются войны, они приносят им значительно больший ущерб, нежели крупным государствам, отдаленность границ которых дает иногда возможность массам людей оставаться в течение столетий вне непосредственной опасности, и поэтому мни них война несет тяготы, но не разрушения. <...>

Именно для того, чтобы соединить воедино те преимущества, которыми обладают как большие, так и маленькие страны, и была создана федеративная система.

Достаточно бегло взглянуть на Соединенные Штаты Америки, чтобы заметить все те выгоды, которые они получили, установив у себя эту систему.

В крупных странах с централизованной властью законодатель вынужден придавать законам единообразный характер, который не отражает разнообразия местных условий и обычаев: не будучи осведомлен в частности, он может исходить лишь из самых общих правил. В этих обстоятельствах людям приходится по необходимости приспосабливаться к законам, потому что сами законы совершенно не учитывают потребностей и обычаев людей, что является важной причиной беспорядков и всяческих неприятностей.

Подобных несуразиц не существует в странах с федеративным устройством: конгресс принимает основные законы, регулирующие жизнь общества, а местные законодатели занимаются ею в деталях.

Трудно себе даже представить, в какой мере такое разделение полномочий верховной власти способствует благополучию штата, входящего в состав Союза. В этих маленьких обществах, которым не нужно ни заботиться о своей защите, ни стремиться к увеличению своей территории, вся сила государственной власти и вся энергия людей нацелена на улучшение их внутреннего положения. Центральное правительство каждого штата, находясь в непосредственной близости от своих граждан, ежедневно получает сведения о тех нуждах, которые возникают в обществе; в результате каждый год предлагаются новые планы, которые обсуждаются на собраниях общин или на заседаниях законодательных органов штатов и публикуются в прессе, вызывая всеобщий интерес граждан и стимулируя их деятельность и усердие. Это стремление к совершенствованию постоянно присутствует в жизни американских республик, не нарушая, однако, их спокойствия; честолюбивая погоня за властью уступает здесь места любви к благополучию; это более обывательское, но одновременно и менее опасное чувство. В Америке повсюду распространено убеждение в том, что существование и прочность республиканских форм правления в Новом Свете зависят от существования и прочности федеративной системы. <...>

В федерации американских штатов нет тех проблем, которые обычно свойственны многочисленным скоплениям людей. Союз по своей территории является большой республикой; однако его можно было бы в определенном смысле приравнять к маленькой республике, потому что в ведении его правительства сосредоточено весьма незначительное число вопросов. Его действия важны, но редко имеют место. А так как Союз обладает ограниченной и неполной верховной властью, то использование им этой власти отнюдь не угрожает свободе и не порождает неумных стремлений к всемогуществу и сенсациям, столь пагубным для больших республик. Поскольку в Соединенных Штатах нет общего центра, в котором все должно неизбежно сводиться воедино, то здесь не возникает ни огромных столичных городов, ни громадных состояний, ни глубокой нищеты, ни внезапных революций. Политические страсти, вместо того чтобы, подобно пожару, мгновенно распространяться по всей территории страны, перегорают в замкнутом мире интересов и страстей каждого штата.

Вместе с тем в пределах Союза предметы и идеи циркулируют совершенно свободно, как внутри единого народа. Ничто не препятствует здесь духу предпринимательства. Федеральное правительство постоянно притягивает к себе всех талантливых и знающих людей. Внутри Союза царит прочный мир, как в стране,

подчиненной единой власти. Кроме того, Союз стоит в ряду самых могущественных государств земного шара; его побережье длиной в 800 лье открыто для внешней торговли, и, держа в своих руках ключи от целого мира, он заставляет уважать свой флаг на самых отдаленных морских окраинах.

Союз свободен и счастлив, как маленькая страна, но славен и силен, как большая.

Причины, по которым система федеративного устройства не может быть введена у всех народов, а также причины, понудившие англоамериканцев принять эту систему

Любая федеративная система имеет недостатки, которые законодатель не в силах преодолеть. – Сложность всякой федеративной системы. – Она требует от граждан повседневного приложения их разума. – Практические штыки американцев в делах государственного управления. – Относительная слабость правительства Союза – еще один порок, присущий федеративной системе. – Американцы ослабили отрицательные последствия этого порока, но не смогли окончательно ликвидировать его. – Верховная власть отдельных штатов, на первый взгляд, слабее, чем верховная власть Союза, в действительности же она сильнее. – Почему. – У народов, входящих в федерацию, должны существовать еще и естественные причины их объединения в Союз. – Каковы эти причины у англоамериканцев. – Штаты Мэн и Джорджия, удаленные друг от друга на 400 лье, связаны между собой более естественными узами, нежели Нормандия и Бретань. – Война – наибольшая угроза для федераций. – Это доказывает пример самих Соединенных Штатов. – У американского Союза нет повода опасаться большой войны. – Почему. – Опасности, которые грозили бы народам Европы в том случае, если бы они ввели у себя систему федеративного устройства наподобие американской.

...Среди пороков, свойственных любой федеративной системе, самым явным является сложность используемых в ее рамках средств. При такой системе неизбежно возникают две верховные власти. Законодатель может мнить того, чтобы эти власти были по возможности равноправны, чтобы их действия были просты, а сфера их компетенции четко определена. Вместе с тем он не может ни объединить их воедино, ни помешать их соприкосновению в определенных точках.

Следовательно, федеративная система в любом случае строится на весьма сложной теории, применение которой на практике требует повседневного осмысленного участия в этом граждан. <...>

Рассматривая Конституцию Соединенных Штатов, наиболее совершенную из всех известных человечеству федеральных Конституций, напротив, становится страшно от того огромного объема всевозможных знаний и той пронизательности, которыми предположительно должны обладать граждане, для руководства которыми создана эта Конституция. Управление Союзом практически полностью построено на фантазии законодателей. Союз как идеальная страна, строго говоря, существует лишь в умах людей, причем лишь разум может на деле постичь ее реальный размах и пределы ее возможностей.

Даже если общая теория вполне понятна, все равно остаются трудности ее применения на практике. А эти трудности бесчисленны, потому что верховная власть Союза настолько сливается с верховной властью штатов, что, на первый взгляд, невозможно определить грань между ними. В подобной структуре управления все условно и искусственно, и она может подойти только тому народу, который привык долгое время управлять своими делами самостоятельно и в среде которого политические науки доступны даже самым низшим слоям общества. <...>

Конституция Соединенных Штатов похожа на те прекрасные творения человечества, которые одаривают славой и богатством своих изобретателей, оставаясь меж тем бесплодными в чужих руках. <...>

Второй и наиболее губительный из всех пороков, который я считаю присущим самой федеративной системе государственного устройства, состоит в относительной слабости правительства Союза.

Принцип, на котором строятся все федерации, заключается в разделении полномочий верховной власти. Законодатели добиваются того, что это разделение становится мало заметным или даже какое-то время не ощущается вовсе, но уничтожить его полностью они не могут. Однако раздробленная верховная власть всегда будет более слабой, нежели целостная.

При рассмотрении Конституции Соединенных Штатов убеждаешься, с каким искусством американцы, ограничив власть федерального правительства, тем не менее смогли придать ему внешний вид и даже, до известной степени, силу, присущую общенациональному правительству.

Поступив таким образом, законодатели Союза смягчили последствия свойственного всем федерациям недостатка, но они были не в состоянии окончательно ликвидировать его.

Было отмечено, что американское правительство совершенно не обращается к штатам, но доводит свои распоряжения непосредственно до граждан, подчиняя каждого из них в отдельности своей коллективной воле.

Но если вдруг федеральный закон резко нарушит интересы какого-либо штата, можно ли в этом случае опасаться, что каждый гражданин этого штата примет решение поддержать того, кто откажется повиноваться закону? Ведь тогда задетыми Союзом одновременно и в одинаковой степени окажутся все жители штата, поэтому федеральное правительство напрасно будет стараться побороть каждого из них поодиночке: они инстинктивно почувствуют необходимость объединиться, чтобы успешно защитить свои

интересы, и найдут готовую опору в той верховной власти, которая предоставлена их штату. Вымысел исчезнет, чтобы уступить место реальности, и тогда можно будет увидеть, как организованная власть части территории страны вступит в сражение с центральной властью.

То же самое можно сказать и о федеральном правосудии. Если в ходе рассмотрения дела какого-либо частного лица федеральный суд нарушит один из важных законов штата, это неизбежно повлечет если не открыто, то по крайней мере вполне реальную борьбу между штатом, оскорбленным в лице своего гражданина, и Союзом, представляемым своим судом. <...>

Таким образом, американские законодатели добились того, чтобы столкновения между двумя властями стали наименее вероятными, в то же время не уничтожив побудительных причин этих столкновений.

Более того, можно сказать, что они не сумели обеспечить федеральным властям преимущество в случае такого столкновения.

Они передали в распоряжение Союза деньги и солдат, тогда как штаты сохранили в своем арсенале любовь и заинтересованность народа.

Верховная власть Союза есть нечто абстрактное, она связана с внешним миром весьма слабыми связями. Верховная же власть штатов охватывает все, ее легко понять, а ее деятельность ощущается постоянно. Первая из них – нововведение, вторая же родилась одновременно с самим народом.

Верховная власть Союза – это произведение искусства. Верховная власть штатов – совершенно естественное явление, существующее само по себе, без усилий, как, скажем, авторитет отца семейства.

Верховная власть Союза касается людей лишь в связи с наиболее важными общенациональными интересами; она олицетворяет для них огромное, но далекое отечество, вызывающее неясные и неопределенные чувства. Верховная власть штата, напротив, доходит до каждого из граждан и в известной степени вмешивается во все мелочи его жизни. Именно эта власть охраняет собственность этого гражданина, его свободу и его жизнь, именно ей он обязан своим благополучием и своими невзгодами. Её опорой являются воспоминания людей, их привычки, местные предрассудки, провинциальный и семейный индивидуализм – словом, все то, что и превращает привязанность к своему отечеству в столь мощное чувство в сердце человека. Как после этого сомневаться в преимуществах этой власти?

Раз законодатели не могут помешать опасным столкновениям между двумя верховными властями, которые сформировались в рамках федеративной системы, то им, следовательно, необходимо к мерам по предотвращению вооруженных выступлений народов, объединенных в федерацию, добавить специальные действия, которые могли бы обеспечить мирную жизнь этих народов.

Из этого следует, что договоренность о федеральном устройстве окажется недолговечной, если у народов, на которые она распространяется, нет определенных стимулов для объединения, способствующих улучшению их совместной жизни и облегчению задач, стоящих перед правительством.

Таким образом, стабильность государства при федеративном устройстве невозможно обеспечить лишь путем использования дельных законов – для этого нужны также и благоприятные обстоятельства.

Все народы, которые когда-либо объединялись в федерации, имели ряд общих интересов, служивших как бы разумной основой их ассоциации.

Однако, помимо материальных интересов, человеку свойственны мысли и чувства. Для того чтобы федерация просуществовала длительное время, одинаково необходимо как равенство в уровнях развития различных составляющих ее народов, так и равенство их потребностей. <...>

В Соединенных Штатах существует одно обстоятельство, которое значительно облегчает деятельность федерального правительства. Различные штаты не только имеют достаточно сходные интересы, общее происхождение и общий язык, но также стоят на одной ступени развития общества, что почти всегда делает согласие между ними довольно-таки легким делом. Я не уверен в том, что в Европе можно встретить небольшую нацию, которая отличалась бы такой же однородностью во всех отношениях, какая характерна для американского народа, занимающего территорию, равную половине всего европейского континента. <...>

Задача американских законодателей облегчалась не только тем, что они исходили из соответствующих нравов и привычек народа, им помогли еще и другие обстоятельства, связанные с географическим положением Соединенных Штатов. Именно эти обстоятельства и послужили главной причиной принятия и сохранения федеративной системы.

Из всех периодов в жизни народа самым важным, безусловно, является война. В войне народ выступает против чужого народа как единое целое: он борется за свое существование.

До тех пор пока речь идет о поддержании мира внутри страны и о росте народного благосостояния, вполне достаточно умения правительства, рассудительности управляемых им граждан и естественной привязанности людей к своему отечеству, обычно свойственной человеку. Когда же начинается большая война, она требует от населения многочисленных и тяжелых жертв. Поверить же в то, что множество людей будет готово добровольно подчиниться подобным требованиям общества, может лишь тот, кто плохо знает человеческую природу.

Из этого следует, что все народы, которые принимали участие в крупных войнах, были вынуждены, сами того не желая, усиливать свое правительство. Длительная война почти всегда ставит страны перед печальной альтернативой: в случае поражения им грозит уничтожение, а в случае победы – деспотизм. <...>

Как же произошло, что американский Союз, оберегаемый законами, совершенство которых весьма относительно, так и не распался в ходе большой войны? А дело здесь в том, что Соединенные Штаты могут совершенно не опасаться больших войн.

Расположенный в центре громадного континента, где перед человеком открывается безграничное поле деятельности, Союз оказался практически столь же изолированным от остального мира, как если бы он со всех сторон был окружен океаном. <...>

Таким образом, большая удача для Соединенных Штатов состоит не в том, что они выработали такую федеральную Конституцию, благодаря которой они могут выдерживать большие войны, а в том, что их расположение позволяет им не опасаться какой-либо угрозы извне.

Никто не способен больше меня оценить все преимущества системы федеративного устройства государства. Я вижу в ней самый верный залог процветания и свободы человечества. Я завидую судьбе тех стран, которые смогли ввести у себя эту систему. Но в то же время я отказываюсь верить в то, что живущие в федерации народы смогли бы длительное время вести борьбу, при условии равных сил с обеих сторон, против государства, правительственная власть которого централизована.

Народ, который рискнул бы расчленив свою верховную власть перед лицом великих военных монархий Европы, на мой взгляд, одним этим отрекся бы от своего могущества и, вполне вероятно, от собственного существования и своего имени.

А вот Новый Свет расположен так великолепно, что у человека здесь нет иных врагов, кроме него самого! Для того чтобы добиться счастья и свободы, ему достаточно лишь захотеть этого.

Токвиль А. О демократии в Америке. М., 2000. Пер. И. Э. Иванян.

Авраам Линкольн

ПЕРВАЯ ИНАУГУРАЦИОННАЯ РЕЧЬ (FIRST INAUGURAL ADDRESS)

6 ноября 1860 г. А. Линкольн получил 1,86 миллиона голосов рядовых избирателей (40 процентов принявших участие в голосовании) и поддержку 180 выборщиков из 18 штатов, в то время как его основной конкурент демократ С. Дуглас получил 1,37 миллиона голосов и поддержку выборщиков лишь одного штата. Победа *Авраама Линкольна* (1809-1865) была вполне убедительной, но три его соперника получили в общей сложности больше половины голосов рядовых избирателей, и за Линкольна не проголосовал ни один из выборщиков десяти южных штатов. Полученных им голосов было достаточно не только для победы, но и для того, чтобы в южных штатах осознали, чем им грозит приход в Белый дом убежденного противника рабства, каким Линкольн успел зарекомендовать себя в ходе предвыборной кампании. Плантаторов-рабовладельцев не смогли успокоить даже часто повторявшиеся кандидатом республиканцев заверения в том, что он не намерен вмешиваться в институт рабства на Юге.

Как только стали известны итоги выборов, лидеры Юга решили осуществить угрозу, которую многие северяне отказывались принимать всерьёз, – отделиться от Союза в случае победы республиканцев. По мере того как попытки найти устраивающее обе стороны решение ни к чему не приводили, а перспектива развала Союза становилась все более реальной, Север и Запад сосредоточили внимание на сплочении своих рядов, тогда как политические предпочтения Юга становились все более определенными.

Рабство было необходимо политическим деятелям Юга, представлявшим интересы рабовладельцев, для удержания политической власти и США. Угроза потери политического и экономического контроля над федеральным правительством стала для южан особенно реальной с поражением Демократической партии на выборах 1860 г. и избранием на пост Президента США Линкольна. Его победа сделала военный конфликт между Севером и Югом неизбежным.

Многие южане были убеждены, что их штаты будут подвергнуты дискриминации со стороны правительства, состоящего из противников сохранения института рабства. Их теоретики уже давно настаивали на праве любого штата отделиться от Союза, если этот шаг диктуется интересами данного штата. Через полтора месяца после объявления результатов президентских выборов и за два с половиной месяца до официального вступления Линкольна на пост главы государства начался распад Союза.

Первый шаг был сделан Южной Каролиной, принявшей 20 декабря 1860 г. Ордонанс о сецессии. Следом за ней отделились Миссисипи, Флорида, Алабама, Джорджия, Луизиана и Техас. Делегаты отделившихся штатов собрались в г. Монтомери (штат Алабама) и 8 февраля 1861 г. объявили о создании собственной конфедерации. Президентом Конфедеративных Штатов Америки был избран Дж. Дэвис, военный министр в администрации Ф. Пирса и бывший сенатор США от штата Миссисипи. Глава нового государственного объединения заявил, что все граждане Соединенных Штатов обладают равными правами на обустройство со своей собственностью на территории страны и что ни Конгресс США, ни законодательные собрания отдельных штатов не имеют права отменить рабство.

В создавшейся обстановке основной темой инаугурационной речи Линкольна, произнесенной 4 марта 1861 г., менее чем через месяц после образования конфедерации южных штатов, стала необходимость сохранения Союза.

Соотечественники – граждане Соединенных Штатов!

В соответствии с традицией столь же старой, как сама форма правления, я предстаю перед вами, чтобы обратиться к вам с краткой речью и принести в вашем присутствии присягу «перед вступлением в должность», как того требует от президента Конституция Соединенных Штатов.

Сегодня я не считаю для себя необходимым обсуждать те проблемы управления, которые не вызывают особого беспокойства или волнения. Судя по всему, среди жителей южных штатов существуют опасения, что с приходом республиканской администрации их собственность, мирная жизнь и личная безопасность могут оказаться под угрозой. Однако для подобных опасений не было и нет никаких разумных оснований. В действительности всегда были и есть самые убедительные доказательства, свидетельствующие об обратном, и их легко проверить. Их можно найти фактически во всех опубликованных речах того, кто сейчас выступает перед вами. Приведу лишь одно высказывание, содержащееся в одном из моих выступлений, где я заявляю, что у меня нет никаких намерений прямо или косвенно вмешиваться в функционирование института рабства в тех штатах, где оно существует. Я считаю, что не имею законного права делать это, и я не склонен делать это.

Те, кто выдвинул мою кандидатуру и избрал меня на этот пост, поступили так с полным сознанием того, что я сделал данное и многие другие подобные ему заявления и ни разу не отрекся от них; более того, эти люди предложили мне включить в политическую платформу, причем как закон для самих себя и для меня, ясную и выразительную резолюцию, которую я сейчас зачитаю:

«Решили, что сохранение нерушимости прав штатов и особенно права каждого штата устанавливать порядки в своих внутренних институтах и управлять ими исключительно по своему собственному разумению является существенно важным для того равновесия сил, от которого зависят совершенство и долговечность нашей политической структуры; и осуждаем незаконное вторжение вооруженных сил на землю любого штата или территории, под каким бы предлогом оно ни совершалось, как одно из самых тяжких преступлений».

Я вновь повторяю сейчас эти убеждения, и, делая это, я лишь привлекаю особое внимание общественности к самому убедительному из всех возможных в этом деле доказательств того, что собственность, мир и безопасность любого региона никоим образом не будут подвергаться опасности со стороны приступающей к своим обязанностям администрации. И хочу также добавить, что любая защита, которую можно предоставить в соответствии с Конституцией и законами, будет предоставлена всем штатам, когда она будет законно востребована, по любому поводу и с одинаковой готовностью независимо от того, кем она запрашивается.

Много споров возникает относительно выдачи беглых слуг или работников. Статья, которую я сейчас зачитаю, записана в Конституции столь же понятно, как и всякая другая:

«Ни одно лицо, обязанное к службе или работе в каком-либо из штатов согласно его законам и бежавшее в другой штат, не может на основании законов или постановлений последнего освободиться от этой службы или работы и должно быть выдано по требованию стороны, которая имеет право на такую службу или работу»¹⁶.

Вряд ли можно сомневаться в том, что авторы данного положения создавали его для востребования обратно тех, кого мы называем беглыми рабами; но намерение законодателя – закон. Все члены конгресса клянутся соблюдать Конституцию во всех ее частях, в том числе и это положение, как и всякое другое. Таким образом, предложение, что раб, чей случай подпадает под действие этой статьи, «будет выдан», получает единодушное одобрение, сформулированное в виде клятвы. Теперь, если бы законодатели приложили должные усилия, разве они не смогли бы с почти таким же единодушием выработать и принять закон, с помощью которого можно было бы надежно хранить эту единодушную клятву?

Имеются определенные расхождения во мнениях относительно того, кто должен обеспечивать соблюдение этой статьи – федеральные власти или власти штата, но эти разногласия, конечно же, не столь существенны. Если раб должен быть выдан, то для него или кого-либо еще вряд ли будет важно, какие власти сделают это. Но в любом случае следует ли удовлетвориться тем, что твоя клятва останется невыполненной из-за несущественного разногласия по поводу того, как ее надо соблюдать?

И опять, разве не следует в любой закон по этому вопросу внести все и известные в цивилизованной и гуманной юриспруденции гарантии свободы, с тем чтобы свободный человек ни в коем случае не был выдан как раб? И разве не стоит одновременно с этим обеспечить законом проведение в жизнь той статьи Конституции, которая гарантирует, что «гражданам каждого штата предоставляются все привилегии и льготы граждан других штатов»?

Сегодня я приношу официальную клятву без мысленных оговорок и без намерения толковать Конституцию или законы с помощью каких-либо слишком строгих правил; и хотя я сейчас не называю конкретно те или иные законы конгресса, которые следует проводить в жизнь, я настаиваю на том, что для всех, и для официальных и для частных лиц, будет гораздо безопаснее выполнять и соблюдать все те законы, которые продолжают оставаться в силе, чем нарушать любой из них, полагая найти себе оправдание в том, что, по его собственному разумению, они являются антиконституционными.

¹⁶ Конституция США, статья IV, раздел 2. – Прим. пер.

Семьдесят два года прошло со дня первой состоявшейся по нашей Конституции инаугурации президента. В течение этого периода пятнадцать различных в высшей степени выдающихся граждан один за другим осуществляли управление органами исполнительной власти. Они действовали вопреки многочисленным опасностям и, как правило, с большим успехом. И все же при всей масштабности прецедента сейчас я приступаю на короткий четырехлетний конституционный срок к исполнению той же задачи в крайне трудной и необычной ситуации. Раскол федерального Союза, выступавший доселе только как угроза, теперь предстает как устрашающая попытка осуществить его.

Я считаю, что с точки зрения универсального права и Конституции союз этих штатов вечен. Вечность, даже если она не выражена прямо, подразумевается в Основном законе всех государственных форм правления. Можно с уверенностью утверждать, что никакая система правления как таковая никогда не имела в своем Основном законе положения о прекращении собственного существования. Продолжайте выполнять все четко выраженные положения нашей национальной Конституции, и Союз будет оставаться всегда, ибо его невозможно уничтожить иначе, как прибегнув к действию, не предусмотренному в самом этом документе.

И опять, если Соединенные Штаты являются не системой правления в собственном смысле слова, а ассоциацией штатов, основанной просто на договоре, может ли она, как договор, быть мирно расторгнута меньшим количеством сторон, чем было при ее создании? Одна сторона – участница договора может нарушить его, т. е. разорвать, но разве не требуется согласия всех, чтобы законно отменить его действие?

Исходя из этих общих принципов, мы приходим к утверждению, что с юридической точки зрения Союз вечен, и это подтверждается историей, самого Союза. Союз намного старше Конституции. Его фактическое существование началось с подписания Статей Ассоциации в 1774 году¹⁷. Он окреп и продолжал развиваться с принятием Декларации независимости в 1776 году. Дальнейшее укрепление Союза, преданность которому все тогдашние тринадцать штатов наглядно подтвердили, дав слово верности и обещав, что он будет вечным, было отражено в Статьях Конфедерации в 1778 году. И наконец, в 1787 году одной из целей разработки и учреждении Конституции была провозглашена задача «образовать более совершенный Союз».

Но если разрушение Союза одним или только частью штатов станет возможным по закону, то тогда Союз будет менее совершенен, чем до принятия Конституции, поскольку теряется жизненно важный элемент вечности.

Отсюда следует, что ни один из штатов не вправе сугубо по собственной инициативе выйти из Союза, что принимаемые с этой целью решения и постановления не имеют юридической силы и акты насилия, совершенные в пределах любого штата (или штатов), направленные против Правительства Соединенных Штатов, приобретают в зависимости от обстоятельств повстанческий или революционный характер.

Поэтому исходя из Конституции и права я считаю, что Союз нерушим, и я буду в пределах моих возможностей, как того прямо и недвусмысленно требует от меня Конституция, заботиться о том, чтобы законы Союза добросовестно соблюдались во всех штатах. Я полагаю, что поступать подобным образом просто мой долг, и я буду исполнять его, насколько позволят обстоятельства, пока мой законный хозяин, американский народ, не откажет мне в необходимых средствах или каким-либо властным образом не предпишет мне иное. Я надеюсь, что это будет расценено не как угроза, а всего лишь как объявленное намерение Союза защищать и сохранять себя конституционными средствами.

При проведении этой политики нет никакой надобности в кровопролитии или насилии, и их не будет, если их не навязжут общенациональным органам власти. Доверенные мне полномочия будут использованы для то-и-то, чтобы контролировать, занимать собственность и территории, принадлежащие правительству, и владеть ими, а также собирать пошлины и налоги, но выходить за рамки того, что может быть необходимым для выполнения этих задач, недопустимо, так же как и использовать силу против народа или в его среде где бы то ни было. Если в каком-либо внутреннем районе страны враждебность к Соединенным Штатам будет столь велика и повсеместна, что не позволит компетентным местным гражданам выполнить свои обязанности на федеральных постах, то в этом случае для решения возникшей проблемы не будут предприниматься какие-либо попытки навязать людям неприятных для них лиц со стороны. Даже если правительства окажется юридически безупречное право применить силу, чтобы обеспечить исполнение упомянутых обязанностей, попытка добиться этого может стать столь вызывающей и к тому же почти неосуществимой, что, как я полагаю, лучше на какое-то время воздержаться от создания таких постов.

Почта, если ее не отвергают, будет по-прежнему доставляться во всех частях Союза. Всюду, насколько это возможно, люди должны чувствовать себя в той высшей степени безопасности, которая наиболее благоприятна, для того чтобы спокойно мыслить и рассуждать. Указанный курс будет последовательно проводиться в жизнь, если текущие события и опыт не докажут уместность внесения в него корректив или изменений, и всякий раз в случае такой потребности я буду оптимально использовать свои полномочия, сообразовываясь с реально существующими обстоятельствами, имея в виду и надеясь, что тем самым будет достигнуто мирное урегулирование волнующих нацию проблем и будут восстановлены братские симпатии и отношения.

¹⁷ Статьи Ассоциации были приняты первым Континентальным конгрессом, состоявшимся в Филадельфии в 1774 г., и положены в основу первой американской Конституции – Статей Конфедерации (и Вечного союза), принятых в 1777 г. и ратифицированных всеми тринадцатью штатами в 1781 г. – *Прим. сост.*

Я не стану ни утверждать, ни отрицать, что у нас кое-где есть люди, которые так или иначе хотят уничтожить Союз и рады любому предлогу, чтобы сделать это. Но если они существуют, мне нет необходимости обращаться к ним. Однако могу ли я не говорить с теми, кто действительно любит Союз?

Прежде чем приступить к такому серьезному вопросу, как разрушение нашего государственного устройства со всеми его выгодами, памятными событиями и надеждами, не следует ли уточнить, почему мы это делаем. Решитесь ли вы на столь безрассудный поступок, если есть все основания полагать, что любая часть бед, избегаемых вами, реально не существует? Возьмете ли вы на себя риск совершения столь ужасной ошибки, если неизбежные беды, к которым вы приближаетесь, более значительны, чем все реальные беды, от которых вы убегае?

Все публично заявляют о своем удовлетворении Союзом при условии соблюдения в нем всех конституционных прав. Правда ли тогда, что кому-либо отказано в каком-либо четко записанном в Конституции праве? Думаю, что нет. К счастью, человеческий разум устроен так, что ни одна из сторон не осмелится на это. Вспомните, если сможете, хотя бы один случай, когда ясно записанное положение Конституции было бы отвергнуто. Если бы большинство просто в силу своего численного превосходства лишило меньшинство любого ясно записанного конституционного права, это могло бы с моральной точки зрения оправдать революцию, при том условии, конечно, что такое право имело бы жизненно важное значение. Но в нашем случае это не так. Все жизненно важные права меньшинств и индивидов столь явно обеспечены им содержащимися в Конституции утверждениями и отрицаниями, гарантиями и запрещениями, что относительно них никогда не возникает споров. Но ни в каком Основном законе невозможно сформулировать положение, применимое к любому конкретному случаю, который может возникнуть в практике управления. Никакой провидец не может предугадать все вопросы будущего, и никакой документ разумного объема не может содержать верные ответы на все возможные вопросы. Кто должен выдавать беглых рабов – власти федерального центра или штата? В Конституции не говорится на этот счет ничего определенного. Может ли конгресс запретить рабство в территориях¹⁸? В Конституции не говорится на этот счет ничего определенного. Может ли конгресс защищать рабство в территориях? И Конституции не говорится на этот счет ничего определенного.

Вокруг вопросов такого рода возникают все наши конституционные споры, и мы разделяемся в отношении к ним на большинство и меньшинство. Если меньшинство не будет соглашаться, то большинство должно согласиться или же правительство должно уйти в отставку. Другой альтернативы нет, ибо, оставаясь у власти, правительство солидаризируется с одной или другой стороной. Если меньшинство в таком случае отколется от большинства, скорее чем согласится с ним, оно создаст прецедент, который, в свою очередь, расколется и погубит его, поскольку всякое возникающее в его собственной среде меньшинство будет отталкиваться от него всякий раз, когда большинство откажется быть контролируемым таким меньшинством. Почему, например, через два или три года какая угодно часть новой конфедерации не может произвольно отколоться снова, точно так же, как части существующего Союза намереваются выйти его состава?

Все, кто сейчас питает чувства разобщения, воспитываются точно и таком же духе.

Существует ли среди штатов, собирающихся создать новый союз, такое совершенное тождество интересов, которое будет порождать только гармонию и не допустит нового раскола?

Ясно, что центральная идея сторонников раскола – это, в сущности, анархия. Единственным истинным сувереном свободного народа является большинство, которое удерживается в определенных рамках посредством конституционных сдержек и ограничений и всегда легко и взвешенно меняется вместе с изменениями мнений и чувств народа. Всякий, кто отвергает это, неизбежно скатывается к анархии или деспотизму. Единодушие невозможно. Правление меньшинства, как перманентное устройство, совершенно недопустимо, так что, если отклонить принцип большинства, ничего не остается, кроме анархии или деспотизма в той или иной форме.

Я не забываю о занимаемой некоторыми позиции, согласно которой конституционные вопросы должны решаться Верховным судом, и я никоим образом не отрицаю, что выносимые им решения должны в любом случае быть обязательными для сторон как в отношении судебной тяжбы, так и в отношении предмета этой тяжбы и что всем другим органам власти надлежит относиться к ним в высшей степени уважительно и учитывать во всех аналогичных случаях. Конечно, не исключено, что такое решение по какому-нибудь конкретному делу может оказаться ошибочным, однако в силу того, что вытекающие отсюда пагубные последствия ограничены этим отдельным случаем, а решение может быть аннулировано, так и не став прецедентом для других дел, у него есть все шансы оказаться меньшим злом, чем те беды, которые породила бы иная практика.

В то же время честный гражданин должен признать, что если политику правительства по жизненно важным вопросам, затрагивающим весь народ, надо окончательно закрепить решениями Верховного суда, то, как только эти решения будут приняты в обыкновенной судебной тяжбе между сторонами с личными исками, народ перестанет быть своим собственным правителем, поскольку в данных пределах он практически передаст свою исполнительную власть в руки этого выдающегося трибунала. И в этом суждении нет никаких нападок на суд или судей. Решать дела, подаваемые в суд, должным образом – их обязанность, от

¹⁸ На определенном этапе американской истории отдельные регионы именовались не штатами, а территориями. – *Прим. сост.*

исполнения которой они не могут уклониться; и не их вина, если кто-то стремится использовать их решения в политических целях.

Одна часть нашей страны считает, что рабство – правое дело и его; следует распространять, в то время как другая считает, что это зло и его не; следует распространять. Это единственный спор по существу. Статья; Конституции о беглых рабах и закон, направленный на прекращение зарубежной работорговли, соблюдаются, пожалуй, столь же добросовестно, как и любой другой закон в обществе, где моральные устои людей таковы, что они ошибочно поддерживают сам закон. Основная часть народа соблюдает беспристрастное правовое обязательство в обоих случаях, но некоторые нарушают и то и другое. Подобное положение, на мой взгляд, невозможно исправить до конца, и в обоих случаях после распада частей оно может стать еще хуже, чем прежде. Зарубежная работорговля, к настоящему времени ликвидированная не до конца, была бы в конечном счете восстановлена без каких-либо ограничений в одной части, тогда как беглые рабы, выдаваемые сегодня лишь в отдельных случаях, не выдавались бы другой частью вообще.

Реально говоря, мы не можем разделиться. Мы не можем отгородить части нашей страны друг от друга или построить между ними непреодолимую стену. Муж и жена могут развестись и выйти за пределы сферы общения друг с другом и досягаемости друг друга, но различные части нашей страны не могут сделать это. Они не могут не оставаться лицом к лицу, и сношения между ними, дружественные или враждебные, должны продолжаться. Возможно ли тогда после разделения сделать эти сношения более выгодными или более удовлетворительными, чем до этого? Разве чужестранцам проще заключать договоры, чем друзьям вырабатывать законы? Разве легче соблюдать договоры между чужестранцами, чем законы среди друзей? Предположим, вы вступаете в войну, но вы не можете воевать вечно, и тогда, после того как обе стороны понесли многочисленные потери и ни одна из них не добилась успеха, вы прекращаете боевые действия, и перед вами снова встает все тот же старый вопрос: ни каких условиях строить взаимоотношения.

Эта страна, со всеми ее учреждениями, принадлежит тем людям, которые ее населяют. Всякий раз, когда их начинает раздражать существующее правительство, они могут использовать свое конституционное право внести поправки в его деятельность либо свое революционное право разогнать или свергнуть его. Я не могу не обратить внимания на тот факт, что многие достойные и патриотично настроенные граждане очень хотят, чтобы в национальную Конституцию были внесены поправки. Не давая никаких рекомендаций относительно поправок, я в то же время считаю нужным сказать, что полностью признаю законные полномочия людей по всей совокупности данной проблематики, которые они могут осуществлять любым способом, указанным непосредственно в этом документе.

И в данных обстоятельствах мне следует не противодействовать, а способствовать тому, чтобы люди могли пользоваться справедливо предоставленной им возможностью влиять на ход событий в этом деле. Осмелюсь добавить, что я бы предпочел согласительный метод, поскольку в этом случае поправки могут исходить непосредственно от самого народа, в отличие от того, когда ему позволяется лишь принимать или отвергать исходящие от других предложения, которые не вырабатывались специально для решения данного вопроса и которые могут не соответствовать его желанию одобрить или отвергнуть их. Насколько мне известно, через конгресс прошла предложенная к Конституции поправка – которую, однако, я еще не видел, – имеющая своей целью не допускать никакого вмешательства федерального правительства в деятельность внутренних институтов штатов, включая институт находящихся на официальной службе лиц. Дабы избежать неправильного истолкования того, что я сказал, я отступаю от своего намерения не говорить о конкретных поправках лишь для того, чтобы сказать, что в применении этого положения к подразумеваемому в данном случае конституционному закону я не возражаю против придания ему недвусмысленного и необратимого характера.

Президент США получает все свои полномочия от народа, и ни в одном из них ему не поручалось ставить условия разъединения штатов. Народ сам может сделать это, если, конечно, придет к такому решению, но президент как таковой к этому не имеет никакого отношения. Его обязанность – руководить существующей системой управления в том виде, в каком она досталась ему, и передать ее не ослабленной своему преемнику.

Почему бы нам не сохранять терпеливо веру в конечную справедливость народного решения? Есть ли в мире лучшая или хотя бы равная этой надежда? В условиях нынешних разногласий какая из сторон не верит в свою правоту? Если Всемогущий Правитель Народов с Его вечной истиной и справедливостью будет на вашей стороне на Севере или на вашей стороне на Юге, эта истина и эта справедливость, конечно, восторжествуют благодаря решению этого великого суда американского народа.

В рамках системы правления, при которой мы живем, этот самый народ, проявляя мудрость, предоставил своим государственным чиновникам слишком малые полномочия для совершения зла и столь же мудро предусмотрел возвращение этого небольшого в свои собственные руки через очень короткие интервалы. И пока народ будет сохранять свое достоинство и бдительность, никакая администрация, при всей ее порочности или глупости, не сможет причинить очень серьезный вред системе правления за короткий четырехлетний срок.

Мои соотечественники, каждый и все вместе, спокойно и основательно обдумайте все стороны этой проблемы. Мы не потеряем ничего ценного, если не будем торопиться. Если имеется цель, побуждающая кого-либо из вас к опрометчивым действиям, к тому, чтобы в горячей спешке совершить поступок, на который вы никогда не пошли бы преднамеренно, то эта цель останется невыполненной, если вы не будете спешить, но доброй цели не может помешать неторопливое обдумывание. При всей вашей

неудовлетворенности нынешним положением у вас все еще есть старая, но по-прежнему сильная Конституция, а по чувствительному вопросу – законы, созданные вами в ее рамках; к тому же у новой администрации не будет полномочий, да и желания, немедленно менять какой-либо из них. Даже если допустить, что вы с вашей неудовлетворенностью стоите в этом споре на правой стороне, все равно для поспешных действий нет ни одной уважительной причины. Интеллект, патриотизм, христианство и твердое доверие к Нему, кто никогда не оставлял эту благословенную землю, по-прежнему в состоянии наилучшим образом уладить все существующие у нас сегодня трудности.

В ваших руках, мои неудовлетворенные соотечественники, а не в моих – важнейшая проблема гражданской войны. Правительство не собирается нападать на вас. Вы не получите конфликта, если не нападете сами. Вы не связаны никакой зарегистрированной на небесах клятвой уничтожить существующую систему правления, в то время как я буду связан самой торжественной клятвой «поддерживать, охранять и защищать» ее.

Я не хочу так завершать свою речь. Мы не враги, а друзья. Мы не должны быть врагами. Хотя страсти, возможно, и ослабили узы нашей привязанности, они не должны разрывать их. Тайные струны памяти, протянувшиеся от каждого поля битвы и могилы патриота к каждому живому сердцу и домашнему очагу через всю нашу широкую страну, все же зазвучат единым хором Союза, когда к ним снова прикоснутся лучшие ангелы нашего естества, и это непременно произойдет.

*Инаугурационные речи президентов США /
Под ред. и с комм. Э. А. Иваняна. М., 2002.
Пер. А. Л. Семенова.*

Авраам Линкольн

ПРОКЛАМАЦИЯ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ НЕГРОВ (EMANCIPATION PROCLAMATION)

В ходе Гражданской войны (1861-1865) изначально единственная цель борьбы президента *Авраама Линкольна* (1809-1865) – возродить расколотый южанами Союз – трансформировалась в решимость покончить с рабством. Уже в июле 1862 г. Линкольн пришел к выводу о необходимости издать Прокламацию об освобождении негров. Однако государственный секретарь США У. Сьюард и ряд других членов кабинета министров считали, что такой шаг может быть предпринят лишь в том случае, если в войне наступит явный перелом. Сражение при Антиетаме (август 1862 г.) изменило военную ситуацию в пользу федеральных войск.

22 сентября 1862 г. Линкольн опубликовал первую Прокламацию об освобождении негров, содержащую предупреждение, что, в случае если восставшие штаты не возвратятся в Союз к 1 января 1863 г., все рабы, находящиеся на их территории, будут провозглашены «свободными навечно». Штаты Конфедерации проигнорировали предупреждение, и тогда была выпущена вторая прокламация, которая касалась лишь отдельных регионов страны и декларировала освобождение рабов лишь на территории отделившихся штатов. Рабы в штатах, уже занятых федеральными войсками, как и рабы в пограничных и южных штатах, не присоединившихся к Конфедерации, не подлежали освобождению, так как такое решение администрации могло озлобить «лояльных» плантаторов-рабовладельцев этих штатов и лишить федеральное правительство их поддержки.

...Двадцать второго сентября в год от Рождества Христова одна тысяча восемьсот шестьдесят второй Президент Соединенных Штатов была им пущена прокламация, содержащая объявление:

«Что в первый день января в год от Рождества Христова одна тысяча восемьсот шестьдесят третий все лица, содержащиеся как рабы на территории любого штата или определенной части штата, население которого находится в состоянии мятежа против Соединенных Штатов, отныне и навечно объявляются свободными. Исполнительная власть Соединенных Штатов, включая ее военные и военно-морские органы, будет признавать и содействовать свободе этих лиц и не будет совершать никаких действий, направленных на подавление этих лиц или любого из них в случае совершения ими попытки обрести истинную свободу.

Что в указанный день первого января исполнительные власти определяют специальной прокламацией штаты и, при наличии таковых, части штатов, население которых находится в состоянии мятежа против Соединенных Штатов. И в случае отсутствия кажущихся убедительными свидетельств того, что конкретный штат и его население не находятся в данный момент в состоянии мятежа против Соединенных Штатов, все штаты или их население будут в этот день должным образом представлены в Конгрессе Соединенных Штатов депутатами, избранными в этот орган на выборах, в которых должно будет принять участие большинство имеющих право голоса избирателей данного штата».

В силу указанного выше я, Авраам Линкольн, Президент Соединенных Штатов, на основании предоставленных мне полномочий главнокомандующего Армией и Военно-морским флотом Соединенных Штатов, во время фактического вооруженного восстания против власти и Правительства Соединенных Штатов в качестве отвечающей требованиям и необходимой военной меры для подавления указанного выше восстания, в этот день первого января года от Рождества Христова одна тысяча восемьсот шестьдесят третьего и в соответствии с моей решимостью поступить таким образом, публично провозгласил на полный срок в сто дней, начиная с указанного выше первого дня, порядок и названия штатов и частей штатов, население которых является соответственно в состоянии мятежа против

Соединенных Штатов. <...>

[Далее следует перечень десяти штатов и отдельных городов, приходов и графств (округов), подпадающих под указанную категорию.]

И на основании предоставленных мне полномочий и в силу указанных выше причин я приказываю и отныне объявляю свободными всех лиц, содержащихся как рабы в указанных штатах и их частях, и заявляю, что исполнительная власть Соединенных Штатов, включая ее военные и военно-морские органы, будет признавать свободу указанных лиц и содействовать ей.

И я призываю упомянутых лиц воздерживаться от какого-либо насилия, не вызываемого необходимостью самообороны, и рекомендую во всех разрешенных им случаях честно трудиться, получая за это приемлемую заработную плату.

И я далее заявляю и сообщаю, что указанные лица, находящиеся в хорошей физической форме, будут приниматься на военную службу Соединенных Штатов для пополнения гарнизонов фортов, военных позиций, постов и иных пунктов и экипажей военных судов всех категорий, принадлежащих к указанной выше службе.

Принимая это решение, искренне рассматриваемое как справедливое и предусмотренное Конституцией в случае военной необходимости, я взываю к благосклонному суду человечества и великодушному расположению Всемогущего Господа Бога.

В подтверждение чего я приложил к сему свою руку и повелел приложить гербовую печать Соединенных Штатов.

Совершено в городе Вашингтоне первого января в год одна тысяча восемьсот шестьдесят третий от Рождества Христова и восемьдесят седьмой год независимости Соединенных Штатов.

Президент **Авраам Линкольн**

Государственный секретарь **Уильям Г. Сьюард**

An American Primer / Ed. by D. J. Boorstin. N.Y., 1968.

Авраам Линкольн

ГЕТТИСБЕРГСКАЯ РЕЧЬ (GETTYSBURG ADDRESS)

19 ноября 1863 г. Президент США Авраам Линкольн (1809-1865) почтил своим присутствием открытие военного кладбища в Геттисберге (штат Пенсильвания) – городке, у которого 1-4 июля 1863 г. произошло одно из наиболее значительных сражений Гражданской войны (1861-1865) между армией конфедератов под командованием генерала Р. Ли и Потомакской армией под командованием генерала Дж. Мида. Обе сражавшиеся армии понесли примерно равные серьезные потери.

Произнесенная Линкольном на открытии кладбища речь, несмотря на свою краткость (в английском оригинале всего 10 предложений из 268 слов), до сих пор остается эталоном ораторского мастерства. Полный текст Геттисбергской речи высечен на пьедестале памятника Линкольну в Вашингтоне, столице США.

Восемь десятков и семь лет назад наши отцы образовали на этом континенте новую нацию, зачатую в свободе и верящую в то, что все люди рождены равными.

Теперь мы ведем великую Гражданскую войну, подвергающую нашу нацию или любую другую нацию, таким же образом зачатую и исповедующую те же идеалы, испытанию на способность выстоять. Мы встречаемся сегодня на великом поле брани этой войны. Встречаемся, чтобы сделать его часть последним пристанищем для тех, кто отдал свою жизнь во имя того, чтобы наша нация смогла выжить. Со всех точек зрения это уместный и совершенно верный шаг.

Но в более широком смысле мы не можем посвящать, мы не можем благословлять, мы не можем почитать эту землю. Отважные люди, живые и мертвые, сражавшиеся здесь, уже совершили обряд такого посвящения, и не в наших слабых силах что-либо добавить или убавить. Мир едва ли заметит или запомнит надолго то, что мы здесь говорим, но он не сможет забыть того, что они совершили здесь. Скорее, это нам, живущим, следует посвятить себя завершению начатого ими дела, над которым трудились до нас с таким благородством те, кто сражался здесь. Скорее, это нам, живущим, следует посвятить себя великой задаче, все еще стоящей перед нами, – перенять у этих высокочтимых погибших еще большую приверженность тому делу, которому они в полной мере и до конца сохраняли верность, исполниться убежденностью, что они погибли не зря, что наша нация с Божьей помощью возродится в свободе и что власть народа волей народа и для народа не исчезнет с лица земли.

Heffner R. D. A Documentary History of the United States. N.Y., 1965.

Эндрю Карнеги

БОГАТСТВО

(THE WEALTH)

Один из крупнейших американских сталелитейных магнатов и филантроп международного масштаба, основатель и глава компании «Карнеги стил», ставшей со временем ядром корпорации «Юнайтед стейтс стил», *Эндрю Карнеги* (1835-1919) в 1889 г. опубликовал статью «Богатство», ставшую известной как «Слово о богатстве» (Gospel of Wealth). В ней Карнеги изложил свои взгляды на филантропическую деятельность и вообще на долг состоятельных людей перед современным обществом.

Отойдя от активной предпринимательской деятельности, Карнеги посвятил себя благотворительности, сделал огромные пожертвования (около 350 миллионов долларов) на развитие образования, культуры и международной деятельности в интересах мира. Одной из всемирно известных организаций, созданных на средства Карнеги, является основанный в 1910 г. Фонд Карнеги за международный мир (Carnegie Endowment for International Peace), осуществляющий организацию международных исследований. С 1911 г. на средства Карнеги существует частный благотворительный фонд Корпорация Карнеги Нью-Йорка (Carnegie Corporation of New York). Располагаемая финансовыми активами, превышающими 1,7 миллиарда долларов, он занимал в 1999 г. 27-е место в списке крупнейших филантропических фондов США. Ежегодно фонд выделяет гранты на общую сумму около 60 миллионов долларов.

Проблемой нашего века является правильное управление богатством, с тем чтобы узы братства смогли бы по-прежнему связывать вместе гармоничными взаимоотношениями богатых и бедных. В последние несколько сотен лет условия человеческой жизни не только изменились, но и революционизировались. В прошлом было мало различий в том, как жили, одевались, питались и с кем общались хозяин и его слуги. Индейцы сегодня находятся на той ступени, где находился тогда цивилизованный человек. При посещении племени сиу меня провели в вигвам вождя. Внешне он выглядел так же, как другие жилища, и даже внутри разница между ним и жилищем беднейшего из его воинов была очень незначительной. Контраст между дворцом миллионера и домиком рабочего измеряется сегодня мерками, появившимися с цивилизацией.

Однако следует не осуждать эти изменения, а, напротив, их надо приветствовать как исключительно полезные. Они нужны, нет, они необходимы для прогресса рода человеческого, чтобы дома некоторых стали хранилищами для всего самого лучшего в литературе и искусстве, для всех тонкостей цивилизации, и это предпочтительнее, чем если они не станут таковыми. Лучше такая огромная несправедливость, чем всеобщее убожество. Без богатства не может быть Мецената¹⁹. «Добрые старые времена» не были добрыми старыми временами. Ни хозяин, ни слуга не были и столь хорошо помещены, как сегодня. Возврат к старым условиям жизни был бы губительным для обоих (и ничуть не в меньшей степени для того, кто служит) и смёл бы всю цивилизацию. Но независимо от того, хорошему или плохому служат перемены, они уже произошли, и не в наших силах что-либо изменить, а поэтому нам следует принять их и наилучшим образом использовать. Критика неизбежного – пустая трата времени.

Нетрудно увидеть, как пришли эти перемены. Одной иллюстрации достаточно для любого этапа этого процесса. Все дело в производстве продукции, т. е. относится к любым проявлениям человеческого усердия, стимулированного и усиленного изобретениями этого научного века. В прошлом товары производились на огне домашних очагов или в небольших мастерских, являвшихся частью жилища. Мастер и его ученики работали бок о бок, ученик жил рядом с хозяином и, следовательно, имел те же условия жизни. Когда ученики вырастали в хозяев, не наступало никаких перемен в образе их жизни, и они прививали те же привычки следующим поколениям учеников. Существовало, по сути, социальное и даже политическое равенство, поскольку те, кто был занят в промышленном производстве, не обладали тогда политическим голосом в штате или же их голос был едва слышен.

Неизбежным результатом такого способа производства были несложные изделия, продаваемые по высоким ценам. Сегодня мир располагает товарами отличного качества, продаваемыми по ценам, которые даже предшествующее поколение сочло бы неслыханными. В мире коммерции те же причины вызвали аналогичные результаты, и это пошло на пользу людям. Бедняк располагает тем, что не мог себе раньше позволить богатч. То, что считалось роскошью, стало жизненной необходимостью. Сельскохозяйственный работник сегодня пользуется большим комфортом, чем имел фермер несколько поколений назад. Фермер располагает большим комфортом, чем раньше имел землевладелец, он лучше одевается и имеет лучшее жилище. Землевладелец владеет более ценными книгами и произведениями искусства и более высокохудожественной обстановкой в доме, чем мог себе раньше позволить король.

Несомненно, что мы платим высокую цену за эти благотворные перемены. Мы собираем на заводе, на шахте, в бухгалтерии тысячи работников, о которых наниматель не знает ничего или знает очень немного и для которых наниматель значит немногим больше, чем миф. Взаимоотношения между ними минимальны. Образуются жесткие касты, а неосведомленность друг о друге ведет, как правило, к взаимному недоверию. Каждая каста не питает симпатий к другой и готова поверить любому нелепому для той утверждению. Соблюдая законы конкуренции, наниматель тысяч работников вынужден соблюдать строгий режим экономии, затрагивающий в первую очередь размеры оплаты труда, и часто возникают трения между нанимателем и наемным работником, между капиталом и трудом, между богатым и бедным. Человеческое общество теряет однородность.

¹⁹ **Меценат Гай Цильний** (между 74 и 64 – 8 до н. э.) – римский государственный деятель, известный своим влиянием на литературную жизнь Рима. Он дружил с величайшими поэтами своего времени – Горацием и Вергилием и оказывал им покровительство и финансовую поддержку. – *Прим. сост.*

Цена, которую общество платит за закон конкуренции, несомненно, высока, как высока цена, которую оно платит за дешевый комфорт и роскошь, но польза от этого закона еще выше, поскольку именно этому закону мы обязаны нашим успешным материальным развитием, влекущим за собой улучшение условий жизни. Но независимо от того, мягок закон или нет, нам следует сказать то же, что мы сказали об изменениях в условиях жизни людей, о чем шла речь выше: он существует, и мы не можем избежать его; замены ему не найдено; и хотя этот закон может оказаться жестоким по отношению к отдельной личности, он – наилучшее для рода человеческого, поскольку обеспечивает выживание сильнейшего в любой сфере деятельности. Поэтому мы принимаем и приветствуем как условия, к которым нам надо приспосабливаться, огромное неравенство в окружающей нас обстановке, концентрацию деловой, промышленной и торговой мощи в руках немногих и закон конкуренции между ними как нечто не только полезное, но и необходимое для будущего прогресса человечества. Признав все это, мы должны признать и необходимость существования широкого поля деятельности для проявления особых способностей торговца и промышленника, которому предстоит вести свои широкомасштабные дела. То, что организационный и управленческий талант является редким качеством людей, доказывается тем фактом, что его обладателю неизменно гарантировано огромное вознаграждение, независимо от того, где, по какому закону или в каких условиях он осуществляет свою деятельность. <...>

Возражения против основ, на которых построено общество, неуместны, поскольку человечеству намного лучше жить по этим правилам, чем по любым ранее испробованным законам. Мы не можем быть уверенными в эффективности любой иной предлагаемой основы. Социалист или анархист, стремящийся ниспровергнуть существующие условия, должен рассматриваться как ополчившийся на основу, на которой зиждется сама цивилизация, поскольку отсчет цивилизации начался в тот день, когда способный и трудолюбивый работник сказал своему неумелому и ленивому приятелю: «Если ты не сеял, тебе и не пожинать» – и тем самым положил конец примитивному коммунизму, отделив трутней от пчел.

Тот, кто занят изучением этого вопроса, вскоре придет к выводу, что сама судьба цивилизации зависит от неприкосновенности собственности – права рабочего на его сотню долларов в сберегательном банке и, равным образом, законного права миллионера на его миллионы. Следовательно, ответ тем, кто предлагает заменить коммунизмом индивидуализм такого рода, может быть лишь один: человечество уже испробовало это. Весь прогресс со времен варварства до нашего времени является результатом отказа от него.

Отнюдь не вред, а лишь пользу принесло человечеству накопление богатства теми, кто обладает способностью и энергией производить его. Но даже если мы признаем на миг, что человеческому обществу было бы выгоднее отказаться от своей нынешней основы – индивидуализма, что им много благороднее выглядит идеальная ситуация, когда человек должен трудиться не для себя, а в коллективе своих товарищей во имя братства между ними и делить с ними все по-братски, реализуя представление Сведенборга²⁰ о рае, где, как он утверждает, ангелы испытывают счастье, трудясь не для себя, а друг для друга, даже признав все это, можно утверждать лишь одно: перед нами не эволюция, а революция.

Революция требует изменения человеческой природы, на что необходимы века, даже в том случае, если бы такое изменение принесло пользу, чего мы не можем знать. Это нереально в наши дни или в наш век. Даже если бы такое изменение было теоретически желательно, оно принадлежит к иной, причем далекой общественной формации. Нашим долгом является осуществить то, что реально сегодня, что может быть реализовано нами и при жизни нашего поколения. Преступно тратить нашу энергию, пытаясь вырвать с корнем всеобщее древо человечества, тогда как единственное, что мы можем с выгодой использовать или чего можем добиться, это – лишь немного склонить его в нынешних условиях в сторону, благотворно влияющую на производство полезных плодов. С таким же успехом мы можем настаивать на уничтожении наиболее совершенного из существующих типа человека за то, что ему не удалось приблизиться к нашему идеалу, и на ликвидации индивидуализма, частной собственности, закона накопления богатства и закона конкуренции, поскольку они представляют собой наивысшие результаты человеческого опыта, почву, с которой общество до сего времени получало наилучшие плоды. Несмотря на неравенство и несправедливость, характерные иногда для действия этих законов, и несмотря на кажущееся идеалисту их несовершенство, эти законы, как и наиболее идеальный тип человека, являются наиболее ценным из всего того, чего добилось человечество до настоящего времени.

Мы исходим, следовательно, из того положения дел, при котором соблюдаются наивысшие интересы человеческого рода, но которое неизбежно приносит богатство лишь немногим. На сегодняшний день, признавая существующие условия, ситуация может быть оценена как хорошая. И тогда возникает вопрос, а если вышеизложенное верно, то единственный вопрос, на который нам следует дать ответ: как правильно распорядиться богатством после того, как законы, на которые основывается человечество, передали это богатство в руки немногих? И я предлагаю, по моему разумению, верное решение этой огромной задачи.

Существует всего лишь три способа использовать избыточное богатство. Оно может быть оставлено семьям потомков, оно может быть завещано на общественные нужды, и оно, наконец, может использоваться его владельцами при их жизни. До настоящего времени применялись лишь первые два способа использования большей части богатства мира, накопленного немногими. Давайте рассмотрим по очереди каждый из этих способов.

²⁰ Эмануэль Сведенборг (1688-1772) – шведский ученый и теософ-мистик, автор многочисленных научных трудов по горному делу, математике, астрономии и др., изданных в 1730-е годы. Его более поздние сочинения пронизаны мистикой и спиритуализмом. – *Прим. сост.*

Первый способ является наиболее неблагоприятным. В монархических государствах недвижимость и наибольшая часть богатства переходят в руки старшего сына, давая основание родителю довольствоваться мыслью, что его имя и титул передаются в сохранности следующим поколениям. Положение этого класса в современной Европе свидетельствует о беспочвенности таких надежд и амбиций. Наследники обеднели в результате своего безрассудства или обесценения земли. Даже в Великобритании строгий закон распоряжения наследством оказался неспособным помочь потомкам сохранить свой статус. Их земля быстро переходит в руки посторонних людей. В условиях республиканского государственного устройства раздел собственности между детьми носит более справедливый характер.

Но у всех мыслящих людей во всех странах настоятельно возникает вопрос: почему человек должен оставлять огромное состояние своим детям? Если это делается из любви, не достойна ли эта любовь лучшего применения? Опыт учит, что, вообще говоря, такое отягощение жизни детей не служит их благу. Не служит оно и благу государства. За исключением обеспечения жены и дочерей скромным источником дохода и еще более скромным пособием сыновьям... мужья и отцы должны испытывать замешательство, поскольку уже не вызывает сомнения, что наследованные огромные суммы чаще приносят получателям не пользу, а вред. <...>

Что касается второго способа – посмертного завещания большого состояния на общественные нужды, – можно сказать, что это всего лишь один из путей распоряжения богатством при условии, что человек должен ждать своей смерти, прежде чем его богатство принесет какую-либо пользу миру.

Ознакомление с результатами использования завещанных состояний не может вызвать сколько-нибудь светлых надежд на то, что они приносят какую-то значительную посмертную пользу. Немало случаев, когда истинная цель, к которой стремился завещатель, не достигается или когда его истинные желания искажаются. Часто случается, что наследство используется таким образом, что становится лишь памятником причудам завещателя. Следует помнить, что для того, чтобы использовать богатство для истинной пользы общества, нужны способности, не уступающие тем, которые понадобились для его накопления. Кроме того, было бы справедливо сказать, что нельзя восхвалять человека за то, чего он не может не сделать, или благодарить его за то, что он оставляет свое богатство обществу лишь после своей смерти. Люди, которые завещают огромные суммы таким способом, с полным на то основанием могут считаться людьми, которые ничего не оставили бы, если бы у них была возможность взять все это с собой. <...>

Людям, которые всю жизнь продолжают накапливать огромные состояния, правильное использование которых во всеобщих интересах было бы благом для общества, следует дать понять, что общество в лице государства не может быть лишено права на пристойную долю этого состояния. Облагая наследуемое имущество большими налогами по смерти по владельца, государство выражает свое осуждение недостойной жизни эгоистичного миллионера... Такая политика явилась бы мощным средством вынудить богача контролировать управление своим богатством при жизни, и именно это является целью, которую обществу следует всегда иметь в виду как наиболее плодотворную для народа. И не следует опасаться, что такая политика подорвет корни предпринимательства и сделает людей менее склонными к накоплению, поскольку для того класса людей, чьим намерением является завещать огромные состояния и после своей смерти остаться в памяти, будет более привлекательным и поистине в какой-то мере более благородным способом завещать свое огромное состояние государству.

Остается, таким образом, лишь один путь использования огромных состояний, но именно в нем содержится истинное противоядие от временного неравного распределения богатства – примирение богатей и бедняков. Царство гармонии – еще один идеал, отличающийся от идеала коммуниста тем, что он требует лишь дальнейшей эволюции существующих условий, а не свержения нашей цивилизации. Он основан на современном наиболее интенсивном индивидуализме, и человечество готово применять его на практике поэтапно, когда ему это заблагорассудится.

Под его влиянием мы по-прежнему имеем идеальное государство, в котором избыточное богатство немногих станет в прямом смысле слова собственностью многих, будучи управляемым во имя всеобщего блага, и это богатство, проходя через руки немногих, может быть превращено в гораздо более мощное средство развития рода человеческого, чем если бы оно было распределено небольшими суммами между отдельными людьми. В этом можно убедить даже самого бедного человека, и он согласится, что огромные суммы, накопленные его согражданами и израсходованные на общественные цели, от которых массы получают основную пользу, представляют для них гораздо большую ценность, чем если бы они распределялись между ними в мизерных размерах на протяжении многих лет. <...>

Таковым, следовательно, должен быть долг богатого человека: прежде всего подавать пример скромной, непритязательной жизни, избегая показухи и экстравагантности; обеспечивать в умеренных масштабах законные нужды зависимых от него лиц, а после выполнения этих требований рассматривать получаемые им избыточные доходы всего лишь как трастовые фонды, доверенные его управлению и строго подлежащие его управлению, которое, по его мнению, рассчитано на достижение наиболее выгодных для общества результатов. Таким образом, богатый человек становится простым агентом и попечителем своих более бедных собратьев, предоставляя к их услугам свои мудрость, опыт и свои несомненные способности к управлению и делая для них больше, чем они сделали бы или могли бы сделать для себя сами. <...>

Наиболее полезные способы использования избыточного богатства уже упоминались выше. Тем, кто будет

разумно управлять большими состояниями, действительно следует иметь в виду одно из самых серьезных препятствий на пути к совершенствованию человеческого рода – неразборчивую благотворительность. Было бы предпочтительнее для человечества бросить миллионные средства богачей в морскую пучину, чем истратить их на поощрение лентяев, пьяниц, подлецов. Из каждой тысячи долларов, затрачиваемых сегодня на так называемую благотворительность, 950 долларов, возможно, расходуются неразумно, расходуются так, что в результате возникают те самые пороки, которые предполагается смягчить или излечить. <...>

При оказании благотворительности основным соображением должно быть стремление помочь тем, кто затем сам поможет себе; дать часть необходимых средств, с помощью которых желающие вырасти получают эту возможность; предоставить помощь тем, кто хочет преуспеть, дабы они могли этого добиться. Помогать лишь изредка и никогда не делая всего возможного. Ни отдельная личность, ни все человечество не становятся лучше от подаваний. Достойные помощи, за редким исключением, ее не требуют. Действительно ценные представители человечества никогда этого не делают, не считая чрезвычайные случаи или внезапные изменения... Лучшим средством принести пользу обществу является поместить в пределах доступности лестницы, по которым стремящийся к успеху мог бы взобраться вверх: парки и места отдыха, помогающие людям совершенствоваться духом и телом, произведения искусства, приносящие людям удовольствие и улучшающие общественный вкус, и всевозможные общественные учреждения, улучшающие общие условия жизни народа, – возвращая таким образом избыточное богатство своим собратьям в тех формах, которые наилучшим образом рассчитаны на принесение им долговременной пользы.

Такова проблема богачей и бедняков, которую предстоит решить. Законы накопления будут оставаться свободными; законы распределения – свободными. Индивидуализм будет продолжать существовать, но миллионер окажется всего лишь попечителем бедняков, которому будет доверено временное управление значительной частью выросшего богатства общества, но управляющего им от имени общества более успешно, чем если бы общество управляло им самостоятельно. Лучшие умы достигнут таким образом той стадии развития человечества, на которой станет ясно, что не существует иного способа распределения избыточного богатства, созданного разумными и честными людьми, в чьих руках оно оказывается, кроме как использовать его год за годом во имя всеобщего блага. Этот день уже наступает. <...>

Heffner R. D. A Documentary History of the United States. N.Y., 1965.

Карл Шурц

ПРЕДОПРЕДЕЛЕННАЯ СУДЬБА (MANIFEST DESTINY)

Американский публицист немецкого происхождения, активный участник революции в Германии 1848 г. *Карл Шурц* (1829-1906) эмигрировал в США в 1852 г. В 1861 г. в благодарность за помощь в избирательной кампании А. Линкольна он был назначен посланником в Испанию. Однако уже в 1862 г. Шурц вернулся в США и принял активное участие в Гражданской войне (1861-1865), заслужив звание сначала бригадного генерала, позднее генерал-майора.

После окончания войны Шурц занялся журналистикой: работал вашингтонским корреспондентом газет «Нью-Йорк таймс», «Детройт ньюс» и др. В 1869 г. Шурц был избран в сенат от штата Миссури, но при попытке переизбраться в 1875 г. потерпел поражение. В 1876 г. он назначен министром внутренних дел США. За проведение политики насильственного выселения индейских племен с принадлежащих им территорий министр подвергался серьезной критике и был вынужден занять более мягкую позицию по этому вопросу. В 1881 г. Шурц становится соредактором газеты «Нью-Йорк ивнинг пост», на страницах которой выступает против антисемитизма, за терпимое отношение к религиозным и этническим меньшинствам. В 1892 г. он избирается президентом Национальной лиги реформы гражданской службы и становится главным редактором журнала «Харперс уикли».

Шурц активно выступал против Испано-американской войны 1898 г., аннексии Гавайских островов и Пуэрто-Рико. Он был также известен как активный сторонник предоставления гражданских прав чернокожим американцам. Будучи высокообразованным человеком с разносторонними интересами, Шурц постоянно выступал со статьями по наиболее насущным проблемам своего времени. В 1913 г. в признании заслуг Шурца перед его второй родиной в Нью-Йорке был открыт парк его имени и воздвигнут памятник в его честь.

Анализируемая Шурцем теория «предопределенной судьбы» получила распространение еще в годы администрации президента Дж. Полка, в 1845 г. Эта теория оправдывала право Соединенных Штатов Америки доминировать над любой частью Нового Света, входящей в сферу их интересов, т.е. оправдывала все территориальные приобретения: сначала на североамериканском континенте – от мексиканской провинции Техас до российских владений на Аляске и Алеутских островах, а позднее и за его пределами – в Центральной Америке, на Кубе и в Океании. На эту теорию ссылались в оправдание действий пионеров, фермеров и миссионеров, стремившихся на запад континента с целью овладения новыми плодородными землями, ранее принадлежавшими коренным американцам – индейцам. На эту же теорию спустя пять с лишним десятилетий стали ссылаться и в оправдание империалистических претензий США на сферы влияния, источники сырья и рынки сбыта в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Статья «Предопределенная судьба», опубликованная в журнале «Харперс уикли» в октябре 1893 г., достаточно полно отражает взгляды как самого автора, так и демократически настроенной общественности страны на империалистическую политику США в конце XIX в.

Возникновение какого-либо плана аннексии иностранной территории в пользу нашей республики дает

повод для воплей о «предопределенной судьбе», дабы создать впечатление, что любое противодействие такому плану является борьбой против определенного свыше предназначения. Сорок лет тому назад у подобных восклицаний была странная особенность. Рабовладельцы видели в быстром росте числа свободных штатов угрозу существованию рабства. Для укрепления своих позиций в конгрессе они нуждались в большем количестве рабовладельческих штатов и поэтому надеялись на присоединение зарубежных территорий, где существовало рабство, – прежде всего острова Куба. Таким образом, для сторонника рабства «предопределенная судьба» означала увеличение числа рабовладельческих штатов путем аннексии. Существовал и еще один довод в поддержку требования территориального расширения. Он состоял в юношеском оптимизме, в то время все еще вдохновлявшем умы многих американцев мыслью о том, что наша республика, которой предназначено нести знамя свободы по всему цивилизованному миру, сможет трансформировать любую страну, населенную любым народом, в нечто похожее на нее саму, просто распространив на нее магическое очарование своих политических институтов. <...>

Гражданская война ослабила это требование территориальной экспансии. Прежде всего с ликвидацией рабства навсегда исчезли могущественные интересы, стоявшие за политикой аннексии. Что же касается сентиментального движения, то великий кризис, который чуть не привел Союз к разрушению, потряс торжествующий «оптимизм 4 июля»²¹ прошлых лет и напомнил американскому народу об изначальной неспособности решить все проблемы человеческого общества лишь силами политических институтов. Волнения и сложности, возникшие после Гражданской войны, отрезвили даже самых кровожадных. Избыточная юношеская самоуверенность сменилась здоровым скептицизмом. Это вызвало необходимость серьезного анализа существующих условий и способствовало возникновению в нашем народе осознания того, что нам следует понять, чем мы обладаем. Лучше рационально использовать свои богатства, чем направлять энергию на реализацию фантастических зарубежных авантур.

Лишь очень немногие из государственных деятелей того времени продолжали находить удовлетворение в мечтах о «предопределенной судьбе». Наиболее видным из них был Сьюард²², который в 1868 году предсказал, что «через тридцать лет город Мехико-сити будет столицей Соединенных Штатов», и постоянно строил планы аннексии. Но общественное мнение восприняло весьма холодно его прожекты. Приобретение Аляски было встречено народом явно неодобрительно, и если бы Самнер²³ не предпринял энергичных усилий и если бы не существовало всеобщее мнение, что Россия в каком-то смысле помогла нам в критическое время и что было бы нелюбезно с нашей стороны отвергнуть договоренность, устраивающую эту дружественную державу, эта покупка не состоялась бы. Кроме того, приобретение Аляски, являющейся частью американского континента в высоких северных широтах, вызывало меньше возражений, чем приобретение какой-либо территории, лежащей вне нашего континента, тем более в тропиках. <...>

Предпринятая недавно президентом Гаррисоном попытка включить Гавайские острова в наш Союз вновь вызвала общественный интерес к вопросу о территориальной экспансии и вновь дала повод для воплей о «предопределенной судьбе». <...>

Новое изложение «предопределенной судьбы» предусматривает в принципе не просто присоединение к Соединенным Штатам соседствующих с нашими границами территорий, но, скорее, приобретение такой ближней или дальней территории, которая может оказаться полезной для увеличения наших коммерческих выгод и обеспечения нашим военно-морским силам условий, более соответствующих оперативным нуждам великой морской державы. Такая политика находит поддержку не только у партийных пропагандистов, интересующихся этим вопросом лишь с точки зрения политического эффекта, но и у немногочисленных, но весьма экспансивных людей – американцев, имеющих деловые интересы за рубежом, или тех, кто хочет иметь таковые; у граждан с повышенными националистическими амбициями, считающих, что консервативные традиции нашей внешней политики вышли из моды и что для Соединенных Штатов настала пора принять активное участие в международной политике и утвердить свое могущество во всем мире и что с этой целью следует воспользоваться любой возможностью территориального расширения, и, наконец (что можно назвать военно-морским интересом), у морских офицеров и всех тех, кто испытывает особую гордость за развитие наших военно-морских сил; многие из них ратуют за серьезное увеличение нашего военного флота с целью поддержки активной внешней политики, настолько энергичной, чтобы она могла обеспечить соответствующую поддержку нашего военного флота и способствовала его дальнейшему росту. Мы видим, что эти силы стремятся подогреть амбиции американского народа, как только появляется возможность приобретения новой территории за рубежом. <...>

Патриотическая пылкость тех, кто настаивает на необходимости того, чтобы наша республика встала на путь безудержного территориального расширения, дабы стать крупнейшей из самых крупных держав мира, заслуживает более серьезного рассмотрения. Желание видеть нашу страну сильной и уважаемой другими государствами мира и обеспечить ей все те, преимущества, на которые ей дают право ее репутация и положение, является естественным для каждого американца. Мы все сходимся в этом. Однако могут

²¹ 4 июля – День независимости США, общенациональный праздник, дающий основание американцам проявлять патриотические чувства при воспоминании о годах борьбы против британской монархии. – *Прим. сост.*

²² Уильям Генри Сьюард (1801-1872) – государственный секретарь США (1861-1869), активный сторонник расширения владений США в Западном полушарии. – *Прим. сост.*

²³ Чарлз Самнер (1811-1874) – американский политический деятель, сенатор-аболиционист, один из лидеров радикальных республиканцев в годы Гражданской войны и Реконструкции. Будучи председателем сенатского комитета по иностранным делам, сыграл заметную роль в лоббировании идеи приобретения Аляски. – *Прим. сост.*

существовать серьезные расхождения во мнениях относительно того, каким образом эта цель может быть наиболее полно и наиболее достойно достигнута. Здесь требуется нечто большее, чем просто патриотические чувства, а именно государственный разум. Ни один сознательный гражданин даже не подумает о присоединении хотя бы одной квадратной мили чужой земли к нашему Союзу без серьезнейшего рассмотрения последствий такого шага для социальной и политической жизни нашей страны и для наших отношений с внешним миром. <...>

Если народ Канады выразит однажды желание войти в Союз, с учетом особенностей этой страны и ее населения не возникнет никаких сомнений в приемлемости и даже желательности такого объединения. Их страна имеет такие особенности почвы и климата, которые позволяют наилучшим образом поддерживать в рабочем состоянии энергию человека. В своей основной массе народ Канады – того же происхождения, что и наш, и родственен нам по традициям, своему представлению о законности и морали, по своим интересам и привычкам. Канадцы привыкли к миролюбивой и законопослушной практике самоуправления. Они без труда смешаются с американцами и станут частью единого народа. Новые штаты, которые будут присоединены к Союзу, в скором времени вряд ли будут сколько-нибудь значительно отличаться от старых. Их присоединение увеличит размеры нашего национального дома, но не изменит серьезно его характера. <...>

Совершенно иная ситуация возникла бы в случае присоединения территории, расположенной к югу от нас. Прежде всего по причине того, что эта ситуация возникла бы на основе совершенно иной мотивации – не чувства естественной близости друг к другу, а желания с нашей стороны приобрести определенные коммерческие выгоды: заполучить ресурсы другой страны и путем их эксплуатации умножить свое богатство; занять определенные стратегические позиции, которые в случае войны могут оказаться важными, и т.д. Вполне очевидно, что, стоит только приступить к реализации политики аннексии в указанных целях, и аппетит будет расти во время еды. Всегда будут существовать дополнительные коммерческие выгоды, которые можно получить, всегда будет желание присвоить богатства все большего числа стран, всегда будет расширяться список стратегических позиций, которые захочется занять для защиты тех позиций, которыми мы уже располагаем. Не только желание обладать ещё большим, но интерес, логика самой ситуации будут толкать нас все дальше и дальше... Решительно встав на этот путь, мы уже вряд ли остановимся на севере от Дарьенского залива²⁴, и у нас будет множество столь же убедительных причин для того, чтобы не останавливаться даже там.

Следует признать в качестве основы для рассуждений, что существует нечто поразительное в концепции великой республики, охватывающей целый континент и прилегающие острова, и что тропическая ее часть откроет американцам множество соблазнительных сфер для предпринимательства. Давайте предположим (очень уж, конечно, смелое предположение), что мы сможем заполучить все эти страны без какого-либо насилия совершенно безвозмездно. Но не следовало ли бы нам заглянуть несколько дальше? Если мы заполучим эти страны в качестве штатов в наш союз, что и произойдет со временем, если мы их аннексируем, мы должны будем признать их население нашими согражданами, обладающими одинаковыми с нами правами. В качестве наших сограждан они будут не только в меру своих способностей управлять в своих штатах (притом что Соединенные Штаты возьмут на себя гарантии республиканской формы прошения и защиты от вторжений извне и внутренних беспорядков), но и через своих сенаторов и представителей в конгрессе и путем голосования на президентских выборах, оказывая влияние на наши политические партии, будут участвовать в управлении всей республикой, т.е. всеми нами. И что же представляют собой те люди, которых мы принимаем в качестве равноправных членов нашего национального дома, нашего семейного круга?

Мировой опыт свидетельствует, что в тропических широтах демократические институты никогда не процветали в крупных масштабах. Так называемые республики, существующие под тропическим солнцем, постоянно мечутся между анархией и деспотизмом. Когда мы наблюдаем там период порядка и затишья, мы практически всегда обнаруживаем в их основе нечто похожее на военное положение. <...>

Нам часто говорят, что дело не в климате, а в народе и что если бы эти страны находились под англосаксонским контролем, то результат был бы иным. Но существуют же тропические страны под англосаксонским контролем. И что мы там видим? История учит нас, что англосакс захватывает и удерживает зарубежные страны двумя способами – как завоеватель и как колонизатор. В ипостаси завоевателя он формирует правительства для руководства страной. В ипостаси же колонизатора он основывает демократии для руководства самими собой. В тропиках он создает правительства для управления завоеванными народами, в климатически умеренных зонах он создает демократии для самоуправления. <...>

Американские тропики не составляют исключения из этого правила. Если Соединенные Штаты овладеют ими, этот регион, несомненно, захлестнет волна американских авантюристов, которые попытаются быстро разбогатеть, чтобы затем наслаждаться своим богатством где-то еще. В городах возникнут филиалы американских деловых домов с более или менее часто меняющимся контингентом работников. Какое-то время спекулянты будут предпринимать попытки привлечь американских фермеров в сельскохозяйственные поселения, но они завершатся, подобно ранее предпринимавшимся, практически ничем. В тропической Америке смогли когда-либо осесть в массовом масштабе лишь европейцы,

²⁴ Залив в Карибском море, расположенный между Панамой и Колумбией. – *Прим. сост.*

принадлежащие к так называемым латинским расам. Они гораздо легче приспосабливаются к жаркому климату и с большей готовностью смешиваются с аборигенами. Таким образом возник испано-индейский этнос, который, смешавшись в ряде регионов с большим числом выходцев из Африки, заселил столь значительную часть американских тропиков. Этот народ очевидно более способен к процветанию в южных широтах, чем народы германского происхождения, и в условиях столь благоприятного для него климата останется преобладающим элементом населения и его ассимилирующей силой. Американское влияние сможет добиться успеха в некотором изменении нескольких торговых городов, но не страны и ее населения в целом.

Представьте себе, как пятнадцать, двадцать, а то и больше штатов, населенных людьми, столь основательно отличающимися от нас по происхождению, обычаям и привычкам, традициям, языку, морали, стремлениям, образу мыслей, т.е. отличающимися практически во всем, что формирует общественную и политическую жизнь (притом что они останутся жить в тех же климатических условиях, которые в значительной степени сделали их теми, кем они стали, и которые сделают невозможным существенное изменение в их натуре); представьте себе, что большое число таких штатов составят часть нашего Союза и через десятки своих сенаторов и представителей в конгрессе и посредством миллионов голосов на президентских выборах будут участвовать в создании наших законов, в занятии чиновничьих постов в правительстве и влиять на весь дух нашей политической жизни.

Одного лишь этого изложения сути проблемы достаточно для демонстрации того, что включение американских тропиков в нашу государственную систему основательно изменит контингент тех, кто определяет тип системы правления, и чревато не поддающимися оценкам опасности и, грозящими жизнеспособности наших демократических институтов. Многие из наших сограждан сильно обеспокоены иммиграцией в нашу страну нескольких сотен тысяч итальянцев, славян и венгров. Но если эти несколько сотен тысяч вызывают опасения за будущее республики (хотя под ободряющим влиянием активной американской жизни в условиях благоприятного климата потомки даже наименее образованных из них во втором или третьем поколении будут, скорее всего, американизированы в той степени, что их трудно будет отличить от других американцев, принадлежащих к тому же социальному слою), чем же грозит нам тогда допуск к полному политическому равноправию многих миллионов жителей фониических стран, которых по причине климатических условий процесс истинной американизации никогда не сможет коснуться? Именно интуиция подсказала господину Сьюарду мысль, что политика аннексии приведет к переносу столицы Соединенных Штатов в Мехико-сити, поскольку после аннексии американских тропиков в столице с абсолютной неизбежностью будут преобладать мексиканские политические интересы.

Аннексия Гавайских островов, скорее всего, вызовет аналогичные возражения... Их климат и сельскохозяйственная продукция являются фониическими. Характерна для тропиков и их трудовая система. В случае присоединения к Соединенным Штатам Гавайи навсегда сохранят свой колониальный характер. Они будут связаны с нашей республикой не общностью интересов или национальными чувствами, а всего лишь предоставляемой им защитой от иностранной агрессии и определенными коммерческими выгодами. Ни один честный американец никогда даже не подумает превращать подобную группу островов с таким, как сейчас, или таким, каким оно скорее всего станет, населением в штат нашего Союза. Острова навсегда останутся для нашей республики всего лишь зависимой территорией, зарубежным владением, подлежащим управлению именно в таком качестве. <...>

Но у этой проблемы есть и практический аспект, причем заслуживающий самого серьезного рассмотрения. Гавайские острова отстоят на две тысячи миль от нашего ближайшего к ним морского порта. Необходимость их аннексии оправдывается частично коммерческими соображениями, а частично – утверждениями, что эти острова станут весьма удобным местом для размещения военно-морских складов, баз загрузки углем и других служб. Говорят также, что Гавайи являются «ключом» к чему-то крупному и важному в этом регионе. Таким образом, в подкрепление подобного плана действий говорится о сочетании коммерческих интересов и мечты о превращении нашей республики в великую военно-морскую державу, которой предстоит играть активную, руководящую роль мировой политике. Оставляя в стороне вопрос о том, не потребует ли щита такого «ключа» приобретения других «ключей» (если следовать аргументации, приводимой в оправдание этого плана), не следует ли нам задаться вопросом: станет ли для нас владение такой отстоящей на две тысячи миль территорией фактором силы в противостоянии другим государствам?

В нашем нынешнем положении мы одни располагаем бесценным преимуществом по сравнению с другими великими государствами мира. Мы являемся единственной страной, которой ни с какой стороны не угрожают могущественные соседи; единственной страной, которая может позволить себе не иметь внушительные наземные или морские военные силы для защиты своих владений; единственной страной, располагающей свободой рук. Это является благом, за которое американский народ должен быть всегда благодарен судьбе. И это благо не следует ставить под угрозу такой легкостью.

Этим преимуществом, я говорю, мы располагаем *в нашем нынешнем положении*. Мы занимаем компактно расположенную часть американского континента, граничащую на востоке и западе с великими океанами, а на севере и юге – с соседями, не питающими к нам вражды и не обладающими угрожающей мощью. Наше население, приближающееся к семидесяти миллионам и продолжающее уверенно расти, трудолюбивое, законопослушное и патриотичное, не милитаристски настроенное, но в случае необходимости боевитое, всегда готово поставить на службу стране практически неограниченное число энергичных, отважных и исключительно разумных солдат.

Наше национальное богатство огромно и быстро растет. Наши материальные ресурсы в сравнении с ресурсами других государств могут быть названы неистощимыми. Наша территория огромна, но наши внутренние средства транспорта таковы, что сводят к минимуму неудобства больших расстояний. В случае войны враждебное государство фактически может воспрепятствовать нашей заморской торговле (мы сможем отплатить им сторицей с помощью относительно небольшого числа крейсеров) и заблокировать некоторые из наших морских портов либо подвергнуть нападению часть нашего побережья, не нанося, однако, серьезного вреда нашей мощи, оно не добьется иного результата, как еще больше поднимет боевой дух нашего народа. Но ни один европейский враг не сможет вторгнуться на нашу землю без того, чтобы не перебрасывать на огромное расстояние крупную сухопутную армию. Однако никакая армия, которая может быть переброшена на такое расстояние, несмотря даже на свою хорошую подготовку, не может рассчитывать нанести нам сокрушающий удар в результате неожиданного наступления и таким образом навязать нам мир или закрепиться в пределах наших границ, не опасаясь неизбежного и скорого разгрома нашими гораздо более многочисленными силами. Не следует европейскому противнику надеяться и на создание достаточных сухопутных вооруженных сил заключением союзов на нашем континенте, поскольку ни к северу, ни к югу от нас не могут быть сформированы такие достаточно мощные воинские части, чтобы представить для нас серьезную угрозу. Другими словами, в нашей цитадели мы, по сути, неприступны и неуязвимы. У нас нет ничего, что враг может отнять и попытаться удержать. Мы способны вести оборонительную войну в течение неопределенно долгого времени, не подвергая себя опасности, а тем временем, располагая нашими огромными людскими и материальными ресурсами, готовиться к наступательным операциям.

Перспектива такой войны действует весьма отрезвляюще на любое европейское государство или любой союз европейских государств, тем более что ни одно из них не располагает той свободой рук, которая есть у нас. Каждая из европейских стран легко досягаема для опасного соперника, которого такая доступность может подтолкнуть к враждебным действиям, а эту возможность, несомненно, представит продолжительная и изнурительная война с Соединенными Штатами. В таком случае наша республика сумеет вступить в альянс, позволяющий перейти от обороны к весьма энергичной наступательной войне.

Признавая невозможность в существующих условиях нанести по нам эффективный удар, способный иметь решающие последствия, а также сознавая, что военные действия на нашей территории, в силу нашей неизмеримой способности выдержать все испытания, перерастут в бесконечную войну и что существующие ныне возможности создания альянсов исключительно опасны для них, т.е., признавая все эти очевидные факты, европейские государства будут, естественно, склонны пойти на почетные уступки, дабы избежать враждебных отношений с Соединенными Штатами. На деле нам вряд ли грозит вступление в войну, если только это не отвечает нашим собственным намерениям. И этим бесценным преимуществом, заключающимся в заслуженном нами высочайшем уважении со стороны стран мира и не требующим поддержания дорогостоящими военными и военно-морскими силами, мы пользуемся и будем продолжать пользоваться, пока мы способны защитить все наши владения, не покидая своего континента, на котором мы можем сражаться в условиях, когда все складывается в нашу пользу. <...>

Гавайи или любое иное находящееся в отдалении владение стали бы нашей ахиллесовой пятой. Другие государства удостоверятся в этом и больше не будут считать нас неуязвимыми. Если мы решим присоединить Гавайи, мы приобретем не придаток к нашей мощи, а опасный элемент нашей слабости.

Говорят, что нам в любом случае нужен сильный военно-морской флот для защиты нашей торговли и что, если мы построим его, он может понадобиться и для защиты наших далеких владений, и все это без сколько-нибудь серьезных дополнительных расходов. Это утверждение ошибочно. Нам не нужен сильный военно-морской флот для защиты наших торговых интересов. После ликвидации разбойников Пиратского берега²⁵, и западных пиратов море, за возможным исключением китайских вод, стало наиболее безопасным в мире общественным водным путем. Нашей торговле никто и ничто не угрожает, кроме как конкуренция других государств и ошибки нашей собственной торговой политики, а против этого военные корабли бессильны.

Не нуждаемся мы и в военных кораблях для заключения благоприятных торговых соглашений с другими государствами. В создавшихся условиях наше могущество таково, что ни одно иностранное государство не пойдет на риск ссоры с нами, отказывая нашей торговле в условиях, ни которые мы можем претендовать в разумных пределах. В случае войны между иностранными державами наше положение как нейтрального государства не будет походить на то, которое мы занимали в ходе франко-английских войн в начале текущего века. Тогда мы были слабой нейтральной страной, которую каждое воюющее государство считало возможным без опаски пинать и одергивать. Сейчас Соединенные Штаты могут стать самым грозным из когда-либо существовавших нейтральных государств, которое любая воюющая страна побоится обидеть. <...>

Нам нет никакой необходимости готовиться к войне и строить сильный военно-морской флот. По указанным выше причинам все государства будут избегать войны с нами, а мы не будем искать войны с кем-либо. Кроме того, ни одно разумное правительство, если им не движет необходимость, связанная с его собственным положением, диктуемым складывающейся ситуацией, не станет начинать активное

²⁵ Так именовалось Средиземноморское побережье Северной Африки (нынешняя береговая линия Марокко, Алжира и Туниса), возле которого морские разбойники на протяжении многих лет грабили иностранные суда и задерживали их до выкупа владельцами за огромные суммы. – *Прим. сост.*

строительство военно-морского флота до тех пор, пока создание современных линкоров находится в экспериментальной стадии. Пока еще ни один из специалистов не и состоянии убедительно предсказать, как поведут себя современные линкоры в боевых условиях. Мы лишь совершенно точно знаем, как они тмят друг друга на маневрах... На случай, если действительно возникнет какая-нибудь угроза, с абсолютной уверенностью мы можем удовлетвориться скромным числом крейсеров, способных выполнять ответственные полицейские обязанности, несколькими плавучими батареями и достаточным количеством торпедоносцев, а также сооружений береговой обороны.

Ничто не может быть глупее часто высказываемого суждения, что такая большая страна должна располагать и большим военно-морским флотом. Вместо того чтобы гордиться большим военно-морским флотом, американскому народу следует гордиться тем, что он ему не нужен. В этом заключаются его привилегия и его истинная слава.

Защитники политики аннексии выдвигают аргументы, не заслуживающие серьезного обсуждения. Они говорят, что если мы не возьмем конкретную страну, которую нам предлагают (к примеру, Гавайи), то ее возьмет себе другое государство, а поскольку мы сами отказались, мы не сможем протестовать. Это абсурд. Проявив бескорыстие, мы будем обладать еще большим моральным правом протестовать против противоречащей нашим интересам договоренности.

Нам говорят, что если мы не возьмем на себя бремя руководства конкретной страной, то ею будут плохо управлять и в ней начнутся внутренние беспорядки. Это не довод. Наша республика не может брать на себя бремя руководства теми странами, которыми плохо управляют. Напротив, страна, в которой возможны внутренние волнения, будет нежелательным придатком к нашему национальному очагу.

Нам говорят, что народ конкретной страны хочет присоединиться к нам и что было бы неверным отвергать его. Но решение вопроса о том, следует ли позволять чужаку стать членом нашей семьи, является нашим правом и долгом, и решать этот вопрос мы должны с учетом нашего собственного представления о семейных интересах.

Нам говорят, что нам нужны в различных частях мира базы загрузки топливом наших военно-морских кораблей (даже при нашем небольшом военно-морском флоте) и что богатые ресурсы стран, находящихся в препонах доступности для нас, должны быть открыты для американского капитала и американского предпринимательства. Нет сомнений, что путем дружественных переговоров мы можем получить базы для заправки своих кораблей топливом, и эти базы будут служить нам так же хорошо, как если бы страны, в которых они расположены, принадлежали нам. Тем же путем мы можем получить и всякого рода торговые выгоды. Мы можем владеть плантациями и предприятиями на Гавайских островах. В американских тропиках мы можем строить и контролировать железные дороги; мы можем приобретать шахты и делать так, чтобы они работали с выгодой для нас; мы можем содержать торговые учреждения в их городах (фактически многое из этого мы делаем и сейчас) – и все это не принимая южные страны в нашу общенациональную семью на равной основе со штатами нашего Союза, не подвергая наши политические институты пагубному влиянию участия их представителей в нашем правительстве, не принимая на себя по отношению к ним никаких обязательств, которые обжуют нас пожертвовать бесценным преимуществом чувствовать себя защищенными в своих владениях без наличия крупных, дорогостоящих вооружений. Поистине, выгоды, которые мы сможем получить от включения тропических стран в наш Союз, представляются совершенно ничтожными по сравнению с ценой, которую наша республика будет вынуждена заплатить за них.

Судьба американского народа заключена в его мудрости и воле. Если он направит всю свою энергию на развитие того, чем он располагает и ныне существующих пределах, и будет рассчитывать на присоединение территорий только к северу, где в один прекрасный день родственный народ²⁶ сможет выбрать свободным волеизъявлением единую судьбу с нашей республикой, то «предопределенной судьбой» американского народа станет сохранение исключительных и бесценных выгод, которыми он располагает сегодня, и возвращение на благоприятной почве нашей активной гражданственности, основанной на свободе, процветании и мощи. Если он прельстится благодатью тропиков и займется безудержным расширением своей территории, его «предопределенная судьба» столь же уверенно предсказывает ему полный отказ от консервативной политической традиции, быстрое падение нравов и развал политических институтов, беспокойное, безнравственное будущее и наконец – окончательное разложение.

Harper's New Monthly Magazine. 1893. October. Vol. 87. Issue 521.

Альфред Тэйер Мэхен

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ СМОТРЯТ ЗА ПРЕДЕЛЫ СВОЕЙ ТЕРРИТОРИИ (THE UNITED STATES LOOKING OUTWARD)

Видный государственный и военный деятель, военно-морской историк контр-адмирал *Альфред Тэйер Мэхен* (1840-1914) считается идеологом экспансионизма и автором теории маринизма. После завершения активной военной службы Мэхен занимался научной и литературной деятельностью. В своих публикациях

²⁶ Автор имеет в виду канадцев. – *Прим. сост.*

он высказывался в пользу создания мощного военно-морского флота США, строительства американских военно-морских баз на Тихом океане, необходимости завершения строительства Панамского канала. В ходе Испано-американской войны 1898 г. контр-адмирал принимал активное участие в планировании морских операций США.

Взгляды Мэхена на роль современного военно-морского флота в жизни страны высоко оценивал и всецело разделял Президент США Т. Рузвельт. В числе наиболее известных трудов Мэхена – «Влияние морской мощи на историю. 1660-1783» (1890), «Влияние морской мощи на Французскую революцию и империю. 1793-1812» (1892).

Ниже приводится отрывок из его книги «Интерес Америки к морской мощи» (The Interest of America in Sea Power) (1897), наиболее полно отражающий взгляды Мэхена на менявшуюся в конце XIX в. роль Соединенных Штатов Америки в мировой политике, в частности в Западном полушарии.

Существует достаточно свидетельств намечающихся изменений в политике американцев, касающихся их отношений с внешним миром. На протяжении прошлой четверти века основной идеей, утвердившейся в ходе выборов и составившей основу правительственного курса, было сохранение внутреннего рынка для отечественной промышленности. Работодатель и работник в равной степени приучились оценивать предложения всевозможных экономических мер с учетом этой точки зрения, относиться с враждебностью к любым шагам, благоприятствующим вторжению иностранного производителя на их территорию, и, скорее, требовать более жестких мер по недопущению конкурентов, чем примиряться с каким-либо ослаблением уз, связывающих потребителя с ними. В результате неизбежно возникает, как и во всех тех случаях, когда мысль и взгляд сосредоточиваются исключительно на одном направлении, недооценка опасности потерь или, напротив, перспективы выгоды. И хотя имеющиеся в изобилии ресурсы страны позволяли поддерживать высокий уровень экспорта, этим лестным результатом мы были в гораздо большей степени обязаны сверхизобилию природных богатств, чем спросу со стороны других государств на нашу защищенную таможенными тарифами продукцию.

Таким образом, на протяжении жизни чуть ли не целого поколения отрасли американской промышленности были защищены, пока такая практика не обрела силы традиции и не покрылась кольчугой консерватизма. В своих взаимоотношениях эти отрасли промышленности напоминали современный броненосец, оснащенный толстой броней, но имеющий плохие двигатели и пушки, достаточно мощный для обороны, но слабый для наступления. Внутри страны отечественный рынок находится в безопасности, но за пределами страны, за морскими просторами расположены рынки мира, на которые можно проникнуть и которые можно контролировать лишь с помощью энергичной конкуренции, чему не способствует привычка доверять протекционизму.

В основе своей, однако, такой вялый подход, по сути дела, чужд характеру американского народа. Независимо от предпочтения или неприятия протекционизма можно с уверенностью предсказать, что после осознания возможностей выгоды за рубежом американские предприниматели воспользуются ими. <...>

Интересным и важным качеством этого меняющегося отношения является замена взгляда, обращенного исключительно вовнутрь, взглядом, пораженным вовне во имя благополучия страны. Из признания важности далёких рынков и необходимости взаимосвязи с ними наших собственных огромных производственных мощностей логически следует признание связи товаров и рынков, т.е. торговли. Эти три элемента вкуче определяют богатство и величие Великобритании, которые стране обеспечило её морское могущество. Далее, не уместно ли будет сказать, что, поскольку два элемента торговой цепи – судоходство и рынки – располагаются за пределами наших границ, признание их существования предусматривает такие взаимоотношения Соединенных Штатов с внешним миром, которые радикально отличаются от простой идеи самодостаточности? Ним не придется далеко тянуть эту нить размышлений, прежде чем нас осенит осознание уникального положения Америки, которая смотрит на старые миры Востока и Запада, берега которой омываются океанами, соприкасающимися либо с тем, либо с другим миром, но соприкасающимися оба лишь с одной Америкой.

Одновременно с этими признаками изменения нашей собственной политики во всем мире ощущается беспокойство, что является обстоятельством серьезным, если не зловещим. У нас нет причин проявлять особое внимание к внутреннему положению в Европе, из чего следует, что в случае возникновения там беспорядков это повлияет на нас лишь мистично и косвенно. Но великие морские державы проявляют настороженность не только по отношению к своим континентальным соперникам; они питают надежды на расширение своих коммерческих возможностей, на колонии и на влияние в далеких регионах, что даже в условиях нашей сегодняшней сдержанной политики может привести, и уже привело, к столкновению с нами. <...>

Нет никаких весомых причин верить в то, что общество вступило в период гарантированного мира за пределами Европы. Беспокойная политическая ситуация, подобная той, которая существует на Гаити, в Центральной Америке и на многих тихоокеанских островах, особенно на Гавайских островах, в сочетании с военным и коммерческим значением большинства из этих регионов порождает сейчас, как и всегда, опасные бациллы ссор, к которым следует, по меньшей мере, быть готовыми. Нет сомнения в том, что общий настрой государств носит более антивоенный характер, чем это было в прошлом. Не будучи менее эгоистичными и расположенными к захватам, чем наши предшественники, мы более отрицательно

относимся к неудобствам и страданиям, связанным с нарушением мира; однако для сохранения этой высоко ценимой передышки и чувства ничем не омрачаемой радости от прибылей, приносимых торговлей, необходимо противостоять противнику на равных по силе условиях. Именно военная готовность противника, а не молчаливое согласие с существующим положением дел сдерживает европейские армии.

В то же время ни санкции международного права, ни законность занятой позиции не могут обеспечить справедливого урегулирования разногласий в условиях, когда политической силе одной стороны противостоит относительная слабость другой. В продолжающемся споре относительно прав на охоту на китов в Беринговом море, что бы ни думали об убедительности наших аргументов с точки зрения общепризнанных принципов международного права, не вызывает сомнения, что наша претензия разумна, справедлива и отвечает интересам всего мира. Однако, пытаясь удовлетворить ее, мы столкнулись не только с национальной чувствительностью к покушениям на честь флага, которую мы полностью разделяем, но и с государством, руководствующимся требованиями настоятельной необходимости и исключительно сильным в той сфере, где мы особенно слабы и уязвимы. Великобритания не только располагает могучим военно-морским флотом, тогда как мы имеем лишенное оборонным Возможностей побережье огромной протяженности, но к тому же она обладает большим коммерческим и политическим преимуществом, состоящим в том, что ее крупные колонии, и прежде всего Канада, имеют основания считать, что могущество их родины – это именно то, что им необходимо и на что они могут положиться... Эти чувства привязанности и взаимозависимости подкрепляют животворный дух, без которого зарождающиеся планы имперской федерации являются всего лишь механическими приспособлениями. Определенное влияние оказывают они и на такие, вообще-то говоря, несентиментальные соображения, как покупка и продажа, а также торговые отношения.

Исход этого странного и несерьезного на вид, но в действительности важного спора зависит от соображений, отличных от тех, которых он заслуживает; он может убедить нас в необходимости быть настороже в связи со многими скрытыми пока еще опасностями, ожидающими нас в Западном полушарии после открытия канала через Центральноамериканский перешеек. Вообще-то говоря, вполне очевидно, что этот канал, изменив направление торговых путей, будет стимулировать значительный рост коммерческой деятельности и осуществление ее через Карибское море; что этот сейчас относительно пустынный уголок океана станет, подобно Красному морю, важным судоходным путем и вызовет в невиданной ранее степени интерес и надежды морских держав. Любой уголок этого моря обязательно приобретет растущую коммерческую и военную ценность, а сам канал станет стратегическим объектом жизненно нижнего значения.

Подобно Канадской тихоокеанской железной дороге, он станет связующим звеном между двумя океанами, но если его использование не будет тщательно контролироваться договорами, то канал окажется всецело и руках враждебной стороны, которая в силу своего морского могущества станет контролировать все морское судоходство. В случае войны Соединенные Штаты, несомненно, будут осуществлять руководство Канадской железной дорогой, несмотря на контропериации вражеского военно-морского флота, направленные против нашего побережья, но столь же несомненно, что Соединенные Штаты окажутся бессильными против любой великой морской державы в попытке контролировать Центральноамериканский канал. С военной точки зрения для Соединенных Штатов, при их сегодняшнем состоянии военной и военно-морской готовности, прокладка канала через перешеек является лишь бедствием. Особую опасность он представляет для Тихоокеанского побережья, причем увеличившаяся уязвимость части нашего побережья отрицательно сказывается и на всей военной ситуации.

Несмотря на значительные преимущества, предоставляемые нашей географической близостью и огромными ресурсами, – другими словами, (благодаря нашим природным богатствам, а не нашим разумным действиям – Соединенные Штаты, к сожалению, не готовы не только сегодня, но и в перспективе утвердить свое влияние в зоне Карибского моря и в Центральной Америке в таком масштабе, который был бы соизмерим с масштабом их заинтересованности. У нас нет военно-морского флота, но что гораздо хуже – мы и не хотим иметь военно-морской флот, который мог бы сыграть важную роль в любом споре с теми государствами, интересы которых окажутся противоположными нашим. Мы не располагаем, да и не проявляем желания располагать, возможностями обороны нашего побережья, что освободило бы наш военно-морской флот для операций на море. Мы не имеем баз в глубине или на границах стран Карибского бассейна. Многие другие державы имеют такие базы и не только обладают значительными географическими преимуществами для контроля за ситуацией на море, но и получают дополнительную помощь от оборонных сооружений, что делает их флот практически непобедимым. Мы же в районе Мексиканского залива не имеем даже намека на военно-морскую верфь, которая могла бы служить базой для наших военных операций. <...>

При оценке степени нашей военной готовности было бы вполне разумным и законным принимать во внимание большую отдаленность основных военно-морских и военных держав от наших берегов и, соответственно, трудность ведения операций на чрезвычайно далеком расстоянии. Столь же уместно было бы при формулировании нашей политики принимать во внимание зависть европейских государств и проистекающее из нее нежелание враждовать со столь сильным народом, как наш, а также их страх перед нашей возможной местью. Кроме того, они могут выделить лишь небольшую часть своих военных сил для переброски на наши берега, рискуя потерей престижа в европейских структурах. Говоря по правде, отправной точкой для расчетов мощности нашего собственного военно-морского флота является тщательное определение мощи, которую Великобритания или Франция сможет выделить для проведения

операций против нашего побережья, сохраняя при этом свою способность к обороне, не ослабляя своих европейских позиций и не оголяя неразумно свои колонии и торговлю. <...>

Поэтому, несмотря на фигурирующие в документах... несомненные преимущества нашего положения в Западном полушарии и невыгодные условия, в которых придется действовать враждебно настроенному европейскому государству, было бы глупостью считать их достаточными для нашей безопасности. На весы следует бросить нечто большее, дабы они склонились в пользу нашей мощи.

Все вышеизложенное представляет собой лишь оборонительные условия, и к тому же они носят субъективный характер. Пусть наше побережье находится на большом расстоянии от Европы, но его можно достичь, и даже будучи не подготовленным к обороне, оно сможет хотя бы на короткое время задержать силы, брошенные против нас. В условиях возможного наступления трехмесячного мирного периода в Европе ни одна морская держава не побоится подкрепить свои требования направлением к нашим берегам нескольких кораблей, с которыми она никогда не решилась бы расстаться на год.

Тем не менее, если бы наши морские границы были бы столь же надежны, сколь слабы они сейчас, пассивная самооборона, независимо от того, осуществляется ли она в торговле или в войне, является всего лишь проявлением слабости нашей политики в условиях, когда наш мир продолжает быть миром борьбы и превратностей судьбы. Повсюду нас окружает вражда; фразы «борьба за жизнь», «гонка, где ставкой является жизнь» настолько знакомы нам, что мы не чувствуем их значимости до тех пор, пока не задумываемся о них. Государства повсюду ополчаются против государств, и наше собственное государство поступает так же, как и другие. <...>

Наша самоизоляция в разделе рынков, снижение нашего интереса к вопросам судоходства в последние тридцать лет связаны только с отдаленностью нашего континента от остальной части мира. <...>

После прокладки канала через перешеек эта изоляция закончится, а с ней исчезнет и безразличие к нам иностранных государств. Откуда и куда бы они отныне ни плыли, для прохода через Карибское море все суда будут пользоваться каналом. Какое бы влияние ни оказывали тысячи связанных с судоходством потребностей на благополучие прилегающих к каналу континента и островов, вокруг такого центра торговли сосредоточится крупные коммерческие и политические интересы. В целях защиты и развития своих интересов каждое государство будет искать точки опоры и инструменты влияния в том регионе, где Соединенные Штаты всегда ревностно следили за вмешательством в их дела европейских держав. Истинная ценность доктрины Монро понимается большинством американцев весьма поверхностно, но влияние знакомой фразы способствовало развитию национальной ранимости, удар по которой является более частым поводом к войне, чем сугубо материальные интересы. Исход споров, вызванных такими чувствами, не будет определяться умиротворяющим влиянием морального авторитета международного права с его общепризнанными принципами, поскольку спорными пунктами будут вопросы политики, интереса, а не уступленного права.

Франция и Великобритания уже усиливают военную мощь своих портов, что не вызывается существующей необходимостью. Они смотрят в ближайшее будущее. Среди островов и в континентальной части существует много пунктов, имеющих важное значение, но принадлежащих сегодня слабым или нестабильным государствам. Готовы ли Соединенные Штаты видеть, как они окажутся проданными могущественному сопернику? Но к какому праву они прибегнут, не соглашаясь на такую передачу? Они могут сослаться лишь на свою разумную политику, подкрепленную своей военной мощью.

Независимо от того, поступят они в действительности так или нет, американцы сейчас должны начать смотреть за пределы своей территории. Развивающееся в стране производство требует этого. <...>

Hefner R. D. A Documentary History of the United States. N.Y., 1965.

Теодор Рузвельт

ПРЕПЯТСТВИЯ К НЕМЕДЛЕННОЙ ЭКСПАНСИИ (OBSTACLES TO IMMEDIATE EXPANSION)

В апреле 1897 г. *Теодор Рузвельт* (1858-1919), занимавший до этого пост президента нью-йоркского городского правления полицейских комиссаров, был назначен заместителем министра Военно-морского флота США. Этому назначению скорее всего способствовало опубликованное Рузвельтом в 1882 г. историческое исследование «Война на море 1812 г.», в котором автор излагал свои взгляды на военно-морскую мощь, во многом совпадавшие со взглядами контр-адмирала А. Мэхена, видного военно-морского историка, сторонника экспансионизма и автора теории маринизма. Признавая адмирала своим единомышленником, Рузвельт счел возможным откровенно поделиться с ним своими взглядами и искать у него совета. С этой целью он и направил Мэхену приводимое ниже письмо.

Это письмо следует, конечно, считать абсолютно конфиденциальным, поскольку в моем положении я просто провожу политику министра²⁷ и президента. Я думаю, мне нет необходимости говорить Вам, что в том, что касается Гавайских островов, я полностью разделяю Вашу точку зрения, как разделяю, впрочем,

²⁷ Министром военно-морского флота в годы президентства У. Маккинли был Джон Д. Лонг. – *Прим. сост.*

вообще Вашу позицию по вопросам внешней политики. Если бы это зависело от меня, мы бы уже вчера аннексировали эти острова. В случае невозможности этого я бы установил над ними протекторат.

Я считаю, что нам надо немедленно построить никарагуанский канал²⁸, а прежде чем он будет завершен, построить дюжину новых линкоров, причем половину из них – на Тихоокеанском побережье; и эти линкоры должны быть способны загружать на борт крупные запасы топлива и, следовательно, обладать большим радиусом действий. Я полностью осознаю опасность, грозящую нам со стороны Японии, и я знаю, что глупо полагаться на сентиментальную добрую волю по отношению к нам.

Я считаю, что действия президента Кливленда были колоссальной ошибкой, и нас следовало бы считать виновными в оказании ему косвенной помощи, если мы не повернем вспять все то, что было им сделано. Я искренне верю, что мы можем убедить президента посмотреть на ситуацию нашими глазами. Вечером в прошлую субботу Лодж²⁹ очень убедительно изложил ему свои взгляды. Я улаживал дела на Тихоокеанском побережье со всей позволенной мне оперативностью.

Мое личное мнение заключается в том, что нам следует действовать немедленно, прежде чем два новых японских линкора покинут Англию. Я бы направил на Гавайи «Орегон» и, в случае необходимости, «Монтерей» (либо с полной загрузкой углем, либо же в сопровождении судна с грузом угля) и развернул над островом наш флаг, оставив все детали на потом. Я изложу эти взгляды своему шефу со всей настойчивостью, которая мне будет дозволена, – большего я сделать не могу.

Что же касается того, о чем Вы говорите в своем письме, существует лишь один аспект, для которого я бы сделал исключение. Я полностью осознаю огромную важность Тихоокеанского побережья. Строго между нами, я не думаю, что адмирал Бердсли является человеком, способным справиться с ситуацией там, но капитан «Орегона» Баркер, по-моему, является замечательной кандидатурой с точки зрения способности к принятию решений, желания взять на себя ответственность и досконального знания ситуации.

Но проблемы существуют также и в Вест-Индии. До тех пор пока мы окончательно не изгоним Испанию (и если бы это зависело от меня, это было бы сделано завтра), нам там всегда будут грозить неприятности. Нам следует приобрести Датские острова³⁰ и вытеснением Испании дать понять, что ни одной мощной европейской державе, и особенно Германии, не будет разрешено создать плацдарм, придя на замену какой-либо слабой европейской державе. Я не опасаюсь Англии – Канада является заложником ее хорошего поведения, но я действительно опасаюсь некоторых других держав.

Я с огромным сожалением отмечаю появление у нас слабых признаков желания приостановить строительство военно-морского флота до той поры, когда улучшится наше финансовое положение. К моему изумлению и негодованию, Том Рид³¹ разделяет эту точку зрения, и даже мой шеф, который является одним из наиболее великодушных, благородных и честных джентльменов, под руководством которых мне посчастливилось служить, понемногу становится на эту позицию.

Мне нет необходимости говорить, что это письмо должно рассматриваться как сугубо частное. Я говорю с Вами абсолютно свободно, поскольку мне понятны Ваши взгляды и я всецело разделяю Вашу идею патриотизма, веры и любви к нашей стране. Но я не делился этими взглядами ни с кем, кроме Лоджа.

Что касается Гавайских островов, я рад сообщить Вам, что министр Лонг разделяет наши взгляды. Он считает, что мы должны захватить острова, и я только что подготавливал для него несколько памятных записок к завтрашнему утреннему заседанию кабинета министров. Если бы мы имели на посту госсекретаря какого-нибудь хорошего человека вместо Джона Шермана, дела бы пошли без сучка и задоринки, но даже в нынешней ситуации я надеюсь на благоприятное развитие событий. Я убеждал министра, а через него и президента, что нам следует действовать сейчас без промедления, прежде чем Япония получит два новых линкора, уже стоящих наготове для нее в Англии. Ситуация может измениться даже за две недели. После того как мы получим в свои руки Гавайи, большая часть трений с Японией исчезнет.

Министр также верит в необходимость строительства никарагуанского канала как военной меры (хотя я не уверен, что он настроен столь же решительно, как Вы и я), и он убежден в необходимости строительства линкоров на Тихоокеанском побережье.

Papers of Theodore Roosevelt // Manuscript Division. Library of Congress. P. 225-231.

Чарлз Артур Конант

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОСНОВА «ИМПЕРИАЛИЗМА» (THE ECONOMIC BASIS OF «IMPERIALISM»)

Американский экономист и журналист, экономический обозреватель газеты «Норт Американ ревью», автор

²⁸ Имеется в виду будущий Панамский канал. – *Прим. сост.*

²⁹ **Генри Кэбот Лодж-старший** (1850-1924) – сенатор, один из наиболее активных сторонников империалистической внешней политики и строительства в США мощного военно-морского флота; имел огромное влияние на Т. Рузвельта. – *Прим. сост.*

³⁰ Имеется в виду датская Вест-Индия. – *Прим. сост.*

³¹ **Томас Рид** (1839-1902) – спикер палаты представителей Конгресса США, активный противник империалистической политики Соединенных Штатов. В знак протеста против проведения такой политики в 1899 г. Подал в отставку. – *Прим. сост.*

ряда книг по экономическим и банковским проблемам, *Чарлз Артур Конант* (1861-1915) часто выступал в различных периодических изданиях с анализом экономической ситуации в США и за рубежом. В 1894 г. он баллотировался в Конгресс США от Демократической партии. Как экономист Конант принимал участие в проведении финансовых реформ в Мексике и Никарагуа, сотрудничал с Нью-Йоркской торговой палатой.

Взгляды Конанта на экономические аспекты империалистической политики США были характерны для определенной части американского общества. Практическое применение принципа «неодолимой тенденции» – экономической необходимости экспансии Соединенных Штатов за пределы своих национальных границ – нуждалось в серьезной теоретической поддержке. Статья Конанта заслуживает нашего внимания именно в качестве примера попытки обосновать наиболее характерную для того времени точку зрения на экономическую неизбежность империализма.

Инстинктивные стремления человеческого рода или цивилизации зачастую обгоняют разум их лидеров. Во имя добра или во зло, но с зарождения человечества в нем инстинктивно стали превалировать определенные стремления – будь то ради высочайших достижений в искусстве, понятых успехам римлян, ради проникновения в далекие и варварские страны с целью торговли, подобного тому, что делали Тира³² или Венеция, либо ради господства на морях, установленного англичанами. Другие цивилизации, стремясь следовать их примеру, споткнулись и заблудились. Но когда поток расовых или национальных стремлений обретает мощь в отведенном ему русле, он способен преодолеть как сомнения своих сторонников, так и протесты и сопротивление тех, кто пытается препятствовать ему. Создается впечатление, что сегодня Соединенные Штаты вступают на путь, предназначенный им как отпрыскам англосаксонской расы, но еще не пройденный ими, поскольку у них было пока много дел дома. Чуть ли не по мановению руки идея создания сильного военно-морского флота как основы торгового могущества осенила страну. Неукротимое стремление к экспансии, которое заставляет растущее дерево преодолевать любые преграды, которое руководило готами, вандалами и, наконец, нашими саксонскими предками в последовательных и неукротимых войнах, пронесившихся над приходившими в упадок римскими провинциями, как будто вновь ожило и ищет новые возможности для приложения американского капитала и американской предприимчивости.

Это новое движение не является продуктом той или иной идеи. Оно является следствием естественного закона экономического развития, а также закона развития рода человеческого. Великие цивилизованные народы имеют сегодня в своем распоряжении средство развития находящихся в упадке стран мира. Этим средством, в его материальной форме, является огромный избыток капитала, образовавшийся в результате машинного производства товаров. В этой статье предполагается продемонстрировать, насколько велик этот избыток в настоящее время, насколько основательно он меняет экономические условия в других странах и насколько необходимо для спасения этих стран иметь выход для их накоплений, чтобы существующая экономическая система не оказалась потрясенной социальной революцией. Закон самосохранения, так же как и закон выживания наиболее приспособленных, толкает наш народ на путь, который, несомненно, представляет собой отход от принципов нашей политики в прошлом, но на который неизбежно наложили свой отпечаток требования современности.

Доминирующим фактором современной экономической жизни с начала эпохи машинного производства и появления оборотных ценных бумаг было сбережение с целью вложения. Сбережения как защита от риска потерь и старческих слабостей существовали с начала цивилизации, однако объем их был ограниченным ввиду необходимости финансировать расширение средств производства. Но сбережения с целью обеспечения дохода, не предусматривающие расходования основного капитала, являются в их нынешней форме современным феноменом. До появления оборотных ценных бумаг сбережения должны были существовать в виде потребительских товаров, земли и вложений в ее мелиорацию, а также металла, имевшего огромную ценность.

Создание в конце прошлого и начале текущего века корпораций и выпуск их акций в форме оборотных ценных бумаг позволили разморозить сбережения, которые до этого не находили оптимального применения. Изменения в форме капиталовложений отразили лишь эволюцию огромного спроса на капитал, возникшего с началом использования машин для широкомасштабного товарного производства и изобретения новых видов сухопутного и водного транспорта на основе использования пара. Необходимость обеспечить с помощью огромного совокупного капитала работу крупных предприятий, таких как ткацкие фабрики, сталелитейные заводы, а также строительство каналов, железных дорог и судов привела к разделению предпринимательских расходов на составные части, которые могли поглотить накопления большого числа людей. В крупных цивилизованных государствах на протяжении многих лет существовала возможность обеспечить высокий уровень прибыльности всем сбережениям бережливых людей. При этом имели место ужасные просчеты и огромные потери, поскольку необходимость приобретения новых машин и их стоимость не устанавливались опытным путем в каждом конкретном случае, но существовала возможность законного использования всех сбережений и получения соответствующего дохода.

Условия, существовавшие в начале века, изменились. Капитал, превосходящий спрос, более не нужен, и он начинает застаиваться. На протяжении долгого времени идея о выгоде сбережения капитала внедрялась в сознание так эффективно, что теперь сбережения уже превосходят обоснованный спрос на

³² **Тира** (Tyras) – древнегреческий город, основанный в 6 г. до н.э. и достигший благосостояния благодаря, в частности, торговле. – *Прим. сост.*

капитал и становятся угрозой экономическому будущему крупных индустриальных стран. <...>

Если бы сбережение шло хотя бы нога в ногу с новым спросом на капитал, который доказал бы свою прибыльность, сложилась бы удачная ситуация постоянного индустриального развития. Однако сбережения слишком часто тратятся на дублирование существующих производств и создание непродуктивных предприятий. Некоторые из таких предприятий могут со временем оказаться полезными для общества... но это может произойти лишь в результате принесения в жертву сбережений первых инвесторов. За интенсивностью современных экономических кризисов просматривается не что иное, как грубый процесс подобной перестройки. И основе некоторых из этих кризисов лежали заблуждения, возникавшие вследствие новизны принципа ограниченной ответственности и выпуска оборотных ценных бумаг, что способствовало усилению таких кризисов. Но все чаще в последние годы они были следствием тщетных поисков сфер безопасных капиталовложений, которые не удавалось найти. Создание бесполезных заводов, увеличение числа не приносящих прибыль предприятий способствовали переполнению рынка продукцией, которая не может быть потреблена, даже если все средства общества будут брошены на потребление, что в условиях существующей системы ограничения потребления во имя сбережения привело к затовариванию, которое, в свою очередь, ликвидировало прибыль, обанкротило крупные корпорации и разорило инвесторов.

Именно избыток сбережений в сочетании с сопровождающим его накоплением невостребованных товаров в крупных индустриальных странах является сегодня одной из мировых экономических болезней и причиной недовольства промышленников. Это явление более логично, чем простые изменения в механизме товарно-денежного обмена, объясняет возникшие около 1870 года условия, когда в крупных индустриальных странах впервые проявились признаки полной капитализации с целью удовлетворения потребителей, изъявивших готовность расходовать свои заработки.

С тех пор в мировой экономической истории произошли важные события. Интенсивное развитие машинного производства и строительство железных дорог (до 1873 года); последовавший затем продолжительный период стагнации, прерывавшийся лишь короткими периодами производственной активности после того, как была потреблена избыточная товарная продукция; колоссальное накопление капитала и металлических денег; кризисы, потрясавшие крупные капиталистические страны независимо от различий в их тарифной политике и денежной системе; постоянное снижение прибыльности капитала. Основопологающей причиной! всех этих процессов является превзошедший действительный спрос общества избыток сбереженного капитала. В развивающемся индустриальном обществе всегда должны быть сбережения для восстановления износа существующего оборудования и удовлетворения новых требований. Однако в условиях существующего общественного порядка в крупных капиталистических странах становится невозможным найти безопасное и одновременно приносящее выгоду применение всего накопленного капитала. <...>

Возникает важный вопрос, с выгодой ли используется огромная масса сбережений, вложенных в оборотные ценные бумаги. Темпы роста этой массы имели бы большое значение для увеличения благосостояния в любой стране, если бы рост сбережений сопровождался соответствующим старым пропорциям ростом способности зарабатывать. <...>

Существует три варианта эффективного решения проблемы огромного накопления капитала в отсутствие обоснованного спроса на него. Одним из них является социалистическое решение отказа от сбережений, использование всего заработанного трудящимися на нужды повседневного потребления и обеспечение стариков за счет налогов, установленных на производственную деятельность общества. Пройдет немало времени, пока это решение будет принято в доступной пониманию форме в каком-либо современном цивилизованном государстве.

Вторым вариантом решения является создание нового отечественного спроса с целью поглощения капитала. Такое уже происходило на нескольких более ранних этапах мировой истории и скорее всего будет происходить, пока человеческие желания продолжают быть неограниченными. Но никогда ранее доля подлежащего поглощению капитала не была столь большой по сравнению с возможным спросом на него. В последние несколько лет средства для строительства еще большего количества заводов по выпуску большего, чем требуется, количества велосипедов и для прокладки электрифицированных железных дорог большей протяженности, чем это требуется соображениями прибыльности, изымались из текущих сбережений. Это не влияло сколько-нибудь заметно на их размер и в лучшем случае не приводило к каким-либо заметным результатам. Кроме как к сохранению тенденции к падению процентных ставок. Следовательно, помимо бессмысленного расходования капитала в военное время, что является лишь одной из форм потребления, обеспечение стран средствами производства и обмена остается в качестве последнего ресурса.

Именно в странах, названных лордом Солсбери³³ загнивающими, должны быть найдены средства использования нового капитала. Западная Европа и Атлантическое побережье Соединенных Штатов, а также многие из расположенных в глубинке штатов уже сейчас обладают необходимыми средствами производства и коммуникации. Остается сделать многочисленные усовершенствования длительного

³³ Роберт Артур Тэлбот Солсбери (1830-1903) – лорд, министр иностранных дел Великобритании (1866-1867 и 1874-1878), приверженец политики «блестящей изоляции», один из активных сторонников и пропагандистов британской колониальной экспансии в Азии и Африке. – Прим. сост.

действия для улучшения условий жизни, но они не относятся к числу средств производства и обмена. Таким усовершенствованием могла бы, к примеру, стать ликвидация пересечений железнодорожных путей с шоссевыми дорогами с помощью строительства дорогостоящих тоннелей и мостов. В этом случае очевидно, что затраты не будут покрыты поступлениями, но они вполне возможны, если использовать избыточные сбережения в форме поступлений от железной дороги или из доходов штата. Подобные усовершенствования являются весьма желательным дополнением к росту числа жизненных удобств общества, но их создание – это, по существу, способ использования капитала в интересах сферы потребления, где эти усовершенствования не влияют сколько-нибудь заметно на способность капитала приносить доход в отличие от его использования в качестве капиталовложений. Железная дорога, которая сочла возможным использовать той сверхдоходы для такого рода усовершенствований, уподобится человеку, использующему свой избыточный доход на приобретение ценных произведений искусства и драгоценностей. И в том и в другом случае средства будут вложены, но такое капиталовложение не будет продуктивным. Железная дорога не выпустит новых акций для продажи инвесторам, а частное лицо не прибегнет к займам у других лиц для улучшения своих личных условий жизни.

Следовательно, в интересах обнаружения новых выгодных сфер использования капитала необходимо, чтобы крупные индустриальные страны обратились к странам, пока не почувствовавшим биения пульса современного прогресса. Такие страны еще необходимо снабдить средствами производства и предметами роскоши, созданными в развитых странах на сбережения предыдущих поколений. Им предстоит не только построить здания и произвести оборудование – неотъемлемые элементы машинного производства товаров, но и проложить дороги, осушить болота, построить плотины на реках, соорудить акведуки над водными потоками канализацию для своих городов и поселков. Страны Азии и Африки являются наиболее подходящими для проведения таких усовершенствований. Япония уже вступила в современный индустриальный мир, практически уподобившись Афине, вооружившейся плодами мысли Зевса. Возросшие способности ее народа производить товары дали ему возможность конкурировать на рынке с другими народами, что, естественно, оказывает влияние на рост зарплат и расширение импорта. Китай, Сибирь и острова, столь долго прозябавшие в условиях испанского бездействия, несомненно, последуют за Японией, но, возможно, несколько медленнее.

Ввод в эксплуатацию железных дорог и каналов позволит использовать огромные капиталы, накапливаемые в Европе и Соединенных Штатах. Но они принесут прибыль, только если будет найден товар, которым загрузят новые транспортные средства. Товары, импортируемые сегодня втридорога из срединных районов этих стран, будут направлены по стальным путям к морскому побережью, что приведет к снижению их себестоимости и увеличению потребления, т.е. к одновременному удовлетворению как производителя, так и покупателя.

Соединенные Штаты не могут позволить себе придерживаться политики изоляционизма в то время, как другие государства стремятся к захвату новых рынков. Соединенные Штаты по-прежнему являются крупными заемщиками иностранного капитала, но американские инвесторы не желают возвращения ситуации, когда их инвестиции уменьшались до европейского уровня. В течение последних пяти лет процентные ставки здесь значительно сократились, а потому следует найти новые рынки и новые возможности для капиталовложений, чтобы с выгодой использовать избыточный капитал.

Отмечая необходимость того, что Соединенным Штатам следует избрать новый путь национальной политики, вовсе не нужно уточнять, как эта политика должна вырабатываться. Следует ли Соединенным Штатам приобретать новые территории, вводить офицерские и генеральские звания и создавать гарнизоны, придерживаться нейтральной позиции в защите номинально независимых суверенитетов или удовлетвориться военно-морскими базами и дипломатическими представительствами для утверждения своих прав на свободную торговлю на Востоке – все это детали. Обсуждение деталей может иметь особое значение для нашей политической морали и наших исторических традиций, но оно касается экономического аспекта проблемы лишь в той мере, в какой конкретная политическая линия представляет важность для защиты и расширения коммерческих интересов. <...>

Вступление Соединенных Штатов в конкурентную борьбу за мировые рынки означает некоторые радикальные перемены в их нынешней политике, но оно свидетельствует и об увеличении нашей доли в доходах мира, и об уважении со стороны других цивилизованных стран. Протекционистская система, какими бы ни были ее изначальные заслуги, потеряет смысл своего существования, когда производители нашей страны смогут конкурировать на мировых рынках с производителями других стран. <...>

Нет даже необходимости спорить по поводу того, следует ли «торговле следовать за флагом»³⁴ или цели торговли могут быть достигнуты в отсутствие престижа политической мощи страны. Нынешняя ситуация в Китае такова, что требует энергичных политических действий от всех держав, желающих получить возможность торговать. Россия, Германия и Франция овладели в Китае новыми базами и большими участками территории, намереваясь обеспечить реализацию там своей дискриминационной политики закрытия рынков для своих собственных народов. Если Соединенные Штаты собираются иметь гарантированную долю в торговле в Азии, необходимо, чтобы они выразили протест против этой дискриминационной политики и проявили стремление ограничить регион, на который распространяются эти

³⁴ Имеется в виду известное английское выражение «торговля следует за флагом» (Trade follows the Flag), т.е. развитие торговли является естественным результатом территориальной экспансии. – Прим. сост.

меры. <...>

Молчаливая индифферентность в отношении того, что происходит в Азии, не является всего лишь вопросом политического либо военно-морского престижа или же территориальной экспансии. Вопрос в том, будут ли создаваемые там новые рынки открыты для нашей торговли в любой ее форме и при любых условиях. И лишь решительное утверждение американских интересов помешает возвести препятствия естественному развитию торговли, которое последует за разделом Азии между протекционистскими державами европейского континента.

The North American Review. 1898. September. Vol. 157.

Альберт Беверидж
ПОСТУПЬ ФЛАГА
(MARCH OF THE FLAG)

Американский политический деятель, юрист и историк, сенатор от штата Индиана (1899-1911), сторонник и единомышленник президента Т. Рузвельта, один из основателей Прогрессивистской партии (1912), *Альберт Дж. Беверидж* (1862-1927) является автором ряда монографий, в том числе книги «Российское продвижение» (1903), четырехтомной биографии Джона Маршалла (1916-1919) и незавершенной двухтомной биографии Авраама Линкольна (1928).

Приводимая ниже речь была произнесена Бевериджем 16 сентября 1898 г. в городе Индианаполис (штат Индиана) и имела своей целью изложение основных положений и политических лозунгов республиканской избирательной кампании накануне промежуточных выборов в Конгресс США. Речь сыграла заметную роль в решении сената утвердить аннексию Филиппин и способствовала популяризации основ империалистической внешней политики США в начале XX в.

Введенные Бевериджем в активный политический обиход термины «божественная миссия», «превалирующий интерес», «политическая близость», «географическое предопределение», «самооборона», «присвоенное свыше звание» и др. получили широкое распространение в теоретических трудах и выступлениях сторонников американских территориальных приобретений.

Бог одарил нас прекрасной землей; землей, которая может накормить и одеть мир; землей, чья береговая линия могла бы охватить половину стран Европы; землей, стоящей, подобно часовому, между двумя величественными океанами земного шара; более великой Англией с более благородной судьбой.

Он поселил на этой земле могущественный народ – народ, возникший из самого решительного в истории человеческого рода; народ, постоянно пополняющийся зрелыми, мужественными, работающими людьми со всего мира; народ высшей категории в силу своего могущества, по праву созданных им институтов, властью продиктованной им свыше цели – пропагандистов, а не попрошайек истории.

Бог даровал своему избранному народу славную историю – историю героическую, исполненную веры в нашу миссию и в наше будущее: историю государственных мужей, распространивших границы нашей Республики на неизведанные земли и дикие территории; историю солдат, пронесших знамя через пылающие пустыни и гряды враждебных гор к вратам заходящего солнца; историю постоянно умножающегося³⁵ народа, прошедшего в течение полувека сквозь весь континент; историю пророков, предвидевших последствия зол, унаследованных от прошлого, и мучеников, умерших во имя нашего спасения от этих зол; историю божественно логичную, в процессе творения которой мы сегодня участвуем.

Таким образом, в текущей кампании этот вопрос является больше чем партийным вопросом. Он является американским вопросом. Он является вопросом всемирного масштаба. Должен ли американский народ продолжать свой марш к торговому господству над миром? Должны ли свободные институты расширять свое благословленное царствование, по мере того как дети свободы обретают силу, пока система наших принципов не овладеет сердцами всего человечества?

Разве нет у нас миссии, которую следует выполнить, разве нет долга перед нашими братьями, который следует исполнить? Разве Бог наделил нас дарами за пределами наших пустынь и отметил нас как народ, пользующийся Его особым благоволением, лишь для того, чтобы мы загнивали в нашем собственном эгоизме, как поступают люди и государства, избравшие трусость своим уделом, а себя – в качестве божеств, как поступают Китай, Индия и Египет?

Следует ли нам вести себя как человеку, обладающему лишь единственным талантом и скрывающему его, или как человеку, обладающему десятью талантами и использующему их, пока они не принесут богатство? Будем ли мы пожинать плоды, ожидающие нас по выполнении нами наших высоких обязанностей? Будем ли мы завоевывать новые рынки для продукции, возвращаемой нашими фермерами, производимой нашими фабриками, продаваемой нашими коммерсантами, да и, с Божьей помощью, новые рынки для всего того, что будут нести в своих трюмах наши суда?

Гавайи стали нашими; Порто-Рико³⁶ будет нашим; молитвами ее народа Куба в конечном счете будет

³⁵ Так в оригинале. – *Прим. сост.*

³⁶ Старое название Пуэрто-Рико, существовавшее до 1952 г. – *Прим. сост.*

нашей; острова Востока вплоть до врат в Азию будут, по меньшей мере, нашими угольными базами; флаг либерального правительствa будет развеиваться над Филиппинами, и пусть это будет флаг, развернутый Тейлором в Техасе и донесенный Фримонтом до побережья³⁷.

Оппозиция говорит, что нам не следует править народом без его согласия. Я отвечаю: правило свободы, гласящее, что любое законное правление черпает свою власть в согласии тех, кем оно правит, применимо лишь к тем, кто способен к самоуправлению. Мы правим индейцами без их согласия, мы управляем нашими территориями без их согласия, мы управляем нашими детьми без их согласия. Откуда им было бы узнать, каким было бы наше правительство, если бы они не дали своего согласия? Разве не предпочел бы народ Филиппин справедливое, гуманное, цивилизованное правительство нашей Республики дикому, кровавому правлению грабителей и вымогателей, от которого мы его освободили?

И, независимо от этой формулы, предназначенной для просвещенного, самоуправляемого народа, разве мы не в долгу перед миром? Следует ли нам возвратить эти народы в дурно пахнущие руки, из которых мы их вызволили? Следует ли нам покинуть их, когда Германия, Англия, Японии жаждут их? Не следует ли нам спасти их от этих стран и предоставить им самостоятельное управление в трагической ситуации?

Они спрашивают нас, как мы будем управлять этими новыми владениями. Я отвечаю: методы управления определяются исходя из местных условий и требований ситуации. Если Англия может управлять зарубежными землями, то и Америка может. Если Германия может управлять зарубежными землями, то и Америка может. Если они могут контролировать протектораты, то и Америка может. С какой стати считается, что управлять Гавайями сложнее, чем Нью-Мехико или Калифорнией? Когда они пришли под нашу власть, и там и там было дикое и чуждое население, обе территории находились на большем удалении от центра правления, чем Филиппины сегодня.

Засвидетельствуете ли вы своим голосованием, что американская способность управлять ослабла, что вековой опыт самоуправления не принес результатов? Подтвердите ли вы своим голосованием, что вы более не верите в американскую мощь и практическое чутье? Или же вы заявите, что мы из тех, кто правит, что наши сердца – сердца тех, кто властвует, наши разум и дух принадлежат тем, кто призван руководить? Вспомните ли вы, что мы делаем лишь то, что уже делали наши отцы, – мы лишь разбиваем шатры свободы, двигаясь далее на запад, далее на юг, – мы лишь продолжаем марш американского флага?

Марш флага! В 1789 году флаг Республики развеивался над четырьмя миллионами душ в тринадцати штатах и над их дикой территорией, пропиравшейся до Миссисипи, Канады и Флориды. Робкие умы тех дней предупреждали, что нам не нужны новые территории, и для того времени они были правы. Но Джефферсон³⁸, чей разум отражал историю веков, Джефферсон, мечтавший о Кубе как американском штате, Джефферсон, первый империалист Республики, – Джефферсон приобрел эту огромную территорию, простирающуюся от Миссисипи до гор, от Техаса до британских владений, и тогда начался марш флага!

Предавшие веру в свободу неистовствовали, но марш флага продолжался! Права на ту прекрасную землю, из которой были образованы Орегон, Вашингтон, Айдахо и Монтана, еще не определились; Джефферсон, хотя и бывший строгим создателем конституционного права, подчинился внутренне присущему ему англосаксонскому импульсу, паролем которого тогда, да и остающимся таковым до сего дня во всем мире, является слово «Вперед!». <...>

И сегодня, подчиняясь тому же гласу, который слышал Джефферсон и подчинился ему, который слышал Джексон и подчинился ему, который слышал Монро и подчинился ему, который слышал Сьюард и подчинился ему, который слышал Грант и подчинился ему, который слышал Гаррисон³⁹ и подчинился ему, наш нынешний президент водружает этот флаг над морскими островами, над форпостами торговли, цитаделями национальной безопасности, – и марш флага продолжается! <...>

Но оппозиция права – разница существует. Нам не нужна была западная долина Миссисипи, когда мы овладели ею, не нужны были ни Флорида, ни Техас, ни Калифорния, ни королевские провинции далеко на северо-западе. У нас не было эмигрантов для заселения такой огромной дикой территории, не было денег на ее освоение, не было даже дорог, чтобы ее освоить. На этом огромном диком пространстве не существовало условий для торговли. Да и наше производство не превышало возможностей нашей торговли. Не существовало ни единой причины для овладения новыми землями, кроме того, что в наших государственных деятелях от Джефферсона и до Гранта был силен провидческий дух и было чувство принадлежности к саксонской расе. Но сегодня мы выращиваем больше, чем можем потребить, производим больше, чем можем использовать. Поэтому мы должны найти новые рынки для нашей продукции.

И по этой причине, хотя территория, которой мы овладели в течение предшествующего века, нам тогда и не была нужна, нам действительно необходимо то, что мы приобрели в 1898 году, причем это необходимо нам сейчас. <...>

Торговое превосходство Республики означает, что нашему государству предназначено стать фактором

³⁷ **Ричард Тейлор** (1826-1879) – генерал Конфедеративных Штатов Америки, командующий войсками Техаса и Луизианы; **Джон Чарлз Фримонт** (1813-1890) – генерал, сыгравший заметную роль в присоединении к США отобранной у Мексики Калифорнии, вошел в американскую историю как «следопыт» (Pathfinder), проложивший дорогу Соединенным Штатам на запад континента. – *Прим. сост.*

³⁸ **Томас Джефферсон** (1743-1826) – Президент США в 1801-1809 гг., автор проекта Декларации независимости. – *Прим. сост.*

³⁹ **Эндрю Джексон** (1767-1845), **Джеймс Монро** (1758-1831), **Улисс Грант** (1822-1885), **Бенджамин Гаррисон** (1833-1901) – президенты США; **Уильям Сьюард** (1801-1872) – государственный секретарь США. – *Прим.*

мира во всем мире, поскольку будущие конфликты обязательно будут торговыми конфликтами – борьбой за! рынки, торговой войной за существование. А золотым правилом мира является прочность занимаемого положения и гарантии военной готовности. В результате мы видим Англию, величайшего стратега истории, водружающей свой флаг на Гибралтаре, в Квебеке, на Бермудах, в Ванкувере – повсюду.

Так, Гавайи обеспечили нам военно-морскую базу в самом сердце Тихого океана; расположенные несколько далее острова Ладронес⁴⁰ дали нам еще одну. Затем Манила стала еще одной базой, у дверей в Азию – ту Азию, на торговлю с которой сотни миллионов американских торговцев, производителей, фермеров имеют такие же права, как их коллеги из Германии, Франции, России или Англии; Азию, чья торговля с одной только Великобританией дает ежегодно сотни миллионов долларов; Азию, на получение дополнительной продукции из которой с надеждой взирает Германия; Азию, чьи двери не должны быть захлопнуты перед американской торговлей. Через пять десятков лет основная доля восточной торговли будет нашей. <...>

Существует так много реальных дел, ждущих реализации: рытье каналов, прокладка железных дорог, рубка лесов, строительство городов, возделывание полей, завоевание рынков, спуск на воду кораблей, спасение людей, провозглашение цивилизации, водружение флага свободы, развевающегося на ветрах всех морей. Стоит ли в такой час терять время на пустозвонов, ссылающихся на законы природы? Разве время сейчас вручать нашу судьбу болтунам и разрушителям процветания? Нет! Сейчас настало время вспомнить о нашем долге перед нашими домашними очагами. Настал час осознания возможностей, открытых перед нами судьбой. Следовательно, настал час, когда нам следует сплотиться вокруг правительства.

Мы не можем уклониться от выполнения нашего долга перед миром; мы должны исполнить повеление судьбы, приведшей нас к высотам, на которые мы и не рассчитывали. Мы не можем покинуть землю, на которой Провидение развернуло наше знамя; нашим долгом является спасти эту землю для свободы и цивилизации.

An American Primer / Ed. by D. J. Boorstin. N.Y., 1968.

ДОКТРИНА «ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ» (OPEN DOOR DOCTRINE)

Японо-китайская война 1894-1895 гг., вызванная стремлением Японии установить контроль над Кореей – вассалом Китая, завершилась сокрушительным поражением Китая и унижительным для него Симоносекским мирным договором. Ведущие страны Европы и Соединенные Штаты Америки увидели в результатах этой войны реальную возможность расширить сферы своего влияния в Китае и добиться для себя выгодных экономических привилегий на всей территории этой страны.

Казавшийся необъятным китайский рынок представлял собой огромный соблазн для основных субъектов международной торговли – США, Великобритании, Франции, Германии, Италии, России и Японии. Согласованные ранее между Великобританией и США принципы неограниченного доступа на китайский рынок были подвергнуты пересмотру не только Англией, но и другими европейскими странами. В 1899 г. государственный секретарь США Дж. Хэй обратился ко всем государствам, проявлявшим особый интерес к китайскому рынку, с призывом договориться о том, что они будут придерживаться принципа «открытых дверей» в закрепившихся за ними сферах влияния в Китае, т.е., по существу, о том, что эти государства не будут препятствовать проникновению в контролируемые ими регионы американских торговцев. Реакция европейских и японского правительств на этот призыв потребовала от Вашингтона повторного обоснования американской позиции.

Нота посла США, врученная 22 сентября 1899 г. лорду Солсбери, премьер-министру и министру иностранных дел Великобритании

...Мое правительство искренне желает, чтобы интересы его граждан не нарушались исключительными правами любых из контролирующих держав в их «сферах интересов» в Китае, и надеется на сохранение там открытого рынка для всей мировой торговли, на устранение всех опасных источников международного раздражения и тем самым на ускорение совместных действий этих держав в Пекине с целью проведения административных реформ, столь необходимых для укрепления Императорского правительства и сохранения целостности Китая, в чем, как оно убеждено, так же заинтересован весь западный мир. Оно полагает... что в нынешний момент весьма уместно информировать Правительство Ее Величества о желании Соединенных Штатов содействовать этому со своей стороны и оказать ему свою мощную поддержку в попытке заручиться заявлением всех государств, претендующих на наличие «сферы интересов» в Китае, суть которого сводилась бы к тому, что:

1) оно будет считать неблагоприятным вмешиваться в деятельность какого-либо конкретно оговоренного порта или закрепленную договоренностью заинтересованность в так называемой сфере интересов или на арендованной территории, которая может у него существовать в Китае;

2) действующий в Китае таможенный тариф должен распространяться на все товары, выгруженные или предназначенные для всех портов, находящихся в «сферах интересов» (если они не являются «свободными портами»), независимо от их национальной принадлежности, и что устанавливаемые таким

⁴⁰ Старое название Марианских островов. – Прим. сост.

образом тарифные сборы должны будут собираться правительством Китая;

3) оно не будет вводить никаких портовых сборов на суда иной национальной принадлежности, посещающие любой порт в такой «сфере», отличных от сборов с их собственных судов, и никаких железнодорожных сборов с проложенных, контролируемых или эксплуатируемых ими железнодорожных путей в пределах их «сфер» на товары, принадлежащие гражданам или подданным других государств и транспортируемые через такие «сферы», отличных от сборов, устанавливаемых на аналогичные товары, принадлежащие своим гражданам и перевозимые на аналогичные расстояния. <...>

**Циркулярная телеграмма,
направленная 3 июля 1900 г. государственным секретарем США Дж. Хэйем
американским послам в Лондоне, Париже, Берлине, Санкт-Петербурге, Вене и Риме,
а также американскому посланнику в Токио**

В условиях критического состояния дел в Китае представляется целесообразным определить отношение к нему Соединенных Штатов в том мере, в какой это позволяют сделать создавшиеся обстоятельства. Мы придерживаемся провозглашенной нами в 1857 году политики мира с китайским государством, продолжения законной торговли с ним и защиты жизни и собственности наших граждан всеми средствами, в соответствии с экстерриториальными договорными правами и государственными законами. В случае совершения акта несправедливости в отношении наших граждан мы намерены призвать лиц, совершивших это нарушение, к самому строгому ответу. Мы рассматриваем ситуацию в Пекине как фактическую анархию, в условиях которой власть и ответственность практически перешли в руки местных провинциальных властей. До тех пор пока они не вошли в сговор с бунтовщиками и используют свою власть для защиты жизни и собственности иностранцев, мы рассматриваем их представителями китайского народа, с которым мы стремимся сохранить отношения мира и дружбы.

Намерением президента является в настоящее время, как и ранее, действовать в согласии с другими государствами, во-первых, в целях открытия каналов связи с Пекином и спасения американских официальных лиц, миссионеров и других американцев, находящихся в опасности; во-вторых, для оказания всей возможной защиты повсеместно в Китае жизни американцев и их собственности; в-третьих, для защиты и охраны всех законных американских интересов и, в-четвертых, для оказания помощи в предотвращении распространения беспорядков на другие провинции Империи и повторения подобных бедствий.

Конечно, слишком рано предсказывать средства достижения последнего результата, но политикой Правительства Соединенных Штатов является поиск решения, которое может принести Китаю надежную безопасность и мир, сохранить целостность и административное единство Китая, защитить все права, гарантированные договорами и международным правом дружественным государствам и обеспечить миру принцип равенства и непредвзятости в торговле со всеми частями Китайской империи.

Вам поручается довести смысл этих инструкций до сведения министра иностранных дел.

Хэй

Brockway T. P. Basic Documents in United States Foreign Policy. N.Y., 1957.

**ПОПРАВКА ПЛАТТА
(PLAIT AMENDMENT)**

После завершения Испано-американской войны 1898 г. Куба осталась под контролем американской военной администрации, обеспечивавшей стабильность в стране и соблюдение стратегических и экономических интересов США. Сохранение американского контроля над островом оправдывалось необходимостью недопущения впредь новой вспышки эпидемии желтой лихорадки, унесшей много жизней.

В 1900 г. глава американской администрации генерал Л. Вуд получил из Вашингтона указание содействовать созыву на Кубе Конституционного собрания, что и было сделано в ноябре 1900 г. Собрание приняло Конституцию Кубы, написанную по образцу и подобию Конституции США. В ее тексте, однако, отсутствовали положения, касающиеся будущих взаимоотношений с США.

Генералу Вуду было поручено информировать правительство Кубы, что вывод американских войск с территории острова состоится лишь в том случае, если в текст кубинской Конституции будут внесены статьи, гарантирующие американские интересы. Эти статьи вошли в историю как «поправка Платта» – по фамилии сенатора *Орвилла Платта* (1827-1905), выступившего в роли их инициатора, хотя авторство поправки принадлежало государственному секретарю США И. Руту. 2 марта 1901 г. Конгресс США принял «поправку Платта» к Закону об ассигнованиях на американскую армию. Эта же поправка легла в основу договора между США и Кубой от 22 мая 1903 г., согласно которому США получили право на бессрочную аренду военно-морской базы в Гуантанаме.

«Поправка Платта» фактически сделала Кубу американским протекторатом. После включения поправки в текст Конституции Кубы в качестве приложения американские войска покинули остров. Во избежание отмены или модификации поправки в будущем она вошла составной частью и в заключенный в мае 1903 г. американо-кубинский договор. Поправка была аннулирована лишь в мае 1934 г. при президенте Ф. Рузвельте.

Статья I

Правительство Кубы не будет вступать в какие-либо договоры или иные соглашения с каким-либо иностранным государством или государствами, которые будут подрывать или угрожать независимости Кубы, и также не санкционируют и не разрешат в какой-либо форме какому-либо иностранному государству или государствам приобрести путем колонизации, или же в военных или военно-морских целях, или в иных целях права размещение или контроль над какой-либо частью данного острова.

Статья II

Правительство Кубы не возьмет на себя или не примет обязательств по государственному долгу, выплата процентов по которому или условия о разумных размерах фонда погашения которого превысят обычные доходы острова Куба после вычета текущих расходов на расходы правительства.

Статья III

Правительство Кубы соглашается, что Соединенные Штаты могут воспользоваться правом на вмешательство с целью защиты кубинской независимости, сохранения правительства, способного защитить жизнь, собственность и личную свободу, и с целью выполнения обязательств в отношении Кубы, возложенных на Соединенные Штаты по Парижскому договору, которые сейчас передаются и принимаются на себя правительством Кубы.<...>

Статья V

Правительство Кубы будет выполнять и в меру необходимости расширять уже разработанные планы или иные подлежащие взаимному согласованию планы строительства городских канализационных систем острова, с тем чтобы предотвратить новое распространение эпидемий или за« разных болезней, обеспечивая тем самым защиту народа и торговли Кубы, а также торговли южных портов Соединенных Штатов и людей проживающих в них. <...>

Статья VII

С тем чтобы предоставить Соединенным Штатам возможность сохранить независимость Кубы и защитить ее народ, а также в интересах собственной обороны правительство Кубы продаст или передаст в арен Соединенным Штатам землю, необходимую для размещения на ней станций заправки топливом или военно-морских баз, в определенных, согласованных с Президентом Соединенных Штатов пунктах.

Brockway T. P. Basic Documents in United States Foreign Policy. N.Y., 1957.

ПОПРАВКА Т. РУЗВЕЛЬТА К ДОКТРИНЕ МОНРО (ROOSEVELT COROLLARY)

В 1895 г. Р. Олни, государственный секретарь США в кабинете президента Г. Кливленда, счел необходимым предупредить Великобританию от вмешательства в дела стран Латинской Америки, выдвинув утверждение, что Соединенные Штаты Америки являются «практически суверенными» на американском континенте и «практически неуязвимы» для любого (или даже всех) государства.

Однако в 1902 г. не только Великобритания, но и другие европейские страны, в том числе Германия и Италия, сочли возможным вмешаться во внутривнутриполитический кризис в Венесуэле с целью вынудить президента страны С. Кастро выплатить долги иностранным кредиторам. Не сомневаясь в том, что венесуэльский диктатор заслуживает порицания, Президент США *Теодор Рузвельт* (1858-1919) решил, однако, что действия европейских держав противоречат положением доктрины Монро. В своем четвертом послании Конгрессу США Рузвельт счел необходимым разъяснить «нарушителям» доктрины, что лишь Соединенные Штаты обладают правом выполнять функции международного полицейского в Западном полушарии.

В приводимом ниже отрывке из президентского послания от 6 декабря 1904 г. содержится разъяснение направления проводимой Соединенными Штатами внешней политики, вошедшее в американскую историю под названием «поправка Рузвельта».

...Неправда, что Соединенные Штаты жаждут приобрести какую-то территорию или что они строят какие-то планы в отношении других государств Западного полушария, за исключением тех планов, которые касаются их благополучия. Единственное, чего желает наша страна, – это видеть соседние страны стабильными, спокойными и процветающими. Любая страна, народ которой ведет себя хорошо, может рассчитывать на нашу чистосердечную дружбу. Если государство демонстрирует, что оно знает, как действовать с разумом, умением и приличием в социальных и политических вопросах, если оно соблюдает порядок и выполняет свои! обязательства, ему не следует опасаться вмешательства со стороны Соединенных Штатов.

Непрекращающиеся незаконные действия или проявление бессилия, приводящие к общему ослаблению уз цивилизованного общества, будь то в Америке или где бы то ни было, в конечном итоге требуют вмешательства со стороны какого-либо цивилизованного государства. В Западном полушарии следование Соединенными Штатами доктрине Монро может вынудить их, возможно и против своей воли, в вопиющих случаях нарушений законности или проявления бессилия к выполнению обязанностей международной полицейской державы. Если какая-либо страна, чьи берега омываются Карибским морем, продемонстрирует стабильный и справедливый прогресс цивилизации, подобный тому, который был с помощью поправки Платта продемонстрирован Кубой после того, как наши покинули остров, и подобный

тому, который постоянно и блестяще демонстрируют многие республики в обеих частях американского континента, вмешательство нашего государства в их дела прекратится.

Наши интересы и интересы наших южных соседей, по существу, идентичны. Наши соседи обладают богатыми природными ресурсами, и, если в пределах их границ будут соблюдаться законность и справедливость, процветание обязательно придет к ним. При условии соблюдения этими странами основополагающих законов цивилизованного общества они могут быть уверены в том, что мы будем относиться к ним благожелательно и с искренней симпатией. Мы вмешаемся в их дела лишь в крайнем случае и лишь тогда, когда станет очевидным, что их неспособность или нежелание добиться справедливости у себя в стране и за рубежом нарушили права Соединенных Штатов или же спровоцировали иностранную интервенцию во вред всем американским государствам. Не более чем трюизмом является утверждение, что любое государство на американском континенте или где-либо еще, стремящееся сохранить свою свободу, свою независимость, должно осознать, что право на независимость не может быть отделено от ответственности правильно ею пользоваться. <...>

Brockway T. P. Basic Documents in United States Foreign Policy. N.Y., 1957.

Теодор Рузвельт НОВЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ (NEW NATIONALISM)

По завершении пребывания в Белом доме бывший Президент США *Теодор Рузвельт* (1858-1919) отбыл из столицы на африканское сафари. В мае 1910 г., на обратном пути из Африки, он сделал остановку в Лондоне, чтобы присутствовать на похоронах английского короля Эдуарда VII. В беседе с оказавшимся также в британской столице бывшим государственным секретарем, а ныне сенатором И. Рутом экс-президент Рузвельт заверил его, что не намерен более заниматься политикой. Однако, оказавшись в июне того же года в Нью-Йорке и убедившись в незавидном политическом будущем, ожидавшем его партию на очередных президентских выборах, Рузвельт решил «попытаться помочь Республиканской партии на осенних выборах». Уже 23 июля он отправился в продолжительную поездку по стране. В многочисленных выступлениях Рузвельт излагал свою позицию по наиболее важным, с его точки зрения, вопросам текущей избирательной кампании.

31 августа 1910 г. Рузвельт выступил в городке Осаватомии (штат Канзас), связанном с восстанием Джона Брауна в 1856 г. В этой речи было впервые использовано понятие «новый национализм», ставшее в последующие годы политическим лозунгом многих республиканских претендентов на выборные посты. В ней содержалось наиболее исчерпывающее изложение программы «прогрессистского» крыла Республиканской партии, с деятельностью которого все чаще стало ассоциироваться имя Рузвельта. Опираясь близкими и понятными среднему американцу понятиями, Рузвельт представлял точку зрения своих единомышленников как политику, полностью отвечающую надеждам и устремлениям большинства населения страны.

Мы пришли сегодня сюда, чтобы отметить одно из самых судьбоносных событий длительной борьбы за права человека, длительной борьбы за прогресс человечества. Наша страна – эта великая республика – ничего не будет представлять собой, если она не будет символизировать триумф истинной демократии, общенародного правительства и в конечном счете экономической системы, в условиях которой каждый человек будет обладать гарантией возможности для проявления всего наилучшего, что в нем есть. Вот почему история Америки лежит сейчас в основе всемирной истории, поскольку мир с надеждой повернулся лицом к нашей демократии; и, о мои сограждане, каждый из вас несет на своих плечах не только бремя долга осуществить все возможное для пользы своей собственной страны, но и бремя не только сделать добро, но и обеспечить условия, чтобы наша страна сделала такое добро в интересах человечества. <...>

На многих этапах развития человечества основным состоянием прогресса является конфликт между теми людьми, которые обладают большим богатством, чем они заслужили, и теми людьми, которые заслужили больше того, чем они обладают. В наши дни это выглядит борьбой свободных людей за завоевание и сохранение права на самоуправление против особых интересов, которые извращают методы свободного правления, превращая их в механизм подавления народной воли. Всегда и при всех обстоятельствах суть борьбы заключается в установлении равенства возможностей, ликвидации привилегий и придании жизни и гражданству каждой отдельной личности наивысшей ценности для нее самой и для всего общества. <...>

Практическое равенство возможностей для всех граждан, когда мы его добьемся, будет иметь два основополагающих результата. Во-первых, каждый человек получит реальный шанс полностью использовать все заложенные в нем возможности; добиться высшей степени успеха, к которому ему позволяют прийти его личные способности, не подкрепляемые его собственными привилегиями и не поддерживаемые привилегиями других, и получить для себя и своей семьи, по сути, то, что он заработал. Во-вторых, равенство возможностей означает, что общество получит от каждого гражданина максимум того, что он в состоянии создать. Ни один человек, несущий бремя привилегий другого человека, не может принести обществу ту пользу, которую оно ожидает от него.

Я стою за справедливый расклад. Но когда я говорю, что я за справедливый расклад, я имею в виду не то, что я стою за справедливый расклад и рамках существующих правил игры, а то, что я стою за такое изменение этих правил, чтобы они обеспечивали более существенное равенство возможностей и равенство вознаграждения за одинаково выполненную работу. <...>

Когда я говорю, что хочу справедливого расклада для бедняка, я не имею в виду, что я хочу справедливого расклада для человека, который остается бедняком потому, что недостаточно энергичен, чтобы работать дня себя. Если человек, получивший шанс, не добился успеха, он должен будет выйти из игры. <...>

Итак, это значит, что наше правительство, общенациональное и на уровне штата, должно быть освобождено от зловещего влияния или контроля со стороны особых интересов; подобно тому как особые интересы хлопковых плантаторов и рабовладельцев угрожали нашей политической целостности до начала Гражданской войны, сегодня особые деловые интересы слишком часто вовлекают в коррупцию людей и правительства во имя своих собственных выгод. Мы должны изгнать особые интересы из политики. <...>

Истинным другом собственности, истинным консерватором является тот, кто настаивает, что собственность должна быть служанкой, а не госпожой общества; кто настаивает, что создание рук человеческих должно служить человеку, а не быть хозяином своего создателя. Граждане Соединённых Штатов должны эффективно контролировать могущественные коммерческие силы, которые они сами создали.

Нельзя говорить о действенном контроле над корпорациями, пока продолжается их политическая активность. Положить этому конец не удастся ни быстро, ни легко, но эта задача выполнима.

У нас должна быть полная и действительная гласность относительно деятельности корпораций, с тем чтобы народ, без сомнения, мог знать, соблюдают ли корпорации закон и заслуживает ли их руководство общественного доверия. Необходимо, чтобы были приняты законы, запрещающие прямое или косвенное использование денежных средств корпораций в политических целях; в еще большей степени необходимо обеспечить, строгое выполнение таких законов. Корпоративные расходы на политические цели, и особенно подобные расходы корпораций, находящихся на службе общества, стали одним из основных источников коррупции и нашей политике.

Стало совершенно ясно, что нам следует установить правительственный контроль за процессом капитализации не только в отношении корпораций, работающих в сфере общественных услуг, включая, особенно, железные дороги, но и в отношении корпораций, осуществляющих деление связи между штатами. Мне бы не хотелось, чтобы государство было вынуждено вступить во владение железными дорогами, если этого можно и лежать; и единственным выходом является установление тщательного и эффективного регулирования, основанного на полном обладании всеми фактами, включая материальную оценку собственности. Такая материальная оценка не нужна или нужна лишь в редких случаях для установления расценок, но она необходима в качестве основы честной капитализации.

Мы пришли к признанию того, что привилегии следует предоставлять лишь на короткое время и только при должном учете необходимости выплаты компенсации обществу. Я лично убежден, что форма и степень контроля, аналогичные тем, которые применяются в отношении корпораций, находящихся на службе у общества, должны быть применены и в отношении корпораций, контролирующих производство товаров первойшей жизненной необходимости, таких, как мясо, нефть и уголь, или же основательно занимающихся их производством. Я уверен, что осуществляющий такой контроль человек похож на каждого из нас. У меня пег никаких сомнений в том, что он хочет преуспеть, но мне бы хотелось установить над ним достаточно серьезный контроль, дабы помочь ему реализовать это желание преуспеть.

Я считаю, что руководящие работники, и особенно директора корпораций, должны нести личную ответственность, если какая-либо из корпораций нарушит закон.

Промышленные корпорации являются результатом действия экономического закона, который не может быть отменен политическим законодательством. Попытка запретить создание корпораций, по существу, провалилась. Выход заключается не в запрещении таких объединений, а в установлении полного контроля над ними в интересах общественного блага. <...>

Ни один человек не может получить ни доллара, если этот доллар не был им должным образом заработан. Каждый полученный доллар обязан соответствовать оказанным услугам стоимостью в один доллар – не спекуляции акциями, а оказанным услугам. Действительно крупное состояние, огромное богатство приобретает качества, отличающие его по сути и по размерам от того, чем обладает человек с относительно меньшими средствами. Поэтому я верю в прогрессивный подоходный налог на крупные состояния и в другой налог, который гораздо легче собирать и который является гораздо более эффективным, – прогрессивный налог на наследство, распространяющийся на крупные состояния, заметно увеличивающийся в зависимости от размера наследуемого и должным образом защищенный от возможности его неуплаты.

Народ Соединенных Штатов страдает от периодически возникающих финансовых кризисов, масштабы которых, по существу, не знакомы другим государствам, приближающимся к нам по финансовому могуществу. Не вижу причин, почему мы должны страдать от того, чего им удастся им бежать. Крайне необходимо безотлагательно изучить нашу финансовую систему и столь основательно и эффективно ее изменить, чтобы гарантировать, что отныне денежная система страны больше не подведет нас в критическое время и обеспечит наши нужды. <...>

Об охране природы я буду говорить подробно при других обстоятельствах. Охрана природы предусматривает как развитие, так и защиту. Я признаю право и долг нынешнего поколения осваивать и использовать природные ресурсы нашей земли; но я не признаю права бездумно растрачивать их или же грабить следующие за нами поколения в результате расточительного использования этих ресурсов. Я не

прошу у государства ничего большего, кроме как такого же поведения, которое характерно для каждого фермера в отношении его собственных детей. Тот фермер, который обескровливает землю и оставляет ее своим детям совершенно никчемной, является жалким существом. Хорошим фермером является тот, кто превратил свою землю в источник своего благополучия и обеспечения образования своих детей, кто оставляет землю им в наследство в лучшем состоянии, чем сам ее получил. То же самое, по-моему, должно относиться и к государству. <...>

Ничто не может быть большей истиной, чем утверждение, что за любой крайностью следует реакция; и этот факт подлежит осмыслению в равной степени как реформатором, так и реакционером. Мы столкнулись лицом к лицу с новыми концепциями отношений между собственностью и благосостоянием человека в основном по причине того, что некоторые проповедники приоритета прав собственности перед правами человека стали слишком уж перебарщивать. Гражданин, ошибочно утверждающий, что любое право человека вторично по отношению к его доходам, должен сейчас уступить место стороннику повышения благосостояния человека, который совершенно верно утверждает, что каждый гражданин обладает собственностью, которая, согласно общим правилам жизни общества, подлежит регулированию в той степени, в какой это может потребовать общественное благосостояние. <...>

Существует множество факторов дееспособности государства. Это закономерный результат широкого применения принципа охраны природы. В конечном счете именно это определит наш успех или поражение как нации. Дееспособность государства должна зависеть не только от его природных ресурсов и людей, но и в равной степени от его институтов. Штат должен стать дееспособным, чтобы осуществлять деятельность, касающуюся лишь населения данного штата, а государство должно обладать дееспособностью, затрагивающей весь народ. Не должно существовать никаких лазеек, которые могли бы служить убежищем для нарушителей закона, и особенно для нарушителей закона, обладающих большим состоянием, которые могут нанять хитрых и ловких юристов, чтобы обучить предпринимателей способам уклонения от исполнения законов штата и государства. Несчастьем является ситуация, когда государственное законодательство оказывается неспособным выполнить свои обязанности в обеспечении излечения нации, когда единственной формой государственной деятельности являются сугубо негативные действия судебного органа, запрещающего штату осуществлять власть в пределах своей юрисдикции.

Я не отстаиваю сверхцентрализацию. Но я действительно прошу, чтобы мы работали в духе широкого национализма, в интересах всего народа и целом. Мы все американцы. Наши общие интересы столь же широки, как и наш континент... Национальное правительство принадлежит всему американскому народу, и, когда весь американский народ в чем-то заинтересован, этот интерес может быть эффективно защищен лишь общенациональным правительством. Улучшения, которых мы стремимся добиться, могут быть, по-моему, достигнуты в основном с помощью национального правительства.

Американский народ прав, требуя придерживаться идей нового национализма, без которого мы не можем надеяться, что нам удастся справиться с новыми проблемами. Новый национализм ставит общенациональные нужды над групповой или личной выгодой. Он не терпит полнейшего беспорядка, возникающего в результате попыток местных законодательных органов рассматривать общенациональные проблемы как явления местного масштаба. С еще большим неприятием он относится к бессилию власти, возникающему как следствие излишнего раздела государственных властных полномочий и позволяющему местническому эгоизму или хитрым юристам, нанятым богатыми, препятствовать деятельности государства. Этот новый национализм рассматривает исполнительную власть как управляющего общественным благосостоянием. Он требует от судебных органов, чтобы они проявляли интерес в первую очередь к благосостоянию человека, а не к собственности, точно так же как он требует, чтобы представительный орган представлял весь народ, а отдельный класс или группу людей.

Я верю в то, что задачей правительства является защита как собственности, так и благосостояния человека. В принципе, в конечном счете обе цели важны, однако если выбирать основную, то я стою за человека, а не за собственность. <...>

Я далек от того, чтобы недооценивать важность дивидендов, но я ставлю дивиденды ниже человеческой сути. И еще, мне не нравится реформа тор, заявляющий, что его не интересуют дивиденды. Нет сомнения, что экономическое благополучие необходимо, поскольку человек должен обладать достаточной силой и быть в состоянии содержать свою семью! Я хорошо знаю, что реформаторам не следует способствовать экономическому разорению людей, иначе сами реформаторы окажутся разоренными. Но мы должны быть готовы столкнуться с временным бедствием, независимо от того, возникло ли оно в результате действий тех, кто готов сразиться с нами не на жизнь, а на смерть. Тем, кто выступает против любых реформ, следовало бы помнить, что разруха в ее самой тяжелой форме неизбежна, если в жизни нашего государства нет ничего предпочтительнее непомерно огромных состояний небольшого числа людей и триумфа в политике и бизнесе корыстного и эгоистичного материализма.

Если бы наши политические институты были совершенными, они обязательно предотвратили бы политическое господство денег в любой области нашей деятельности. Нам необходимо сделать наших политических представителей способными к более быстрому и искреннему восприятию желаний людей, чьими слугами они являются. Жизненно необходимо, чтобы люди могли более непосредственно участвовать в решении своих собственных дел, обладая необходимыми гарантиями. Прямые

предварительные выборы⁴¹ являются шагом вперед в этом направлении, если они проводятся при соблюдении закона о коррупции, эффективно сводящего на нет преимущества человека, безрассудно и бессовестно расходуя большие деньги, чтобы победить своего более честного конкурента. Особенно важно, чтобы по всем денежным средствам, полученным или израсходованным на ведение кампании, существовала подотчетность обществу не только после выборов, но и до их проведения. Политическая деятельность должна быть более простой и понятной каждому гражданину. Я убежден, что процедура быстрого устранения бесчестных и некомпетентных государственных деятелей должна быть упрощена и обеспечена тем путем, который подсказывается опытом и представляется наиболее целесообразным в каждом конкретном случае.

Одной из основных необходимостей в представительном правительстве, подобном нашему, является обеспечение того, чтобы лица, которым народ делегирует свои властные полномочия, служили бы избравшему их народу, а не особым интересам немногих. Я убежден, что всем государственным чиновникам, избранным или назначенным, должно быть запрещено оказывать услуги или получать какое-либо вознаграждение, прямое или косвенное, от корпораций из других штатов; причем аналогичный запрет может оказаться полезным и в пределах самих штатов.

Целью работы правительства является благополучие народа. Материальный прогресс и процветание государства желательны в той мере, в какой они ведут к моральному и материальному благополучию всех граждан. В стране должно быть как можно больше мужчин и женщин честных, способных к здравым суждениям и высоким идеалам, активных в общественных делах, но прежде всего порядочных в домашнем кругу, отцов и матерей здоровых детей, правильно ими воспитываемых, – только при таком условии мы можем рассчитывать на то, что наша цивилизация добьется успеха. Должно наступить, и я считаю, что уже наступило, истинное моральное пробуждение, без которого ни мудрость законодательной, ни мудрость исполнительной власти фактически не имеют значения. В то же время мы должны попытаться создать социальное и экономическое законодательство, без которого любые улучшения, основанные на сугубо высоконравственной агитации, оказываются сведенными к нулю. <...>

Независимо от того, насколько честными и порядочными мы являемся в нашей частной жизни, если у нас нет разумного закона и мер эффективного контроля за его исполнением, мы не можем преуспеть как нация. Это обязательное требование, но оно должно лишь дополнять, а не заменять те качества, которыми положено обладать добропорядочным гражданам. В конечном счете самым важным в карьере любого человека должно быть сочетание тех качеств, которые мы суммарно называем характером. Если их у него нет, то никакой закон, который может быть изобретен человеческим разумом, никакое руководство законом со стороны самого сильного обладателя исполнительной власти не сможет ему помочь. Необходимо обладать характером, который делает человека прежде всего хорошим у себя дома – хорошим отцом, хорошим мужем, хорошим соседом. У вас должен быть характер, а в дополнение к нему у вас должна быть закон и такого рода средства контроля за его выполнением, которым предоставят гражданину все возможности для развития лучших черт характера. Основной проблемой нашей нации является воспитание хорошего гражданина, и для того, чтобы достичь этого, нам нужен прогресс; и наши государственные люди должны быть истинно прогрессивными.

An American Primer / Ed. by D. J. Boorstin. N.Y., 1968.

ПОПРАВКА ЛОДЖА К ДОКТРИНЕ МОНРО (LODGE COROLLARY)

В Сенат США *Генри Кэбот Лодж-старший* (1850-1924) был избран от штата Массачусетс в 1893 г. В 1895 г. он стал членом сенатского комитета по иностранным делам, а с 1919 г. и вплоть до своей кончины был его председателем.

В 1911 г. в этот комитет поступили сведения о намерении некоего японского синдиката (согласно слухам, выступавшего по инициативе правительства своей страны) арендовать для строительства угольного порта крупный земельный участок в Южной Калифорнии, принадлежавшей тогда Мексике. На рассмотрение комитета сенатор Лодж внес проект резолюции, предусматривающей наложение запрета на приобретение стратегически важных для США территорий в Западном полушарии неамериканскими государствами или компаниями, выступающими в роли агентов чужих правительств. Текст одобренной комитетом резолюции Лодж затем внес на рассмотрение сената, сопроводив его своим разъяснением. Эта резолюция, получившая практически единогласное одобрение сенаторов (против запрета проголосовали лишь два человека), вошла в американскую историю как «поправка Лоджа к доктрине Монро», поскольку распространила объявленный в ней запрет «колонизации» территорий Западного полушария европейскими государствами на все неамериканские государства и их компании.

Постановили, что в том случае, когда любой порт или иной объект ни американских континентах расположен таким образом, что его оккупация в военно-морских либо военных целях может угрожать коммуникациям или безопасности Соединенных Штатов, Правительство Соединенных Штатов не может не рассматривать без серьезной озабоченности овладение таким портом или иным объектом какой-либо

⁴¹ **Предварительные выборы** (праймериз) – этап президентских выборов, позволяющий определить ведущих претендентов на президентский пост от ведущих политических партий. – *Прим. сост.*

корпорацией или ассоциацией, которая имеет с другим, не американским, правительством такие отношения, которые предоставляют этому правительству практическое право контроля в национальных интересах.

Настоящая резолюция основывается на общепризнанном принципе государственного права более старого, чем доктрина Монро. Она основывается на принципе, предусматривающем, что любое государство имеет право защищать собственную безопасность. В том случае, если оно полагает, что обладание иностранной державой в военных или военно-морских интересах конкретной гаванью либо объектом нарушает безопасность страны, его обязанностью, а также его правом является предотвращение этой опасности.

В качестве примера того, что я имею в виду, я упомяну протест, заявленный Германией по поводу оккупации ею порта Агадир в Марокко. Англия заявила протест на основе того, что этот акт нарушил ее коммуникации в регионе Средиземного моря. Ее точку зрения разделяли в основном европейские державы, и таким образом была предотвращена оккупация названного порта. Это тот самый принцип, на котором основывается настоящая резолюция.

Резолюция вызвана необходимостью изменить существующие условия, при которых, в случае если правительство не предпримет никаких действий, некая корпорация или ассоциация, находящаяся под контролем иностранного государства, может овладеть важным объектом. <...>

Доктрина Монро была, конечно, развитием в наших собственных интересах такого основополагающего принципа, как право каждого государства обеспечить свою собственную безопасность. Доктрина Монро, как мы все знаем, применялась лишь в случаях овладения территорией, подвергавшейся дальнейшей колонизации, и, естественно, не касалась конкретно данной проблемы. Однако, если бы не было доктрины Монро, обладание гаванью, подобной бухте Магдалена, ставшее причиной настоящей резолюции, по-моему, вызвало бы необходимость сделать какое-то заявление, касающееся случая, когда оказывается замешанной какая-либо корпорация или ассоциация.

В данном случае из расследований, предпринятых комитетом⁴² и администрацией, выяснилось, что в захвате бухты Магдалена не было замешано ни одно правительство. Однако стало также известно, что лица, контролировавшие мексиканскую концессию, которая включала земли вокруг бухты Магдалена, вступили в переговоры, которые еще не завершились договоренностью и носят лишь предварительный характер, предполагают продать эту бухту и окружающие ее земли некой корпорации, которая основана либо уполномочена иностранным правительством или же акции которой в значительной степени принадлежат или контролируются иностранцами.

Принятие этой резолюции, по единогласному мнению членов комитета, как я полагаю, соответствует интересам мира. Представляется всегда желательным заблаговременно обнародовать позицию страны касательно вопроса такого рода и предотвратить возникновение ситуации, когда может появиться необходимость потребовать от дружественной державы отступить, когда такое отступление, возможно, нельзя будет предпринять, не подвергаясь унижению.

Данная резолюция является просто политическим заявлением, конечно, связанным с доктриной Монро, но не обязательно зависимым от нее или являющимся ее следствием. По получении информации я сделал заявление по поводу положения дел в бухте Магдалена, ставшее основанием для резолюции о проведении расследования и приведшее сейчас к дальнейшим действиям комитета. Комитет счел исключительно разумным сделать это политическое заявление именно сейчас, когда оно никого не оскорбит и разъяснит позицию Соединенных Штатов.

Разумеется, мне нет нужды сообщать сенату, что открытие Панамского канала придает проблеме бухты Магдалена и вопросу о Галапагосских островах, который уже однажды или дважды рассматривался, важность, которой эти вопросы ранее не имели, и я считаю крайне желательным с точки зрения общих интересов, чтобы эта резолюция получила одобрение сената.

Congressional Record. 62nd Congress, 2nd Session. 1912. August 12.

Уильям Хауард Тафт

ДИПЛОМАТИЯ ДОЛЛАРА (DOLLAR DIPLOMACY)

В начале XX в. со всей остротой встал вопрос о необходимости расширения сфер экономического влияния Соединенных Штатов Америки и, соответственно, более активной защиты американских интересов во всем мире. Учитывая, что далеко не во всех случаях и не повсюду США могли прибегнуть к силовому решению возникающих проблем, Президент США *Уильям Хауард Тафт* (1857-1930) решил сделать ставку на использование «доллара вместо пуля». Однако США ни в коем случае не собирались отказываться от силовых методов, когда и где такое решение проблемы представлялось наиболее целесообразным и эффективным, в частности в регионе Карибского моря и в Китае.

Намереваясь противопоставить растущему влиянию Великобритании, Германии и Франции в Китае расширение зоны своего экономического, а затем и политического влияния, правительство США предоставило в 1912 г. правительству Китая заем на строительство Ханьянской железной дороги, проходящей через долину реки

⁴² Имеется в виду возглавляемый Г. Лоджем сенатский комитет по иностранным делам. – *Прим. сост.*

Янцзы. 3 декабря 1912 г. в послании Конгрессу США президент Тафт изложил свое видение нового курса американской дипломатии, получившего название «дипломатия доллара».

Сенату и палате представителей.

...Дипломатия действующей администрации имела своей целью шить современные проблемы коммерческих взаимоотношений. Эта политика отличалась тем, что предусматривала замену пуль долларом. Так политика равным образом отвечает идеалистическим человеколюбивым чувствам, велениям разумной политики и стратегии и легитимным коммерческим целям. Это является попыткой, открыто преследующей цели расширения американской торговли, основанной на самоочевидном принципе, что Правительство Соединенных Штатов окажет всю необходимую поддержку любому легитимному и полезному американскому предприятию за рубежом. <...>

В Китае политика поощрения капиталовложений в целях содействия тому, чтобы эта страна могла помочь себе, уже обеспечила этой стране новую жизнь и практическое применение политики открытых дверей. Постоянной целью нынешней администрации являлось поощрение использования американского капитала в развитии Китая путем оказания содействия в проведении тех основополагающих реформ, которые Китай обязался осуществить согласно своим договорам с Соединенными Штатами и другими государствами. Операции с иностранными банками, предусматривающие выдачу под заклад статей национального дохода, от которых зависели эти реформы, некоторых промышленных предприятий, например ханьянских железных дорог, дали на начальном этапе повод Государственному департаменту потребовать участия американских граждан в таких предприятиях, с тем чтобы Соединенные Штаты могли располагать равными правами в решении всех вопросов, имеющих отношение к распределению соответствующих общественных доходов. Аналогичная политика содействия согласию между государствами, заключивший такие же договоры, что и мы, в области проведения реформ, которые невозможно осуществить без общего согласия всех заинтересованных сторон, может быть проведена в жизнь в случае с займом, запрошенным Китаем с целью реформирования своей валюты. <...>

В Центральной Америке оказание содействия таким странам, как Никарагуа и Гондурас, имело целью создание условий, чтобы они могли помочь себе сами. Они и получают непосредственную выгоду от этой помощи. В национальном масштабе выгода для Соединенных Штатов двойная. Во-первых, ясно, что доктрина Монро гораздо более важна для региона Панамского канала и зоны Карибского моря, чем где бы то ни было еще. И там поддержка этой доктрины является в значительной степени делом Соединенных Штатов. Таким образом, необходимо, чтобы от стран этого региона была отведена опасность, связанная с наличием тяжелого внешнего долга, хаотичным состоянием национальной финансовой системы и вечными международными осложнениями в результате внутренних беспорядков. Поэтому Соединенные Штаты были рады поддержать и поощрить американских банкиров, изъявлявших готовность протянуть руку помощи таким странам, поскольку финансовое оздоровление и защита таможен от посягательств будущих диктаторов мгновенно избавят их и от угрозы, исходящей от иностранных кредиторов, и от угрозы революционных беспорядков.

Вторым выгодным для Соединенных Штатов обстоятельством является то, что это коснется в первую очередь всех южных портов и портов, расположенных на побережье Мексиканского залива, а также промышленности и всей деловой жизни Юга. Республики Центральной Америки и региона Карибского моря обладают огромными природными богатствами. Им необходимы лишь определенная стабильность и средства для финансового возрождения, чтобы вступить в эру мира и процветания, принести прибыль и счастье им самим и одновременно с этим создать условия, которые обязательно приведут к процветанию торгового обмена с нашей страной. <...>

Brockway T. P. Basic Documents in United States Foreign Policy. N.Y., 1957.

Томас Вудроу Вильсон

ПОСЛАНИЕ КОНГРЕССУ США ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ ВОЙНЫ ГЕРМАНИИ (WAR MESSAGE)

Соединенные Штаты Америки разорвали дипломатические отношения с Германией после того, как германские подводные лодки возобновили военные действия против американских кораблей в открытом море. Объявленный ранее американской администрацией вооруженный нейтралитет уже не отвечал ни интересам США, ни требованиям времени. Гибель от германских торпед нескольких американских кораблей ускорила развитие событий.

2 апреля 1917 г. президент *Томас Вудроу Вильсон* (1856-1924) обратился к Конгрессу США с посланием (текст его приводится ниже). Палата представителей и сенат подавляющим большинством голосов одобрили объявление войны Германии, и 6 апреля 1917 г. Соединенные Штаты вступили в Первую мировую войну (1914-1918).

Я созвал конгресс на чрезвычайную сессию, поскольку возникла необходимость сделать серьезный, очень серьезный выбор политического курса, причем сделать его немедленно, и было бы неверно и антиконституционно, если бы я взял на себя ответственность сделать его самостоятельно.

3 февраля текущего года я официально представил вам чрезвычайное заявление имперского правительства Германии о том, что начиная с 1 февраля оно намерено отказаться от всех ограничений, налагаемых законами или соображениями гуманности, и использовать свои субмарины, чтобы топить любой корабль, который попытается приблизиться к портам Великобритании и Ирландии или к западному побережью Европы либо к любому порту, контролируруемому врагами Германии в границах Средиземного моря.

Такой, как представлялось, была цель подводных боевых действий на раннем этапе войны, но с апреля прошлого года имперское правительство в какой-то степени удерживало командиров своих подводных лодок от нарушения данного нам обещания не топить пассажирские корабли и соответствующим образом предупреждать все другие корабли, не оказывающие сопротивления и не пытающиеся скрыться. Были даже созданы условия для того, чтобы членам их экипажей предоставлялся шанс спасти тою жизнь в открытых шлюпках. Принятые меры предосторожности были минимальными, и предпринимались они лишь от случая к случаю, свидетельством чего были часто повторяющиеся горькие случаи проявления жестокого и бесчеловечного акта, хотя какая-то сдержанность все же соблюдалась.

Новая политика отменяла в сторону все ограничения. Корабли любого типа, независимо от их национальной принадлежности, безжалостно отправлялись на дно без предупреждения и без проявления намерения пощадить людей, находящихся на борту, или оказать им помощь. Суда дружественно настроенных нейтралов гибли наряду с судами противники. Были потоплены даже госпитальные корабли и суда, несшие на своем борту помощь глубоко несчастному и бедствующему народу Бельгии, хотя само германское правительство предоставило этим судам право свободного прохода через особо выделенные районы. Эти корабли, имевшие опознавательные знаки, которые нельзя было ни с чем спутать, пускались ко дну с таким же отсутствием сострадания и безрассудной беспринципностью.

Какое-то время я не мог поверить, что такие вещи могли совершаться с ведома правительства, которое до этого придерживалось гуманной практики цивилизованных государств... Я сейчас думаю не о связанной с этим потере собственности, какой бы огромной и серьезной она ни была, а лишь о безответственном массовом уничтожении гражданских лиц, мужчин, женщин и детей, занятых делами, которые всегда, даже в самые мрачные периоды современной истории, считались безвредными и законными. За собственность можно заплатить – за жизнь мирных и невинных людей заплатить нельзя.

Ведущаяся сейчас Германией подводная война против торговли является войной против человечества. Это война против всех стран. В результате действий, о которых мы узнали с огромным волнением, были пущены ко дну американские корабли, были отняты жизни американцев. Были, однако, потоплены корабли и погибли люди и других государств. Не делается никаких исключений. Вызов брошен всему человечеству.

Каждая нация должна решить, как она встретит этот вызов. Принимаемое нами решение должно основываться на сдержанности и разумной точке зрения, в полном соответствии с нашим национальным характером и нашей политикой. Мы должны избежать безрассудных поступков. Мотивом наших действий должны быть не месть и не победоносное утверждение мощи нации, а лишь защита прав человека, поборниками которых мы единственно являемся.

Когда я обратился к конгрессу 26 февраля, я полагал, что будет достаточно с оружием в руках защитить наши права нейтрального государства, обеспечить наше право на свободное мореходство, наше право защитить наш народ от незаконного насилия. Но сложилось так, что вооруженный нейтралитет оказался недееспособным.

Глубоко осознавая тяжелый и даже трагический характер предпринимаемого мной шага и связанную с ним серьезную ответственность, но без колебания подчиняясь тому, что я считаю своим конституционным долгом, я предлагаю, чтобы конгресс объявил проводимый с недавних пор имперским правительством Германии курс не чем иным, как войной против правительства и народа Соединенных Штатов. Предлагаю, чтобы Конгресс официально утвердил навязанный нам таким образом статус воюющей державы и предпринял необходимые шаги не только для укрепления обороны страны, но и для того, чтобы, используя всю свою мощь и все свои возможности, призвать правительство Германской империи к порядку и остановить войну. <...>

В то время как мы предпринимаем эти шаги, эти исключительно важные шаги, нам следует дать понять всему миру, причем ясно понять, каковы наши мотивы и наши цели. Печальные события двух последних месяцев не повлияли на привычный ход моих мыслей, и я не думаю, что позиции нашей страны изменилась или ожесточилась в результате этих событий. Сегодня я двигаю теми же мыслями, как и в момент обращения к сенату 22 января, теми же мыслями, как и в момент обращения к конгрессу 26 февраля.

Нашей целью, как и тогда, является отстоять принципы мира и справедливости во всем мире в противовес эгоистичной и автократической силе и согласовать со всеми действительно свободными и независимыми народами мира единые цели и действия, которые отныне будут гарантировать соблюдение этих принципов.

Сегодня, когда речь идет о мире во всем мире и свободе его народов, нейтралитет уже невозможен и нежелателен. Угроза миру и свободе заключается в существовании деспотических государств, поддерживаемых силой, которая всецело подконтрольна их воле, а не воле народов этих государств. При таких обстоятельствах наступил конец нейтралитета.

Мы не ссоримся с германским народом. Мы не питаем к нему злобы, мы относимся к нему с симпатией и дружбой. Отнюдь не согласно воле народа, а, напротив, без его ведома и согласия действовало германское правительство, вступая в войну. Война была навязана народу, подобно тому, как навязывались войны в старые печальные времена, когда ми один правитель не советовался со своим народом и войны провоцировались и велись в интересах династий или небольших групп честолюбивых людей, привыкших использовать своих собратьев в качестве пешек. <...>

Без взаимного согласия демократических наций прочный мирный союз сохранить невозможно. Ни одному автократическому правительству нельзя доверять, что оно будет оставаться лояльным такому союзу или будет соблюдать его договоры. Необходимы лига чести, партнерство мнений, иначе вероломство разест подобный союз изнутри, его единство станут разлагать внутренние заговоры группировок, которые могут замысливать все, что им заблагорассудится, и ни перед кем не отчитываться. Лишь свободные народы могут утверждать свои намерения и блюсти свою честь во имя общей цели и ставить интересы человечества выше любых узкокорыстных интересов.

Разве не чувствует каждый американец, что замечательные, радующие сердце события, происходящие в последние несколько недель в России⁴³, укрепили наши надежды на будущий мир во всем мире? Для тех, кто знал ее лучше других, Россия всегда была в основе своей страной демократичной во всем, что касалось жизненно важных традиций ее идеологии, во всех родственных взаимоотношениях ее народа, которые отражали его природные инстинкты, его привычное отношение к жизни. Автократия, находившаяся на вершине ее политической структуры, при всем том, что она существовала там с давних пор, обладала ужасающей властью, но ни по своему характеру, ни по целям самодержавие не было русским по происхождению. И сегодня оно свергнуто, и великий, щедрый русский народ во всем своем величии и мощи стал составной частью сил, которые сражаются за свободу в мире, за справедливость и мир. Это достойный партнер в лиге чести.

Одним из тех свидетельств, которые помогли нам убедиться, что прусская автократия не была и никогда не могла быть нашим другом, является тот факт, что с самого начала нынешней войны наши общины и даже наши правительственные ведомства оказались наводнены шпионами. Они повсеместно спровоцировала преступные происки, направленные против нашего национального единства, нашей промышленности и торговли, против мира в нашей стране и за ее пределами.

И действительно, сейчас со всей очевидностью стало ясно, что ее шпионы были здесь даже до начала войны. И, к сожалению, это не простая предположение, а факт, доказанный нашими судебными органами, что их происки, которые не раз могли бы нарушить мир и разрушить промышленность нашей страны, провоцировались, поддерживались и даже осуществлялись под непосредственным руководством официальных представителей имперского правительства, аккредитованных при Правительстве Соединенных Штатов.

Даже осуществляя контроль за этими действиями и пытаясь их предотвратить, мы стремились найти для них, по возможности, наиболее великодушное оправдание, поскольку знали, что в их основе лежат не враждебные чувства или цели по отношению к нам со стороны народа Германии (который, несомненно, как и мы, не имел о них никакого представления), а лишь эгоистичные замыслы правительства, которое делало все, что ему хотелось, и ни о чем не сообщало своему народу. И это правительство исполнило свою роль, убедив нас в том, что оно не питает к нам никаких дружеских чувств и намерено действовать в своих интересах, нарушая наш мир и нашу безопасность, провоцируя против нас врагов, находящихся у нас на пороге. Красноречивым свидетельством того является перехваченная нота на имя германского посланника в Мехико⁴⁴.

Мы принимаем этот враждебный вызов, поскольку знаем, что в лице правительства, использующего такие методы, мы никогда не сможем иметь друга... Мы готовы, столкнувшись сейчас с фактами, не маскируемыми лживым притворством, сражаться за мир во всем мире и за освобождение его народов, включая германский народ, за права стран больших и малых и за право людей выбирать свой образ жизни и свое правительство. Мир должен стать безопасным для демократии, должен основываться на фундаменте политической свободы. <...>

Обращаясь таким образом к вам, джентльмены конгресса, я исполнил горький и тягостный долг. Нам предстоят, возможно, многие месяцы огненных испытаний и жертв. Это страшная вещь – ввергать наш великий мирный народ в войну, в самую ужасную и гибельную из всех войн, в войну, от исхода которой

⁴³ Имеется в виду буржуазно-демократическая Февральская революция 1917 г. – *Прим. сост.*

⁴⁴ Доводы, которыми официально объяснялась необходимость объявления войны Германии, казались администрации В. Вильсона убедительными и, главное, более приемлемыми для конгресса и широкой общественности, чем ссылка на «депешу Циммермана», которая нередко фигурирует в трудах западных историков и дипломатов в качестве причины решения президента. В основе версии с «депешей Циммермана» лежал действительно имевший место факт похищения английской разведкой германского шифра, что позволило британцам прочитать всю дипломатическую переписку между Берлином и германскими посольствами за рубежом. Секретная депеша от 19 января 1917 г. была направлена министром иностранных дел Германии А. Циммерманом германскому посланнику в Мехико Г. Экхардту. В ней дипломату поручалось довести до сведения президента Мексики предложение Берлина вступить в войну с США на стороне Тройственного союза, а также убедить Японию изменить союзу с Антантой. Берлин обещал Мексике в качестве вознаграждения за такой шаг щедрую финансовую помощь и поддержку в требовании возвращения ей «утраченных» территорий в штатах Нью-Мексико, Техас и Аризона. Англичанам удалось убедить американское правительство в подлинности этой депеши и точности ее прочтения. 1 марта текст шифровки был передан в американскую прессу, вызвав широкий общественный резонанс в пользу немедленного объявления войны Германии. – *Прим. сост.*

зависит судьба самой цивилизации. Но справедливость дороже мира, и мы будем сражаться за то, что всегда было близко нашим сердцам, – за демократию, за права тех, кто подчиняется власти, обладать правом голоса в своем правительстве, за права и свободы малых наций, за то, чтобы повсюду господствовала справедливость. Совместные действия свободных народов принесут мир и безопасность всем странам и сделают, наконец, мир свободным. Выполнению этой задачи мы готовы с гордостью посвятить наши жизни, отдать все, что мы имеем. Мы знаем, что настал день, когда на долю Америки выпало счастье отдать свою кровь и все силы за принципы, давшие ей жизнь, счастье и ценимый ею мир. С Божьей помощью у нее нет иного пути.

A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents //
Bureau of National Literature. N.Y. Vol. 18.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ПУНКТОВ ВИЛЬСОНА (WILSON'S FOURTEEN POINTS)

Первая мировая война еще продолжалась, но в России в 1917 г. уже произошли две революции – Февральская и Октябрьская, которые внесли серьезные изменения и в ход войны, и в расстановку политических сил на мировой арене. Пришедшее к власти в России правительство большевики не только решительно заявило о своем выходе из войны, но и вступило в переговоры с представителями германского правительства о заключении мирного договора, пытаясь добиться для себя, по возможности, менее унизительных условий мира.

Странам Антанты и Соединенным Штатам Америки, потерпевшим неудачу в попытках убедить Россию сохранить верность подписанным ранее соглашениям о совместном участии в войне против Германии и ее союзников, предстояло определиться со своим отношением к сложившейся в мире ситуации и уже без участия России сформулировать свои взгляды на решение вызвавших войну международных проблем. Прежде других и более убедительно это удалось сделать Соединенным Штатам в лице президента *Томаса Вудро Вильсона* (1856-1924), предпринявшего еще одну попытку отговорить советских руководителей от заключения сепаратного мира с Германией.

8 января 1918 г. Вильсон обратился с посланием к Конгрессу США, в котором он оправдывал решение российских представителей в Брест-Литовске прервать мирные переговоры с Германией, поскольку-де русские не могли согласиться с выдвинутыми немцами территориальными притязаниями. «Это голос русского народа, – заявил Вильсон. – Этот народ повержен и почти беспомощен, как может показаться, перед лицом беспощадной мощи Германии, не знавшей доселе ни снисхождения, ни жалости. По всей видимости, сила этого народа сломлена. Однако его душа протестует против рабства. Он не уступит ни в принципах, ни в поступках. То, что он вкладывает в понятия справедливости, гуманности и чести, заявлено откровенно, с разумным взглядом на вещи, с душевной щедростью и всеобщим человеческим состраданием, заслуживающими восхищения всех друзей человечества. И он отказался принести в жертву свои идеалы и покинуть других, чтобы обеспечить свою безопасность. Они обращаются к нам с просьбой изложить им наши желания, информировать их, в чем состоят различия, если таковые есть, между нашими целями и нашими мыслями. И я убежден, что народ Соединенных Штатов хочет, чтобы я ответил им со всем прямотушием и честностью. Поверят в это или нет его нынешние лидеры, но мы от всей души стремимся и надеемся найти тот путь, с помощью которого нам будет оказана честь помочь России добиться ее сокровенной надежды на свободу и справедливый мир».

В этом же послании президентом была сформулирована «программа мира», снабженная подзаголовком «Цели войны и условия мира» и получившая известность как «Четырнадцать пунктов Вильсона». Помимо всего прочего, обнародование этого послания было попыткой перехватить у большевиков мирную инициативу и не позволить им стать выразителями заметно активизировавшегося в Европе движения за достижение справедливого мира и демократические преобразования. Вильсоновская программа мира, охватывавшая широкий круг проблем, беспокоивших человечество, позднее была названа в советской политической литературе лицемерной программой, «целью которой было утверждение американского господства в международных делах». В политических кругах Великобритании и Франции программа Вильсона считалась утопией, призванной завуалировать истинную цель Вашингтона – после окончания Первой мировой войны занять позицию глобального лидера.

Джентльмены конгресса!

...Мы вступили в эту войну, поскольку имели место нарушения прав, которые вскоре коснутся нас и сделают жизнь нашего народа невозможной, если их не устранить и не обезопасить мир раз и навсегда от их возможных повторений. Таким образом, все, к чему мы стремимся в этой войне, не является чем-то необычным для нас. Это – сделать мир безопасным для того, чтобы в нем жить, и особенно безопасным для всех миролюбивых государств, которые, подобно нашему, хотят жить своей собственной жизнью, определять свои собственные политические институты, иметь гарантии справедливого и честного отношения со стороны других народов мира, в противовес силе и своекорыстной агрессии. Все народы мира являются, по сути дела, партнерами в деле достижения этих целей, и со своей стороны мы четко осознаем, что если мы не будем справедливы по отношению к другим, справедливость не будет проявлена и к ним. Таким образом, программа мира во всем мире является нашей программой, и эта программа, единственная, по нашему мнению, возможная программа, состоит в следующем:

I. Заключение в обстановке полной открытости мирных договоров, после чего не допускаются частные международные договоренности любого характера, а дипломатия должна всегда быть искренней и открытой для общественности.

II. Абсолютная свобода мореходства в открытом море за пределами территориальных вод как в мирное,

так и в военное время, за исключением тех случаев, когда открытое море может быть закрыто целиком или мистично международным актом с целью соблюдения международных соглашений.

III. Ни. Устранение, в той мере, в какой это представляется возможным, всех экономических барьеров и учреждение равенства торговых условий пня всех государств, поддерживающих мир и объединившихся в целях его поддержания.

IV. Провозглашение и принятие на себя соответствующих обязательств гарантировать, что национальные вооружения будут сокращены но низшего предела, отвечающего требованиям национальной безопасности.

V. Свободное, объективное и абсолютно непредубежденное урегулирование всех колониальных претензий, основанное на строгом соблюдении принципа, согласно которому при обсуждении всех вопросов суверенитета интересы конкретных народов должны учитываться наравне со справедливыми требованиями тех правительств, чьи права надлежит определить.

VI. Освобождение всей российской территории и такое урегулирование всех вопросов, касающихся России, которое могло бы гарантировать самое плодотворное и самое свободное сотрудничество всех государств мира с целью предоставления России беспрепятственной, ничем не затрудненной возможности самостоятельного определения направления её политического развития и национальной политики; обеспечить России искренний радушный прием в общество свободных государств при свободном выборе ею политической системы, а также, помимо радушного приема, обеспечить всевозможную помощь, которая ей понадобится и которую она сама пожелает. Отношение к России со стороны родственных ей государств в предстоящие месяцы явится серьезным испытанием их доброй воли, понимания ими ее нужд, а не собственных интересов, их бескорыстного сочувствия к ней.

VII. Вывод из Бельгии всех иностранных войск. Весь мир согласится, что эта страна должна быть восстановлена в прежнем состоянии без каких-либо попыток ограничить ее суверенитет, которым она пользуется наравне с другими свободными государствами. Никакая иная акция не сыграет столь же важной роли, как эта, в деле восстановления доверия между государствами к законам, которые они сами установили для регулирования отношений друг с другом. Без такой восстанавливающей справедливость акции все основы международного права будут навечно подорваны.

VIII. Вся французская территория должна быть освобождена, ее районы, подвергшиеся вторжению, – возвращены. Во имя обеспечения мира во всеобщих интересах должны быть исправлены все несправедливости допущенные Пруссией в отношении Франции в 1871 г. в том, что касается Эльзас-Лотарингии, и нарушавшие мир во всем мире на протяжении почти пятидесяти лет.

IX. Границы Италии должны быть установлены в соответствии с четко определенными государственными территориальными разграничениями.

X. Народам Австро-Венгрии – страны, место которой среди государств мы хотим видеть гарантированным, должна быть предоставлена ничем не ограниченная возможность самостоятельного развития.

XI. Из Румынии, Сербии и Черногории должны быть выведены иностранные войска. Этим странам необходимо возвратить все оккупированные территории; Сербии должен быть предоставлен свободный и безопасный выход к морю. Взаимоотношения этих Балканских государств должны будут определяться дружественными консультациями в соответствии с исторически сложившимися определениями подданства и национальной принадлежности; этим Балканским государствам должны быть обеспечены международные гарантии политической и экономической независимости и территориальной целостности.

XII. Турецким регионам современной Оттоманской империи должен быть гарантирован надежный суверенитет. Всем народностям, находящимся ныне под турецкой властью, следует гарантировать безопасность жизни и предоставить возможность свободного, самостоятельного развития. Дарданеллы должны быть постоянно открыты для беспрепятственного прохода судов и развития торговли всех государств под международные гарантии.

XIII. Должно быть образовано независимое Польское государство, которое будет включать территории с бесспорно польским населением. Этому государству предоставляется беспрепятственный и безопасный выход к морю и гарантируется политическая и экономическая независимость. Его территориальная целостность должна быть гарантирована международным соглашением.

XIV. Путем заключения особых соглашений следует образовать союз государств с целью обеспечения равных взаимных гарантий политической независимости и территориальной целостности как крупным, так и малым странам.

В той мере, в какой это касается существенных исправлений допущенных несправедливостей и правовых претензий, мы считаем себя партнерами всех государств и народов, объединившихся в борьбе против империалистов. Мы не можем разделить по интересам и целям. Мы вместе до конца.

Ради таких договоренностей и соглашений мы готовы сражаться до тех пор, пока они не будут достигнуты. Мы хотим торжества правого дела и стремимся к справедливому и прочному миру, которого можно добиться лишь путем устранения основных причин войны, что и предлагает настоящая программа. Мы не завидуем германскому величию, и в этой программе не содержится ничего, что вредит ему. <...>

Итак, мы высказали сейчас нашу точку зрения настолько четко, что вряд ли возникнут сомнения или вопросы. Вся предложенная мной программа основана на принципе справедливости в отношении всех народов и народностей и их права, независимо от того, сильны они или слабы, жить наравне с другими народами в условиях свободы и безопасности. Ни один из элементов этой системы международной справедливости не будет долговечным, если в ее основе не будет лежать этот принцип. Народ Соединенных Штатов может действовать лишь на основе такого принципа и готов пожертвовать своей жизнью, своим добрым именем и всем, чем он обладает, для защиты этого принципа. В нравственном плане наступил кульминационный момент этой последней войны за человеческую свободу, и американский народ готов к испытанию своей силы, к проверке своей высшей цели, своей честности и веры.

A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents //
Bureau of National Literature. N.Y. Vol. 18.

Генри Кэбот Лодж

**РЕЧЬ О ЛИГЕ НАЦИЙ
(ON THE LEAGUE OF NATIONS)**

Один из наиболее влиятельных сенаторов-республиканцев *Генри Кэбот Лодж-старший* (1850-1924), ставший в 1919 г. лидером республиканского большинства и председателем сенатского комитета по международным делам, был одним из главных противников вступления Соединенных Штатов Америки в Лигу Наций. Инициированная им кампания против ратификации Версальского мирного договора (1919) приняла особенно ожесточенный характер практически сразу же после возвращения президента В. Вильсона с Парижских мирных переговоров.

Помимо того что сенатор питал личную неприязнь к президенту, его позиция по Договору и его составляющей части – Уставу Лиги Наций определялась его убеждением, что США должны играть более решающую роль в мировой политике. По мнению Лоджа, ограничения, накладываемые Лигой Наций на будущую активную роль его страны в мире, коренным образом противоречили ее интересам, ограничивая свободу рук.

Приводимый ниже текст был написан самим сенатором и без каких-либо эмоций зачитан им с листа в сенате 12 августа 1919 г. Речь была встречена овацией сенаторов и бурным выражением поддержки со стороны рядовых слушателей, заполнивших галерею сенатского зала.

Однако условия ратификации Версальского договора, предложенные сенатором Лоджем в виде 14 уточнений, не получили, как и ожидалось, требуемых двух третей голосов сенаторов, как не получило их поддержки и предложение Вильсона о безусловной ратификации договора. Версальский договор и, следовательно, членство США в Лиге Наций были отвергнуты как не отвечающие национальным интересам страны.

Господин президент!

Независимость Соединенных Штатов дороже, чем что-либо иное, не только для нас, но и для всего мира. Взгляните на сегодняшние Соединенные Штаты. Мы совершали ошибки в прошлом. У нас были недостатки. Мы будем совершать ошибки и в будущем и не добиваться успеха реализации наших самых сокровенных надежд. Однако есть ли сегодня на этой планете другая страна, которая может сравниться с нашей с точки зрения узаконенного порядка, мира и широчайшей свободы?

Я считаю, что я могу говорить так, не рискуя быть обвиненным в чрезмерном хвастовстве, поскольку это истинная правда, что, заключая этот договор [Версальский] и принимая на себя эти обязательства, все, что мы делаем, соответствует духу бескорыстия и диктуется желанием сделать добро всему человечеству. Но не следует забывать, что мы имеем дело с государствами, каждое из которых обладает своими собственными интересами, и что существует серьезная опасность неразделяемого идеализма.

Сравните Соединенные Штаты с любой страной, существующей сегодня на этой земле, и задайте себе вопрос, не является ли положение Соединенных Штатов наилучшим из существующих. В деле служения интересам всего мира я готов зайти столь же далеко, как и любой другой человек, но главным для меня шагом в деле служения этим интересам является защита Соединенных Штатов.

Я всегда любил один флаг и не могу разделять верность этому ублюдочному знамени⁴⁵, придуманному для Лиги Наций.

Вы можете, если хотите, называть меня эгоистом, консерватором, реакционером или использовать в отношении меня любое иное резкое определение, которое вы сочтете подходящим, но я родился американцем и американцем я остаюсь всю свою жизнь. Я не могу быть кем-либо иным, кроме как американцем, и я должен думать прежде всего о Соединенных Штатах. И когда я думаю в подобных ситуациях прежде всего о Соединенных Штатах, я думаю о том, что является наилучшим для всего мира, поскольку, если Соединенные Штаты потерпят поражение, потерпят поражение и самые сокровенные надежды человечества.

Я всегда сохранял верность лишь одному принципу и не могу сейчас и женить ему. Я любил лишь один флаг и не могу отказаться от этой верности и полюбить этот ублюдочный флаг, изобретенный для Лиги. У меня вызывает отвращение интернационализм, отстаиваемый большевиками и людьми, для которых все

⁴⁵ Авторское выражение. – *Прим. сост.*

страны одинаковы при условии, что на них можно заработать деньги.

Я должен оставаться националистом, и таким образом я, подобно всем другим американцам, могу оказать наилучшую услугу человечеству. Соединенные Штаты являются самой большой надеждой всего мира, но, если вы закуете нашу страну в оковы во имя интересов других государств, если вы впутаете ее в интриги Европы, вы навечно разрушите ее могущество и подвергнете опасности само ее существование. Позвольте ей идти через предстоящие века столь же свободной поступью, как и в предшествующие годы.

Сильная, щедрая, уверенная в себе, наша страна благородно служила человечеству. Будьте осторожны в обращении с вашим чудесным наследием, этой великой землей узаконенного порядка, так как, если мы споткнемся и упадем, свобода и цивилизация окажутся разрушенными до основания повсюду.

Нам говорят, что мы «разобьем сердце всему человечеству», если не примем этой Лиги в том виде, который нам предлагается. Я боюсь, что сердца огромного большинства человечества будут биться сильно, уверенно и без каких-либо сбоев, если Лига канет в вечность. Людей, опечаленных ее быстрой и милосердной кончиной, которых будет мучить бессонница на протяжении одной ночи, можно будет легко разместить в одной не очень большой комнате, но тех, кто издаст протяжный вздох облегчения, будут насчитываться миллионы.

Нам часто говорят о нашей дальновидности, и я полагаю, что мы будем и впредь заглядывать вперед и мечтать о более прекрасном будущем для всего человеческого рода. Но одно дело – прозорливость и совсем другое – фантазерство.

Искусственные приемы ораторов, используемые для создания картины несуществующего настоящего и будущего, которое никто не может предсказать, столь же нереальны и недолговечны, как пар или рисованные облака, как подвешенные на проволоке ангелы или искусственный свет театральной ramпы.

Они живут лишь короткое время и становятся потрепанными и лубочными при дневном свете. Будем же по крайней мере реалистами. Цельность честного разума Вашингтона и его бесстрашный взгляд на все факты являются качествами, которые никогда не выйдут из моды и которые нам всем должны служить примером для подражания.

Нам навязывались идеалы, которые использовались в качестве аргументов в пользу создания Лиги, пока отвергающий ханжество здравый смысл не восстал против них. Могут ли быть идеалы сведены к этому изуродованному эксперименту, начатому с благородной целью, но запятнанному закулисными сделками и привязанному к мирному договору, который мог быть давным-давно заключен, к огромной выгоде всего мира, если бы на него не усадили этого наездника⁴⁶? «Post equitem sedet ara cura»⁴⁷, – говорит нам Гораций, но ни за одним всадником не сидела более темная озабоченность, чем та, которую вызывает это открытое для сомнительного и спорного толкования соглашение, взгромоздившееся на мирный договор.

Нет сомнения, что немало замечательных и патриотично настроенных людей видят в словах «лига во имя мира» реализацию благородных идеалов. Мы уважаем и разделяем эти надежды и желания, но некоторые из нас видят в этом весьма неясном соглашении не надежду, а свое поражение, поскольку и у нас есть идеалы, даже если мы и отличаемся от тех, кто пытается утвердить монополию на идеализм.

Нашим первейшим идеалом является наша страна, и мы видим ее в будущем, так же как и в прошлом, служащей своему народу и всему миру. Нашим идеалом будущего является продолжение такого служения по своей собственной воле. Перед нашей страной стоят свои серьезные проблемы, весьма грозные и опасные, и их правильное решение, если мы его добьемся, принесет огромную пользу всему человечеству.

Наша страна должна быть достаточно сильной, чтобы отразить опасность с Запада, как она отбила германскую опасность с Востока. Нам надо избегать такого положения, когда наша политика будет заниматься чуждыми нам проблемами или осложняться раздорами между другими государствами. Нам не нужно, чтобы энергия нашей страны истощалась, а ее моральные силы ослаблялись бесконечным вмешательством в каждый происходящий в мире спор, будь он крупный или незначительный.

Наш идеал заключается в том, чтобы сделать свою страну еще сильнее прекраснее, так как только таким путем, как мы убеждены, она может нести наибольшую пользу миру во всем мире и благополучию человечества.

Congressional Record. 62nd Congress. 1st Session. 1919. August 12. Vol. 58. Part 4.

Томас Вудроу Вильсон
РЕЧЬ В ЗАЩИТУ ЛИГИ НАЦИЙ
(SPEECH ON THE LEAGUE OF NATIONS)

Завершивший Первую мировую войну (1914-1918) Версальский мирный договор (1919) вызвал в США серьезный внутриполитический кризис. Хотя благодаря своему личному участию в выработке окончательного текста Договора и его составной части – Устава Лиги Наций президенту *Томасу Вудроу Вильсону* (1856-1924) удалось исключить положения доктрины Монро и внутренние дела самих США из сферы влияния Лиги, идея

⁴⁶ Игра слов: по-английски rider – 1) наездник; 2) дополнение к закону, соглашению, договору. – Прим. пер.

⁴⁷ За спиной у всадника сидит темная озабоченность (лат.). – Прим. пер.

создания Лиги Наций – «наднационального мирового правительства», как утверждали оппозиционные администрации Вильсона представители влиятельных политических и деловых кругов страны, нарушала заповеди Дж. Вашингтона и Т. Джефферсона о невмешательстве во внутренние дела далеких континентов.

Возвратившись с Парижских мирных переговоров, президент встретился с руководителями комитетов по иностранным делам обеих палат конгресса, но его попытки переубедить противников создания Лиги Наций оказались тщетными. Американский монополистический капитал был заинтересован в дальнейшем расширении своих рынков сбыта и сфер влияния и в превращении США в ведущую мировую державу. Допустить вмешательство международной организации в свои дела и, следовательно, разрешить другим государствам определять место, время и степень участия США в «наведении порядка и обеспечении мира и безопасности во всем мире» означало бы утрату единственно отвечающей их интересам «свободы рук».

Версальский мирный договор с поправками, удовлетворявшими требованиям его противников, был внесен на рассмотрение Сената США 10 июля 1919 г. Лидером республиканской оппозиции в сенате был Г. Лодж-старший, речь которого перед сенаторами 12 августа 1919 г. сыграла значительную роль в их отказе ратифицировать Версальский мирный договор. Лодж выступал в сенате в защиту «американизма и национализма» и против «интернационализма»: «Я убежден, что нам не нужно, чтобы иностранные государства говорили нам, когда нам следует действовать в интересах свободы и цивилизации. Я думаю, что мы можем гораздо успешнее идти к победе под нашим собственным руководством, чем под руководством других».

19 августа 1919 г. президент Вильсон предпринял попытку переубедить противников участия США в работе Лиги Наций, выступив в сенате с приводимой ниже речью. Придя к выводу, что в результате ратификации Версальского мирного договора и Устава Лиги Наций Соединенные Штаты потеряют право решающего голоса в жизненно важных для них международных делах, в марте 1920 г. Сенат США (большинством всего лишь в семь голосов) отверг Версальский договор.

Господин председатель!

Я убежден, что ничто не препятствует ратификации договора, за исключением некоторых сомнений, касающихся значения и последствий определенных статей Устава Лиги Наций; и я должен честно сказать, что не могу понять, почему возникли такие сомнения. Вы помните, что, когда я в марте прошлого года имел удовольствие встретиться в Белом доме с вашим комитетом и с комитетом палаты представителей по иностранным делам, были обсуждены все ныне часто задаваемые вопросы относительно Лиги Наций с целью их немедленного прояснения. В то время Устав Лиги существовал в его первой черновой редакции и подлежал пересмотру. Было отмечено, что в нем не содержалось безоговорочного признания доктрины Монро; что в нем не нашло четкого отражения положение о том, что Лига не должна обладать правом действия или вынесения суждения по вопросам внутренней политики; что не было четкого признания права выхода из Лиги; что были недостаточно ограждены конституционные права конгресса решать все вопросы мира и войны. По моем возвращении в Париж всеми этими вопросами занялась Комиссия по Лиге Наций и все предложения Соединенных Штатов были приняты. <...>

Доктрина Монро четко упомянута в Уставе в том смысле, что никакие положения Устава не должны ее нарушать или предполагать вмешательство в ее соблюдение. <...>

В отношении внутренних вопросов статья 16 Устава четко указывает, что если в случае возникновения какого-либо спора между членами Лиги обсуждаемая проблема является, по утверждению одной из сторон, или «считается членами совета производной от вопроса, находящегося в исключительной внутренней юрисдикции этой стороны, совет должен об этом доложить и не давать никаких рекомендаций касательно его урегулирования». Правительство Соединенных Штатов было отнюдь не единственным, кто был заинтересован в ясном и четком принятии этого положения. И у любого авторитетного исследователя международного права не существует никаких сомнений относительно того, что такие вопросы, как иммиграция, тарифы и натурализация, являются, бесспорно, внутренними вопросами, которыми ни одна международная организация не должна заниматься. <...>

Право любого суверенного государства на выход из Лиги Наций было признано как само собой разумеющееся, но никто не возражал против того, чтобы об этом было четко сказано в Уставе. <...>

Статья 10 ни в коем случае не носит двусмысленного характера, если ее читать в контексте Устава в целом. Совет Лиги может лишь «советовать», какие меры следует принять для реализации обязанностей, предусматриваемых этой важной статьей. Если Соединенные Штаты не являются стороной в обсуждаемой политике или акции, прежде чем Советом будет вынесено решение, необходим их одобрительный голос, поскольку по всем вопросам требуется единогласное решение Совета. Если же Соединенные Штаты являются стороной в обсуждаемом вопросе, то в любом случае это их проблема. Да и единогласное решение Совета при любых обстоятельствах является всего лишь советом. Любое правительство вправе отвергнуть его, если того пожелает. Нельзя было дать понять конференции в более ясной форме, что наш конгресс обладает, согласно нашей Конституции, правом выносить свое независимое решение по всем вопросам мира и войны. Не предпринималось никаких попыток поставить под сомнение или ограничить это право. Действительно, согласно статье 10, Соединенные Штаты обязываются «уважать и защищать от внешней агрессии территориальную целостность и существующую политическую независимость всех членов Лиги», и это обязательство предусматривает весьма серьезную ответственность. Но это обязанность моральная, и не правовая, и в любых ситуациях, требующих действий, она предоставляет конгрессу полную свободу дать ей свое собственное толкование, которое налагает обязательство на сознание, но не на юридическое право.

Статья 10, как мне кажется, представляет собой истинную суть всего Устава. Без нее Лига Наций вряд ли станет чем-то более значительным, чем влиятельное дискуссионное общество.

Уже не раз предлагалось, как в ходе общественных дебатов, так и на частных встречах, чтобы толкования положений, в которых Соединенные Штаты принимают обязательства по Уставу, были включены в ратификационный акт. Не может быть сколько-нибудь разумных возражений против того, чтобы такие толкования стали приложением к ратификационному акту при условии, что они не станут частью самого официального документа... Но если такие толкования должны будут стать частью официальной резолюции о ратификации, неизбежным последствием этого станут длительные проволочки, поскольку все многочисленные заинтересованные правительства должны будут фактически согласиться с тем, что язык сената станет языком договора до завершения процесса ратификации. <...>

Great Presidential Decisions. State Papers That Changed the Course of History; From Washington to Nixon / Ed. by R. B. Morris. N.Y., 1973.

Томас Вудроу Вильсон

**РЕЧЬ В ЗАЩИТУ ЛИГИ НАЦИЙ В Г. ПУЭБЛО
(THE PUEBLO SPEECH ON THE LEAGUE OF NATIONS)**

Потерпев поражение в Сенате США, отказавшемся ратифицировать Версальский мирный договор (1919) и его составную часть – Устав Лиги Наций Президент США *Томас Вудроу Вильсон* (1856-1924) предпринял отчаянную попытку склонить на свою сторону общественное мнение страны и отправился летом 1919 г. в изнурительную трехнедельную поездку по штатам. Выступая перед соотечественниками, Вильсон пытался убедить их воздействовать на своих представителей в Конгрессе США, с тем чтобы те пересмотрели свое отрицательное отношение к президентскому «детищу» – Лиге Наций.

Президент пересек весь американский континент, проехав от Вашингтона до Сиэтла, и выступил в 38 аудиториях. Речь, произнесенная им в городе Пуэбло (штат Колорадо) 25 сентября 1919 г., дает представление о доводах, которые Вильсон приводил в поддержку необходимости ратификации Версальского мирного договора и вступления США в Лигу Наций.

...Во время пересечения континента у меня складывались как приятные, так и неприятные впечатления. Я все больше и больше убеждался, что люди были заняты созданием абсолютно ложного представления о содержании и значении мирного договора и Устава Лиги Наций... Поэтому для того, чтобы рассеять туман, устранить неверные представления и опровергнуть лживые утверждения – все, чторосло вокруг этой серьезной проблемы, я хочу высказать вам несколько простых истин об этом договоре и Уставе. <...>

Этот договор народов, опираясь на широкую основу практического мрака, позволяет освободиться людям, которые никогда не могли сделать это самостоятельно. И мощь самых могущественных государств была направлена не на их самовозвеличивание, а на освобождение народа, который они могли бы подчинить своему контролю, если бы хотели этого. Победители не требуют ни одного фута территории, они не требуют никаких свидетельств покорности их власти. Люди, собравшиеся вокруг стола переговоров в Париже, знали, что настало время, когда народ больше не согласен жить под хозяевами, а собирается жить так, как хочет, жить при таком правительстве, которое он сам решит создать. Таков основополагающий принцип этого великого установления. <...>

Этот великий договор предваряет Устав Лиги Наций... Без стоящих за ними установлениями единой цели и мощи великих стран мира он развалится как картонный домик. Существует лишь одна-единственная сила, способная освободить человечество, и это – сила человечества. Это сила единых моральных устоев мира, и Устав Лиги Наций мобилизует эти моральные силы. Члены Лиги торжественно обещают друг другу, что они никогда не используют свою мощь в агрессивных целях, друг против друга; что они никогда не нарушат территориальную целостность соседа; что они всегда будут уважать политическую независимость соседа; что они будут придерживаться принципа, согласно которому крупные народы обладают правом определять свою собственную судьбу, и не будут вмешиваться в эту судьбу; что независимо от того, какие разногласия могут возникнуть между ними, они никогда не прибегнут к войне без того, чтобы сначала не представить предмет расхождений в арбитражный суд (а затем беспрекословно согласятся с вынесенным решением) или же не вынести разногласия на рассмотрение Совета Лиги Наций. Они согласны с тем, что для зрелого размышления Совету понадобится шесть месяцев... и с тем, что по прошествии шести месяцев, даже если они не будут готовы принять рекомендованный Советом способ уладить спор, они тем не менее в течение еще трех месяцев войну не начнут.

Другими словами, члены Лиги согласятся, независимо от происхождения, представить любой предмет расхождений между ними на суд человечества, и в результате этого, дорогие сограждане, неизбежно угроза войны перестанет держать всех в страхе, в котором она держала мир на протяжении жизни многих поколений, и люди будут знать, что настанет спокойное время для вынесения обдуманного решения. Более всего дурное дело опасается мирового суда. Наиболее верным путем доказательства того, что человек ошибается, является осведомление всех его соседей о том, что он думает, предоставление его соседям возможности обсудить то, что он думает. И если он не прав, вы увидите, что он останется дома, не выйдет на улицу. Он будет бояться глаз своих соседей. Он будет бояться их мнения о своем характере. Он будет знать, что его дело будет проиграно, если он не сможет подкрепить его аргументами, основанными на

праве и справедливости. Закон, применимый к отдельным людям, применим и к государствам.

Когда вы, мои сограждане, обратитесь к сути Устава, то обнаружите, что в статье 10 есть нечто, что вам следует осознать, а затем принять или отвергнуть. Эта статья содержит суть всей проблемы... Статья 10 предусматривает, что каждый член Лиги Наций соглашается уважать и охранять территориальную целостность и политическую независимость любого другого члена Лиги от внешней агрессии. Но не от внутренних беспорядков. За столом переговоров не было ни одного человека, который не признавал бы священность права народа на самоопределение, священность права любого представительного органа народа заявить, что он не хочет продолжать жить под властью правительства, которое находится у власти в тот момент, а в соответствии со статьей 11 Устава им предоставляется право заявить, будут ли они жить под его властью или нет. Поскольку за статьей 10 следует статья 11, которая предоставляет право любому члену Лиги в любое время привлечь внимание общества к чему-либо, что может, как представляется, нарушить мир на планете или доброе взаимопонимание между государствами, от которого зависит мир во всем мире. <...>

Итак, прочитайте статьи 10 и 11. Вы увидите, что в результате внесения в него нравственных норм международное право революционизировалось. Статья 10 гласит, что ни один член Лиги (включая и те государства, которые предъявляли Китаю все эти несправедливые требования) не будет нарушать территориальную целостность или покушаться на политическую независимость любого другого члена Лиги. Китай намерен стать членом Лиги. Согласно статье 11, любой член Лиги может привлечь внимание к тому, что способно нарушить мир во всем мире или же доброе взаимопонимание между государствами, и Китай впервые в истории человечества получает возможность предстать перед всемирным судом. Я, со своей стороны, питаю глубокие симпатии к Китаю и горжусь тем, что участвовал в достижении договоренностей, обещающих от имени всего мира защиту прав Китая. Благодаря этим обстоятельствам, мои сограждане, изменилась вся атмосфера в мире. Вся мировая международная практика революционизировалась.

Но вы спросите: «А что это за второе предложение статьи 10?» Именно оно вызывает довольно тревожные мысли. Во втором предложении утверждается, что Совет Лиги Наций будет рекомендовать, какие шаги, в случае возникновения необходимости, следует предпринять для гарантирования того, о чем говорится в первом предложении, а именно того, что члены Лиги будут уважать и защищать территориальную целостность и политическую независимость друг друга. Я знаю лишь одно значение слова «рекомендовать», а именно – *рекомендовать*. Совет рекомендует, а он не может делать это без голоса Соединенных Штатов. С чего это джентльмены должны опасаться, что Конгрессу Соединенных Штатов будет предложено сделать то, чего он не хочет делать, я, честно говоря, не могу себе представить, поскольку конгрессу нельзя будет даже что-либо рекомендовать, если его представитель не участвовал в принятии этой рекомендации. Возможно, это и нанесет урон действенности Лиги, но главное заключается в том, что мы не обязаны соглашаться с какой-либо рекомендацией, кроме нашей собственной, что для любого человека, желающего идти своим путем, является вполне удовлетворительным положением дел. Независимо от того, будем ли мы пользоваться этим правом или нет, мы можем использовать голос Соединенных Штатов для того, чтобы сделать невозможным вовлечение нашей страны в какую-либо акцию, в которую мы не желаем быть вовлеченными.

И все же статья 10 Устава подрывает корни войны. Статья 10 представляет собой заявление о том, что отныне все честлюбивые страны отказываются от тех самых вещей, которые всегда были целями империалистических войн. Я бы чувствовал себя очень одиноко, мои дорогие сограждане, и я бы чувствовал очень сильную обеспокоенность, если бы, сидя за столом мирных переговоров в Париже, я предположил, что излагаю линии, свои собственные идеи. Не знаю, поверите вы мне или нет, я отдаю себе отчет в относительной важности моих идей, я знаю, что они представляют собой с точки зрения соответствия нравственным суждениям моих же граждан. И в Париже, сидя за столом мирных переговоров, я не предлагал ничего такого, что, по моему достаточно обоснованному убеждению, не основывалось бы на высоконравственном мнении граждан Соединенных Штатов. Я выехал туда, так сказать, с четкими инструкциями. Разве вы не помните, что мы изложили программу мира, в четырнадцать пунктах коей торой содержатся принципы урегулирования? Это были не мои предложения. В каждом из них я сознательно пытался отразить мысли народа Соединенных Штатов, и после того, как я зачитал эти четырнадцать пунктов, меня заверили в том, что они действительно отражали нравственные суждения народа Соединенных Штатов, а не только мои взгляды. <...>

Я касаюсь этих вопросов, дорогие сограждане, несмотря на то, что, осмелюсь считать, они хорошо известны большинству из вас, поскольку для понимания сложившейся ситуации мы должны знать, с чем мы имеем дело. Мы имеем дело не с таким документом, каким его представляют некоторые господа. А поскольку мы имеем дело с документом, тщательно разработанным с точки зрения самих принципов, которые мы проповедовали и согласно которым мы жили, нам предстоит сделать выбор – нам предстоит либо принять его, либо отвергнуть. Иного пути нет. Вы не можете стать членом Лиги Наций, требуя для себя особых привилегий. Я полагаю, что вы слишком горды для того, чтобы просить о своем освобождении от обязательств, которые будут нести другие члены Лиги. Мы или входим в Лигу на равной с другими основе, или вовсе не входим в нее. И если мы не входим, мои дорогие сограждане, подумайте о трагических последствиях – будет потеряна единственная надежная гарантия сохранения мира во всем мире! Мы сами будем разобщены опасной гордыней, а это значит, что мы должны быть готовы заботиться о самих себе, значит, что мы будем содержать огромную регулярную армию и неуязвимый военно-морской флот, значит, что мы будем иметь структуру милитаристского государства, значит, что у нас будет

генеральный штаб, обладающий той же степенью власти, которую имел генеральный штаб Германии, чтобы мобилизовать, когда ему заблагорассудится, все огромное мужское население нашей страны, направить всю энергию и мысли наших молодых людей на подготовку к войне. А как насчет наших обещаний людям, погибшим во Франции? Мы говорили, что они посланы туда не для того, чтобы доказать доблесть Америки или ее готовность к еще одной войне, а для того, чтобы проследить за тем, чтобы больше не было такой войны.

В этой связи мне всегда представляется трудным, дорогие сограждане, сказать что-либо, когда я думаю о моих подопечных. Моими подопечными являются дети, следующее поколение. Они еще не знают, какие я взял ни себя обещания и обязательства, когда приказал армии Соединенных Штатов отправиться на французскую землю, но я-то знаю и намерен выполнить мое обещание детям: их не отправят с тем же заданием.

Очень часто, дорогие сограждане, ко мне приходили матери, потерявшие своих сыновей во Франции, и, взяв мою руку, не только проливали над ней слезы, но и говорили: «Да благословит вас Бог, господин президент!» С чего бы это, дорогие сограждане, им молить Бога благословить меня? Ведь это я рекомендовал Конгрессу Соединенных Штатов создать ту ситуацию, которая привела к смерти их сыновей. Я приказал послать их сыновей за океан. Я согласился, чтобы их сыновья были направлены на самые трудные участки линии фронта, где гибель была столь же неминуема, как и в непроходимых лесных чащах Аргонны. С чего бы им рыдать над моей рукой и призывать на меня Божье благословение? А потому, что они верят, что их мальчики погибли за то, что гораздо значительное, существеннее, чем конкретные и ощутимые цели войны. Они верят, и это соответствует действительности, что их сыновья спасли свободу мира. Они верят, что свобода мира тесно связана с постоянной защитой этой свободы объединенными силами всех цивилизованных людей. Они верят, что их жертва была принесена во имя того, чтобы другие сыновья не были призваны принести тот же дар – свою жизнь, дар всех тех, кто погиб. И если бы мы не прошли через это, если бы выполнили заветное желание Германии и сейчас откололись бы от тех, с кем бок о бок мы сражались в этой войне, не исчезло бы нечто похожее на нимб вокруг ружья или сабли, висящей над камином? Не утратила бы части своего значения старая военная форма?

Эти люди были крестоносцами. Они шли вперед не для того, чтобы показать могущество Соединенных Штатов. Они шли вперед, чтобы доказать силу права и истины, и весь мир воспринял их как крестоносцев, их выдающийся успех заставил весь мир поверить в Америку, как в никакую другую нацию современного мира. Мне кажется, что между нами и отклонением или одобрением этого договора стоят сомкнутые ряды молодых парней в хаки, не только тех, кто вернулся домой, но и тех дорогих нам призраков⁴⁸, которые все еще находятся на полях Франции.

Друзья мои, недавно, в День памяти, я посетил красивое холмистое местечко близ Парижа, где расположено кладбище Сюрен, на котором захоронены останки погибших американцев. За моей спиной на холмах ряд за рядом стояли живые американские солдаты, а передо мной на плоской равнине ряд за рядом лежали погибшие американские солдаты. Тут же рядом с трибуной, с которой я выступал, расположилась небольшая группа французских женщин, которые взяли шефство над этими могилами, принося каждый день на них цветы. Они стали матерями наших дорогих призраков, считая их своими сыновьями, своими родными людьми, потому что они погибли во имя общего дела – Франция стала свободной и мир стал свободным, потому что пришла Америка!

Я желаю, чтобы занимающие государственные посты люди, что сейчас выступают против мирных договоренностей, за которые погибли эти парни, посетили бы такое же место. Я желаю, чтобы мысль о мире, исходящая от этих могил, проникла в их сознание. Я желаю, чтобы они осознали выпавший на нашу долю моральный долг не предавать этих ребят и довели дело до конца, выполнив их обещание миру. Ведь от этого решения зависит многое, а именно освобождение и спасение мира. <...>

A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents //
Bureau of National Literature. N.Y. Vol. 19.

ПАКТ КЕЛЛОГА-БРИАНА (KELLOG-BRIAND PACT)

Подписанный в Париже международный договор, предусматривавший отказ от войны как инструмента национальной политики, получил свое название по имени инициаторов его заключения – государственного секретаря США *Фрэнка Келлога* и министра иностранных дел Франции *Аристиды Бриана*. Участниками пакта стали пятнадцать государств. СССР был отстранен от процесса разработки документа, но 31 августа 1928 г. Советское правительство заявило о своей готовности подписать пакт. Политические круги США позитивно оценили это решение, и СССР был приглашен присоединиться к пакту шестью днями позднее.

Подписав этот международный документ, США, Великобритания и Франция заявили о своем праве вести «оборонительные войны». Сенат США ратифицировал пакт практически единогласно (лишь один сенатор проголосовал против), но внес уточнение, заявив, что США принадлежит исключительное право определять, что именно является самообороной в каждом конкретном случае.

К договору в конечном счете присоединились еще 48 государств, включая и те, кто в последующее десятилетие прибегнул к явным агрессивным действиям и стал основным виновником войн. Оговорки, внесенные

⁴⁸ Так в оригинале. – Прим. пер.

странами – участниками пакта в качестве условия ратификации ими этого международного документа, свели его практическое значение к нулю.

Статья I

Высокие Договаривающиеся Стороны торжественно заявляют от имени своих народов, что они осуждают обращение к войне для разрешения международных споров и отвергают ее как инструмент национальной политики в своих отношениях друг с другом.

Статья II

Высокие Договаривающиеся Стороны соглашаются, что урегулирование либо решение всех споров или конфликтов любого характера или любого происхождения, которые могут возникнуть между ними, не будет достигаться иными средствами, кроме мирных...

Brockway T. P. Basic Documents in United States Foreign Policy. N.Y., 1957.

Герберт Кларк Гувер

АМЕРИКАНСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ (AMERICAN INDIVIDUALISM)

В США близилась к завершению президентская избирательная кампания, в которой несомненное лидерство принадлежало кандидату республиканцев *Герберту Кларку Гуверу* (1874-1964) – бывшему руководителю американских программ по оказанию помощи населению пострадавших в ходе Первой мировой войны (1914-1918) европейских стран, бывшему директору Американской администрации помощи и министру торговли и администрациях У. Гардинга и К. Кулиджа. Родившийся в бедной семье квакеров, инженер по образованию, ныне миллионер, Гувер добился личного успеха благодаря собственной предприимчивости и энергии. Это обстоятельство не могло не наложить отпечатка на его психологию и взгляды на жизнь. Будучи «человеком, который сам себя сделал» (self-made man), Гувер был убежден, что каждый может добиться жизненного успеха, если ему будут предоставлены равные с другими возможности.

Взгляды удачливого политика и бизнесмена нашли отражение во многих предвыборных выступлениях Гувера и в политике администрации президента после его прихода в Белый дом. Из речей Гувера наиболее известна произнесенная в Нью-Йорке 22 октября 1928 г. Ознакомление с ее основными положениями позволяет лучше понять «идейные» причины бездействия Правительства и Президента США в годы Великой депрессии (1929-1933), когда бедствующему населению страны было практически отказано в государственной помощи и, по сути дела, предложено самостоятельно искать выход из трагической ситуации.

...Сегодня я не буду касаться множества вопросов, которые уже не раз обсуждались, а предлагаю обсудить некоторые из самых важных принципов и идей, которые должны, по моему мнению, лежать в основе деятельности Правительства Соединенных Штатов. <...>

Я хочу пояснить свою позицию в отношении этих принципов, поскольку они восходят к самым корням американской жизни, прослеживаются в каждом решении нашего правительства. Я хотел бы рассказать вам, как велико влияние расширения роли правительства в бизнесе на нашу систему самоуправления и нашу экономическую систему. Но еще важнее ее влияние на жизнь простого человека. Это влияние на права и свое боды не только тех, кто остался за пределами разросшегося бюрократического аппарата, но и тех, кто вошел в него.

Когда федеральное правительство начинает заниматься бизнесом, правительства штатов немедленно лишаются права контролировать и облагать налогами этот бизнес. Когда правительство штата начинает заниматься бизнесом, оно немедленно лишает городские власти права облагать налогами и контролировать этот бизнес. Бизнес требует централизации, самоуправление требует децентрализации. Для того чтобы наше правительство преуспело в бизнесе, оно должно фактически стать деспотией, что немедленно приведет к разрушению самоуправления. <...>

Влияние этого процесса на наше экономическое развитие было бы ещё более разрушительным. Развитие бизнеса зависит от конкуренции. Новые методы и новые идеи являются продуктом проявления духа авантюризма, индивидуальной инициативы и индивидуальной предприимчивости. Без авантюризма не может быть прогресса. Ни одно правительство не имеет права спекулировать и рисковать деньгами налогоплательщиков. Но еще более важно то, что лидерство в бизнесе должно достигаться путем развития способностей и личных качеств, что может происходить лишь в атмосфере свободной конкуренции. Бюрократический аппарат ликвидирует конкуренцию. Нет сомнения, что политический выбор является слабой основой для выбора лидеров предпринимательской деятельности. <...>

А как насчет тех, кто находится за пределами бюрократического аппарата? Какое влияние оказывают на их жизнь правительство и еще сотни тысяч чиновников?

Их возможности немедленно оказываются ограниченными, так как эти люди не принимают участия во многих сферах деятельности. К тому же правительство не терпит в среде своих клиентов⁴⁹ свободы

⁴⁹ Так в оригинале. – Прим. пер.

ответных действий конкурентов, которые обычны в частных корпорациях. Бюрократический аппарат не способствует развитию духа независимости. Он распространяет в нашей повседневной жизни дух подчиненности, изменяя характер нашего народа, приучая его не к мощному сопротивлению злу, а к покорному подчинению несокрушимо-могуществу.

Бюрократический аппарат всегда стремится к распространению своего влияния и своей власти. Вы не можете предоставить правительству власть над повседневной трудовой жизнью народа без предоставления ему одновременно власти над его душой и помыслами. Любое расширение власти правительства означает, что с целью защиты от политических последствий допущенных им ошибок правительство будет стремиться к установлению все более внимательного контроля за отечественной прессой и политическими взглядами. После кончины свободной промышленности и свободной коммерции свобода слова живет недолго. <...>

Я твердо придерживаюсь таких взглядов, поскольку во время войны имел практический опыт в области государственной деятельности и контроля. Я был свидетелем многочисленных неудач правительства в сфере бизнеса не только у себя в стране, но и за рубежом. Я видел его тиранию, по несправедливости, подрыв им тех самых инстинктов, которыми наш народ руководствуется в своем стремлении к прогрессу. Я был свидетелем отсутствия движения вперед, снижения уровня жизни, угнетенного состояния духа у людей, трудящихся в этой системе. В основе моих возражений лежит не теория или неспособность признать несправедливость либо злоупотребление, я просто знаю, что использование таких методов ударило бы по самым корням американской жизни и разрушило бы саму основу американского прогресса.

Наш народ вправе знать, можем ли мы продолжать решать наши сложные проблемы, не принося в жертву нашу американскую систему, Я знаю, что можем. Мы уже продемонстрировали, что наша система способна откликнуться на новые веяния, на сложные ситуации в нашей экономике и бизнесе. Мы уже продемонстрировали, что мы можем сохранить нашу демократию, как и подобает хозяину в своем доме, можем сохранить равенство возможностей и личную свободу. <...>

Одной из серьезных задач правительства является выяснение пределов его вмешательства в торговлю и промышленность и того, что правительство оставляет на долю индивидуальных усилий. Одинаково важно, чтобы бизнес не вмешивался в деятельность правительства, а правительство – в дела бизнеса. Идеальной системы не существует. У нас были злоупотребления в области предпринимательской деятельности, по поводу которых негодует каждый законопослушный гражданин. Я настаиваю на том, что, судя по результатам, наша система превосходит все другие и сохраняет основные элементы свободы.

Благодаря нашей системе, Америка стала страной широких возможностей для тех, кто не получил при рождении никакого наследства. И не только потому, что она богата ресурсами и славится своей промышленностью, а потому, что сохраняет свободу инициативы и развивает предприимчивость. Россия располагает природными ресурсами, сравнимыми с нашими. Ее народ столь же трудолюбив, как и наш, но у нее не было благословенных 150 лет жизни при нашей форме правления и нашей социальной системе. Мудрость наших отцов-основателей, заключающаяся в том, что прогресс должен быть суммой прогресса свободных личностей, получила развитие в результатах деятельности унаследовавших их власть великих лидеров страны. Президенты Джексон, Линкольн, Кливленд, Маккинли, Рузвельт, Вильсон и Кулидж неукоснительно соблюдали эти принципы. Придерживаясь принципов децентрализации власти, самоуправления, строго соблюдаемого права, равенства возможностей и свободы личности, наша американская система обеспечила народу и стране ту степень благополучия, которая не имеет аналогов в мире. Она позволяет нам надеяться ликвидировать нищету и страх перед нуждой намного быстрее, чем этого когда-либо ранее добивалось человечество. Доказательством того является прогресс последних семи лет. Он дает ответ тем, кто просит нас отказаться от системы, с помощью которой мы добились всего этого.

Нам еще предстоит дальнейший путь к прогрессу, который созвучен нитям американской системе, – укреплению нашего индивидуализма и сокращения, а не расширения вмешательства правительства в бизнес. <...>

Я хочу сказать еще кое-что о том, что является, по-моему, выдающейся чертой всей нашей политической, экономической и социальной системы, – о равенстве возможностей. Мы следуем этому идеалу в нашей жизни в гораздо большей степени, чем какое-либо другое государство в мире. Равенство возможностей – это право каждого американца, богатого или бедного, рожденного за границей или здесь, независимо от расы, веры или цвета кожи, достичь такого положения в жизни, которого он достоин благодаря своим способностям и личным качествам. Нам следует и впредь проводить в жизнь этот идеал, причем не только в сферах экономики и политики. Первыми шагами в достижении равенства возможностей должно быть создание такого положения, когда в Америке не окажется ни одного ребенка, не обладающего уже при рождении возможностью жить (и не живущего!) в здоровых условиях, не имеющего всех возможностей получить всестороннее образование в наших институтах, не освобожденного от вредного для здоровья труда, не имеющего намерения добиться успеха в жизни в полном соответствии со своими способностями. <...>

Равенство возможностей, с моей точки зрения, требует равных возможностей для людей во всех уголках нашей страны. В последние несколько лет определенные группы наших граждан отставали от других в движении вперед. Они не обладали такими же возможностями. Я имею в виду, в частности, тех, кто занят в текстильной и угольной промышленности, в сельском хозяйстве. Сотрудничая с нашим правительством, мы можем помочь им в решении этих проблем. В области сельского хозяйства нам понадобится исходный

капитал для оказания им помощи, но мы предлагаем этим гражданам управлять своими хозяйствами самостоятельно, а не перепоручать это дело правительству. <...>

An American Primer / Ed. by D.J. Boorstin. N.Y., 1968.

ДОКТРИНА СТИМСОНА (STIMSON DOCTRINE)

В сентябре 1931 г. Япония, обвинив Пекин в разрушении части принадлежащей ей Южно-Маньчжурской железной дороги, ввела свои войска в три северо-восточные провинции Китая и вскоре овладела ими. В марте 1932 г. созданная японцами марионеточная администрация этой территории провозгласила создание независимого Маньчжурского государства (Маньчжоу-го), верховным правителем которого стал Пу И (последний император маньчжурской династии Цин), деятельность которого полностью контролировалась японскими властями.

Администрация американского президента Г. Гувера с беспокойством следила за развитием событий в Маньчжурии, будучи не в состоянии предотвратить усиление позиций Японии в регионе, представлявшем стратегический и экономический интерес для Вашингтона. Великая депрессия, обрушившаяся на Соединенные Штаты Америки, не позволяла правительству страны проявлять какую-либо внешнеполитическую, а тем более военную активность. И без того сложное экономическое положение США исключало даже возможность объявления каких-либо экономических санкций против Японии.

В создавшихся условиях дипломатические ноты оказались единственным способом выражения протеста против действий Японии. 7 января 1932 г. государственный секретарь США *Генри Стимсон* (1867-1950) направил американским послам в Китае и Японии указание о передаче американской ноты протеста соответствующим правительствам. Содержание этой ноты получило позднее название «доктрина Стимсона».

В своем ответе на американскую ноту правительство Японии заверило власти США в своей готовности считаться с заключенными международными соглашениями, включая пакт Келлога-Бриана (1928), и соблюдать верность политике «открытых дверей». В оправдание своих действий в Китае японцы сослались на сложившуюся на всей китайской территории неприемлемую для них ситуацию, которая якобы противоречила Вашингтонскому соглашению (1922). Смена администрации северо-восточных провинций Китая была объяснена волей, высказанной их населением.

*Вашингтон,
7 января 1932 г.*

Государственный секретарь – послу в Японии.

Прошу, по возможности немедленно, вручить Министерству иностранных дел от имени Вашего правительства следующую ноту:

В результате недавних военных операций, связанных с Шаньдуном, прекратила существовать в том виде, в котором она существовала до 18 сентября 1932 г., последняя сохранявшаяся административная власть Правительства Китайской Республики в Южной Маньчжурии. Американское правительство продолжает придерживаться убеждения, что работа нейтральной комиссии, уполномоченной недавно Советом Лиги Наций, будет способствовать окончательному разрешению споров, существующих ныне между Китаем и Японией. Однако ввиду создавшейся там ситуации и с учетом собственных прав и обязательств американское правительство считает своим долгом известить как Императорское правительство Японии, так и Правительство Китайской Республики, что не может признать законность ситуации *de facto*, как не намерено признавать какой-либо договор или соглашение, заключенное между правительствами или представителями этих стран, которое может нарушить права Соединенных Штатов или их граждан в Китае, включая права, касающиеся суверенитета, независимости или территориальной и административной целостности Китайской Республики либо международной политики в отношении Китая, обычно известной как политика «открытых дверей», и что оно не намерено признавать какую-либо ситуацию, договор или соглашение, достигнутые средствами, противоречащими договоренностям и обязательствам по Парижскому договору от 27 августа 1928 г., подписанному как Китаем, так и Японией, а также Соединенными Штатами.

American Historical Review. 1954. April. Vol. 59. № 36.

Франклин Делано Рузвельт ПЕРВАЯ ИНАУГУРАЦИОННАЯ РЕЧЬ (FIRST INAUGURAL ADDRESS)

В октябре 1929 г. Соединенные Штаты Америки поразил тяжелейший экономический кризис, вошедший в историю под названием Великая депрессия. В декабре 1930 г. был закрыт нью-йоркский Банк Соединенных Штатов, располагавший суммой вкладов в размере 180 миллионов долларов. Размещенный за рубежом американский капитал стал срочно изыматься, что усугубило экономические проблемы европейских стран, - кризис охватил и экономику Европы.

Экономический кризис существенно отразился на внутривнутриполитической обстановке в стране. В 1929-1934 гг. в стачках участвовало около 4 миллионов рабочих. В 1932-1933 гг. состоялись национальные конференции фермеров, принявшие решения о необходимости совместной с рабочими борьбы против гнета монополий.

Сохраняя верность объявленному им лозунгу «американского (или грубого) индивидуализма», президент Г. Гувер отказывался принимать меры по оказанию помощи бедствующим американцам. В 1930 г. Демократическая партия завоевала большинство мест в Конгрессе США и уверенно отвоевывала у ставших крайне непопулярными республиканцев ответственные выборные посты на местах. Оправившись от панического страха, вызванного биржевым крахом и последовавшими за ним событиями, боссы Демократической партии решили воспользоваться сложившейся ситуацией с целью отвоевать у республиканцев и Белый дом. Лидирующую позицию в Демократической партии с самого начала занимал губернатор Нью-Йорка *Франклин Делано Рузвельт* (1882-1945), которому, несмотря на отсутствие у него рецептов решения стоящих перед страной проблем, удалось овладеть доверием партийного съезда, состоявшегося в июле 1932 г. в Чикаго. Его кандидатура на президентский пост получила поддержку большинства делегатов. 8 ноября 1932 г. Республиканская партия потерпела на выборах жесточайшее поражение. За Рузвельта проголосовало на 7 миллионов человек больше, чем за Гувера.

После выборов экономическое положение страны продолжало ухудшаться еще более быстрыми темпами. В США царил хаос, причем паническое состояние охватило не только рядовых американцев, но и весь деловой мир Штатов. От только что избранного президента ожидали решений, способных вывести страну из бездонной пропасти, в которую она неумолимо проваливалась. Но у нового президента сколько-нибудь глубоко продуманных планов выхода из кризиса еще не было. В этих условиях ставка делается на то, что Рузвельту удастся использовать всю силу своей уверенности в конечном успехе для успокоения общественного мнения страны.

Инаугурационная церемония состоялась 4 марта 1933 г. После принесения присяги президент Рузвельт обратился к собравшимся с программной речью, признанной образцом ораторского искусства.

Я уверен, что мои дорогие соотечественники-американцы ждут, что, вступая в должность президента, я обращусь к ним с прямотой и решимостью, как того требует нынешнее положение нашей страны. Сейчас самое время говорить правду, всю правду, открыто и смело. И нам нет нужды уклоняться от честного взгляда на сегодняшнюю ситуацию в нашей стране. Эта великая страна выстоит, как это бывало и прежде, возродится и расцветёт. Поэтому первым делом разрешите мне высказать твердое убеждение, что единственное, чего нам следует бояться, это страха – отчаянного, безрассудного, неоправданного ужаса, который парализует усилия, необходимые для превращения отступления в наступление. Всякий раз и мрачный час нашей национальной жизни откровенное и энергичное руководство встречало то самое понимание и ту поддержку народа, которые требуются для победы. Я убежден, что в эти критические дни вы вновь окажете руководству такую поддержку.

С таким настроением мы с вами встречаем наши общие трудности. Слава Богу, они касаются только материальных вещей. Текущие показатели снизились до фантастического уровня, налоги выросли, наша платежеспособность упала, власти всех уровней сталкиваются с серьезным сокращением дохода, средства обмена заморожены в торговых потоках, повсеместно замирают промышленные предприятия, фермеры не находят рынков для своей продукции, пропали многолетние сбережения тысяч семей.

Что еще важнее, перед множеством безработных граждан встала жесткая проблема выживания, при этом не меньшее число людей трудятся в поте лица своего, мало что получая взамен. Только неразумный оптимист может отрицать мрачную реальность момента.

Но все-таки беды пришли к нам не от материального недостатка. Нас не покарало нашествие саранчи. Наши беды не сравнимы с испытаниями, которые наши предки одолели, ибо верили и не боялись, за что мы должны быть им весьма благодарны. Природа по-прежнему приносит щедрые дары, а человеческие усилия их преумножают. Изобилие у самого нищего порога, но мы не можем воспользоваться его щедрыми дарами в силу их недоступности. Происходит это главным образом потому, что те, кто отвечал за обмен плодами рук человеческих, потерпели провал из-за собственного упрямства и собственной некомпетентности, признали своё поражение и вышли из игры. Деятельность бесчестных менял осуждается судом общественного мнения, люди не приемлют ее ни умом, ни сердцем.

Правда, они пытались, но действовали отжившими свой век традиционными методами. Потерпев неудачу с кредитом, они лишь предложили ссужать больше денег. Лишившись возможности прельщать людей прибылью, они прибегли к слезным просьбам и мольбам вернуть им утраченное доверие. Им известны лишь правила поколения корыстолюбцев. Это недалёковидные люди, а недалёковидные люди обречены на гибель.

Спасаясь бегством, менялы покинули храм нашей цивилизации. Теперь мы можем вернуть этот храм к древним истинам. Мерой этого возвращения служит степень нашего обращения к общественным ценностям, более благородным, нежели простая денежная прибыль.

Счастье заключается не просто в обладании деньгами, – оно в радости свершений, в творческом волнении. В безумной погоне за мимолетной прибылью больше нельзя забывать об этой радости и о моральном стимулировании труда. Эти мрачные времена будут оправданы, если научат нас, что наше истинное предназначение не прислуживать кому-то, а служить самим себе и нашим собратьям.

Признание ложным такого мерила успеха, как материальное богатство, идет рука об руку с отказом от ложного убеждения, что государственная должность и высокое политическое положение измеряются лишь мерилем поста и личной выгоды. Надо покончить с тем образом действий в банковском деле и в бизнесе, который слишком часто превращал священный долг в подобие бессердечного и своекорыстного проступка. Неудивительно, что доверие тает, ибо оно зиждется только на честности, чести, на нерушимости обязательств, на ревностной защите, на бескорыстной деятельности, а без всего этого оно существовать не может.

Однако восстановление требует не только нравственных перемен. Страна просит действий, и действий немедленных.

Наша величайшая первоочередная задача – вернуть людям работу. Эта проблема окажется вполне разрешимой, если мы подойдем к ней разумно и смело. Частично ее может решить прямая мобилизация силами самой власти, взявшейся за эту задачу так, как мы действуем в чрезвычайных военных условиях, но в то же время направив рабочую силу на осуществление в высшей степени необходимых проектов по стимулированию и реорганизации использования наших природных ресурсов.

Вместе с тем мы должны откровенно сказать о перенаселенности наших промышленных центров и, занявшись перераспределением в национальном масштабе, постараться наделить землей тех, кто лучше всех готов ее использовать. Справиться с этой задачей могут помочь решительные действия по повышению цен на сельскохозяйственную продукцию, а одновременно и покупательной способности по отношению к продукции, производимой в городах. Этому может помочь эффективное предупреждение нарастающей трагедии разорения в результате лишения права выкупа закладной на наши небольшие дома и фермы. Этому может помочь требование к федеральной власти, властям штатов и местным властям немедленно и резко сократить свои расходы. Этому может помочь унификация выплат пособий, сегодня нередко раздробленных, неэкономичных и неравных. Этому может помочь государственное планирование и контроль над всеми видами транспорта, связи и прочих услуг явно общественного характера. Этому можно помочь многими способами, но никогда не поможешь одними разговорами. Мы должны действовать, и действовать быстро.

Наконец, вновь берясь за работу, мы нуждаемся в двух гарантиях защиты от старых зол. Должен быть установлен строгий контроль над всей банковской, кредитной и инвестиционной деятельностью. Должен быть положен конец спекуляциям с чужими деньгами и обеспечена адекватная требованиям, но здоровая валюта.

Таковы направления атаки. Теперь я изложу перед новым конгрессом на специальном заседании детальные меры для ее проведения и попрошу немедленного содействия нескольких штатов.

Этой программой действий мы призываем самих себя навести порядок в собственном национальном доме и сбалансировать доходы с расходами. Хотя наши международные торговые связи крайне важны, в данный момент и при данных потребностях они отходят на второй план перед лицом создания здоровой национальной экономики. В практической политике я предпочитаю ставить первостепенные вещи на первое место. Я не пожалею сил для возрождения мировой торговли путем международной экономической реорганизации, но критическая ситуация у себя дома не может ждать завершения решения этой задачи.

Главная идея, задающая направление этим особым способам национального возрождения, не является узконациональной. Она в первую очередь подчеркивает взаимозависимость разнообразных факторов во всех частях Соединенных Штатов, напоминая о старом и вечно важном проявлении американского пионерского духа. Это путь к возрождению. Это самый прямой путь. Это крепчайшая гарантия прочности возрождения.

В области мировой политики мне хотелось бы, чтобы наша страна проводила политику доброго соседа – соседа, который решительно уважает себя и поэтому уважает права других; соседа, который уважает свои обязательства и уважает святость своих соглашений с соседями во всем мире.

Если я правильно понимаю характер нашего народа, мы сегодня сильнее, чем когда-либо прежде, сознаем нашу взаимозависимость друг от друга; сознаем, что нельзя только брать, надо также и отдавать, что вперед надо двигаться дисциплинированной, верноподданной армией, готовой на жертвы ради общей дисциплины, ибо без такой дисциплины невозможно движение вперед, невозможно эффективное руководство. Я знаю, мы готовы и согласны подчинить свою жизнь и свое достояние такой дисциплине, открывая возможность для руководства, нацеленного на большое благо. Это я и хочу предложить, заверяя, что большие цели пробуждают в нас священное чувство долга, подобное тому, которое пробуждается во время вооруженной борьбы.

Получив такое обещание, я без колебаний возьму на себя руководство великой армией нашего народа, направляя ее на целеустремленное решение наших общих проблем.

При форме власти, унаследованной нами от предков, вполне возможно действовать таким образом и с такой целью. Наша Конституция столь проста и практична, что всегда можно ответить на чрезвычайные требования, переставляя акценты и меняя порядок слов, не утратив сути. Именно поэтому наша конституционная система зарекомендовала себя как самый надежный по прочности политический механизм, существующий в современном мире. Она выдержала все потрясения широкой территориальной экспансии, зарубежных войн, острых внутренних раздоров, мировых отношений.

Будем надеяться, что нормального баланса исполнительной и законодательной власти окажется вполне достаточно для решения стоящей перед нами беспрецедентной задачи. Но, возможно, какое-то беспрецедентное требование жизни и необходимость неотложных действий заставят нас временно отойти от нормально сбалансированного государственного процесса.

По своей конституционной обязанности я готов рекомендовать меры, которые могут потребоваться раненой стране в раненом мире. В пределах своих конституционных полномочий я постараюсь добиться быстроты принятия этих или иных подобных мер, которые может разработать конгресс с его опытом и мудростью.

Однако в том случае, если конгресс не сумеет принять один из этих двух курсов, и в том случае, если страна по-прежнему останется в чрезвычайном критическом положении, я не уклонюсь от ясного, предначертанного долгом курса. Я буду просить у конгресса единственный оставшийся инструмент решения кризиса – широких властных полномочий для борьбы с чрезвычайной ситуацией, столь же неограниченных, как полномочия, которые мне были бы даны в случае фактического вторжения иноземного врага.

За оказанное мне доверие я расплачусь соответствующей моменту вагой и преданностью. Это минимум того, что я обязан сделать.

Мы смотрим в грядущие трудные дни, согретые теплом национально го единства, с осознанным стремлением вернуться к старым и дорогим моральным ценностям, с светлым удовлетворением, которое приносит строгое исполнение долга как стариками, так и молодежью. Наша цель – гарантировать полноценную и стабильную жизнь страны.

Мы не разуверились в будущем основ демократии. Народ Соединенных Штатов не потерпел неудачу. Когда возникла нужда, он на выборах дал наказ, объявив, что желает прямых энергичных действий. Он просит дисциплины и направляющего руководства. Инструментом своей воли он делал сегодня меня. В таком смысле я этот дар принимаю.

Преданные своей стране, мы смиренно просим Божьего благословения. Да хранит Он всех и каждого из нас. Да руководит Он мной в грядущие дни.

*Инаугурационные речи президентов США /
Под ред. и с комм. Э. А. Иваняна. М., 2002.
Пер. Е. В. Нетесовой.*

Франклин Делано Рузвельт

ЧЕТЫРЕ СВОБОДЫ (FOUR FREEDOMS)

В результате блицкрига – молниеносной войны, развязанной гитлеровцами, значительная часть Европы оказалась под пятой нацистского режима. Предпринятые до сентября 1939 г. попытки Великобритании и Франции умиротворить потенциального агрессора ни к чему не привели. Мюнхенский сговор (1938) лишь усугубил опасную ситуацию в Европе и разжег аппетиты гитлеровской Германии.

Начавшаяся Вторая мировая война (1939-1945) на первых порах не затронула в сколько-нибудь существенной степени интересы Соединенных Штатов но вызвала заметную реакцию широкой американской общественности. Страна иммигрантов, в значительной мере сохранивших эмоциональную связь со своей родиной или родиной своих предков, не могла оставаться безучастной к судьбе бывших соотечественников. Вместе с тем в США оставались сильными позиции изоляционистов, продолжавших настаивать на необходимости соблюдения завета отцов-основателей американского государства – держаться в стороне от европейских конфликтов.

В создавшихся условиях Президент США *Франклин Делано Рузвельт* (1882-1945) двумя месяцами ранее избранный на третий срок, решил посвятить свое очередное послание Конгрессу США «О положении в стране» анализу внешнеполитической ситуации в мире и задачам, вставшим перед Соединенными Штатами в связи с этой ситуацией. 6 января 1941 г. он выступил перед членами конгресса с речью, вошедшей в американскую историю как речь о «четырех свободах».

Господин спикер, члены 77-го конгресса!

Я обращаюсь к вам, члены этого нового конгресса, в момент, беспрецедентный в истории нашего Союза. Я пользуюсь словом «беспрецедентный», потому что никогда прежде американской безопасности не угрожали извне столь серьезно, как сегодня.

С того времени как в 1789 году мы окончательно сформировали в соответствии с Конституцией наше правительство, большинство кризисных периодов в нашей истории было связано с нашими внутренними делами. И к счастью, лишь один из них – четырехлетняя война между штатами – впервые представил угрозу нашему национальному единству. Сегодня, слава Богу, 130 миллионов американцев в 48 штатах забыли, куда указывали стрелки компаса нашего национального единства.

Правда до 1914 года Соединенные Штаты часто беспокоили события на других континентах. Мы даже участвовали в двух войнах с европейскими державами и в нескольких необъявленных войнах в Вест-Индии, в Средиземноморье и на Тихом океане, защищая американские права и принципы мирной торговли. Но ни в одном случае не возникало серьезной угрозы для нашей национальной безопасности или сохранения нашей независимости.

Я хочу довести до вашего сознания историческую правду, заключающуюся в том, что Соединенные Штаты как государство во все времена выступали – четко и определенно – против любой попытки запереть нас за древней Китайской стеной, в то время как процесс цивилизации шел, минув нас. Сегодня, думая о наших

детях и об их детях, мы выступаем против изоляции, навязываемой нам в любой другой части американского континента.

Эту нашу решимость, которую мы демонстрировали на протяжении всех этих лет, мы доказали, к примеру, в начале 25-летнего периода войн, последовавших за Французской революцией. Ясно, что ни тогда, когда наполеоновские войны действительно угрожали интересам Соединенных Штатов, учитывая французский оплот в Вест-Индии и в Луизиане, ни тогда, когда мы участвовали в войне 1812 года в целях защиты нашего права на мирную торговлю, ни Франция, ни Великобритания, ни какое-либо другое государство не стремились к господству над всем миром.

Аналогичным образом с 1815 по 1914 год – на протяжении 99 лет - ни одна война в Европе или Азии не представляла реальной угрозы нашему будущему или будущему любого другого американского государства.

За исключением краткосрочного эпизода с Максимилианом в Мексике⁵⁰, ни одна иностранная держава не стремилась утвердиться в нашем полушарии. А мощь британского флота в Атлантическом океане была дружественной силой и остается таковой поныне. Даже когда разразилась Вторая мировая война в 1941 г.⁵¹, в ней заключалась лишь малая доля опасности нашему собственному американскому будущему. Но, как мы помним, с течением времени американский народ стал осознавать, что может означать для нашей демократии падение демократических государств.

Нам не следует преувеличивать недостатки Версальского мира. Нам не следует бесконечно твердить, что демократии оказались не способны справиться с проблемами переустройства мира. Нам надо помнить, что мир, заключенный в 1919 году, был гораздо менее несправедливым, чем та форма умиротворения, которая началась даже до Мюнхена и которая продолжает применяться в условиях тирании нового порядка, стремящегося сегодня распространиться по всем континентам. Американский народ вступил в непоколебимую конфронтацию с этой тиранией.

Я полагаю, что каждый реалист знает, что в данный момент демократический образ жизни во всех частях мира подвергается нападению – нападению с помощью оружия или секретного распространения ядовитой пропаганды со стороны тех, кто стремится разрушить единство и посеять раздор между государствами, еще находящимися в состоянии мира.

За долгие шестнадцать месяцев эти нападения разрушили модель демократической жизни в огромном количестве независимых государств, больших и малых. И нападающая сторона по-прежнему на марше, угрожая другим государствам, большим и малым.

Поэтому в качестве вашего президента, выполняющего свои конституционные обязанности «представлять конгрессу отчет о состоянии Союза», я вынужден, к сожалению, сообщить вам, что будущее и безопасность нашей страны и нашей демократии чрезвычайно зависят от событий, происходящих далеко за пределами наших границ.

Вооруженная защита демократических условий жизни отважно ведется сейчас на четырех континентах. Если эта оборона потерпит поражение, все население и все ресурсы Европы и Азии, Африки и Австралии подпадут под господство завоевателей. И давайте вспомним, что общая численность населения на этих четырех континентах и объем их ресурсов значительно превосходят общую численность населения и объем ресурсов всего Западного полушария – да, во много раз.

Во времена, подобные нынешнему, представляется неразумным, и к тому же неверным, хвастливое утверждение некоторых, что неподготовленная Америка в одиночку, с одной рукой, привязанной за спиной, может сдерживать весь мир.

Ни один реалистически мыслящий американец не может ожидать благородства в международных отношениях, возврата подлинной независимости, всеобщего разоружения, сохранения свободы слова, религиозной свободы или даже благопристойных условий делового предпринимательства от мира, навязанного диктатором. Подобный мир не принес бы безопасности ни нам, ни нашим соседям. Те, кто готов пожертвовать основополагающей свободой ради приобретения ограниченной временной безопасности, не заслуживают ни свободы, ни безопасности.

Как государство мы можем гордиться тем фактом, что мы добродушны, но мы не можем себе позволить быть дураками. Мы всегда должны опасаться тех, кто дует в трубы и бьет в литавры, проповедуя теорию умиротворения. Мы должны особенно опасаться той небольшой группы эгоистично настроенных людей, которые готовы обрезать крылья американскому орлу, чтобы выложить его пухом свои собственные гнезда.

Я недавно указывал, как быстро в условиях современного военного искусства наша повседневная жизнь может подвергнуться физическому нападению, которого в конечном счете нам следует ожидать, если государство-диктатор одержит победу в этой войне.

⁵⁰ В апреле 1864 г. силами французской армии была занята столица Мексики и на мексиканский трон возведен император Максимилиан, австрийский эрцгерцог и ставленник Наполеона III. В феврале 1866 г. США потребовали вывода французских войск с территории Мексики и направили к границам с Мексикой 50-тысячное войско под командованием генерала Ф. Шеридана. После ухода французских войск весной 1867 г. Максимилиан был схвачен мексиканскими партизанами и казнен. – *Прим. сост.*

⁵¹ Так в оригинале. – *Прим. сост.*

Сейчас ведется много пустых разговоров относительно нашего иммунитета от скорой и прямой интервенции из-за океана. Очевидно, что до тех пор, пока британский военно-морской флот сохраняет свою мощь, такой опасности не существует. Даже если бы британского военно-морского флота не существовало, вряд ли враг оказался бы настолько глупым, чтобы напасть на нас, высадив свои доставленные за тысячи океанских миль войска в Соединенных Штатах до того, как они создадут стратегические базы, с которых им предстоит действовать.

Но мы учимся многому на уроках событий прошлых лет в Европе, особенно на уроках, преподанных Норвегией, чьи жизненно важные порты были захвачены в результате предательства, а также из-за внезапности нападения, подготавливавшегося на протяжении ряда лет.

Первая фаза вторжения в наше полушарие не будет представлять собой высадку регулярных войск. Важные стратегические объекты будут оккупированы секретными агентами и их пособниками, большое число которых уже находится здесь и в Латинской Америке. Поскольку государства-агрессоры продолжают наступать, именно они выберут время, место и форму своего нападения.

И именно поэтому будущее всех американских республик находится сегодня в огромной опасности. Именно поэтому это ежегодное послание конгрессу уникально в нашей истории. Именно поэтому перед каждым членом исполнительной ветви государства и каждым членом конгресса стоит огромная ответственная задача – соблюдение подотчетности.

Требование настоящего момента заключается в том, чтобы наши действия и наша политика были подчинены прежде всего – практически исключительно – борьбе с угрозой из-за рубежа. Все наши внутренние проблемы представляют собой сейчас лишь часть этой огромной чрезвычайной ситуации.

Точно так же, как наша национальная политика во внутренних делах основывалась на должном уважении прав и достоинства всех наших соотечественников, наша национальная политика во внешних делах основывалась на должном уважении прав и достоинства всех государств, больших и малых. И право, основанное на высокой нравственности, должно победить и в конечном счете победит.

Наша национальная политика заключается в следующем.

Первое. Следуя убедительному выражению общественной воли и не обращая внимания на партийные интересы, мы взяли на себя обязательство обеспечить всеобъемлющую национальную оборону.

Второе. Следуя убедительному выражению общественной воли и не вращая внимания на партийные интересы, мы взяли на себя обязательство поддерживать повсюду всех решительных людей, которые противостоят агрессии и таким образом не позволяют войне перекинуться на наш континент. Этой поддержкой мы выражаем нашу уверенность в том, что цело демократии победит, и крепим оборону и безопасность нашего собственного государства.

Третье. Следуя убедительному выражению общественной воли и не обращая внимания на партийные интересы, мы взяли на себя обязательство в отношении того, что принципы высокой морали и соображения нитей собственной безопасности никогда не позволят нам согласиться с условиями мира, продиктованными агрессорами и поддержанными теми, кто пытается проводить политику умиротворения. Мы знаем, что прочный мир не может быть достигнут за счет свободы других народов.

В ходе недавних общенациональных выборов не отмечалось существенных разногласий между двумя основными партиями по вопросам национальной политики. Ни один вопрос не вызывал серьезных столкновений в среде американского электората. И сегодня абсолютно очевидно, что американские граждане повсеместно требуют немедленных и всеобъемлющих действий, признавая наличие явной опасности.

Вследствие этого насущной необходимостью является скорейший и обязательный рост нашего военного производства. Лидеры промышленности и профсоюзов ответили на наш призыв. Были определены конечные цели увеличения темпов роста. В ряде случаев эти цели достигаются ранее намеченных сроков. В ряде случаев они достигаются в назначенные сроки. Иногда отмечаются некоторые несерьезные задержки. А в ряде случаев – и мне неприятно об этом говорить, – в ряде очень серьезных случаев нас всех очень волнует медленный темп выполнения наших планов.

Однако в последние годы армия и военно-морской флот достигли существенного прогресса. С каждым днем накапливается практический опыт и совершенствуются наши способы производства. И сегодняшнее наилучшее становится недостаточно хорошим для завтрашнего дня.

Я не удовлетворен достигнутым на сегодняшний день прогрессом. Люди, руководящие программой, являются лучшими с точки зрения подготовки, способностей и патриотизма, и они не удовлетворены достигнутым на сегодняшний день прогрессом. Никто из нас не будет удовлетворен, пока не будет выполнена работа.

Независимо от того, очень ли завышены или занижены наши инициальные планы, нашей целью является достижение скорых и лучших результатов. Проиллюстрирую это двумя примерами.

Мы отстаем в выполнении программы выпуска самолетов. Мы работаем день и ночь, чтобы решить неисчислимые проблемы и войти в график.

Мы обгоняем график строительства боевых кораблей, но мы работаем над тем, чтобы и впредь обгонять этот график. Перестройка всей страны с производства орудий мирного труда в условиях мира на производстве средств ведения войны в условиях военного времени является нелегкой задачей. Самые серьезные трудности возникают в начале осуществления военной программы, когда первым делом необходимо создать новые инструменты, новые заводские сооружения, новые сборочные конвейеры, новые стапеля. Только после этого на созданной заново базе будет налажено непрерывное и быстрое производство готовых изделий.

Конечно, конгресс должен всегда располагать информацией о ходе реализации программы. Однако существуют определенные сведения, которые, как сам конгресс, без сомнения, признает, должны обязательно сохраняться в тайне в интересах как нашей собственной безопасности, так и безопасности государств, которые мы поддерживаем.

Вновь возникающие обстоятельства постоянно выдвигают новые требования к обеспечению нашей безопасности. Я обращаюсь к конгрессу с просьбой о значительном увеличении ассигнований и расширении полномочий для осуществления того, что мы уже начали делать.

Я также буду просить нынешний конгресс утвердить полномочия и ассигнования, достаточные для производства дополнительного вооружения и боеприпасов различных видов для передачи тем государствам, которые находятся в состоянии настоящей войны с государствами-агрессорами. Сегодня наша наиболее полезная и важная роль состоит в том, чтобы служить как их, так и нашим собственным арсеналом. Они не нуждаются в живой силе, но им для обороны нужно оружие стоимостью в миллиарды долларов.

Настает время, когда они не смогут оплатить его полностью наличными. Мы не можем сказать им и не скажем, что им следует капитулировать по причине их неспособности заплатить за оружие, которое, как мы знаем, им необходимо.

Я не рекомендую выделять им заем в долларах, которыми они будут расплачиваться за оружие, заем, который надо будет возвращать в долларах. Я рекомендую, чтобы мы создали для этих государств возможность продолжать получать военное имущество в Соединенных Штатах, включив их заказы в наши собственные программы. И практически все их военное имущество может, если настанет такое время, оказаться полезным и для нашей собственной обороны.

Прислушиваясь к советам влиятельных военных и военно-морских экспертов, решая, что именно представляется наилучшим для нашей собственной безопасности, мы свободны решать, какая часть произведенного имущества должна быть оставлена здесь и какая часть – направлена нашим зарубежным друзьям, своим решительным и героическим сопротивлением предоставляющим нам время для подготовки нашей собственной обороны.

То, что мы посылаем за рубеж, должно будет оплачено, причем оплачено в разумные сроки после завершения военных действий, оплачено аналогичным имуществом или же, по нашему выбору, различными товарами, которые они могут произвести и в которых мы нуждаемся.

Давайте скажем этим демократическим странам: «Мы, американцы, жизненно заинтересованы в защите вашей свободы. Мы предлагаем вам нишу энергии, наши ресурсы и нашу организационную мощь для придания вам силы в восстановлении и сохранении свободного мира. Мы будем направлять вам во все возрастающем количестве корабли, самолеты, танки, пушки. В этом заключаются наша цель и наши обязательства».

В ходе достижения этой цели нас не запугают угрозы диктаторов, что они будут рассматривать нашу помощь демократическим государствам, осмеливающимся сопротивляться их агрессии, как нарушение международного права или как акт войны. Такая помощь не является актом войны, даже если диктатор в одностороннем порядке провозгласит ее таковой.

В том случае, если диктаторы будут готовы пойти на нас войной, им не придется ждать объявления войны нами.

Они не объявляли войну в случае с Норвегией, Бельгией или Нидерландами. Они заинтересованы лишь в новом одностороннем международном праве, лишенном взаимности в его соблюдении и становящемся, таким образом, инструментом угнетения. Счастье будущих поколений американцев может оказаться целиком зависящим от того, насколько эффективно и быстро мы сумеем сделать нашу помощь ощутимой. Никто не может предугадать в точности характер чрезвычайных ситуаций, с которыми мы, возможно, столкнемся. Руки государства не должны быть связаны, когда жизнь государства находится в опасности.

Да, все мы должны быть готовы принести жертвы, требуемые чрезвычайной ситуацией, почти столь же серьезной, как сама война. Все, что препятствует скорой и эффективной обороне, постоянной оборонной готовности, должно уступить дорогу национальным потребностям.

Свободное государство вправе надеяться на полное сотрудничество со стороны всех групп населения. Свободное государство вправе ожидать от лидеров делового мира, профсоюзов и аграрного сектора, что они возглавят усилия энтузиастов внутри своих групп.

Для защиты страны необходима борьба с лодырями и смутьянами, которых немного, но они есть в нашей

среде. Прежде всего следует пристыдить их патриотическим примером, а если это не принесет желаемых результатов, прибегнуть к власти правительства.

Подобно тому как не хлебом единым жив человек, сражается он не только оружием. Те, кто стоит на линии обороны, и те, кто стоит за ними и строит нашу оборону, должны обладать выдержкой и мужеством, источником чего является непоколебимая вера в тот образ жизни, который они защищают. Великое дело, к которому мы призываем, не может основываться на игнорировании всех тех вещей, за которые стоит бороться.

Нация черпает огромную силу в том, что было совершено во имя осознания каждым из его представителей личной заинтересованности в сохранении демократической жизни в Америке. Все это укрепило моральные устои нашего народа, возродило его веру и усилило его преданность институтам, которые мы готовимся защищать. Конечно, сейчас не время для кого-либо из нас забывать о социальных и экономических проблемах, которые служат основной причиной социальных революций, являющихся сегодня важнейшим фактором беспокойства в мире. В том, что представляет собой основа здоровой и сильной демократии, нет ничего таинственного.

Основное, что наш народ ожидает от своей политической и экономической системы, не представляется сложным. Это:

- равенство возможностей для молодежи и других слоев населения;
- работа для тех, кто может работать;
- безопасность для тех, кто нуждается в ней;
- ликвидация особых привилегий для избранных;
- сохранение гражданских свобод для всех;
- получение результатов научного прогресса в условиях более высокого и постоянно растущего уровня жизни.

Таковы основные вещи, которые в суматохе и неимоверной сложности нашего современного мира никогда не следует упускать из виду. Эффективность нашей экономической и политической системы зависит от того, в какой степени она отвечает этим ожиданиям.

Многие проблемы, связанные с нашей социальной экономикой, требуют немедленного решения. К примеру:

- мы должны охватить большее число граждан пенсиями по возрасту и страхованием по безработице;
- мы должны поднять медицинское обслуживание на надлежащий уровень;
- мы должны создать более совершенную систему, с помощью которой лица, нуждающиеся в получении выгодной работы и заслуживающие ее, смогут ее получить.

Я призвал к личным жертвам, и я убежден в готовности почти всех американцев откликнуться на этот призыв. Частью этой жертвы является им плата более крупных сумм денег в виде налогов. В своем бюджетном послании я буду рекомендовать, чтобы более значительная, чем сегодня, часть нашей огромной оборонной программы оплачивалась из налоговых поступлений. Никто не должен пытаться и никому не будет разрешено наживаться на этой программе, и в выработке нашего законодательства мы всегда должны руководствоваться принципом уплаты налогов в соответствии с возможностью их платить.

Если конгресс поддержит эти принципы, избиратели, ставящие патриотизм выше интересов своего кошелька, наградят вас аплодисментами.

В будущем, которое мы стремимся сделать безопасным, мы надеемся создать мир, основанный на четырех основополагающих человеческих победах.

Первая – это свобода слова и высказываний – повсюду в мире.

Вторая – это свобода каждого человека поклоняться Богу тем способом, который он сам избирает, – повсюду в мире.

Третья – это свобода от нужды, что в переводе на понятный всем язык означает экономические договоренности, которые обеспечат населению всех государств здоровую мирную жизнь, – повсюду в мире.

Четвертая – это свобода от страха, что в переводе на понятный всем язык означает такое основательное сокращение вооружений во всем мире, чтобы ни одно государство не было способно совершить акт физической агрессии против кого-либо из своих соседей, – повсюду в мире.

Это не мечта на далекое тысячелетие. Это основа того мира, которого можно достичь в наше время и в течение жизни нашего поколения. Это мир, являющийся противоположностью тирании так называемого нового порядка, который стремятся ввести диктаторы бомбовым ударом.

Этому новому порядку мы противопоставляем более величественную концепцию морального порядка. Добропорядочное общество в состоянии смотреть без страха на попытки завоевать мировое господство или совершить революцию. С самого начала нашей американской истории мы развиваемся в ходе постоянно совершаемой мирной революции, такой, которая, приспосабливаясь к меняющимся условиям, осуществляется равномерно, тихо, без концентрационных лагерей или негашеной извести, залитой в ров. Мировой порядок, к которому мы стремимся, предусматривает взаимное сотрудничество свободных государств, трудящихся в дружелюбном, цивилизованном обществе.

Наша страна вручила свою судьбу рукам, умам и сердцам миллионом свободных мужчин и женщин и своей вере в свободу под покровительством Бога. Свобода означает господство прав человека повсюду. Наша поддержка предназначена тем, кто борется за завоевание этих прав и их сохранение. Наша сила заключается в единстве наших целей.

Осуществление этой великой концепции может продолжаться бесконечно, вплоть до достижения победы.

Heffner K. D. A Documentary History of the United States. N.Y., 1965.

Генри Робинсон Люс
АМЕРИКАНСКИЙ ВЕК
(THE AMERICAN CENTURY)

Американский издатель и редактор *Генри Робинсон Люс* (1898-1967), основатель широко известных журналов «Time» (1923), «Fortune» (1930) и «Life» (1936), принимал активное участие в политической жизни своей страны и использовал популярность и огромные тиражи своих журналов для поддержки кандидатов Республиканской партии.

В февральском номере журнала «Life» за 1941 г. он опубликовал написанную им лично редакционную статью «Американский век», которая стала одним из интереснейших документов американской истории. В ней нашли отражение многие из тех взглядов и сомнений, которые в условиях продолжавшейся Второй мировой войны (1939-1945) были характерны как для американских политических кругов (в первую очередь оппонентов администрации Ф. Рузвельта), так и для значительной части американской общественности.

Международная ситуация давала основание рассчитывать на возрастание экономической и политической роли США в мире. Своей стране Люс отводил в XX в. роль «старшего брата» Старого Света. До Пёрл-Харбора и вступления США во Вторую мировую войну оставалось десять месяцев.

Мы, американцы, не чувствуем себя счастливыми. Мы не испытываем счастья, думая об Америке. Мы несчастливы в отношении самих себя в той мере, в какой это касается Америки. Мы обеспокоены, или печальны, или безразличны.

Глядя на остальной мир, мы испытываем замешательство; мы не знаем, что делать. «Оказывать помощь Великобритании, не вступая в войну» – лозунг, типичный для полунадежд и полумер.

Когда мы обращаем свой взор к будущему мира – к нашему собственному будущему и будущему других государств, у нас возникает плохое предчувствие. Нам не кажется, что в будущем нам предстоит что-либо хорошее, помимо конфликтов, разрушений, войны.

Существует поразительный контраст между нашим ходом мысли и ходом мысли англичан. 3 сентября 1939 года, в первый день войны в Англии, Уинстон Черчилль счел нужным заявить следующее: «При всем том, что могут неистовствовать военные бури и на землю может обрушиваться вся ярость их порывов, в это воскресное утро в наших сердцах царит мир».

С тех пор как г. Черчилль произнес эти слова, германские военно-воздушные силы нанесли огромные разрушения городам Великобритании, загнали население под землю, ввергли в испуг спящих детей и вызвали нервное напряжение, подобного которому ни одному народу никогда не приходилось испытывать.
<...>

И тем не менее внимательные наблюдатели согласятся, что, когда г. Черчилль говорил о мире в сердцах англичан, он не занимался пустословием. Народ Великобритании глубоко спокоен. Создается впечатление, что нервозность полностью отсутствует. Кажется, что в Англии исчезли все неврозы современной жизни.

Вначале правительство Великобритании тщательно подготовилось к росту психических расстройств. Но в действительности их число сократилось. С того дня как начались воздушные налеты, в Лондоне было отмечено менее десятка нервных потрясений.

Англичане спокойны духом не потому, что им нечего терять, а потому, что они борются за свою жизнь. Они приняли решение. И у них нет иного выхода. Все их ошибки, совершенные за последние двадцать лет, все глупости и просчеты, разделяемые ими с остальной частью демократического мира, принадлежат прошлому. Они могут забыть о них, так как перед ними высшая цель – защищать пядь за пядью свой островной дом.

Перед нами стоит иная задача. Нас не ждет нападение завтра или послезавтра. И все же нам предстоит нечто почти столь же сложное. Нам предстоит принять великие решения.

* * *

Мы знаем, как нам повезло в сравнении с остальной частью человечества. По крайней мере две трети из нас, попросту говоря, богаты по сравнению со всей остальной частью человеческой семьи – богаты продовольствием, богаты одеждой, богаты развлечениями и забавами, богаты досугом – просто богаты.

И тем не менее мы также знаем, что болезни мира являются и нашими болезнями. И мы самым жалким образом потерпели поражение в попытке решить проблемы нашего времени. И нигде в мире человеческие поражения не были оправданы в меньшей степени, чем в Соединенных Штатах Америки. Нигде не был

столь велик контраст между обоснованными ожиданиями нашего времени и имевшими место поражениями и разочарованием. И в результате наши провалы и ошибки парят, подобно птицам дурного предзнаменования, над Белым домом, над куполом Капитолия и над этой печатной страницей. Вполне естественно, что у нас нет мира.

Но, даже помимо необходимости жить с ощущением наших собственных оплошностей, существует еще одна причина того, что в наших сердцах нет мира. Она заключается в том, что мы не были честны с самими собой. Особенно в вопросе Войны и Мира. В разные времена мы различным образом лгали себе, лгали друг другу, лгали истории и лгали будущему.

В этом самообмане были глубоко замешаны все наши политические лидеры, придерживавшиеся самых различных мнений. Но мы не можем сваливать на них вину. Если наши лидеры обманывали нас, то это происходило в первую очередь потому, что мы сами настаивали на том, чтобы нас обманывали. Их лживость была результатом нашего собственного морального и интеллектуального замешательства. В этом замешательстве глубоко виноваты наши просветители, церковники и ученые.

Виноваты, конечно, и журналисты. Но если американцы и испытывали замешательство, то не из-за недостатка точной и относящейся к делу информации. Американский народ является самым информированным народом в мировой истории.

Дело не в фактах. Дело в том, что из фактов не делалось четких и честных выводов. Повседневная реальность ясна. Туманны завтрашние проблемы.

Перед Америкой, как ни перед какой-либо другой страной, стоит одна основополагающая проблема. Она характерна для Америки, и особенно для Америки в XX веке, т. е. сегодня. Она более глубокая, чем даже проблема сегодняшнего дня – Война. Если Америка найдет верное решение, тогда, несмотря на призраки опасностей и трудностей, мы можем надеяться на лучшее и двигаться вперед, к достойному человека будущему с миром в наших сердцах.

Если мы уклонимся от решения этой проблемы, мы будем блуждать в течение двадцати или тридцати горьких лет в условиях череды непредвиденных и бессмысленных бедствий.

Целью этой статьи является, по мере сил, наиболее честное и исчерпывающее изложение этой проблемы и ее возможного решения. Но прежде всего давайте будем абсолютно честны относительно того, где мы находимся сейчас и как мы туда попали.

Америка находится в состоянии войны

...Но так ли это в действительности?

Где мы есть? Мы находимся в состоянии войны. Все эти разговоры относительно того, сможет ли то или другое втянуть нас в войну, бессмысленны. Дело заключается в том, что мы находимся в состоянии войны.

Война является единственным местом, в котором американцы не хотели бы оказаться. Мы не очень хотели быть в состоянии войны где бы то ни было, но война в Европе – это война, в которой мы особенно не хотели участвовать. И тем не менее мы принимаем участие в ней, самой злобной и ужасной из всех войн, когда-либо поражавших нашу планету, которая, будучи мировой, является одновременно европейской войной.

Правда, формально мы не находимся в состоянии войны, мы не испытываем всех бедствий войны, и возможно, нам не предстоит испытать всего ада, связанного с войной. И тем не менее можно сказать, что мы находимся в состоянии войны. Ирония заключается в том, что Гитлер знает об этом, а большинство американцев – нет. Продолжение дипломатических отношений с Германией может быть нам полезно, а может быть – и нет. Но тот факт, что германское посольство по-прежнему прекрасно процветает в Вашингтоне, является иллюстрацией того огромного обмана и самообмана, в котором мы жили все это время.

Возможно, наилучшим путем демонстрации того, что мы находимся в состоянии войны, является поиск решения, как мы сумеем из нее выбраться. Практически существует лишь один путь выхода из нее, и он предусматривает победу Германии над Англией. Если бы Англия вскоре капитулировала, Германия и Америка не начали бы воевать на следующий же день. Так мы вышли бы из войны. Но ненадолго. Разве что Япония затем напала бы на Южные моря и на Филиппины. Мы могли бы покинуть Филиппины, покинуть Австралию и Новую Зеландию, отступить на Гавайи. И ждать, не находясь в состоянии войны.

Мы говорим, что не хотим воевать. Мы также говорим, что мы хотим, чтобы победила Англия. Мы хотим, чтобы Гитлер был остановлен, и большей степени, чем мы хотим не быть в состоянии войны. Так что и данный момент мы находимся в состоянии войны.

Мы стали участвовать в ней, обороняясь

... Но что мы обороняем?

Раз уж мы участвуем в войне, как же мы в нее вступили? Мы вступили в нее, обороняясь. Даже само это слово «оборона» было полно обмана и самообмана.

Для среднего американца буквальное значение слова «оборона» означает оборону американской

территории. Ограничивается ли сегодня наша национальная политика обороной американского дома любыми кажущимися разумными средствами? Нет. Мы находимся в состоянии войны не для защиты американской территории. Мы участвуем в войне, чтобы защитить и даже поддержать, поощрить и распространить по всему миру так называемые демократические принципы. Средний американец начинает сейчас понимать, что он теперь участвует в такого рода войне. И он на 50 процентов поддерживает ее. Но его интересует вопрос, как он в нее попал, поскольку год назад у него не было ни малейшего намерения вступать в нечто подобное ей. Ну вот теперь он видит, как он в ней оказался. Он оказался в ней, «обороняясь».

За этими сомнениями в душе американца стояли и стоят два разных представления. Одно из них, подчеркивающее ужасные последствия поражения Англии, ведет нас к интервенционистской войне. Является ли это представление действительным и истинным доводом в пользу обороны американской территории? Нет, вовсе не является, поскольку второе представление в общих чертах сводится к следующему: хотя для нас было бы гораздо предпочтительнее, если бы за Гитлером можно было установить жесткий контроль, независимо от того, что происходит в Европе, мы вполне могли бы организовать оборону северной части Восточного полушария, чтобы предотвратить нападение на нашу страну. Вам знакома такая картина? Соответствует она действительности или нет? Никто не обладает достаточной квалификацией, чтобы назвать её ложной.

Если вся остальная часть мира подпала под принявшее организованной характер господство злых тиранов, вполне можно представить себе, что наша страна окажется крепким орешком, который будет не по зубам любым тиранам. И конечно, всегда остается более чем возможный шанс, что мы, подобно великой королеве Елизавете, сможем натравить одного тирана на другого. Или же, как гораздо более могущественная Швейцария, мы могли бы вести осмотрительную и опасную жизнь во вражеском окружении. Никто не может утверждать, что восприятие Америки как неприступного вооруженного лагеря является ложным. Никто не может честно заявить, что с точки зрения истинной обороны нашей родины необходимо вступить в эту войну или участвовать в ней.

Таким образом, стоящий перед нами вопрос не является в первую очередь вопросом необходимости или выживаемости. Это вопрос выбора расчета. Истинными вопросами являются: хотим ли мы участвовать этой войне? предпочитаем ли мы участвовать в ней? и если да, то с какой целью?

Мы возражаем против участия в ней

...У наших опасений есть особое основание

Мы не участвуем в этой войне. Теперь мы видим, как мы оказались замешаны в ней – во имя обороны. Но почему же так решительно возражаем против участия в ней?

Существует множество причин. Во-первых, существует глубокое и почти всеобщее отвращение ко всем войнам – к гибели других и к своей гибели. Но причиной, заслуживающей самого пристального изучения, поскольку она имеет прямое отношение к этой войне и не касается ни одной из прежних войн, является опасение того, что в случае нашего вступления в эту войну наступит конец нашей конституционной демократии. Мы все знакомы со страшными предсказаниями, что для ведения современной войны необходима какая-то форма диктатуры, что мы, несомненно, обанкротимся, что в ходе и в результате войны наша экономика окажется в существенной степени социализирована, что политики, ныне находящиеся у власти, завладеют полной властью и никогда ее не уступят и что, учитывая тенденцию к коллективизму, в итоге мы окажемся в обстановке такого тотального национального социализма, что все элементы нашей конституционной американской демократии изменятся до полной неузнаваемости.

Мы вступаем в эту войну с огромным государственным долгом, разросшаяся бюрократия и целое поколение молодых людей привыкли видеть в правительстве источник всей жизни. Именно находящаяся у власти партия в течение многих лет проявляла особые симпатии ко всякого рода социалистическим доктринам и коллективистским тенденциям. Президент Соединенных Штатов постоянно стремился к получению все большей власти, и именно началу войны он в значительной мере обязан своим долгим пребыванием на посту. Таким образом, опасения, что в результате катаклизмов и вопреки свободно выраженной воле американского народа Соединенные Штаты будут втянуты в национал-социализм, являются вполне оправданными.

Но мы ее выиграем

...Вопрос лишь в том как

Вот в чем вся беда сегодня. Можно было бы многое сказать в развитие и аргументирование этой проблемы. Однако, как бы искусно ни излагать их, все сведенные вместе факты нашего нынешнего положения свидетельствуют о том, что сегодня наиболее важным является вопрос не о том, вступать ли нам в войну, а о том, как мы сможем ее выиграть.

Если мы воюем, нам весьма полезно знать об этом. И как только мы признаемся сами себе, что мы находимся в состоянии войны, я ни на йоту не сомневаюсь, что мы, американцы, будем полны решимости победить в ней, чего бы это нам ни стоило – и в жизнях, и в деньгах.

Решим ли мы объявить войну, направим ли экспедиционные вооруженные силы за рубеж, потерпим ли мы банкротство в ее ходе – все эти сложные вопросы стратегии и руководства вторичны по отношению к

самому важному вопросу – о победе в войне.

За что мы воюем?

...И для чего нам знать об этом

А сейчас, честно изучив нашу позицию, пора рассмотреть по более веским основаниям, чем это было возможно ранее, стоящую перед нами еще более крупную проблему. Говоря просто и в самых общих выражениях, эту проблему можно обозначить так: «За что мы воюем?»

Каждый из нас готов отдать свою жизнь, все, чем он владеет, и все свои надежды на личное счастье за то, чтобы Америка не проиграла войну, в которой она участвует. Но мы хотели бы знать, какую войну мы пытаемся выиграть и, если мы выиграем ее, что мы ожидаем от этого выигрыша.

Эти вопросы отражают наши насущные интересы как американцев. И даже более того. Наше настойчивое желание дать верную характеристику этой войне имеет практические причины. Если мы знаем, за что воюем, то тогда мы можем уверенно бороться за победное завершение войны и, более того, рассчитывать на установление реального мира.

Далее (и это чрезвычайно важный и исключительно значимый исторический факт, заслуживающий детального изучения), Америка и только Америка в состоянии убедительно разъяснить цели этой войны.

Практически все специалисты согласны, что Великобритания не сможет одержать полной победы, не сможет даже, говоря простым языком, «остановить Гитлера» без американской помощи. Следовательно, дала если Великобритания будет время от времени объявлять свои военные цели, американский народ всегда сможет позволить себе одобрить или не одобрить эти цели. Напротив, если Америка объявит свои военные цели, Великобритания почти неизбежно признает их. И весь мир, включая Адольфа Гитлера, согласится с ними как мерой оценки этой битвы.

У американцев сложилось впечатление, что, сотрудничая с Великобританией, мы как бы играем в английскую игру, а не в нашу собственную. При всем том, что в таком взгляде на ситуацию мог быть какой-то смысл в прошлом, сегодня он является невежественным и глупым. При любом виде сотрудничества с Британской империей Великобритания искренне желает, чтобы Соединенные Штаты Америки взяли на себя роль старшего партнера. И так было на протяжении долгого времени. В среде серьезно мыслящих англичан основная жалоба на Америку (и, между прочим, наилучшее алиби для них самих) фактически сводилась к тому, что Америка отказывалась от возможности лидировать в мире. <...>

Следует признать, что будущее мира нельзя решить одним махом. Глупо пытаться делать кальку с чертежа будущего, подобно тому как делается калька с чертежа машины или как вырабатывается устав женской общины. Но если наша беда заключается в том, что мы не знаем, за что мы воюем, то нам самим предстоит и решить этот вопрос. Не следует ожидать, что ответ нам будет дан другой страной. Кончайте с этой нацистской пропагандой, утверждающей, что мы сражаемся в чужой войне. Мы участвуем лишь в наших собственных войнах. Мы – «арсенал демократии»? Возможно, нам предстоит доказать это. Но сегодня мы должны быть арсеналом Америки, а также ее друзей и союзников.

Друзья и союзники Америки? Кто они и во имя чего они с нами? Им об этом должны сказать мы. <...>

А сейчас мы непосредственно подошли к вопросу, с решением которого большинство американцев очень не хочет иметь дело. Это старый, старый вопрос со старыми, старыми обветшалыми ярлыками – вопрос изоляционизма в противовес интернационализму. Мы питаем отвращение к обоим словам. Мы брызжем злобой, произнося эти слова, уподобляясь шипящему в злобе гусю. Мы избегаем их употребления.

Давайте посмотрим в лицо этой проблеме. И если, глядя ей в лицо, мы полностью и безбоязненно учтем реалии нашего века, тогда мы обязательно откроем дорогу, если не миру в нашей повседневной жизни, то миру в наших сердцах.

Жизнь состоит из радостей и печалей, из успехов и сложностей. В это тяжелое время мы говорим о сложностях. Сложности существуют в области философии, веры и морали. Существуют сложности дома и в семье, в личной жизни. Все они взаимосвязаны, но сейчас мы говорим о сложностях в сфере национальной политики.

В области национальной политики основной сложностью являлось и является то, что одновременно с тем, как наше государство стало в XX веке самой могущественной и самой энергичной нацией в мире, американцы не смогли духовно и практически приспособиться к этой реальности. В результате они потерпели неудачу в исполнении роли мировой державы – неудачу, следствия которой были губительны как для самих американцев, так и для всего человечества. Исцеление видится лишь в одном – согласиться всем сердцем с необходимостью исполнить свой долг самой могущественной и самой энергичной державы мира и как следствие этого оказать на мир самое сильное влияние в целях, сформулированных нами, и средствами, избранными нами.

* * *

Фраза «в целях, сформулированных нами» оставляет открытыми вопросы о том, каковы могут быть наши цели и как мы можем добиться их реализации должным образом. По сути, нашей единственной альтернативой изоляционизму является отказ от выполнения обязанностей полицейского во всем мире и от

навязывания демократических институтов всему человечеству, включая далай-ламу и добропорядочных монахов Тибета.

Америка не может нести ответственность за хорошее поведение всего мира. Но Америка несет ответственность перед собой и перед историей за окружающий мир, в котором она живет. Ничто не может оказывать столь жизненно важного влияния на окружающий Америку мир, как собственное влияние Америки на этот мир, и поэтому, если окружающие условия не способствуют развитию американского образа жизни, Америке некого винить в этом в такой же степени, в какой ей следует винить себя.

В этой неудаче осознать взаимосвязь между Америкой и миром, который ее окружает, лежит причина практического банкротства всех форм изоляционизма. Весьма печально, что вирус изоляционистского бесплодия столь глубоко поразил влиятельную часть Республиканской партии. До тех пор пока Республиканская партия не выработает жизнеспособную философию и программу инициатив и деятельности Америки в качестве мировой державы, она будет оставаться отстраненной от любого дела, полезного миру в этот исторический момент. А ее участие крайне необходимо для формирования будущего Америки и всего мира.

* * *

Но с политической точки зрения столь же серьезным является тот факт, что на протяжении семи лет Франклин Рузвельт был абсолютным изоляционистом. Он был большим изоляционистом, чем Герберт Гувер или Калвин Кулидж⁵². То, что Франклин Рузвельт стал мировым лидером в чрезвычайной обстановке, не должно заслонять тот факт, что на протяжении семи лет его политический курс исключал для Америки любую возможность эффективно руководить международным сотрудничеством. Можно, конечно, оправдать поведение Рузвельта в первые два президентских срока. Вполне обоснованно можно говорить, что были необходимы крупные социальные реформы для того, чтобы усовершенствовать демократию в величайшей демократической стране. Но ясно, что Франклин Рузвельт не преуспел в том, чтобы заставить американскую демократию успешно действовать на материалистической и националистической основе. Да и мы сами под руководством Рузвельта потерпели неудачу в обеспечении успешного функционирования демократии. Единственной возможностью заставить ее работать является создание активной международной экономики и международного высоконравственного порядка.

Эта цель предоставляет Франклину Рузвельту прекрасную возможность оправдать свои два срока и войти в историю как величайший (а не последний) американский президент. Во имя наших собственных интересов и интересов наших детей задачей американцев является оказание любого возможного содействия, с тем чтобы Франклин Рузвельт мог быть назван, с полным на то правом, величайшим президентом Америки.

Без нашей помощи он не сумеет стать нашим величайшим президентом. С нашей же помощью он, безусловно, сумеет им стать и станет. Спим во главе и под его руководством мы можем превратить изоляционизм в такую же «мертвую» проблему, как и рабство, и можем сделать интернационализм столь же естественным для американцев, как самолет или радио.

В 1919 году у нас была блестящая, беспрецедентная в истории возможность взять на себя руководство миром, блестящая возможность, преподнесенная на вошедшем у нас в поговорку серебряном блюде. Мы не разглядели эту возможность. Вильсон⁵³ не сумел ею воспользоваться. Мы отвергли ее. Но такая возможность все еще существовала. В 1920-х годах мы ее подорвали, а в неразберихе 1930-х годов мы ее потеряли.

Руководство миром никогда не было легким делом. Возрождение надежды на эту упущенную возможность представляет собой сегодня гораздо более трудную задачу, чем это было раньше. Тем не менее с нашей общей помощью Рузвельт должен добиться успеха там, где потерпел неудачу Нильсон.

XX век является Американским веком

...Некоторые факты о нашем времени

Взгляните на XX век. Он наш не только в том смысле, что мы в нем живем, но он наш и потому, что это первый век, в котором Америка является доминирующей нацией в мире. До сего времени этот век был для многих глубоким и трагическим разочарованием. Ни одно другое столетие не изобиловало в такой степени обещаниями прогресса и счастья человечества. И ни одно другое столетие не приносило такому большому числу мужчин, женщин и детей такую боль, такие страдания и такую горькую гибель. <...>

Это ставящий в тупик, тяжелый, парадоксальный, революционный век. Но сегодня, ценой ужасной боли и больших несбывшихся ожиданий, нам довелось узнать о нем многое. И нам следует соотнести наши взгляды с этим столь дорого доставшимся нам пониманием. К примеру, любая истинная концепция нашего мира в XX в. должна обязательно включать четкое понимание, по крайней мере, четырех суждений.

Первое. Наш мир, насчитывающий два миллиарда человеческих особей, впервые в истории является одним миром, в основе своем неделимым.

⁵² Герберт Кларк Гувер (1874-1964) – в 1929-1933 гг. Президент США от Республиканской партии; Калвин Кулидж (1872-1933) – в 1923-1929 гг. Президент США от Республиканской партии. – Прим. сост.

⁵³ Томас Вудроу Вильсон (1856-1924) – в 1913-1921 гг. Президент США от Демократической партии. – Прим. сост.

Второе. Современный человек ненавидит войну и инстинктивно считает, что, учитывая ее нынешние масштабы и частоту возникновения, она может оказаться даже смертельной для всего рода человеческого.

Третье. Наш мир, опять-таки впервые в человеческой истории, способен производить все необходимое для всего человечества.

Четвертое. XX век, если миру предстоит возродиться во здравии и в полной силе, должен быть в значительной степени Американским веком.

Что касается первого и четвертого суждений: постулируя неделимость современного мира, вовсе не следует представлять себе, что в текущем веке должно быть создано нечто похожее на всемирное государство – парламент всех землян. Не следует нам надеяться и на то, что можно будет отменить войну. Единственное, что необходимо осознавать, и осознавать глубоко, – это то, что на этой планете в отношениях между всеми крупными группами человеческих особей будут действовать огромные силы магнитного притяжения и отталкивания. <...>

Что касается третьего суждения – обещания достичь достаточного уровня производства, «более изобильной жизни» для всего человечества, то следует отметить, что это сугубо американское обещание. Это обещание как у нас в стране, так и везде могут легко дать только демагоги и инициаторы всякого рода хитроумных прожектов и «плановой экономики». Мы должны настаивать на том, что жизнь в условиях изобилия строится только на основе Свободы – Свободы, создавшей возможность такой жизни, Свободы, основывающейся на Праве. Без Свободы не может быть жизни в изобилии. В условиях Свободы она возможна.

И наконец, существует вера, разделяемая большинством ныне живущих людей, что XX век должен быть в значительной мере Американским веком. Осознание этого призывает нас сегодня к действию.

Образ нашего мира в глазах Америки

..Как он будет создан

Что мы можем сказать об Американском веке? Бессмысленно говорить, что мы отвергаем изоляционизм и признаем логику интернационализма. Какого интернационализма? У Рима существовал великий интернационализм. Как и у Ватикана, Чингисхана, османских турок, китайских императоров и в Англии XIX века. После Первой мировой войны он существовал и в задумках Ленина. Сегодня он присутствует, как можно предположить, и в голове у Гитлера – интернационализм, привлекающий внимание некоторых американских изоляционистов, чье мнение о Европе столь низко, что они с удовольствием передадут ее в руки любого, кто сможет гарантировать ее уничтожение навсегда. Но какого рода интернационализм можем предложить мы, американцы?

Наш интернационализм не может быть продуктом воображения одного человека. Он должен быть продуктом воображения множества людей. Он должен быть принимаемым всеми людьми образом нашего Билля о правах, нашей Декларации независимости, нашей Конституции, нашей замечательной промышленности, нашего технического мастерства. Он должен быть интернационализмом народа, волей народа и для народа. <...>

Как только мы прекратим отвлекаться на бесплодные поиски аргументов для оправдания изоляционизма, мы с изумлением обнаружим, что американский интернационализм уже существует. Американский джаз, голливудские фильмы, американский сленг, американские машины и патентованные продукты – это фактически единственные в мире вещи, признаваемые человеческими общинами повсюду, от Занзибара до Гамбурга. Невидимо, ненамеренно, случайно и в действительности помимо нашей воли мы уже стали мировой державой во всех тривиальных, общечеловеческих смыслах этого слова. Но это далеко не все. Америка уже является интеллектуальной, научной и культурной столицей мира. Американцы, а именно американцы со Среднего Запада, являются наименее провинциальным народом мира. Они больше путешествовали и знают о мире больше, чем представители народов других стран. Американский мировой опыт в торговле намного внушительнее того, что большинство из нас может себе представить.

Однако наиболее важное из всего этого то, что мы обладаем, хотя и метко неопределяемым, но безошибочным признаком лидерства – престижем. И в отличие от престижа Рима, или Чингисхана, или Англии XIX века американский мировой престиж определяется нашей верой в добрые намерения, в конечном счете – в разум и мощь всего американского народа. Мы потеряли часть этого престижа в последние несколько лет, но большая часть его сохранилась.

* * *

Американскому интернационализму XX века невозможно дать узкое определение. Подобно всем цивилизациям, он приобретет свою форму опытным путем, в результате труда и усилий, испытаний и ошибок, предприимчивости, рисков и опытов.

И с помощью воображения!

По мере того как Америка динамично выходит на мировую арену, нам необходимо, чтобы большинство из нас воплощало в жизнь образ Америки как мировой державы, который был бы подлинно американским и вдохновлял нас на жизнь, труд и борьбу, полные энергии и энтузиазма. И поскольку мы приближаемся сейчас к этому великому испытанию, может оказаться, что во всех наших материальных и душевных

страданиях в начальные годы текущего века мы как народ болезненно осознавали значение нашего времени. И в этот час испытаний может прийти к нам наконец то видение Америки, которое приведет нас к истинному сотворению XX века – нашего века.

* * *

Рассмотрим четыре сферы жизни и идей, в которых мы можем попытаться реализовать это видение нашей страны.

Первая сфера – экономика. Америка и только Америка должна определить, в какой степени система свободного предпринимательства, т. е. экономический порядок, отвечающий требованиям свободы и прогресса, будет или не будет преобладать в этом веке. Мы превосходно знаем, что нет никакой надежды на победу чего-либо хоть немного похожего на свободную экономическую систему, если она не победила где-нибудь еще. Что же предстоит Америке решить? Некоторые решения очень легкие. К примеру, нам следует решить, необходимо ли нам обеспечить для себя и наших друзей свободу мореплавания, т. е. право плавать на наших кораблях и летать на наших трансокеанских самолетах куда нам хочется и как нам хочется.

Видение Америки как основного гаранта свободы морей, видение Америки как динамичного лидера мировой торговли – это огромный прогресс человечества, способный поразить воображение. Но пусть он не поразит нас. Давайте будем достойными его огромных возможностей. Мы измеряем мировую торговлю смехотворно малыми цифрами. К примеру, мы думаем, что Азия заслуживает получать от нас всего лишь несколько сотен миллионов долларов. В действительности в предстоящие десятилетия Азия будет нам либо ничего не стоить, либо стоить четыре, пять, десять миллиардов долларов в год. Именно такими категориями мы должны оперировать или же признать наше жалкое бессилие.

Тесно связанным с экономической сферой и одновременно отличным от нее является видение Америки, которая распространит свои технические и культурные достижения по всему миру. Инженеры, ученые, доктора, кинематографисты, представители индустрии развлечений, создатели авиалиний, строители дорог, учителя, просветители – по всему миру ощущается необходимость в этих специальностях, этих знаниях, в этом лидерстве. И наших людей будут повсюду энергично приветствовать, если только у нас хватит разума признать это, а также достанет искренности и доброй воли для создания мира XX века.

А вот и третья сфера, с которой нам следует связать, не теряя времени, наше видение Америки. Нам следует стать сейчас добрыми самаритянами для всего мира. Это является predeterminedным свыше долгом нашей страны. Мы должны накормить все народы мира, которые в результате этого всемирного коллапса цивилизации голодают и бедствуют, т. е. тех, но которых мы можем добраться в условиях противостояния со всеми враждебными правительствами. На каждый доллар, затрачиваемый нами на вооружение, мы должны расходовать по крайней мере десять центов, чтобы при всех существующих трудностях накормить мир, и весь мир должен знать, что мы посвятили себя выполнению этой задачи. Надо поддерживать каждого американского фермера, чтобы он мог обеспечить получение максимального урожая, и то, что мы не можем съесть (а, возможно, некоторые из нас могли бы есть и поменьше), должно отныне под наблюдением гуманитарной армии американцев направляться в четыре конца света в качестве безвозмездного дара каждому мужчине, каждой женщине, каждому ребенку на нашей земле, которые действительно голодают.

* * *

Но всего этого недостаточно. Все это закончится неудачей, если наше видение Америки как мировой державы не будет предусматривать горячую приверженность великим американским идеалам. Есть в нашей стране некоторые вещи, которые бесконечно дороги нам и присущи лишь американцам: любовь к свободе, ощущение равенства возможностей, традиция полагаться на себя, независимость, а также сотрудничество. В дополнение к идеалам и понятиям, присущим исключительно американцам, мы являемся наследниками всех великих идеалов западной цивилизации – прежде всего соблюдения Справедливости, любви к Истине, Благотворительности. На днях Герберт Гувер сказал, что Америка быстро становится святилищем идеалов цивилизации. В данный момент, возможно, достаточно быть святилищем этих идеалов. Но это ненадолго. Для нас пришло время стать тем источником энергии, от которого эти идеалы будут распространяться по всему миру и выполнять свою невидимую глазу работу по руководству человечеством на его пути от животного уровня до того уровня, который автор псалмов назвал немного уступающим уровню ангелов.

Америка как динамичный центр постоянно расширяющихся сфер предпринимательства, Америка как учебный центр искусных слуг человечества, Америка как Добрый Самаритянин, действительно верящий в то, что он получил благословение стать в большей степени дающим, чем получающим, и Америка как генератор идеалов Свободы и Справедливости – из этих элементов, без сомнения, может быть создан образ XX века, которому мы можем посвятить и посвятим себя с радостью, удовольствием, энергией и энтузиазмом.

Другие нации могут выжить просто потому, что они привыкли терпеть в течение очень долгого времени, когда с большим, а когда и с меньшим на то основанием. Но наша нация, создание которой было связано с риском, нация, посвятившая себя прогрессу человечества, – эта нация поистине не сможет выжить, если через ее вены от Мэна до Калифорнии не будет постоянно течь кровь целеустремленности, предприимчивости и твердой решимости.

На протяжении XVII века, XVIII века и XIX века на нашем континенте постоянно осуществлялись всевозможные проекты. Над этими целями, воплощая их вместе в самый гордый флаг всего мира и всей истории, царил победоносная цель свободы.

Во имя этой одухотворенности мы все призваны, каждый в меру своих возможностей и в пределах собственного кругозора, создать первый великий Американский век.

Life. 1941. February

ЗАКОН О ЛЕНД-ЛИЗЕ (LEND LEASE ACT)

Принятый Конгрессом США 11 марта 1941 г. Закон о ленд-лизе стал логическим развитием соображений, изложенных президентом Ф. Рузвельтом 6 января 1941 г. в его послании конгрессу «О положении в стране». На реализацию целей, поставленных администрацией Рузвельта, 27 марта 1941 г. конгресс ассигновал 7 миллиардов долларов.

Первой страной, на которую было распространено действие Закона, стала Великобритания. В конце октября 1941 г. все льготы, предоставленные Великобритании, были распространены и на Советский Союз.

Изоляционистски настроенные политические деятели США и значительная часть американской общественности на первых порах не поддерживали идеи оказания помощи СССР на одинаковых с Великобританией условиях. Рузвельт был вынужден неоднократно подчеркивать разницу между помощью советскому народу и помощью коммунизму.

Соединенные Штаты предоставили СССР беспроцентный заем в 1 миллиард долларов на оплату поставок вооружений и сырья по ленд-лизу. 11 июня 1942 г. было подписано соглашение между правительствами СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии, согласно которому Правительство США обязалось продолжать снабжать Правительство СССР «теми оборонными материалами, оборонным обслуживанием и оборонной информацией, которые Президент Соединенных Штатов решил передавать или предоставлять». Согласно статье 5 этого же соглашения, «Правительство СССР по окончании существующего чрезвычайного положения вернет США, по определению Президента США, те из полученных по настоящему соглашению оборонных материалов, которые окажутся не уничтоженными, утраченными или потребленными и которые, по определению президента, смогут пригодиться для обороны США или Западного полушария или смогут быть каким-либо иным образом использованы в США».

Президент США Г. Трумэн отдал свое первое распоряжение о прекращении поставок по ленд-лизу (во все получавшие эти поставки страны антигитлеровской коалиции, включая Великобританию и Францию) через три дня после капитуляции Германии, т.е. 11 мая 1945 г. Впоследствии Трумэн признал «неудачность» и «несвоевременность» своего распоряжения, поскольку, согласно секретным ялтинским договоренностям (1945), через три месяца после окончания войны с Германией СССР обещал вступить в войну с Японией и поставки по ленд-лизу нужны были для подготовки материальной базы к боевым действиям на Дальнем Востоке. Это распоряжение Трумэна было расценено в СССР как свидетельство отхода США от политики сотрудничества с СССР. Поставки в СССР по ленд-лизу были продолжены, хотя и в урезанном масштабе, до окончания войны с Японией.

Официальной датой прекращения действия программы ленд-лиза для СССР считается 20 сентября 1945 г., когда полностью и окончательно прекратились все поставки. И. В. Сталин говорил на Ялтинской конференции, что «ленд-лиз является одним из самых замечательных и жизненно важных достижений Франклина Рузвельта в создании антигитлеровской коалиции». Долг Советского Союза, унаследованный Российской Федерацией после распада СССР, к началу 90-х годов XX в. составлял 674 миллиона американских долларов.

Решением совместной сессии сената и палаты представителей Конгресса Соединенных Штатов Америки одобрить настоящий Закон, который может именоваться Законом по обеспечению защиты Соединенных Штатов. <...>

Раздел 2

В смысле, применяемом в настоящем Законе,

а) термин «оборонный материал» означает:

- 1) любой вид оружия, боеприпасов, самолет, судно или корабль;
- 2) любой вид оборудования, сооружения, инструмент, материал или вид припасов, необходимых для производства, изготовления, обработки, ремонта, обслуживания или эксплуатации любого из материалов, упомянутых в настоящем подразделе;
- 3) любой составляющий узел, деталь или вспомогательное оборудование, предназначенное для материала, описанного в настоящем подразделе;
- 4) любой сельскохозяйственный, промышленный или иной товар либо предмет, предназначенный для обороны.

Такое понимание «оборонного материала» включает любой предмет, описанный в настоящем подразделе: который был произведен или поставлен в соответствии с разделом 3 или на который Соединенные Штаты или любое иностранное государство отныне приобретает право собственности, владения либо контроля;

б) термин «оборонная информация» подразумевает любой план, описание, проект, образец или

информацию, относящуюся к любому «оборонному материалу».

Раздел 3

а) Несмотря на положения любого другого закона, президент может по мере необходимости, когда он сочтет это отвечающим интересам национальной обороны, уполномочивать министра обороны, министра военно-морского флота или руководителей любого другого правительственного ведомства или агентства:

1) производить в арсеналах, на заводах и судовой верфях, находящихся в их юрисдикции, или иным образом заготавливать в пределах, определяемых выделенными на эти цели финансовыми средствами или же контрактами, утвержденными в то или иное время конгрессом, или и теми и другими, любой оборонный материал, предназначенный для правительства любой страны, чью оборону президент считает жизненно важной для Соединенных Штатов;

2) продавать, передавать в собственность, обменивать, сдавать в аренду, давать взаймы или поставлять иным способом такому правительству любой оборонный материал, но ни один оборонный материал, не произведенный или не заготовленный в соответствии с параграфом 1 настоящего подраздела, не может быть каким-либо образом передан по настоящему параграфу без консультации с начальником штаба армии, или командующим военно-морскими операциями, или с ними обоими. Стоимость таких оборонных материалов, переданных любым образом, согласно настоящему параграфу, и произведенных на выделенные настоящим Законом средства, не должна превышать 1 300 000 000 долларов. Стоимость таких оборонных материалов должна определяться руководителем соответствующего министерства или агентства или же таким иным ведомством, агентством либо официальным лицом, которое будет назначено в соответствии с правилами и предписаниями, изданными согласно настоящему Закону. Оборонные материалы, произведенные на средства, ассигнованные в соответствии с настоящим Законом, должны любым образом передаваться, согласно настоящему параграфу, лишь в пределах, определенных конгрессом в принятых им законах, выделяющих такие средства, или иным путем;

3) испытывать, проверять, ремонтировать, оборудовать, переделывать или иным образом приводить в хорошее рабочее состояние в той мере, в какой это обеспечивается выделенными настоящим законом средствами или контрактами, одобренными в то или иное время конгрессом, или же и тем и другим способом, любой оборонный материал, предназначенный любому такому правительству, или же обеспечить какой-либо или все виды такого обслуживания по частному контракту;

4) передавать любому такому правительству любую оборонную информацию, относящуюся к любому оборонному материалу, поставленному такому правительству в соответствии с параграфом 2 настоящего подраздела;

5) разрешить экспорт любого оборонного материала, передаваемого любым образом любому такому правительству в соответствии с настоящим подразделом.

6) Сроки и условия, на которых любое такое правительство получает любую помощь в соответствии с подразделом «а», должны определяться президентом как удовлетворительные, подобно тому как должна определяться выгода для Соединенных Штатов в форме оплаты, или в форме выплаты в натуральной форме либо в виде собственности, или же в любой иной форме прямой или косвенной выгоды, которая будет сочтена президентом удовлетворительной.

в) После 30 июня 1943 года или после одобрения обеими палатами конгресса до 30 июня 1943 года совместной резолюции, которая объявит о том, что государства, предусмотренные или упомянутые в подразделе «а», более не необходимы для защиты Соединенных Штатов, ни президент, ни руководитель любого министерства или агентства не будет осуществлять полномочий, которыми он был наделен или которые соответствовали подразделу «а», за исключением того, что до 1 июля 1946 года любые такие полномочия могут осуществляться в пределах, необходимых для реализации контракта или соглашения с таким иностранным правительством, заключенным до 1 июля 1943 года или до принятия такой совместной резолюции, в зависимости от того, что имело место раньше.

г) Ничто в настоящем Законе не должно рассматриваться как санкционирование или разрешение на конвоирование кораблей военно-морскими судами Соединенных Штатов.

д) Ничто в настоящем Законе не должно рассматриваться как санкционирование или разрешение на вступление какого-либо американского корабля в зону военных действий в нарушение раздела 3 Закона о нейтралитете от 1939 года.

Раздел 4

Все контракты или соглашения, заключенные с целью передачи любого оборонного материала или оборонной информации, согласно разделу 3, должны содержать пункт, в соответствии с которым иностранное правительство принимает на себя обязательство не передавать без согласия президента право на собственность или на владение таким оборонным материалом либо оборонной информацией в виде дара, объекта прощания или иным образом или разрешать его использование кем бы то ни было, не являющимся офицером, служащим или агентом такого иностранного правительства.

Раздел 5

а) Военный министр, министр военно-морского флота либо глава любого другого заинтересованного

министерства или агентства правительства в случае экспорта такого оборонного материала или оборонной информации немедленно проинформирует министерство или ведомство, уполномоченное президентом осуществлять соблюдение положений раздела 6 Закона от 2 июля 1940 года... о количестве, виде, стоимости, условиях передачи и месте назначения экспортированных материалов или информации.

б) Президент по мере необходимости, но не реже одного раза в каждые 90 дней будет представлять конгрессу доклад об операциях, произведенных согласно данному Закону, за исключением информации, обнародование которой он сочтет несовместимым с общественными интересами. Доклады, представленные в соответствии с настоящим подразделом, будут передаваться секретарю сената или секретарю палаты представителей, в зависимости от обстоятельств, если случится так, что сенат или палата представителей распушены на каникулы.

Раздел 6

а) Настоящим разрешается выделять по мере необходимости из средств Министерства финансов, не предназначенных на иные цели, такие суммы, которые могут оказаться необходимыми для выполнения положений и реализации целей настоящего Закона.

б) Все средства и все имущество, переведенное в денежный эквивалент, будут, с одобрения директора Административно-бюджетного управления при президенте, возвращены в соответствующие статьи ассигнований на оборонные материалы или оборонную информацию, из которых они были извлечены, и будут доступны для расходования в целях, ассигнования на которые были предусмотрены законом на протяжении финансового года, в течение которого эти ассигнования были получены, и следующего за ним финансового года. Но ни при каких обстоятельствах полученные таким путем ассигнования не должны использоваться после 30 июня 1946 года.

Раздел 7

Военный министр, министр военно-морского флота и главы министерств или агентств будут во всех контрактах или соглашениях о передаче любого оборонного материала или оборонной информации полностью защищать права всех граждан Соединенных Штатов, обладающих патентными правами на любой предмет или информацию, разрешаемую к передаче настоящим Законом, а все гонорары по таким патентам будут выплачиваться владельцам и обладателям таких патентов.

Раздел 8

Военный министр и министр военно-морского флота настоящим уполномочиваются закупать или приобретать иным способом оружие, боеприпасы и средства ведения войны, произведенные под юрисдикцией любой страны, на которую распространяется действие раздела 3, в тех случаях, когда, по мнению президента, такая покупка или приобретение необходима в интересах обороны Соединенных Штатов.

Раздел 9

Президент может по мере необходимости провозглашать такие правила и установления, которые могут быть необходимы и уместны для осуществления любого положения настоящего Закона. Он может осуществлять любые функции и полномочия, возложенные на него настоящим Законом, через любые уполномоченные им министерства, агентства или через назначенных им официальных лиц.

Раздел 10

Ничто в настоящем Законе не должно рассматриваться как изменяющее существующий закон, касающийся использования сухопутных и военно-морских сил Соединенных Штатов, за исключением тех случаев, когда это касается производства, поставки и ремонта оборонных материалов, передачи информации и иных невоенных целей, перечисленных и настоящем Законе.

Раздел 11

Если какое-либо положение настоящего Закона или применение такого положения к какому-либо обстоятельству будет сочтено недействительным, это решение не должно распространяться на законность остальной части Закона и применение такого положения к другим обстоятельствам.

Одобрено 11 марта 1941 г.

Public Laws. Part 1 of United States Statutes at Large Containing the Laws and Concurrent Resolutions Enacted During the First Session of the Seventy-Seventh Congress of the United States of America, 1941-1942, and Treaties, International Agreements Other than Treaties, and Proclamations. Washington, 1942. Vol. 55.

АТЛАНТИЧЕСКАЯ ХАРТИЯ (ATLANTIC CHARTER)

В завершение переговоров между Президентом США *Франклином Делано Рузвельтом* и Премьер-министром Великобритании *Уинстоном Черчиллем*, состоявшихся на борту военных кораблей в Атлантическом океане, близ

острова Ньюфаундленд, 14 августа 1941 г. была подписана декларация, получившая название «Атлантическая хартия».

24 сентября 1941 г. СССР заявил о присоединении к этой декларации, подчеркнув при этом, что применение принципов Хартии «должно будет сообразоваться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны». В этом заявлении также отмечалась важность того, чтобы «сконцентрировать все экономические и военные ресурсы свободлюбивых народов для полного и возможно более скорого освобождения народов, стонущих под гнетом гитлеровских орд».

1 января 1942 г. представители правительств, поддержавших Хартию, подписали в Вашингтоне Декларацию 26 государств.

Президент Соединенных Штатов Америки и премьер-министр господин Черчилль, представляющий Правительство Его Величества в Великобритании, встретившись друг с другом, считают разумным обнародовать определенные общие принципы государственной политики соответствующих стран, на основе которых базируются их надежды на лучшее будущее для всего мира.

Первое: их страны не стремятся к территориальным или иным приобретениям.

Второе: они выражают желание не быть свидетелями территориальных изменений, которые не соответствуют свободно выраженным пожеланиям заинтересованных народов.

Третье: они уважают право всех народов избирать форму правления, при которой они будут жить, и они желают видеть суверенные права и самоуправление восстановленными для тех, кто был насильственно лишен их.

Четвертое: они будут стремиться с должным уважением к своим обязательствам к тому, чтобы способствовать обеспечению всем государствам, большим или малым, победителям или побежденным, равного доступа к торговле и сырьевым запасам мира, необходимым для их экономического процветания.

Пятое: они выражают желание способствовать в полной мере сотрудничеству между всеми государствами в экономической области с целью всеобщего обеспечения более совершенных условий труда, экономического прогресса и социальной безопасности.

Шестое: после окончательной ликвидации нацистской тирании они надеются увидеть установление мира, который предоставит всем государствам возможность жить в безопасности в их собственных границах и который позволит гарантировать, что все люди на земле смогут жить в условиях свободы от страха и лишений.

Седьмое: такой мир должен будет позволить всем людям беспрепятственно пересекать открытое море и океаны.

Восьмое: они выражают веру в то, что все государства мира, как исходя из чувства реальности, так и по причинам возвышенного характера придут к решению отказаться от использования силы.

Поскольку будущий мир не может быть сохранен, если государства, которые угрожают или могут угрожать агрессией за пределами своих границ, будут продолжать применять оружие наземного, морского или воздушного назначения, они выражают веру в то, что разоружение таких государств необходимо при условии создания более широкой и постоянной системы общей безопасности. Аналогичным способом они будут содействовать и поощрять все иные практически осуществимые меры, которые облегчат для всех миролюбивых народов тяжелое бремя вооружений.

**Франклин Д. Рузвельт
Уинстон С. Черчилль •**

Brockway T. P. Basic Documents in United I States Foreign Policy. N.Y., 1957.

**Франклин Делано Рузвельт
ВОЕННОЕ ПОСЛАНИЕ НАЦИИ
(WAR MESSAGE TO THE NATION)**

Вероломное нападение японской авиации на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г. положило конец дебатам по вопросам войны и мира, продолжавшимся в политических кругах и прессе США на протяжении предшествующих двух лет. На следующий день после этого трагического события, во время которого 2300 человек были убиты и 19 американских военных кораблей потоплены или повреждены, Президент США *Франклин Делано Рузвельт* (1882-1945) произнес в конгрессе речь об объявлении Соединенными Штатами войны Японии. За резолюцию об объявлении войны сенат проголосовал единогласно. Палата представителей приняла соответствующую резолюцию 388 голосами (лишь один голос был подан против).

В послании президента говорилось конкретно лишь об одной стране – Японии, но днем позже в своем радиообращении к нации Рузвельт назвал Германию и Италию партнерами Японии, подчеркнув, что США и их союзники в своей дальнейшей стратегии будут исходить из этой предпосылки. Все точки над *i* были поставлены 11 декабря, когда Германия и Италия объявили войну Соединенным Штатам.

Конгрессу Соединенных Штатов.

Вчера, 7 декабря 1941 года, в день, навсегда отмеченный позором, Соединенные Штаты Америки подверглись неожиданному и преднамеренному нападению со стороны военно-морских и военно-воздушных сил Японии.

Соединенные Штаты находились в состоянии мира с этим государством и по просьбе Японии продолжали переговоры с ее правительством и ее императором, надеясь на сохранение мира на Тихом океане.

Так сложилось, что спустя час после того, как японские авиационные эскадрильи начали бомбардировать Оаху, японский посол в Соединенных Штатах и его коллеги передали государственному секретарю официальный ответ на недавнее американское послание. И хотя в этом ответе содержалось заявление о том, что продолжение ведущихся дипломатических переговоров представляется бесполезным, в нем не было ни угрозы, ни намека на войну или вооруженное нападение.

Следует отметить, что расстояние от Японии до Гавайских островов свидетельствует со всей очевидностью, что это нападение заранее готовилось на протяжении последних дней и даже недель. В течение этого промежутка времени японское правительство умышленно стремилось ввести в заблуждение Соединенные Штаты лживыми заявлениями и выражениями надежды на сохранение мира.

Вчерашнее нападение на Гавайские острова нанесло жестокий урон американским военно-морским и вооруженным силам. Было потеряно много американских жизней. Кроме того, согласно полученным сообщениям, в открытом море между Сан-Франциско и Гонолулу были подвергнуты торпедным атакам американские корабли.

Вчера японское правительство совершило нападение и на Манилу.

Вчера вечером японские вооруженные силы подвергли нападению Гонконг.

Вчера вечером японские вооруженные силы напали на Гуам.

Вчера вечером японские вооруженные силы напали на Филиппинские острова.

Вчера вечером японцы напали на остров Уэйк.

Сегодня утром японцы подвергли нападению остров Мидуэй.

Следовательно, Япония предприняла внезапное наступление по всему Тихоокеанскому региону. Факты вчерашних событий говорят сами за себя. Народ Соединенных Штатов уже определил свое отношение к ним и прекрасно понимает последствия происшедшего для самой жизни и безопасности нашей нации.

В качестве главнокомандующего армией и флотом я отдал приказ принять все меры в интересах нашей обороны.

Мы навсегда запомним характерные черты этого внезапного нападения на нас.

Независимо от того, сколько времени уйдет у нас на преодоление этого умышленного нападения, американский народ использует всю свою праведную мощь во имя достижения полной победы.

Я убежден, что излагаю волю конгресса и народа, когда заявляю, что мы не только сделаем все возможное, чтобы защитить себя, но и предусмотрим решительно все, чтобы эта форма предательства более никогда нам не угрожала.

Военные действия начались. Нельзя закрывать глаза на существование серьезной угрозы нашему народу, нашей территории и нашим интересам.

С уверенностью в наших вооруженных силах, с безграничной решимостью нашего народа мы добьемся неизбежного триумфа, и да поможет нам Бог.

Я прошу, чтобы ввиду состоявшегося в воскресенье 7 декабря ничем не спровоцированного и подлого нападения Японии конгресс объявил состояние войны между Соединенными Штатами и Японской империей.

Brockway T. P. Basic Documents in United States Foreign Policy. N.Y., 1957.

ДОКТРИНА ТРУМЭНА (TRUMAN DOCTRINE)

В феврале 1947 г. посольство Великобритании в Вашингтоне информировало Государственный департамент США, что Лондон, испытывавший серьезные финансово-экономические затруднения, впредь не сможет выполнять взятые им на себя после окончания Второй мировой войны (1939-1945) обязательства по оказанию финансовой помощи правительствам Греции и Турции.

В условиях уже начавшейся «холодной войны» политическое руководство Соединенных Штатов Америки сочло необходимым сдерживать «распространение коммунизма» на стратегически важные для них регионы Южной Европы. Опасность такого распространения была усмотрена в активизации деятельности прокоммунистического Фронта национального освобождения Греции и в настойчивых требованиях Правительства СССР установить международный контроль над Дарданеллами. В ходе встречи членов Конгресса США с заместителем государственного секретаря США Д. Ачесоном последний подчеркнул, что в случае «потери» Греции и Турции коммунизм широко распространится по всему азиатскому региону, включая Иран и Индию. (Внешнеполитическая

концепция Ачесона получила впоследствии название «теория домино».) Убеденные изложенными доводами, конгрессмены согласились поддержать предложение Государственного департамента о выделении федеральных ассигнований на оказание военной и экономической помощи правительствам Греции и Турции.

12 марта 1947 г. в своем обращении к совместной сессии обеих палат конгресса Президент США *Гарри Трумэн* (1884-1972) запросил на реализацию этих целей 400 миллионов долларов (к 1950 г. эта сумма составила уже около 650 миллионов долларов). Обоснование президентом необходимости активного американского вмешательства в европейские дела, вошедшее в историю под названием «доктрина Трумэна», было расценено в СССР как свидетельство окончательного отказа США от политики изоляционизма и их намерения взять на себя функции мирового лидера.

Господин президент⁵⁴, господин спикер, члены Конгресса Соединенных Штатов!

Мое появление перед объединенной сессией конгресса вызвано сложившейся сегодня в мире тревожной ситуацией. Речь идет о внешней политике и национальной безопасности нашей страны.

Один из аспектов нынешней ситуации, который я намерен представить сегодня на ваше рассмотрение и решение, касается Греции и Турции.

Соединенные Штаты получили от греческого правительства срочный запрос об оказании ему финансовой и экономической помощи. Предварительные доклады находящейся сейчас в Греции Американской экономической миссии и американского посла в Греции подтверждают утверждение правительства Греции о настоятельной необходимости помощи для обеспечения выживания Греции как свободного государства.

Я не думаю, что американский народ и конгресс пожелают не услышать просьбы греческого правительства.

Греция – небогатая страна. Отсутствие достаточных природных ресурсов всегда вынуждало греческий народ тяжело трудиться, чтобы выжить. С 1940 г. эта трудолюбивая и миролюбивая страна пережила интервенцию, четырехлетнюю вражескую оккупацию и острую внутреннюю борьбу.

Когда освободительные силы вошли в Грецию, они обнаружили, что отступающие немцы разрушили практически все железные и автомобильные дороги, портовые сооружения, средства связи и торговый флот. Было сожжено свыше тысячи деревень. 85 процентов детей оказались больны туберкулезом. Домашний скот, птица и водная живность почти полностью исчезли. Инфляция ликвидировала практически все сбережения.

В результате таких трагических обстоятельств воинствующему меньшинству, воспользовавшемуся человеческими невзгодами и нищетой, удалось создать в стране политический хаос, который на сегодняшний день сделал экономическое возрождение невозможным.

Сегодня Греция не располагает средствами для финансирования импорта тех товаров, которые необходимы для простого выживания. В этих обстоятельствах народ Греции не может добиться успеха в решении своих проблем реконструкции хозяйства. Греция отчаянно нуждается в финансовой и экономической помощи, которая позволила бы ей возобновить закупки продовольствия, одежды, топлива и посевного материала. Все это крайне необходимо для выживания ее народа и может быть приобретено лишь за рубежом. Греция должна получить помощь для импорта товаров, необходимых для восстановления внутреннего порядка и безопасности, столь желанных для ее политического и экономического возрождения.

Греческое правительство также попросило помощи в виде опытных американских администраторов, экономистов и инженеров для обеспечения эффективного использования предоставляемой ей финансовой и иной помощи в целях создания стабильной самодостаточной экономики и совершенствования государственного механизма.

Сегодня самому существованию греческого государства угрожает террористическая деятельность нескольких тысяч вооруженных лиц, руководимых коммунистами, которые бросают вызов власти правительства в ряде местностей, особенно в тех, которые находятся у северных границ страны. Комиссия, назначенная Советом Безопасности Организации Объединенных Наций, занимается в настоящее время расследованием тревожной ситуации в Северной Греции и якобы совершаемых нарушений границ, проходящих между Грецией и Албанией, Болгарией и Югославией.

Тем временем греческое правительство не в состоянии справиться с ситуацией. Греческая армия слаба и плохо оснащена. Если ей предстоит восстановить власть правительства на всей греческой территории, она нуждается в снаряжении и вооружении. Греции нужна помощь, чтобы стать самодостаточной и уважающей себя демократической страной.

Эту помощь ей должны оказать Соединенные Штаты. Мы уже предоставили Греции определенную экономическую и иную помощь, но ее недостаточно.

В мире не существует другой страны, к которой может обратиться демократическая Греция. Ни одна другая страна не готова и не способна оказать необходимую поддержку демократическому греческому правительству.

⁵⁴ Президент США обращается к так называемому временному президенту (president pro tempore) Сената США. – *Прим. сост.*

Английское правительство, которое ранее помогало Греции, не сможет с 31 марта продолжать оказывать финансовую или экономическую помощь. Великобритания вынуждена сократить или прекратить выполнение своих обязательств в ряде стран мира, включая Грецию.

Мы рассмотрели вопрос о том, каким образом сможет помочь в этом кризисе Организация Объединенных Наций. Но сложилась тяжелая ситуация, требующая немедленных действий, а ООН и связанные с ней организации не в состоянии предоставить помощь требуемого характера. <...>

Греческое правительство функционирует в атмосфере хаоса и экстремизма. Оно совершило много ошибок. Оказание помощи этой стране не означает, что Соединенные Штаты оправдывают все, что греческое правительство сделало или сделает. Мы осуждали в прошлом и осуждаем теперь экстремистские меры, предпринятые как правыми, так и левыми. Мы рекомендовали в прошлом проявлять терпимость, рекомендуем проявлять ее и сейчас.

Соседка Греции, Турция, также заслуживает нашего внимания. Вполне очевидно, что для свободолюбивых народов мира будущее Турции как независимого и экономически здорового государства не менее важно, чем будущее Греции. Обстоятельства, в которых оказалась сегодня Турция, существенно отличаются от греческой ситуации. Турция избежала тех бедствий, которые обрушились на Грецию. И в годы войны Соединенные Штаты и Великобритания оказывали Турции материальную помощь.

И тем не менее Турция нуждается сейчас в нашей помощи.

После окончания войны Турция запросила финансовую помощь у Великобритании и Соединенных Штатов с целью проведения модернизации страны, необходимой для сохранения национальной территориальной целостности. Эта территориальная целостность жизненно важна для сохранения порядка на Среднем Востоке.

Английское правительство сообщило нам, что в связи с их собственными затруднениями оно не сможет далее оказывать финансовую или экономическую помощь Турции.

Как и в случае с Грецией, если Турции предстоит получить помощь, её должны предоставить Соединенные Штаты. Мы являемся единственной страной, способной оказать такую помощь.

Я осознаю в полной мере широкий круг последствий возможного решения об оказании Соединенными Штатами помощи Греции и Турции, и я сейчас обсужу эти последствия вместе с вами.

Одной из главных целей внешней политики Соединенных Штатов является создание условий, при которых мы и другие государства мира сможем выработать образ жизни, свободный от принуждения. В ходе войны с Германией и Японией этот вопрос был основополагающим. Мы одержали победу над странами, которые хотели навязать другим народам свою волю и свой образ жизни.

Для того чтобы гарантировать мирное, свободное от принуждения развитие государств, Соединенные Штаты взяли на себя руководящую роль в создании Объединенных Наций. Эта организация образована с целью обеспечения всем своим членам свободы и независимости на долгие времена. Однако мы не добьемся нашей цели, если не изъясим готовности помочь свободолюбивым народам обезопасить свои свободные институты и свою территориальную целостность от агрессоров, стремящихся навязать им свои тоталитарные режимы. Это является не чем иным, как откровенным признанием, что тоталитарные режимы, навязанные народам в результате прямой или косвенной агрессии, подрывают основы международного мира и, следовательно, безопасности Соединенных Штатов.

Народам ряда стран мира в недавнем прошлом были навязаны тоталитарные режимы. Правительство Соединенных Штатов часто выражало протесты против принуждения и запугивания, в нарушение Ялтинского соглашения, имевших место в Польше, Румынии и Болгарии. Я должен также сказать, что аналогичные события развивались и в ряде других стран.

На этом этапе мировой истории почти все страны должны сами выбрать для себя образ жизни. Но слишком уж часто этот выбор оказывается несвободным.

Один образ жизни основан на воле большинства и отличается свободными институтами, представительным правительством, свободными выборами, гарантиями личной свободы, свободой слова и религии и свободой от политического гнета.

Второй образ жизни основывается на воле меньшинства, силой навязанной большинству. Он опирается на террор и угнетение, контролируруемую прессу и радио, подтасованные выборы и подавление личных свобод.

Я убежден, что политикой Соединенных Штатов должна быть поддержка свободных народов, оказывающих сопротивление внешнему давлению или попыткам вооруженного меньшинства подчинить их себе.

Я убежден, что мы должны помочь свободным народам самим определить свое будущее.

Я убежден, что наша помощь должна оказываться в первую очередь экономическими и финансовыми средствами, которые существенно важны для экономической стабильности и для обеспечения нормального хода политических процессов.

Мир не статичен и статус-кво не священен. Но мы не должны позволить изменения статус-кво в нарушение Устава Организации Объединенных Наций с помощью таких методов, как принуждение, или таких уловок,

как политическая инфильтрация. Оказывая помощь свободным и независимым государствам в сохранении их свободы, Соединенные Штаты утвердят принципы Устава Организации Объединенных Наций.

Достаточно взглянуть на карту, чтобы осознать, что выживание и целостность греческого государства имеют огромную важность в мировом масштабе. Если Греция попадет под контроль вооруженного меньшинства, результаты этого для Турции, ее соседки, проявятся немедленно и окажутся весьма серьезными. Смятение и беспорядок могут распространиться по всему Среднему Востоку.

Более того, исчезновение Греции как свободного государства окажет глубокое влияние на те страны Европы, народы которых преодолевают огромные сложности, чтобы защитить свою свободу и независимость, пытаясь одновременно восстановить ущерб, нанесенный войной.

Будет неизмеримой трагедией, если эти страны, ведущие с незначительными шансами на успех столь долгую борьбу, упустят победу, ради достижения которой они понесли такие большие жертвы. Крушение свободных институтов и утрата независимости оказались бы губительными не только для них, но и для всего мира. Разочарование и, возможно, полная катастрофа быстро бы стали уделом соседних народов, стремящихся сохранить свою свободу и независимость.

Если нам не удастся помочь Греции и Турции в этот судьбоносный час, последствия этого окажутся весьма тяжелыми не только для Запада, но и для Востока.

Мы должны предпринять немедленные и решительные действия. Поэтому я прошу конгресс утвердить ассигнования на помощь Греции и Турции в размере 400 миллионов долларов на период, заканчивающийся 3 июня 1948 года. Запрашивая эти средства, я учел максимальный размер помощи, который будет предоставлен Греции из тех 350 миллионов долларов, которые в ответ на мой запрос по недавнему решению конгресса выделены для предотвращения голода и страданий в странах, разоренных войной.

В дополнение к средствам я прошу конгресс санкционировать направление гражданского и военного персонала в Грецию и Турцию по просьбе этих стран. Это необходимо для оказания помощи в решении задач реконструкции и с целью контроля за использованием той финансовой и материальной помощи, которая может быть предоставлена. Я рекомендую, чтобы были выделены средства, необходимые для организации инструктажа и обучения специально отобранного греческого и турецкого персонала.

И наконец, я прошу, чтобы конгресс утвердил законы, которые позволят безотлагательно и наиболее эффективно использовать выделяемые средства для приобретения необходимых товаров, продовольствия и оборудования.

В случае возникновения необходимости в дополнительных средствах или дополнительных полномочиях для реализации намеченного в этом послании я не премину уведомить об этом конгресс. В этом вопросе исполнительная и законодательная ветви правительства должны работать совместно.

Мы выбираем очень ответственное решение в определении пути. Я не рекомендовал бы этот путь, если бы альтернатива не носила бы еще более серьезный характер. Соединенные Штаты вложили 341 миллиард долларов в победу во Второй мировой войне. Этот вклад является и нашим вкладом в свободу и мир во всем мире.

Рекомендуемая мной помощь Греции и Турции составляет немногим более одной десятой одного процента этого вклада. Здравый смысл подсказывает, что нам следует оберегать этот вклад и следить за тем, чтобы он не оказался бесполезным.

Тоталитарные режимы подпитываются нищетой и лишениями. Их семена произрастают и распространяются на бесплодной почве бедности и беспорядков. Они достигают полной зрелости, когда надежда людей на лучшую жизнь умирает. Мы должны сохранить эту надежду живой.

Свободные люди мира надеются на нашу поддержку в сохранении их свобод.

Если мы потерпим неудачу в осуществлении нашего руководства, мы поставим под угрозу мир во всем мире. Вместе с тем мы поставим под угрозу благополучие нашего собственного государства.

Быстрое развитие событий наложило на нас огромную ответственность.

Я убежден, что конгресс правильно оценит эту ответственность.

Brockway T. P. Basic Documents in United States Foreign Policy. N.Y., 1957.

ПЛАН МАРШАЛЛА (MARSHALL PLAN)

5 июня 1947 г., выступая в Гарвардском университете, государственный секретарь США *Джордж Кэтлетт Маршалл* (1880-1959) изложил план восстановления экономики европейских стран, пострадавших в результате Второй мировой войны (1939-1945), а также в результате обрушившихся на континент жестоких холодов зимы 1946/47 г. Предложенный план вошел в историю под названием «план Маршалла». Согласно этому плану, Правительство Соединенных Штатов Америки намеревалось выделить до 20 миллиардов долларов на оказание экономической помощи бедствующим странам Европы при условии их согласия на скоординированные действия и выработки ими разумного плана использования выделяемых на их нужды средств. План Маршалла предусматривал оказание помощи и Западной Германии.

В своем выступлении Маршалл упомянул о готовности США включить в число бедствующих стран и Советский Союз, но Правительство СССР категорически отвергло это предложение, назвав американскую программу помощи Европе трюком, рассчитанным на закабаление европейских стран. Отказ СССР от участия в плане Маршалла облегчил прохождение соответствующего закона через Конгресс США, который в противном случае, скорее всего, его бы не утвердил.

В соответствии с планом Маршалла к 1953 г. США планировали ассигновать на оказание помощи странам Европы 13 миллиардов долларов. Содействуя восстановлению европейской экономики, этот план оказался весьма прибыльным и для американской экономики. Полученные европейцами средства использовались ими прежде всего для приобретения в США необходимых товаров и оборудования, которые подлежали доставке в европейские страны исключительно на американских кораблях.

Вплоть до начала войны в Корее (1950-1953) помощь, оказываемая Соединенными Штатами Европе, не включала военную помощь. Позднее на Западе сложилось убеждение, что план Маршалла сыграл исключительно важную роль в предотвращении распространения коммунизма на европейском континенте.

Мне нет необходимости говорить вам, господа, что ситуация в мире очень серьезна. Это должно быть очевидным для всех разумных людей. Я считаю, что единственной трудностью является то, что эта проблема сложна в такой степени, что вся информация, доводимая прессой и радио до сведения общественности, крайне затрудняет для рядового человека с улицы четкую оценку ситуации. Кроме того, народ нашей страны территориально далек от бедствующих регионов мира, и ему трудно понять незавидное положение многострадальных народов и их отношение к такому положению, так же как американцам трудно осознать и то влияние, которое эти народы оказывают на свои правительства в связи с нашими усилиями содействовать установлению мира во всем мире.

При рассмотрении того, что требуется для восстановления Европы, были сделаны верные оценки потерь человеческих жизней, разрушений городов, заводов, шахт и железных дорог; но в последние месяцы стало очевидно, что эти разрушения, возможно, менее серьезные, чем нарушение всей структуры европейской экономики. На протяжении последних десяти лет условия были крайне ненормальными. Лихорадочные попытки поддержать свой военный потенциал наблюдались во всех национальных экономиках. Промышленное оборудование пришло в состояние негодности или полностью устарело. Практически все существовавшие производства, оказавшись под пятой деспотического и разрушительного нацистского правления, были подчинены германской военной машине. И результате финансовых потерь, поглощения путем национализации или простого разорения исчезли частные предприятия, банки, страховые компании, судоходные компании, прервались давние торговые связи. Во многих странах было сильно подорвано доверие к местной валюте. Во время войны произошел полный распад европейской структуры предпринимательства. Восстановлению серьезно помешал тот факт, что спустя два года после прекращения военных действий не удалось добиться мирных договоренностей с Германией и Австрией. Но даже если бы удалось добиться быстрого решения этих сложных проблем, совершенно ясно, что восстановление экономической структуры Европы потребует гораздо большего времени и более серьезных усилий, чем предполагалось ранее.

У этого вопроса есть еще более интересный и серьезный аспект. Фермер всегда производил продовольственные товары и менял их у горожанина на другие жизненно необходимые продукты. Разделение труда является основой современной цивилизации. В настоящее время ему угрожает развал. Городские производственные предприятия выпускают недостаточно товаров для обмена на производимые фермером продукты питания. Не хватает сырья и топлива. Недостает промышленного оборудования, или оно изношено. Фермер не может найти в продаже необходимых ему товаров. В результате сбыт производимого им сельскохозяйственного продукта за деньги, которыми он не может воспользоваться, представляется ему невыгодной сделкой. Поэтому крупные земельные участки, использовавшиеся им ранее под посевы, ныне он пускает под пастбища. Он расходует больше зерна для откорма скота и располагает достаточным объемом продуктов питания для себя и своей семьи, притом что ему может не хватать одежды и других простейших средств цивилизации.

В то же время людям в городах не хватает продуктов питания и горючего. В результате правительства оказываются вынужденными использовать иностранные деньги и кредиты для приобретения продуктов за рубежом. Этот процесс истощает финансовые фонды, крайне необходимые для восстановления экономики. Таким образом, быстро развивается весьма серьезная ситуация, не предвещающая ничего хорошего для мира. Современной системе разделения труда, основывающейся на обмене произведенной продукцией, грозит развал.

Истинное положение дел заключается в том, что в ближайшие три или четыре года нужды Европы в иностранных – прежде всего американских – продуктах питания и других жизненно важных товарах будут настолько превышать ее способность расплатиться за них, что ей потребуется основательная дополнительная помощь во избежание весьма серьезного ухудшения экономической, социальной и политической ситуации.

Спасение в том, чтобы разорвать порочный круг и восстановить веру европейцев в экономическое будущее их собственных стран и Европы и целом. Промышленник и фермер повсеместно должны быть готовы обменивать продукты своего труда на деньги, достоинство которых не должно подвергаться сомнению.

Помимо деморализующего влияния на весь мир и возможности возникновения беспорядков в результате распространения чувства отчаяния среди народов, о которых идет речь, следует иметь в виду и

последствия, которые сулят предпринимаемые шаги экономике Соединенных Штатов. Логично, что Соединенные Штаты должны сделать все от них зависящее, чтобы помочь миру вернуть нормальное экономическое здоровье, без которого невозможны ни политическая стабильность, ни прочный мир.

Наша политика направлена не против какой-либо страны или доктрины, а против голода, нищеты, отчаяния и хаоса. Ее целью должно стать возрождение в мире работающей экономики, что позволит создать политические и социальные условия для существования свободных институтов. Такая помощь, по моему убеждению, не должна носить временного характера и оказываться лишь по мере возникновения различных кризисов. Любая помощь, которую наше правительство решит оказать в будущем, должна обеспечивать излечение, а не быть полумерой.

Я уверен, что любое правительство, выразившее желание оказать помощь в восстановлении Европы, найдет полную готовность к сотрудничеству со стороны Правительства Соединенных Штатов. В то же время ни одно правительство, которое будет плести интриги с целью воспрепятствовать восстановлению других стран, не может ожидать от нас помощи. Кроме того, правительства, политические партии или группы, стремящиеся увековечить людские страдания, с тем чтобы получить политические или иные выгоды, встретят противодействие со стороны Соединенных Штатов.

Уже стало очевидным, что, прежде чем Соединенные Штаты сделают дальнейшие шаги, пытаясь смягчить ситуацию и помочь европейским странам начать свое возрождение, необходима какая-то договоренность между этими странами, касающаяся требований ситуации и роли, которую сами эти страны будут играть, с тем чтобы любые меры, которые могут быть предприняты нашим правительством, принесли пользу. Было бы неправильно, неэффективно, если бы наше правительство взялось единолично составить программу того, как поставить экономику Европы на ноги. Это дело самих европейцев. Инициатива, по-моему, должна исходить от Европы. Роль нашей страны должна состоять в оказании дружеской помощи в разработке европейской программы в той мере, в какой это практически возможно для нас. Программа должна быть совместной, оговоренной между собой, если не всеми, то значительным числом европейских государств.

Существенным аспектом любого успешного действия со стороны Соединенных Штатов является понимание народом Америки характера проблемы и средств, применяемых для ее решения. Следует избегать политических страстей и предубеждений. Очерченные мной трудности могут быть и будут преодолены предусмотрительностью и готовностью нашего народа осознать огромную ответственность, которую история со всей очевидностью возложила на нашу страну.

Congressional Record. 79th Congress. 2nd Session. 1947. June 30.

Джордж Фрост Кеннан

ИСТОКИ СОВЕТСКОГО ПОВЕДЕНИЯ (THE SOURCES OF THE SOVIET CONDUCT)

Историк-международник и дипломат *Джордж Фрост Кеннан* (р. 1904) – один из основателей советологии в США. В 1934-1938 гг. он был первым секретарем, а в 1945-1946 гг. советником посольства США в Москве. За годы работы в СССР Кеннан стал ярким противником сталинской системы, убежденным в невозможности сотрудничества с ней в 1947-1949 гг. он возглавлял отдел Государственного департамента США по планированию внешней политики и сыграл заметную роль в разработке плана Маршалла, стратегии «психологической войны» против СССР. Кеннан – автор внешнеполитической доктрины «сдерживания», изложенной впервые в так называемой длинной телеграмме Кеннана в адрес государственного секретаря США (февраль 1946 г.) и развитой позднее в широко известной статье «Истоки советского поведения», опубликованной за подписью «Х» в июльском номере журнала «Форин афферс» за 1947 год. Позднее Кеннан пересмотрел свои взгляды на возможность сотрудничества с СССР.

I

Политическая сущность советской власти в ее нынешней ипостаси есть производное от идеологии и сложившихся условий: идеологии, унаследованной нынешними советскими лидерами от того политического движения, в недрах которого и произошло их политическое рождение, и условий, в которых они правят в России почти 30 лет. Проследить за взаимодействием этих двух факторов и проанализировать роль каждого из них в формировании официальной линии поведения Советского Союза – для психологического анализа задача не из легких. И тем не менее стоит попытаться ее решить, если мы хотим уяснить для себя советское поведение и успешно ему противодействовать.

Обобщить набор идеологических положений, с которыми советские лидеры пришли к власти, нелегко. Марксистская идеология в том ее варианте который получил распространение среди российских коммунистов всё время неуловимо видоизменяется. В ее основе обширный и сложный материал. Однако главные положения коммунистического учения в том виде, в каком оно сложилось к 1916 году, можно суммировать следующим образом:

- а) основной фактор в жизни человека, определяющий характер общественной жизни и «лицо общества», – это система производства и распределения материальных благ;
- б) капиталистическая система производства отвратительна, потому что неизбежно ведет к эксплуатации рабочего класса классом капиталистов и не может в полной мере обеспечить развитие экономического потенциала общества или справедливое распределение материальных благ, созданных человеческим

трудом;

- в) капитализм несет в себе зародыш собственной гибели, и вследствие неспособности класса, владеющего капиталом, приспособиться к экономическим изменениям власть рано или поздно неизбежно перейдет в руки рабочего класса с помощью революции;
- г) империализм как последняя стадия капитализма неизбежно ведёт к войне и революции.

Остальное можно изложить словами Ленина: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально и немногих или даже в одной, отдельно взятой стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран...»⁵⁵ Нужно заметить, что не предполагалось, чтобы капитализм погиб без пролетарской революции. Чтобы опрокинуть прогнивший строй, необходим последний толчок со стороны революционного пролетарского движения. Но считалось, что рано или поздно такой толчок неизбежен.

В течение пятидесяти лет до начала революции такой образ мыслей был чрезвычайно притягателен для участников российского революционного движения. Разочарованные, неудовлетворенные, потерявшие надежду найти самовыражение в тесных рамках политической системы царской России (а может быть, чересчур нетерпеливые), не имевшие широкой народной поддержки своей теории о необходимости кровавой революции для улучшения социальных условий, эти революционеры в марксистской теории увидели в высшей степени удобное обоснование своих инстинктивных устремлений. Она давала псевдонаучное объяснение их нетерпению, категоричному отрицанию чего-либо ценного в царском строе, их жажде власти и отмщения и стремлению добиться своих целей во что бы то ни стало. Поэтому неудивительно, что они без колебаний уверовали в истинность и глубину марксистско-ленинского учения, столь созвучного их собственным чувствам и устремлениям. Не стоит ставить под сомнение их искренность. Это явление старо как мир. Лучше всего об этом сказал Эдуард Гибсон в книге «История упадка и разрушения Римской империи»: «От энтузиазма до самозванства один шаг, опасный и неприметный; демон Сократа являет собой яркий пример того, как мудрый человек иногда обманывает себя, добрый человек обманывает других, а сознание погружается в смутный сон, не отличая собственных заблуждений от умышленного обмана». Именно с таким набором теоретических положений большевистская партия пришла к власти.

Здесь необходимо отметить, что на протяжении многолетней подготовки к революции эти люди, да и сам Маркс, уделяли внимание не столько той форме, которую примет социализм в будущем, сколько неизбежности свержения враждебной власти, что, по их мнению, должно было обязательно предшествовать построению социализма⁵⁶. Их представления о позитивной программе действий, которую надо будет осуществлять после прихода к власти, были большей частью расплывчаты, умозрительны и далеки от реальности. Не существовало никакой согласованной программы действий, помимо национализации промышленности и экспроприации крупных частных состояний. В отношении крестьянства, которое, согласно марксистской теории, не является пролетариатом, и коммунистических взглядах никогда не было полной ясности; и в течение первого десятилетия пребывания коммунистов у власти этот вопрос оставался предметом споров и сомнений.

Условия, сложившиеся в России сразу после революции, – Гражданская война и иностранная интервенция, а также тот очевидный факт, что коммунисты представляли лишь незначительное меньшинство русского народа, – привели к необходимости установления диктатуры. Эксперимент с «военным коммунизмом» и попытка немедленно уничтожить частное производство и торговлю повлекли за собой тяжелейшие экономические последствия и дальнейшее разочарование в новой революционной власти. Хотя временное ослабление усилий по насаждению коммунизма в виде новой экономической политики несколько облегчило бедственное положение в экономике и, таким образом, оправдало свое назначение, оно наглядно показало, что «капиталистический сектор общества» все еще готов немедленно воспользоваться малейшим ослаблением давления со стороны правительства и, если дать ему право на существование, будет всегда представлять собой мощную оппозицию советскому режиму и серьезного конкурента в борьбе за влияние в стране. Примерно такое же отношение сложилось и к крестьянину-единоличнику, который, по существу, тоже был частным, хотя и мелким производителем.

Ленин, если бы он был жив, возможно, смог бы доказать свое величие и примирить эти противоборствующие силы на благо всего российского общества, хотя это и сомнительно. Но как бы то ни было, Сталин и те, кого он возглавил в борьбе за наследование ленинской руководящей роли, не желали мириться с конкурирующими политическими силами в сфере власти, которой они домогались. Слишком остро они ощущали непрочность своего положения. В особом их фанатизме, которому чужды англосаксонские традиции политического компромисса, было столько рвения и непримиримости, что они и не предполагали постоянно делить с кем-то власть. От русско-азиатских предков к ним перешло неверие в возможность мирного сосуществования на постоянной основе с политическими соперниками. Легко уверовав в свою собственную доктринарскую непогрешимость, они настаивали на подчинении либо уничтожении всех политических противников. Вне рамок коммунистической партии никакой стройной

⁵⁵ Ленин В. И. О лозунге Соединенных Штатов Европы // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 354.

⁵⁶ Здесь и далее в этой статье под словом «социализм» имеется в виду марксистский или ленинский коммунизм, а не либеральный социализм в трактовке II Интернационала. – *Прим. пер.*

организации в российском обществе не допускалось. Разрешились только те формы коллективной человеческой деятельности и общения, в которых партия играла главенствующую роль. Никакая другая сила российского общества не имела права существовать как жизнеспособный целостный организм. Только партии разрешалось быть структурно организованной. Остальным была уготована роль аморфной массы.

Этот же принцип господствовал и внутри самой партии. Рядовые члены партии, конечно же, участвовали в выборах, обсуждениях, принятии и осуществлении решений, но занимались этим не по собственному побуждению, а по указанию вселявшего трепет партийного руководства и непременно в соответствии с вездесущим «учением».

Хочу еще раз подчеркнуть, что, возможно, эти деятели субъективно и не стремились к абсолютной власти как таковой. Они, несомненно, верили – им это было легко, – что только они знают, что хорошо для общества, и будут действовать ему во благо, если им удастся надежно оградить свою власть от посягательств. Однако, стремясь обезопасить свою власть, они не признавали в своих действиях никаких ограничений – ни Божьих, ни человеческих. И до тех пор, пока такая безопасность не достигнута, в их перечне первоочередных задач благополучие и счастье вверенных им народов отодвигались на последнее место.

Сегодня главная черта советского режима в том, что до сих пор этот процесс политической консолидации не завершен и кремлевские правители все еще заняты главным образом борьбой за ограждение от посягательств на власть, которую они захватили в ноябре 1917 года и стремятся превратить в абсолютную. Прежде всего они старались оградить ее от внутренних врагов в самом советском обществе. Они пытаются обезопасить ее и от посягательств со стороны внешнего мира. Ведь их идеология, как мы уже видели, учит, что окружающий мир враждебен им и что их долг – когда-нибудь свергнуть стоящие у власти политические силы за пределами их страны. Могучие силы русской истории и традиции способствовали укреплению в них этого убеждения. И наконец, их собственная агрессивная непримиримость к внешнему миру в конце концов вызвала ответную реакцию, и они вскоре были вынуждены, говоря словами того же Гибсона, «заклеймить высокомерие», которое сами и вызвали. У каждого человека есть неотъемлемое право доказать себе, что мир к нему враждебен, если достаточно часто это повторять и исходить из этого в своих действиях, неизбежно в конце концов окажешься прав.

Образ мышления советских руководителей и характер их идеологии предопределяют, что никакая оппозиция не может быть официально признана полезной и оправданной. Теоретически такая оппозиция – это порождение враждебных, непримиримых сил умирающего капитализма. До тех пор пока официально признавалось существование в России остатков капитализма, можно было свалить часть вины за сохранение в стране диктаторского режима на них как на внутреннюю силу. Но по мере того как эти остатки ликвидировали, такое оправдание отпадало. Оно совсем исчезло, когда было официально объявлено, что они наконец уничтожены. Это обстоятельство породило одну из главных проблем советского режима: поскольку капитализм в России больше не существовал, а Кремль не был готов открыто признать, что в стране может самостоятельно возникнуть серьезная широкая оппозиция со стороны подвластных ему освобожденных масс, появилась необходимость оправдать сохранение диктатуры тезисом о капиталистической угрозе извне.

Началось это давно. В 1924 году Сталин, в частности, обосновывал сохранение органов подавления, под которыми среди прочих он подразумевал армию и секретную полицию, тем, что, «до тех пор пока существует капиталистическое окружение, сохраняется опасность интервенции со всеми вытекающими из нее последствиями». В соответствии с этой теорией с того времени любые силы внутренней оппозиции в России последовательно выдавались за агентов реакционных иностранных держав, враждебных советской власти. По той же причине настоятельно подчеркивался изначальный коммунистический тезис об антагонизме между капиталистическим и социалистическим миром.

Множество примеров убеждают, что этот тезис в реальности не имеет под собой оснований. Относящиеся к нему факты в значительной степени объясняются искренним возмущением, которое вызывали за рубежом советские идеология и тактика, а также, в частности, существованием крупных центров военной мощи – нацистского режима в Германии и правительства Японии, которые в конце 30-х годов в самом деле вынашивали агрессивные планы против Советского Союза. Однако есть все основания полагать, что тот упор, который делается Москвой на угрозу советскому обществу из внешнего мира, объясняется не реальным существованием антагонизма, а необходимостью оправдать сохранение внутри страны диктаторского режима.

Сохранение такого характера советской власти, а именно стремления к неограниченному господству внутри страны одновременно с насаждением полумифа о непримиримой враждебности внешнего окружения, в значительной мере способствовало формированию того механизма советской власти, с которым мы имеем дело сегодня. Внутренние органы государственного аппарата, которые не отвечали поставленной цели, отмиравали. Те же, которые отвечали цели, непомерно разбухали. Безопасность советской власти стала опираться на железную дисциплину в партии, на жестокость и вездесущность секретной полиции и на безграничную монополию государства в области экономики. Органы подавления, в которых советские лидеры видели защитников от враждебных сил, в значительной мере подчинили себе тех, кому они должны были служить. Сегодня главные органы советской власти поглощены совершенствованием диктаторской системы и пропагандой тезиса о том, что Россия – это осажденная крепость, у стен которой притаились враги. И миллионы сотрудников аппарата власти должны до последнего отстаивать такой взгляд на

положение в России, ибо без него они окажутся не у дел.

В настоящее время правители уже не могут и думать обойтись без органов подавления. Борьба за неограниченную власть, которая ведется вот уже почти три десятилетия с беспрецедентной (по крайней мере, по размаху) в наше время жестокостью, снова вызывает ответную реакцию как внутри страны, так и за ее пределами. Эсцессы полицейского аппарата сделали скрытую оппозицию режиму гораздо более сильной и опасной, чем та, которая могла бы быть до начала этих эсцессов.

И уж меньше всего правители готовы отказаться от измышлений, которыми они оправдывают существование диктаторского режима. Ибо эти измышления уже канонизированы в советской философии теми эсцессами, которые во имя них совершались. Теперь они прочно закрепились в советском образе мышления с помощью средств, далеко выходящих за рамки идеологии.

II

Такова история. Как же она отражается на политической сущности советской власти нынешнего дня?

В первоначальной идеологической концепции официально ничто не изменилось. По-прежнему проповедуется тезис об изначальной порочности капитализма, о неизбежности его гибели и о миссии пролетариата, который должен этой гибели способствовать и взять власть в свои руки. Но теперь упор делается главным образом на те концепции, которые имеют конкретное отношение к советскому режиму как таковому: на его исключительном положении как единственного истинно социалистического строя в темном и заблудшем мире и на взаимоотношениях власти внутри него.

Первая концепция касается имманентного антагонизма между капитализмом и социализмом. Мы уже видели, какое прочное место занимает она в основах советской власти. Она оказывает глубокое воздействие на поведение России как члена международного сообщества. Она означает, что никогда Москва искренне не признает общности целей Советского Союза и стран, которые она считает капиталистическими. По всей вероятности, в Москве полагают, что цели капиталистического мира антагонистичны советскому режиму и, следовательно, интересам народов, контролируемых им. Если время от времени советское правительство ставит свою подпись под документами, в которых говорится обратное, то это надо понимать как тактический маневр, дозволенный в отношениях с врагом (всегда бесчестным), и воспринимать в духе *caveat emptor*⁵⁷. В основе же антагонизм остается. Он постулируется. Он становится источником многих проявлений внешней политики Кремля, которые вызывают у нас беспокойство: скрытности, неискренности, двуличия, настороженной подозрительности и общего недружелюбия. В обозримом будущем все эти проявления, по-видимому, сохранятся, будут варьироваться лишь их степень и масштаб. Когда русским что-то от нас нужно, та или иная характерная черта их внешней политики временно отодвигается на задний план; в таких случаях всегда находятся американцы, которые спешат радостно объявить, что «русские уже изменились», а некоторые из них даже пытаются приписать себе заслуги в происшедших «переменах». Но мы не должны поддаваться на подобные тактические уловки. Эти характерные черты советской политики, как и постулаты, из которых они вытекают, составляют внутреннюю сущность советской власти и всегда будут присутствовать на переднем или заднем плане, до тех пор пока эта внутренняя сущность не изменится.

Это означает, что нам еще долго придется испытывать трудности в отношениях с русскими. Это не значит, что их надо воспринимать в контексте их программы во что бы то ни стало осуществить к определенному сроку переворот в нашем обществе. В теоретическом положении о неизбежности гибели капитализма, к счастью, содержится намек, что с этим можно не спешить. Прогрессивные силы могут, не торопясь, готовиться к окончательному *coup de grace*⁵⁸. Пока же жизненно важно, чтобы «социалистическое отечество», этот оазис власти, уже отвоеванный для социализма в лице Советского Союза, любили и защищали все истинные коммунисты в стране и за рубежом; чтобы они способствовали его процветанию и клеймили позором его врагов. Помощь же незрелым «авантюристическим» революциям за границей, которая могла бы каким-то образом поставить советскую власть в затруднительное положение, должна рассматриваться как непростительный и даже контрреволюционный шаг. Как решили в Москве, дело социализма состоит в том, чтобы поддерживать и укреплять советскую власть.

Тут мы подходим ко второй концепции, определяющей сегодня советское поведение. Это тезис о непогрешимости Кремля. Советская концепция власти, не допускающая каких-либо организационных очагов вне самой партии, требует, чтобы в теории партийное руководство оставалось единственным источником истины. Ибо, если бы истина обнаружилась где-то еще, то это могло бы служить оправданием для ее проявления в организованной деятельности. Но именно этого Кремль не может допустить и не допустит.

Следовательно, руководство коммунистической партии всегда право и всегда было право начиная с 1929 года, когда Сталин узаконил свою личную власть, объявив, что решения политбюро принимаются единогласно.

На принципе непогрешимости основывается железная дисциплина внутри коммунистической партии. На самом деле эти два положения взаимосвязаны. Строгая дисциплина требует признания непогрешимости.

⁵⁷ Здесь: предостережения (лат.). – Прим. пер.

⁵⁸ Смертельному удару (фр.). – Прим. пер.

Непогрешимость требует соблюдения дисциплины. Вместе они в значительной мере определяют модель поведения всего советского аппарата власти. Но значение их можно понять, только если принять во внимание третий фактор, а именно: руководство может в тактических целях выдвигать любой тезис, который считает полезным для дела в данный момент, и требовать преданного и безоговорочного согласия с ним всех членом движения в целом. Это означает, что истина не неизменна, а фактически создается самими советскими лидерами для любых целей и намерений. Она может изменяться каждую неделю или каждый месяц. Она перестает быть абсолютной и непреложной и не вытекает из объективной реальности. Она всего лишь самое последнее конкретное проявление мудрости тех, кого следует считать источником истины в конечной инстанции, потому что они выражают логику исторического процесса. В совокупности все три фактора придают подчиненному аппарату советской власти непоколебимое упорство и монолитность во взглядах. Эти взгляды изменяются не иначе, как по указанию Кремля. Если по данному вопросу текущей политики выработана определенная партийная линия, то вся советская государственная машина, в том числе и дипломатия, начинает неуклонно двигаться по предписанному пути, как заведенный игрушечный автомобиль, который пущен в заданном направлении и остановится только при столкновении с превосходящей силой. Люди, являющиеся деталями этого механизма, глухи к доводам разума, которые доносятся до них извне. Вся их подготовка приучает не доверять и не признавать видимую убедительность внешнего мира. Подобно белой собачке перед граммофоном, они слышат только «голос хозяина»⁵⁹. И чтобы они отклонились от линии, продиктованной сверху, приказ должен исходить только от хозяина. Таким образом, представитель иностранной державы не может рассчитывать на то, что его слова произведут на них хоть какое-то впечатление. Самое большее, на что он может надеяться, – это что его слова будут переданы вверх, где сидят люди, которые в силах изменить линию партии. Но даже на этих людей вряд ли может подействовать нормальная логика, если она исходит от представителя буржуазного мира. Поскольку ссылаться на общность целей бесполезно, то столь же бессмысленно и рассчитывать на одинаковый подход. Поэтому факты для кремлевских руководителей значат больше, чем слова, а слова приобретают наибольший вес, когда они подкрепляются фактами или отражают факты, имеющие неоспоримую ценность.

Однако мы уже убедились, что идеология не требует от Кремля быстрого осуществления его целей. Как и церковь, он имеет дело с идеологическими концепциями, рассчитанными на длительный срок, и потому может позволить себе не торопиться. Он не имеет права рисковать уже достигнутыми завоеваниями революции ради призрачных химер будущего. Само ленинское учение призывает к большой осторожности и гибкости в достижении коммунистических целей. Опять же эти тезисы подкрепляются уроками истории России, где на протяжении веков на обширных просторах неукрепленной равнины велись малоизвестные сражения между кочевыми племенами. Здесь осторожность и осмотрительность, изворотливость и обман были важными качествами; естественно, что для человека с русским или восточным складом ума качества эти имеют большую ценность. Поэтому Кремль без сожаления может отступить под напором превосходящей силы. И поскольку время не имеет ценности, он не поддается панике, если приходится отступить. Его политика – плавный поток, который, если ему ничто не мешает, непрерывно движется к намеченной цели. Его главная забота – во что бы то ни стало заполнить все уголки и впадины в бассейне мировой власти. Но если на своем пути он наталкивается на непреодолимые барьеры, он воспринимает это философски и приспосабливается к ним. Главное, чтобы не иссякал напор, упорное стремление к желанной цели. В советской психологии нет и намек на то, что эта цель должна быть достигнута в определенные сроки.

Подобные размышления приводят к выводу, что иметь дело с советской дипломатией одновременно и легче, и труднее, чем с дипломатией таких агрессивных лидеров, как Наполеон или Гитлер. С одной стороны, она более чувствительна к сопротивлению, готова отступить на отдельных участках дипломатического фронта, если противостоящая ей сила оценивается как превосходящая и, следовательно, более рациональная с точки зрения логики и риторики власти. С другой стороны, ее непросто одолеть или остановить, одержав над ней одну-единственную победу. А настойчивое упорство, которое движет ею, говорит о том, что успешно противостоять ей можно не с помощью спорадических действий, зависящих от имовлетных капризов демократического общественного мнения, но только с помощью продуманной долговременной политики противником России, которая была бы не менее последовательной в своих целях и не менее разнообразной и изобретательной в средствах, чем политика самого Советского Союза.

В данных обстоятельствах краеугольным камнем политики Соединенных Штатов по отношению к Советскому Союзу, несомненно, должно быть длительное, терпеливое, но твердое и бдительное сдерживание экспансионистских тенденций России. Важно отметить, однако, что такая политика не имеет ничего общего с внешней суровостью, с пустыми или хвастливыми заявлениями о твердости. Хотя Кремль чаще всего проявляет гибкость, сталкиваясь с политическими реалиями, он, несомненно, становится неподатливым, когда речь заходит о его престиже. Бестактными заявлениями и угрозами советское правительство, как и почти всякое другое, можно поставить в такое положение, когда оно не сможет уступить, даже вопреки требованиям реальности. Русские руководители хорошо разбираются в человеческой психологии и отлично понимают, что потеря самообладания не способствует упрочению позиций в политике. Они умело и быстро пользуются подобными проявлениями слабости. Поэтому, чтобы успешно строить отношения с Россией, иностранное государство должно непременно сохранять хладнокровие и собранность и предъявлять требования к ее политике таким образом, чтобы у нее

⁵⁹ Фирменный знак известной звукозаписывающей компании «RCA Victor» – His Master's Voice («Голос его хозяина»). – *Прим. сост.*

оставался открытым путь к уступкам без ущерба для престижа.

III

В свете сказанного становится ясно, что советское давление на свободные институты западного мира можно сдерживать лишь с помощью искусного и бдительного противодействия в различных географических и политических точках, постоянно меняющихся в зависимости от сдвигов и перемен в советской политике, но его нельзя устранить с помощью заклинаний и разговоров. Русские ожидают бесконечного поединка и считают, что уже добились больших успехов. Мы должны помнить, что в свое время коммунистическая партия играла значительно меньшую роль в российском обществе, чем сегодняшняя роль Советской страны в мировом сообществе. Пусть идеологические убеждения позволяют правительствам России думать, что истина на их стороне и что они могут не торопиться. Но те из нас, кто этой идеологии не исповедует, могут объективно оценить правильность этих постулатов. Советская доктрина не только подразумевает, что западные страны не могут контролировать пути развития собственной экономики, но и предполагает беспредельное единство, дисциплинированность и терпеливость русских. Давайте трезво взглянем на этот апокалиптический постулат и предположим, что Западу удастся найти силы и средства для сдерживания советской власти в течение 10-15 лет. Чем обернется оно для России?

Советские лидеры, применив современную технику в искусстве деспотизма, решили проблему повиновения в рамках своего государства. Редко кто бросает им вызов; но даже эти немногие не могут вести борьбу против государственных органов подавления.

Кремль также доказал способность достигать своих целей, создав, не считаясь с интересами народов России, основы тяжелой индустрии. Этот процесс, правда, еще не завершен и продолжает развиваться, приближая Россию в этом отношении к основным промышленно развитым государствам. Однако все это – как поддержание внутренней политической безопасности, так и создание тяжелой индустрии – достигнуто за счет колоссальных потерь человеческих жизней, судеб и надежд. В невиданных для нашего времени масштабах в условиях мира применяется принудительный труд. Другие отрасли советской экономики, особенно сельское хозяйство, производство товаров широкого потребления, жилищное строительство и транспорт, игнорируются или нещадно эксплуатируются.

Вдобавок ко всему война принесла страшные разрушения, громадные людские потери и бедность народа. Этим объясняется усталость, физическая и нравственная, всего населения России. Народ в массе разочарован и скептически настроен, советская власть для него уже не так притягательна, как раньше, хотя она продолжает манить своих сторонников за рубежом. Энтузиазм, с которым русские воспользовались некоторыми послаблениями для церкви, введенными во время войны из тактических соображений, красноречиво свидетельствует, что их способности верить идеалам и служить им не нашли выражения в политике режима.

В подобных обстоятельствах физические и психические силы людей небеспредельны. Они объективны и действуют в условиях даже самых жестоких диктатур, так как люди просто не способны их преодолеть. Лагерь принудительного труда и другие институты подавления – только временное средство заставить людей работать больше, чем требует их желание или экономическая необходимость. Если люди все же остаются живых, они преждевременно стареют и их следует считать жертвами диктаторского режима. Во всяком случае, их лучшие способности уже утрачены для общества и не могут быть поставлены на службу государству.

Теперь надежда только на новое поколение. Новое поколение, несмотря на лишения и страдания, многочисленно и энергично; к тому же русские – талантливый народ. Пока еще, правда, неясно, как отразятся на этом поколении, когда оно вступит в пору зрелости, чрезвычайные эмоциональные перегрузки детства, порожденные советской диктатурой и сильно усугубленные войной. Такие понятия, как обычная безопасность и спокойствие в собственном доме, теперь существуют в Советском Союзе разве что только в самых отдаленных деревнях. И нет уверенности, что все это не скажется на общих способностях того поколения, которое сейчас вступает в пору зрелости.

Помимо этого, налицо факт, что советская экономика, хотя она и может похвастаться значительными достижениями, развивается настораживающе неровно и неравномерно. Русские коммунисты, говорящие о «неравномерном развитии капитализма», должны были бы сгорать от стыда, глядя на свою экономику. Масштабы развития некоторых ее отраслей, например металлургической или машиностроительной, вышли за рамки разумных пропорций по сравнению с развитием других отраслей хозяйства. Перед нами государство, которое стремится в течение небольшого срока стать одной из великих промышленных держав и при этом не располагает приличными шоссейными дорогами, а ее железнодорожная сеть весьма несовершенна. Многие уже сделано для того, чтобы поднять производительность труда и научить полуграмотных крестьян обращению с машинами. Однако материально-техническое обслуживание до сих пор является самой страшной прорехой советской экономики. Строительство ведется поспешно и некачественно. Амортизационные расходы, вероятно, огромны. Во многих отраслях экономики так и не удалось привить рабочим хоть какие-то элементы общей культуры производства и технического самоуважения, свойственного квалифицированным рабочим Запада.

Трудно представить себе, каким образом уставшим и подавленным людям, которые трудятся в условиях страха и принуждения, удастся быстро устранить эти недостатки. И до тех пор, пока они не будут преодолены, Россия останется экономически уязвимой и в некотором роде немощной страной, которая

может экспортировать свой энтузиазм или распространять необъяснимые чары своей примитивной политической живучести, но не в состоянии подкрепить эти предметы экспорта реальными свидетельствами материальной мощи и процветания.

Вместе с тем над политической жизнью Советского Союза нависла большая неопределенность, та самая неопределенность, которая связана с переходом власти от одного человека к другому или от одной группы лиц к другой.

Эта проблема, конечно, связана главным образом с особым положением Сталина. Нельзя забывать, что наследование им исключительного положения Ленина в коммунистическом движении – это пока единственный случай перехода власти в Советском Союзе. Понадобилось двенадцать лет, чтобы закрепить этот переход. Это обошлось народу в миллионы жизней и сотрясло основы государства. Побочные толчки ощущались во всем международном коммунистическом движении и нанесли урон самим кремлевским руководителям.

Вполне возможно, что следующая передача неограниченной власти произойдет тихо и незаметно, без каких-либо пертурбаций. Но в то же время не исключено, что связанные с этим проблемы приведут, говоря словами Ленина, к одному из тех «необычайно быстрых переходов» от «тонкого обмана» к «разнузданному насилию», которые характерны для истории России, и сотрясут советскую власть до основания.

Но дело не только в самом Сталине. Начиная с 1938 года в высших эшелонах советской власти наблюдается настораживающая застойность политической жизни. Всесоюзный съезд Советов, который теоретически считается высшим органом партии⁶⁰, должен собираться не реже чем раз в три года. Последний съезд был почти восемь лет назад. За это время численность членов партии выросла вдвое. За время войны огромное число коммунистов погибло, и теперь более половины всех членов партии – это люди, которые вступили в ее ряды уже после последнего съезда. Тем не менее на вершине власти, несмотря на все злоключения страны, остается все та же небольшая группа лидеров. Безусловно, есть причины, по которым испытания военных лет повлекли за собой коренные политические изменения в правительствах всех крупных западных государств. Причины этого явления достаточно общие, а потому должны присутствовать и в скрытой от взоров советской политической жизни. Но никаких признаков подобных процессов в России не видно.

Напрашивается вывод, что в рамках даже такой в высшей степени дисциплинированной организации, как коммунистическая партия, непременно должны все больше проявляться различия в возрасте, взглядах и интересах между огромными массами рядовых членов, вступивших в нее сравнительно недавно, и очень небольшой группой бессменных высших руководителей, с которыми большинство этих членов партии никогда не встречались, никогда не разговаривали и с которыми у них не может быть никакой политической близости.

Трудно предсказать, будет ли в этих условиях неизбежное омоложение высших эшелонов власти происходить (а это лишь вопрос времени) мирно и гладко или же соперники в борьбе за власть обратятся к политически незрелым и неопытным массам, чтобы заручиться их поддержкой. Если верно последнее, то коммунистической партии нужно ожидать непредсказуемых последствий: ведь рядовые члены партии учились работать лишь в условиях железной дисциплины и подчинения и совершенно беспомощны в искусстве достижения компромиссов и согласия. Если в коммунистической партии произойдет раскол, который парализует ее действия, то хаос и беспомощность общества в России обнаружатся в крайних формах. Ибо, как уже говорилось, советская власть – это лишь оболочка, скрывающая аморфную массу, которой отказано в создании независимой организационной структуры. В России нет даже местного самоуправления. Нынешнее поколение русских понятия не имеет о самостоятельных коллективных действиях. Поэтому если произойдет нечто такое, что нарушит единство и эффективность партии как политического инструмента, то Советская Россия может мгновенно превратиться из одной из сильнейших в одну из самых слабых и жалких стран мира.

Таким образом, будущее советской власти отнюдь не так безоблачно, как по русской привычке к самообману может показаться кремлевским правителям. То, что они могут удерживать власть, они уже продемонстрировали. Но им еще предстоит доказать, что они могут легко и спокойно передать ее другим. Однако тяжкое бремя их господства и превратности международной жизни заметно подточили силы и надежды великого народа, на котором покоится их власть. Любопытно отметить, что идеологическое воздействие советской власти в настоящее время сильнее за пределами России, куда не могут дотянуться длинные руки советской полиции⁶¹. В связи с этим на память приходит сравнение, которое есть в романе Томаса Манна «Будденброки». Рассуждая о том, что человеческие институты приобретают особый внешний блеск как раз в тот момент, когда их внутренний распад достигает высшей точки, он уподобляет семейство Будденброков в пору его наивысшего расцвета одной из тех звезд, свет которых ярче всего освещает наш мир тогда, когда на самом деле они давно прекратили свое существование. Кто может поручиться за то, что лучи, все еще посылаемые Кремлем недовольным народам западного мира, не являются тем самым последним светом угасающей звезды? Доказать это нельзя. И опровергнуть – тоже. Но остается надежда (и, по мнению автора этой статьи, довольно большая), что советская власть, как и капиталистический строй в ее понимании, несет в себе семена собственной гибели, и эти семена уже

⁶⁰ Так в оригинале. – Прим. сост.

⁶¹ Так в оригинале. – Прим. пер.

тронулись в рост.

Совершенно очевидно, что в обозримом будущем вряд ли можно ожидать политического сближения между Соединенными Штатами и советским режимом. Соединенные Штаты и впредь должны видеть в Советском Союзе не партнера, а соперника на политической арене. Они должны быть готовы к тому, что в советской политике найдет отражение не абстрактная любовь к миру и стабильности и не искренняя вера в постоянное счастливое сосуществование социалистического и капиталистического мира, а осторожное и упорное стремление подорвать и ослабить влияние всех противостоящих сил и стран.

Но нельзя забывать и того, что Россия по сравнению с западным миром в целом все еще слабая страна, что советская политика отличается большой неуравновешенностью и что в советском обществе, возможно, кроются пороки, которые в конечном счете приведут к ослаблению его общего потенциала. Это само по себе дает право Соединенным Штатам уверенно проводить политику решительного сдерживания, чтобы противопоставить русским неограниченную силу в любой точке земного шара, где они попытаются посягнуть на интересы мира и стабильности.

Но в действительности возможности американской политики ни в коей мере не должны сводиться к проведению твердой линии на сдерживание и к надеждам на лучшее будущее. Своими действиями Соединенные Штаты вполне могут влиять на развитие событий как в самой России, так и во всем коммунистическом движении, которое оказывает значительное влияние на внешнюю политику России. И речь идет не только о скромных усилиях Соединенных Штатов по распространению информации в Советском Союзе и других странах, хотя это тоже важно. Речь, скорее, идет о том, насколько успешными будут наши усилия по созданию у народов мира представления о Соединенных Штатах как о стране, которая знает, чего хочет, которая успешно справляется со своими внутренними проблемами и обязанностями великой державы и которая обладает достаточной силой духа, чтобы твердо отстаивать свои позиции в современных идеологических течениях. В той степени, в которой нам удастся создавать и поддерживать такое представление о нашей стране, цели русского коммунизма будут казаться бесплодными и бессмысленными, у сторонников Москвы поубавится энтузиазма и надежд, а во внешней политике у Кремля прибавится проблем. Ведь старческая немощь и обветшалость капиталистического мира составляют краеугольный камень коммунистической философии. Поэтому уже одно то, что не сбудутся предсказания пророков с Красной площади, самоуверенно предрекавших со времени окончания войны, что в Соединенных Штатах неминуемо разразится экономический кризис, имело бы глубокие и важные последствия для всего коммунистического мира.

И напротив, проявления неуверенности, раскола и внутренней разобщенности в нашей стране воодушевляют коммунистическое движение в целом. Каждое такое проявление вызывает бурю восторга и новые надежды в коммунистическом мире; в поведении Москвы появляется самодовольство; новые сторонники из разных стран пытаются примкнуть к коммунистическому движению, принимая его за ведущую линию международной политики; и тогда напор русских возрастает по всем направлениям международных отношений.

Было бы преувеличением полагать, что одни Соединенные Штаты без поддержки других государств могли бы решить вопрос жизни и смерти коммунистического движения и вызвать скорое падение советской власти в России. Тем не менее США имеют реальную возможность значительно ужесточить условия, в которых осуществляется советская политика, заставить Кремль действовать более сдержанно и осмотрительно, чем в последние годы, и таким образом способствовать развитию процессов, которые неизбежно приведут либо к крушению советского строя, либо к постепенной его либерализации. Ибо ни одно мистическое, мессианское движение, и особенно кремлевское, не может постоянно терпеть неудачи, не начав рано или поздно так или иначе приспосабливаться к логике реального положения вещей.

Таким образом, решение вопроса в значительной мере зависит и от нашей страны. Советско-американские отношения – это, по существу, пробный камень международной роли Соединенных Штатов как государства. Чтобы избежать поражения, Соединенным Штатам достаточно быть на высоте своих лучших традиций и доказать, что они достойны называться великой державой.

Можно с уверенностью сказать, что это самое честное и достойное испытание национальных качеств. Поэтому всякий, кто внимательно следит за развитием советско-американских отношений, не будет сетовать на то, что Кремль бросил вызов американскому обществу. Напротив, он будет в какой-то мере благодарен судьбе, которая, послав американцам это суровое испытание, поставила саму их безопасность как нации в зависимость от их способности сплотиться и принять на себя ответственность морального и политического руководства, которое уготовано им историей.

США: экономика, политика, идеология. 1989. № 12. Пер. Г. В. Здорных.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПУНКТ ПРОГРАММЫ ТРУМЭНА (THE FOURTH POINT)

Одержав победу на президентских выборах 1948 г., 20 января 1949 г. *Гарри Трумэн* (1884-1972) стал, наконец, полноправным избранным президентом страны. Его инаугурационная речь, почти полностью посвященная внешнеполитическим проблемам, содержала программу деятельности его администрации на предстоящие четыре года.

Трумэн выделил четыре основные цели американской внешней политики, уделив особое внимание четвертому

пункту, согласно которому Правительство США собиралось приступить к использованию достижений научно-технического прогресса для совершенствования, и развития слаборазвитых регионов. Этот «новый смелый план» предусматривал оказание технической помощи зарубежным странам посредством крупных капиталовложений в их экономику. У плана еще не было названия, и оно было предложено журналистами – «Всемирный справедливый курс». Однако в историю этот план вошел под названием «четвертый пункт Программы Трумэна».

На начальном этапе существования плана для многих оставались неясными вопросы, связанные с формами осуществления технической помощи зарубежным странам, но цель такой помощи была очевидна – предотвращение распространения идей коммунизма. В июне 1950 г. Конгрессом США были одобрены ассигнования на реализацию «четвертого пункта» в размере 35 миллионов долларов, а к началу 1953 г. 33 страны Азии, Африки и Латинской Америки через различные правительственные ведомства США и ООН получили техническую помощь (преимущественно военно-техническую) на сумму более 300 миллионов долларов.

Господин вице-президент, господин председатель Верховного суда, дорогие сограждане!

Я покорно принимаю честь, которой удостоил меня американский народ. Принимаю ее с глубокой решимостью сделать все возможное для благополучия нашей страны и для мира во всем мире.

При выполнении должностных обязанностей я буду нуждаться в помощи и молитвах каждого из вас. Я прошу вашего ободрения и поддержки. Стоящие перед нами задачи трудны, и мы сможем справиться с ними лишь совместными усилиями. <...>

В нашей программе мира и свободы на следующие годы особое внимание будет уделено четырем основным направлениям действий.

Во-первых, мы будем и впредь неуклонно поддерживать Организацию Объединенных Наций и связанные с ней агентства и продолжим поиски способов укрепления их авторитета, повышения их эффективности. Мы уверены, что Организацию Объединенных Наций укрепят новые государства, созданные в регионах, ныне продвигающихся к самоуправлению на демократических принципах.

Во-вторых, мы продолжим свои программы по восстановлению мировой экономики.

Это означает, прежде всего, что мы должны и далее всем своим авторитетом поддерживать европейский план восстановления. Мы уверены в успехе этого важнейшего предприятия в рамках всемирного восстановления. Мы верим, что наши партнеры в деле реализации этого плана вновь обретут статус самостоятельных государств.

Кроме того, мы должны выполнить свои планы по уменьшению барьеров на пути мировой торговли и увеличению ее объема. Экономическое возрождение и сам мир во всем мире зависят от расширения мировой торговли.

В-третьих, мы будем укреплять свободолюбивые страны в их борьбе против угрозы агрессии.

Совместно с некоторыми странами мы разрабатываем сегодня совместное соглашение с целью упрочения безопасности Северо-Атлантического региона. Подобное соглашение должно обрести форму договора о коллективной обороне в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций.

Мы уже заключили подобный оборонительный пакт в Западном полушарии, подписав договор в Рио-де-Жанейро⁶².

Основная цель этих соглашений – предъявить убедительное доказательство единого намерения свободных стран противостоять вооруженному нападению с любой стороны. Каждая страна, участвующая в этих соглашениях, должна вложить все, что может, в общую оборону.

Если мы сможем заблаговременно дать достаточно ясно понять, что любое вооруженное нападение, затрагивающее нашу национальную безопасность, будет встречено превосходящей силой, возможно, вооруженное нападение никогда не случится.

Я надеюсь вскоре направить в сенат договор относительно плана обеспечения безопасности Северо-Атлантического региона.

Помимо всего прочего, мы проведем военные консультации и предоставим технику свободным странам, которые будут сотрудничать с нами в деле обеспечения мира и безопасности.

В-четвертых, мы должны приступить к новому смелому плану использования достижений нашего научного и технического прогресса для развития слаборазвитых регионов.

Более половины населения мира живет в условиях, близких к нищете. Им недостает продуктов питания. Они становятся жертвами заболеваний. У них примитивная и застойная экономика. Бедность угрожает как им самим, так и более благополучным регионам.

Человечество впервые в истории располагает знаниями и навыками для облегчения страданий этих людей. <...>

⁶² Договор «О взаимной помощи» подписан 2 сентября 1947 г. участниками межамериканской конференции (вступил в силу в декабре 1948 г.). Он предусматривал, в частности, что вооруженное нападение со стороны любого государства на одно из американских государств будет рассматриваться как нападение на все американские государства. – *Прим. сост.*

Наша цель – помочь свободным народам мира самостоятельно производить больше продуктов питания, больше одежды, больше материалом для строительства домов, больше техники, облегчающей тяготы.

Мы предлагаем другим странам вкладывать в это предприятие свои технологические ресурсы. Их вклад будет горячо приветствоваться. Это предприятие должно быть совместным, где все страны работают вместе, по возможности под эгидой Организации Объединенных Наций и ее специализированных агентств. Это должен быть всемирный труд ради мира, изобилия и свободы. <...>

В наших планах нет места старому империализму – эксплуатации ради чужеземной выгоды. Мы имеем в виду программу развития, основанную на принципах демократического справедливого курса. <...>

Brockway T. P. Basic Documents in United States Foreign Policy. N.Y., 1957.

ДИРЕКТИВА СНБ-68 (NSC-68)

В марте 1948 г. Великобритания, Франция, Бельгия, Голландия и Люксембург подписали в Брюсселе соглашение о коллективной обороне на случай «русской агрессии». Это соглашение было встречено Президентом США Г. Трумэном с большим энтузиазмом. Он подчеркнул важность шага, предпринятого членами содружества стран Запада, и призвал Конгресс США поддержать эту инициативу. 20 января 1949 г. Трумэн объявил конгрессу о своем намерении подписать Североатлантический договор. 4 апреля 1949 г. двенадцать стран, включая участников Брюссельского договора 1948 г., подписали Североатлантический договор, предусматривавший создание военно-политического блока – НАТО. Через три месяца этот договор был ратифицирован Сенатом США.

Заявление ТАСС от 25 сентября 1949 г. об успешном испытании в СССР атомного оружия вызвало смятение в политических и деловых кругах США. Атомной монополии США, лежавшей в основе послевоенного американского внешнеполитического курса, наступил конец. Администрация Трумэна предприняла шаги по установлению контроля за развитием ядерных исследований в СССР, предложив создать под эгидой ООН международный контрольный орган. Это предложение было отвергнуто СССР. В 1950 г. Соединенные Штаты приступили к реализации обширной программы испытаний ядерного оружия, включая водородную бомбу.

К этому времени в связи с развитием событий в Азии обеспокоенность США усиливается. Осложнилась ситуация в Корее, разделенной после войны на две зоны – Северную Корею и Южную Корею. В августе 1948 г. Южная Корея, поддержанная США, объявила себя Республикой Корея, а в сентябре того же года Северная Корея при поддержке СССР и Китая провозгласила себя Кореической Народно-Демократической Республикой (КНДР). Начиная с 1949 г. активизировались действия северокорейских коммунистов, поставивших своей целью любыми средствами добиться объединения страны. Поражение китайских националистов, нанесенное Народно-освободительной армией Китая, бегство Чан Кайши и его сторонников на остров Тайвань и приход к власти в Пекине коммунистов во главе с Мао Цзэдуном вызвали всплеск обвинений в адрес администрации Трумэна и демократов, которым ставились в вину «засилье коммунистов в государственном аппарате» и «потеря Китая».

В этих условиях 31 января 1950 г. президент Трумэн направил секретное указание в Совет национальной безопасности США, поручив ему разработать директиву, которая содержала бы всесторонний анализ политических, стратегических, экономических и психологических целей США и их возможного влияния на американскую внешнюю политику «с учетом появления у Советского Союза атомной бомбы и возможного появления термоядерной бомбы». Эта директива, принятая 14 апреля 1950 г. и ставшая известной как директива СНБ-68, вошла в историю как один из основных документов «холодной войны».

I. Предпосылки современного мирового кризиса

На протяжении последних тридцати пяти лет мир пережил две жесточайшие мировые войны. В эти же годы он стал свидетелем двух революций огромных масштабов и силы – в России и Китае. Он видел крах пяти империй – Османской, Австро-Венгерской, Германской, Итальянской и Японской – и серьезный упадок двух крупных имперских держав – Великобритании и Франции. На протяжении жизни одного поколения коренным образом изменилась международная расстановка сил. В течение нескольких веков ни одно из государств не оказалось в состоянии приобрести такую подавляющую мощь, которой не могла бы быть противопоставлена еще большая мощь коалиции других государств. На международной арене часто отмечались периоды насилия и войн, но сохранялась система суверенных, независимых государств, над которой ни одно государство не смогло добиться господства.

Сейчас возникли два комплекса факторов, основательно изменивших эту исторически сложившуюся расстановку сил в мире. Во-первых, поражение Германии и Японии и упадок Британской и Французской империй оказали такое влияние на развитие Соединенных Штатов и Советского Союза, что главенство в мире стало все быстрее переходить к этим двум центрам. Во-вторых, Советский Союз, в отличие от предшествующих претендентов на мировое господство, вдохновляется новой фанатичной верой, полярно противоположной нашей собственной, и стремится навязать свою абсолютную власть остальному миру. Конфликт, таким образом, приобрел всемирный масштаб и поддерживается Советским Союзом с применением как насильственных, так и ненасильственных методов, в зависимости от требований практической целесообразности. С развитием все более грозных видов оружия массового уничтожения все люди сталкиваются с постоянно существующей возможностью гибели, если конфликт перерастет в тотальную войну.

С одной стороны, народы мира жаждут отдыха от тревог, вызываемых риском возникновения атомной войны. С другой стороны, любое существенное дальнейшее расширение территории, над которой господствует Кремль, привело бы к возможности того, что никакая коалиция государств не смогла бы

объединить силы, достаточно мощные, чтобы противостоять Кремлю. Именно в этом контексте нашей республике и ее гражданам, находящимся на подъеме, грозит наибольшая опасность.

Стоящие перед нами проблемы исключительно важны и затрагивают выживание не только нашей республики, но и самого человечества. Это проблемы, которые не будут ждать результатов наших долгих размышлений. Наше правительство и народ, который оно представляет, должны сейчас со всей ответственностью и решительностью принять новые и судьбоносные решения. <...>

III. Основополагающий замысел Кремля

Основной замысел тех, кто контролирует Советский Союз и международное коммунистическое движение, заключается в сохранении и укреплении своей абсолютной власти, во-первых, в Советском Союзе и, во-вторых, в районах, находящихся сейчас под их контролем. По мнению советских лидеров, однако, реализация такого замысла требует динамичного расширения их власти и конечной ликвидации любой эффективной оппозиции их власти.

Таким образом, этот замысел требует полного ниспровержения или насильственной ликвидации государственного механизма и общественной структуры в странах несоветского мира и их замены механизмом и структурой, подчиненной Кремлю и контролируемой им. С этой целью усилия Советского Союза направлены сейчас на установление господства над евразийской территорией. Соединенные Штаты как основной центр силы в несоветском мире и форпост оппозиции советской экспансии являются главным противником, чья целостность и жизнеспособность подлежат подрыву или уничтожению тем или иным способом, если Кремль хочет добиться реализации своего основополагающего замысла. <...>

В. Военные

Советский Союз развивает свой военный потенциал с целью обеспечения реализации своих планов установления мирового господства. Советский Союз фактически обладает вооруженными силами, далеко превосходящими те, которые необходимы для защиты его государственной территории. Эти вооруженные силы, возможно, не рассматриваются Советским Союзом достаточными для начала войны, в которую окажутся вовлеченными Соединенные Штаты. Эта избыточная мощь в сочетании с ядерным оружием придает Советскому Союзу внушительную силу принуждения для использования в мирное время в целях реализации его целей и служит в качестве сдерживающей силы для жертв его агрессии, дабы они, во избежание риска войны, не предпринимали никаких действий, направленных против его тактики.

Если в 1950 году начнется крупномасштабная война, Советский Союз и его сателлиты будут, по мнению Объединенного комитета начальников штабов, в состоянии такой высокой боевой готовности, чтобы без промедления начать и осуществить следующие военные кампании:

а) захватить Западную Европу, за возможным исключением Иберийского и Скандинавского полуостровов; продвинуться в направлении нефтеносных районов Ближнего и Среднего Востока; укрепить коммунистические режимы на Дальнем Востоке;

б) нанести удары с воздуха по Британским островам, а также удары с воздуха и с моря по линиям связи западных держав в Атлантическом и Тихом океанах;

в) нанести удары с использованием атомного оружия по избранным целям, включая сегодня возможность таких ударов по целям на Аляске, в Канаде и Соединенных Штатах. Как альтернатива эта способность в сочетании с другими доступными Советскому Союзу акциями может исключить использование Великобритании в качестве эффективной оперативной базы вооруженных сил Запада. Это также даст возможность Советскому Союзу предотвратить любые операции морского десанта типа «Нормандия», которые могут быть предприняты союзниками с целью овладения вновь европейским континентом.

После того как Советский Союз завершит свои первоначальные кампании и укрепит свои позиции в западноевропейском регионе, он мог бы одновременно провести:

а) полномасштабные военно-воздушные и ограниченные военно-морские операции против Британских островов;

б) вторжение на Иберийский и Скандинавский полуострова;

в) дальнейшие операции на Ближнем и Среднем Востоке, а также военно-воздушные операции против североамериканского континента, военно-воздушные и военно-морские операции против линий коммуникации в Атлантическом и Тихом океанах;

г) отвлекающие операции в других регионах. <...>

В настоящее время невозможно точно оценить конечные потери Советского Союза в результате применения против него закона 1948 года «Об экономическом сотрудничестве» с внесенными в него поправками и закона 1949 года «О взаимной помощи в обороне». Следует ожидать, что по мере применения положений этих законов будет улучшаться ситуация с внутренней безопасностью стран, подпадающих под действие этих законов. Кроме того, сильная военная позиция Соединенных Штатов в сочетании с дополнительным вооружением государств Западной Европы должна укрепить решимость заинтересованных государств в оказании сопротивления советским действиям, а в случае войны может рассматриваться как способная замедлить ход операций и увеличить время, требующееся Советскому

Союзу для захвата Западной Европы.

Скорее всего, хотя поддержка Соединенных Штатов укрепит решимость Западной Европы, дополнительные поставки вооружений по существующим соглашениям об оказании помощи не сыграют сколько-нибудь существенной роли до 1952 года. Если военная мощь государств Западной Европы не будет повышена в значительно большей степени, чем это предусматривается существующими ныне программами, и в более быстром темпе, эти государства, скорее всего, не смогут даже к 1960 году сколько-нибудь эффективно противостоять советским вооруженным силам. Учитывая военный потенциал Советского Союза, долгосрочная военная цель союзников в Западной Европе должна предусматривать такое увеличение военной мощи в этом регионе, чтобы получить возможность удержать Советский Союз от развязывания большой войны или, во всяком случае, оттянуть на время захват Западной Европы и, если будет сочтено возможным, получить плацдарм на континенте против наступления Советского Союза.

Нам не известно в точности, каковы советские атомные возможности, однако, по оценкам Центрального разведывательного управления, подтверждаемым Госдепартаментом, министерствами армии, военно-морских и военно-воздушных сил, а также Комиссией по атомной энергии, у Советского Союза имеются производственные возможности, которые позволят ему достигнуть запасов ядерного оружия в следующих пределах:

к середине 1950 года – 10-20,
к середине 1951 года – 25-45,
к середине 1952 года – 45-90,
к середине 1953 года – 70-135,
к середине 1954 года – 200.

По общему признанию, эти оценки базируются на неполном исследовании советских реалий и характеризуют производственный потенциал известных или вычисленных советских заводов. Если эти оценки неверны, они могут создать у нас чувство превосходства в наших атомных запасах над советскими, что будет опасным заблуждением, особенно в том, что касается даты возможного советского наступления. В то же время, если Советский Союз столкнется со сложностями оперативного характера, эти оценки будут ниже. Имеются некоторые сведения, что Советский Союз приобретает определенные материалы, необходимые для проведения исследовательских работ и создания термоядерного оружия.

В настоящее время Советский Союз обладает авиацией для доставки атомной бомбы. Согласно нашим разведывательным данным, у Советского Союза имеется такое количество атомных бомбардировщиков, которое превосходит то количество, которое требуется для доставки уже имеющихся в наличии атомных бомб. Мы в настоящее время не располагаем данными о точности попадания в цель советских атомных бомб. Считается, что Советы не могут обеспечить такое точное попадание своих бомб в цель, какого добились мы, но приблизительный подсчет дает основания считать, что точность попадания составляет 40-60 процентов от числа сброшенных бомб. Таким образом, можно предположить, что данные о советских запасах в количестве двухсот атомных бомб могут оказаться критическими для Соединенных Штатов, поскольку удар ста атомных бомб по целям в Соединенных Штатах мог бы нанести серьезный ущерб нашей стране.

В настоящее время у Советского Союза имеется значительный запас атомных бомб, и если предположить, что СССР нанесет сильный внезапный удар, и если также предположить, что его ядерное нападение не встретится с более эффективной обороной, чем та, которую планируют создать Соединенные Штаты и их союзники, то результатом такого нападения может стать:

- а) опустошение Британских островов, что лишит западные державы возможности использовать их в качестве базы;
- б) уничтожение жизненно важных центров и нарушение коммуникаций Западной Европы, что затруднит эффективную оборону западных держав;
- в) нанесение разрушительных ударов по некоторым жизненно важным центрам Соединенных Штатов и Канады.

Обладание Советским Союзом термоядерным оружием в дополнение к уже имеющимся значительным запасам атомного оружия привело бы к огромному увеличению ущерба. <...>

VI. Намерения и возможности США, существующие и потенциальные

В. Военные

Из всех стран мира Соединенные Штаты располагают сейчас самым крупным военным потенциалом. Однако военная слабость Соединенных Штатов в сравнении с Советским Союзом объясняется как небольшой численностью вооруженных сил, так и общей численностью людских ресурсов. Помимо недостаточной численности действующих вооруженных сил, у Соединенных Штатов недостает также обороноспособных позиций, на которых можно было бы в случае войны развернуть свои вооруженные силы и которые готовы к применению вооружений.

Действительно, сейчас вооруженные силы Соединенных Штатов сильнее, чем когда-либо ранее, в другие мирные периоды; правда также и то, что существует резкое несоответствие между нашей реальной военной мощью и нашими обязательствами. Однако это несоответствие не является единственным

решающим фактором. Решающим фактором должна быть также и международная ситуация; следовательно, было бы правильнее, если бы наша военная мощь в большей мере соотносилась существующей международной ситуацией. А когда мы сопоставляем нашу военную мощь с ситуацией в мире и определяем, насколько она способна соответствовать возможным нуждам этой ситуации, становится ясно, что наша военная мощь оказывается в опасной степени недостаточной.

Если война начнется в 1950 году, Соединенные Штаты и их союзники будут обладать военным потенциалом, достаточным для оборонительных действий с целью обеспечения в разумных масштабах защиты Западного полушария, баз в западной части Тихого океана и основных военных коммуникаций, но в недостаточной степени – для защиты главных военных баз в Великобритании и на Ближнем и Среднем Востоке. Мы будем обладать необходимым потенциалом для совершения мощных военно-воздушных налетов на жизненно важные советские военные объекты.

Если военные потенциалы Соединенных Штатов и их союзников будут быстро и эффективно увеличены, можно будет создать вооруженные силы, достаточные для предотвращения войны, или же, если Советский Союз предпочтет начать войну, выстоять перед первым советским наступлением, стабилизировать положение для подготовки ответных действий и ответить даже еще более сильным ударом по советским объектам. Исключительно с военной точки зрения это потребует, однако, не только целого поколения необходимых вооружений, но развития более совершенных видов оружия всех видов и создания их запасов.

В существующих мирных условиях потребуется период в два-три года для обеспечения существенного увеличения военной мощи. Такие военные силы могут быть созданы в несколько более короткий срок после объявления чрезвычайной обстановки или же в результате полного напряжения усилий государства в военное время. Однако в мирное время любое увеличение военного потенциала должно быть согласовано как с нашим возможным участием в войне, реализацией краткосрочной и долгосрочной внешней политики Соединенных Штатов в отношении Советского Союза, так и с реалиями создавшейся ситуации. Если сейчас будет взят такой курс на увеличение нашего военного потенциала, Соединенные Штаты получат возможность ликвидировать дисбаланс между своей военной мощью и требованиями создавшейся ситуации, а со временем и овладеть инициативой в «холодной войне» и значительно отложить, если не остановить, советское наступление в ходе самой войны. <...>

VIII. Атомное оружие

A. Военная оценка атомного потенциала США и СССР

1. Соединенные Штаты обладают в настоящее время атомным потенциалом с точки зрения как количества атомного оружия, так и возможности его доставки достаточным, при условии его эффективного применения, для нанесения серьезного удара по военному потенциалу СССР. Сомнительно, что такой удар, даже если он приведет к полному уничтожению намеченных целей, вынудит Советский Союз просить о мире или помешает советским вооруженным силам оккупировать Западную Европу, преодолев сопротивление тех наземных войск, которые могли бы быть мобилизованы в настоящее время. Однако мощный упреждающий удар мог бы уменьшить возможности СССР по обеспечению всем необходимым его военных структур и гражданского населения, предоставив Соединенным Штатам возможность развить свое военное превосходство в длительной войне.

2. По мере роста атомного потенциала СССР у него появится возможность нанести удар по нашим атомным объектам и затруднить таким образом для Соединенных Штатов проведение упомянутой выше наступательной операции. Вполне возможно, что в ближайшем будущем у Советского Союза появятся достаточное количество атомных бомб и достаточно высокая возможность их доставки. И тогда встанет вопрос о том, можно ли рассчитывать на то, что Великобритания с ее нынешней несовершенной военно-воздушной обороной станет плацдармом передового базирования, откуда авиация США сможет совершать основную часть бомбовых налетов.

Считается, что в ближайшие четыре года атомный потенциал СССР достигнет, того уровня, который позволит ему причинить серьезный ущерб жизненно важным центрам Соединенных Штатов при условии, что удар будет нанесен неожиданно, и еще при том условии, что ответ на этот удар окажется не более эффективным, чем тот, который нами сейчас запрограммирован. Такой удар может нанести настолько серьезный урон Соединенным Штатам, что их превосходство с точки зрения экономических возможностей существенно сократится.

Эффективное противодействие советскому атомному потенциалу потребует, помимо всего прочего, создания значительно более совершенной системы военно-воздушного предупреждения, военно-воздушной обороны и активной разработки и введения в действие программы гражданской обороны, которая уже основательно интегрировалась в системы военной обороны.

Со временем следует ожидать, что атомный потенциал СССР вырастет до такой степени, что в условиях неожиданности и не более эффективного противодействия, чем то, которое нами сейчас запланировано, нельзя будет исключать возможность нанесения превентивного удара.

3. На начальных этапах атомной войны выгоды от проявления инициативы и использования фактора неожиданности будут весьма велики. Полицейское государство, живущее за «железным занавесом», обладает огромным преимуществом и в вопросах сохранения необходимой секретности, и в централизации

принятия решений, необходимых для того, чтобы воспользоваться этим преимуществом.

4. На данный момент перспектива нанесения нами ответного атомного удара, возможно, удержит Кремль от прямого военного нападения на нас или на другие свободные народы. Однако, когда Кремль сочтет, ЧТМ обладает достаточным атомным потенциалом, чтобы нанести по нам внезапный удар и тем самым ликвидировать наше превосходство в атомном оружии и создать военную ситуацию, которая неоспоримо будет играть ему на руку, он может поддаться соблазну нанести такой быстрый и тайно подготовленный удар. Поэтому в такого рода ситуации существование двух крупных атомных потенциалов может сыграть роль фактора, не сдерживающего, а провоцирующего войну.

5. Дальнейшее увеличение количества и мощности нашего атомного оружия необходимо для обеспечения эффективности любого ответного удара США, но само по себе, по-видимому, не изменит логику изложенного выше. Для получения разумных гарантий того, что свободный мир выживет в результате неожиданного атомного нападения СССР (тот масштаба мощности, которой, как предполагается, СССР будет обладать к 1954 году) и будет в состоянии продолжить путь к достижению своих целей, необходимо значительное увеличение мощи военно-воздушных, сухопутных и военно-морских сил и совершенствование военно-воздушной и гражданской обороны. Кроме того, такой рост военной мощи позволит не только сохранить, но и увеличить нашу способность нанести ответный удар и тем самым отдалить на некоторое время тот момент, когда Советский Союз, согласно его расчетам, может с наибольшей для него пользой нанести неожиданный удар. Это обеспечит дополнительное время для того, чтобы наша политика привела к изменениям в советской системе.

6. Если СССР разработает термоядерное оружие раньше Соединенных Штатов, значительно увеличится риск существенно усилившегося советского давления на весь свободный мир или же нападения на США.

7. Если США разработают термоядерную систему оружия раньше Советского Союза, они смогут в течение какого-то времени оказывать упреждающее давление на СССР.

Б. Накопление и использование атомного оружия

1. Из проведенного выше анализа можно заключить, что эффективное исключение атомного оружия из национального оружейного арсенала мирного времени отвечало бы долгосрочным интересам Соединенных Штатов... В отсутствие такого исключения... следует признать, что у нас нет иной альтернативы, кроме увеличения нашего атомного потенциала по возможности настолько быстро, насколько позволяют иные соображения. В любом случае представляется крайне важным увеличить как можно быстрее военно-воздушные, сухопутные и военно-морские силы общего назначения нашей страны и наших союзников до таких масштабов, чтобы в военном отношении мы не были столь сильно зависимы от атомного оружия.
<...>

Выводы

Проведенный выше анализ свидетельствует о том, что возможный атомный потенциал Советского Союза существенно увеличил советскую угрозу безопасности Соединенных Штатов. Эта угроза носит тот же характер, как и отмеченная в документе СНБ-20/4 (одобренном президентом 24 ноября 1948 года), но является более близкой, чем предполагалось раньше. В частности, Соединенные Штаты столкнулись сейчас с вероятностью того, что в течение ближайших четырех или пяти лет Советский Союз будет обладать военным потенциалом, позволяющим нанести внезапный атомный удар огромной мощности. Это потребует от Соединенных Штатов значительного увеличения военно-воздушных, сухопутных и военно-морских сил, обладания атомным оружием и военно-воздушной и гражданской обороной, необходимыми для предотвращения войны и обеспечения разумной убежденности в своих силах в случае ее начала, с тем чтобы страна могла пережить первый удар и пойти дальше к достижению своих конечных целей. В свою очередь, эта вероятность требует активизации наших усилий в разведывательной области и в области исследований и развития. <...>

Однако в свете сегодняшнего состояния и будущего развития советского атомного потенциала действия, которые могут быть предприняты в соответствии с существующими программами, могут оказаться опасно недостаточными с точки зрения как своевременности, так и масштаба, для того чтобы привести к быстрому достижению важных для Соединенных Штатов политических, экономических и военных целей.

Сохранение нынешней тенденции приведет к серьезному ослаблению стран свободного мира в сравнении с Советским Союзом и его сателлитами. В основе этой неблагоприятной тенденции лежит недостаточность наших текущих программ, а не ошибка в наших целях и задачах. Эта тенденция ведет к изоляции не в результате какого-то намерения, а в силу отсутствия необходимой базы для проявления решительной инициативы в конфликте с Советским Союзом.

Наша позиция как центра силы в свободном мире налагает на Соединенные Штаты тяжелую ответственность лидерства. Мы должны организовать и мобилизовать энергию и ресурсы свободного мира для осуществления программы мира, которая расстроила бы замыслы Кремля по установлению мирового господства, создав такое положение в свободном мире, с которым Кремль будет вынужден примириться. Без такого сон местного усилия под руководством Соединенных Штатов мы будем вынуждены постепенно уступать давлению, пока однажды не обнаружим, что мы пожертвовали позициями, жизненно важными для нас.

Необходимо сделать так, чтобы эта тенденция была изменена, чему должно способствовать гораздо более быстрое увеличение реальной мощи как Соединенных Штатов, так и других государств свободного мира. Проведенный анализ свидетельствует, что это обойдется недешево и потребует значительных внутренних финансовых и экономических коррективов.

Выполнение этой задачи требует, однако, чтобы у Соединенных Штатов имелась в наличии конструктивная программа, не носящая сугубо оборонительный характер и предназначенная лишь для противостояния угрозе, исходящей от Советского Союза. Эта программа должна проложить дорогу к миру и порядку между государствами, принадлежащими к системе, основанной на свободе и праве, как это определяется Уставом Организации Объединенных Наций. Далее, она должна предусматривать политические и экономические меры, а также создание военного щита, за которым свободный мир, основываясь на стратегии «холодной войны», сможет трудиться, чтобы расстроить замыслы Кремля. Соображения, в основе которых лежит вера в наши основополагающие ценности, и наша национальная безопасность требуют, чтобы мы добились наших целей именно с помощью стратегии «холодной войны», наращивая нашу военную мощь для того, чтобы мы смогли никогда к ней не прибегать. Победа может быть гарантирована лишь в том случае, если удастся расстроить замыслы Кремля с помощью целеустремленного увеличения моральной и материальной мощи свободного мира и влияния на советский мир таким образом, чтобы вызвать внутренние изменения в советской системе. Такая позитивная программа, гармонично сочетающаяся с нашей основополагающей национальной целью и нашими задачами, необходима, если мы хотим вновь овладеть инициативой, победить и заручиться необходимой всенародной поддержкой и в Соединенных Штатах, и в остальной части свободного мира.

Эта программа должна включать переговоры с Советским Союзом, разработанные и согласованные с нашими союзниками и совпадающие с нашими задачами. Соединенные Штаты и их союзники, особенно Великобритания и Франция, должны быть всегда готовы к переговорам с Советским Союзом на условиях, совпадающих с нашими целями. Однако современная международная обстановка препятствует успешным переговорам с Кремлем, поскольку условия соглашений по важнейшим неразрешенным проблемам отразили бы сегодняшние реалии и оказались бы таким образом неприемлемыми, если не губительными, для Соединенных Штатов и остальной части свободного мира. После принятия соответствующего решения и начала наращивания военной мощи свободного мира для Соединенных Штатов может оказаться желательным захватить в свои руки инициативу в проведении переговоров в надежде на то, что это может способствовать процессу приспособления Кремля к новой ситуации. В случае неуспеха нежелание Кремля признать равноправные условия или допущенные им нарушения обязательств поможет сплочению общественного мнения в свободном мире в поддержку мер, необходимых для продолжения наращивания сил.

Итак, с помощью быстрого и непрерывного наращивания политической, экономической и военной мощи свободного мира и с помощью конструктивной программы, направленной на перехват инициативы у Советского Союза, мы должны противопоставить ему убедительное свидетельство решимости и способности свободного мира расстроить кремлевские планы установления мирового господства. Такая демонстрация является единственным, за исключением войны, средством, которое может вынудить Кремль отказаться от его нынешнего курса и вступить в переговоры о заключении приемлемых соглашений по вопросам первостепенной важности.

Весь успех предложенной программы зависит в конечном счете от признания нашим правительством, американским народом и всеми свободными людьми того, что «холодная война» является в действительности самой настоящей войной за выживание свободного мира. Важнейшими условиями мира остаются консультации с лидерами конгресса, целью которых является завоевание внепартийной поддержки законодателей и исчерпывающее разъяснение американской и всей мировой общественности фактов и значения нынешней международной обстановки. Осуществление программы потребует от нас изобретательности в постановке проблемы и упорства вплоть до того момента, когда наша национальная цель будет достигнута.

U.S. Department of State. Foreign Relations of the United States. 1950. Vol. 1.

ДОКТРИНА ЭЙЗЕНХАУЭРА (EISENHOWER DOCTRINE)

Решение египетского руководства о национализации Суэцкого канала (1956) вызвало неоднозначную реакцию на Западе и полную поддержку Советского Союза. Спровоцированный этим решением Суэцкий кризис привел к ослаблению позиций Великобритании и Франции на Ближнем и Среднем Востоке. Интересам США в гораздо большей степени отвечало установление международного контроля над этим важнейшим участком морских путей (через канал на Запад шла нефть из стран Ближнего Востока), чем сохранение национального англо-французского контроля. В этих условиях отказ США вмешаться в урегулирование Суэцкого кризиса был вполне естествен.

В октябре 1956 г. Израиль осуществил вторжение в Египет. К нему не замедлили присоединиться Великобритания и Франция, изначально провоцировавшие это вторжение. При поддержке ООН Соединенным Штатам Америки удалось убедить страны-агрессоры в необходимости заключить перемирие. С учетом обстоятельств возникновения этого кризиса и осложнения обстановки в других арабских странах, в частности в Ливане и Иордании, где у власти находились правительства, ориентирующиеся на США и Великобританию, а также с учетом роста в ряде стран этого региона влияния Советского Союза возникла необходимость разработки новой внешнеполитической стратегии США.

Вошедшая в историю под названием «доктрина Эйзенхауэра» программа новой ближневосточной политики США была разработана при активном участии государственного секретаря США *Джона Фостера Даллеса* (1888-1959), изложена президентом *Дуайтом Дейвидом Эйзенхауэром* (1890-1969) в послании к Конгрессу США 15 января 1957 г. и утверждена конгрессом в марте того же года.

*Белый дом,
5 января 1957 г.*

...В моем послании о положении в стране я сделаю обзор общей международной обстановки. Во всем мире существуют надежды, которые мы с известным основанием разделяем, а также обязательства, которые мы должны выполнять для обеспечения свободы, включая нашу собственную.

Сложилась, однако, особая ситуация на Среднем Востоке, которую и должен изложить вам уже сейчас.

Прежде чем я это сделаю, следует напомнить, что нашей основной национальной целью в международных делах является мир – мир во всем мире, основанный на праве. Такой мир, чтобы стать прочным, должен охватывать все области, все народы мира. Не существует государств, больших или малых, с которыми мы отказались бы вести переговоры при взаимной доброй воле терпеливо и с решимостью добиться лучшего взаимопонимания между нами. Из такого понимания должны вырасти, и в конечном счете вырастут, вера друг в друга и взаимное доверие – обязательные составные части программы мира и планов по избавлению все к нас от бремени создания дорогостоящих вооружений. Наше правительство неустанно работает ради достижения этих целей, день за днем, месяц за месяцем, год за годом. Но, прежде чем будет достигнута та мера успеха, которая увенчает наши усилия по обеспечению мирного существования всех государств, мы должны в интересах мира оставаться бдительными и сильными.

I

Ситуация на Среднем Востоке достигла критической точки в своей долгой и сложной истории. На протяжении последних десятилетий многие страны этого региона не были полностью самоуправляемыми. Другие государства обладали значительным влиянием в регионе, и безопасность в нем в значительной мере обеспечивалась их мощью. Но со времен Первой мировой войны там отмечалось неуклонное развитие в направлении к самоуправлению и независимости. Этот ход событий приветствовался и поощрялся Соединенными Штатами. Наша страна безоговорочно поддерживает полный суверенитет и независимость каждого и всех государств Среднего Востока.

Эволюция в направлении к достижению независимости была в основном мирным процессом. Но в регионе часто происходили волнения. Постоянные взаимные проявления недоверия и страха, сопровождаемые вторжениями и нарушениями национальных границ, привели к весьма напряженной, нестабильной обстановке на значительной части территории Среднего Востока. Совсем недавно там начались военные действия, в которые оказались вовлечены западноевропейские страны, когда-то пользовавшиеся большим влиянием в этом регионе. Помимо всего прочего, имевшее место в октябре относительно серьезное военное нападение Израиля⁶³ усилило основные противоречия между этим государством и его арабскими соседями. Эта нестабильность осложнялась, а порой и использовалась международным коммунизмом.

II

Правители России давно пытались установить свое господство на Среднем Востоке. Это было при царях и остается при большевиках. Причины тому найти нетрудно. Ничто не угрожает безопасности России, поскольку никто не лелеет планов использовать Средний Восток в качестве плацдарма для агрессии против России. У США таких идей никогда не возникало.

Советскому Союзу нечего опасаться Соединенных Штатов на Среднем Востоке или где-либо еще в мире, если его лидеры сами не прибегнут первыми к агрессии.

Я делаю это заявление со всей серьезностью и решительностью.

И собственные экономические интересы России в этом регионе не дают ей оснований стремиться доминировать на Среднем Востоке. Россия не пользуется в сколько-нибудь значительной степени Суэцким каналом и не зависит от него. В 1955 году советские перевозки по каналу составляли всего около 1 процента общего объема перевозок. Советы не нуждаются в нефтяных запасах, составляющих основное естественное богатство региона. Дело в том, что Советский Союз сам является крупным экспортером нефтепродуктов.

В основе интереса России к Среднему Востоку лежат исключительно политические соображения силового характера. Учитывая объявленные ею намерения коммунизировать мир, легко понять ее надежду на установление господства над Средним Востоком.

Этот регион всегда был перекрестком континентов Восточного полушария. Суэцкий канал позволяет государствам Азии и Европы вести торговлю, столь важную для них, если они намерены поддерживать всесторонне развитую и процветающую экономику.

Средний Восток представляет собой ворота между Евразией и Африкой. На его территории сосредоточены

⁶³ Имеется в виду Суэцкий кризис (1956). – Прим. сост.

две трети разведанных мировых запасов нефти, что покрывает нефтяные нужды многих государств Европы, Азии и Африки. Особенно зависят от поставок со Среднего Востока государства Европы, причем эта зависимость проявляется как в сфере транспортирования, так и в сфере добычи. Это было убедительно продемонстрировано после закрытия Суэцкого канала и отключения некоторых нефтепроводов. В случае необходимости могут быть разработаны как альтернативные транспортные пути, так и альтернативные источники энергии. Но все это не рассчитано на ближайшую перспективу.

Все эти соображения подчеркивают огромную важность Среднего Востока. Если государства этого региона потеряют свою независимость, если над ними станут доминировать иноземные силы, враждебно настроенные в отношении свободы, это станет трагедией для региона и для многих других свободных государств, чья экономическая жизнь окажется подвергнутой чуть ли не удушению. Опасность будет угрожать Западной Европе, как если бы никогда не было плана Маршалла или Организации Североатлантического договора. Серьезной опасности были бы подвергнуты и свободные государства Азии и Африки. И страны Среднего Востока потеряли бы рынки, от которых зависит их экономика. Все это привело бы к неблагоприятным, если не разрушительным, последствиям для экономической жизни нашего собственного государства и его политических перспектив.

Существуют также и другие соображения, выходящие за рамки сугубо материальных. Средний Восток является колыбелью трех великих религий – мусульманской, христианской и иудейской. Мекка и Иерусалим это нечто большее, чем просто наименования на карте. Они символизируют религии, которые учат, что духовное преобладает над материальным и что человек обладает достоинством и правами, которых его не вправе лишить ни одно деспотичное правительство. Было бы недопустимо, если бы эти святыне места Среднего Востока подверглись гнету со стороны строя, восхваляющего атеистический материализм.

Конечно, международный коммунизм стремится замаскировать свои цели установления господства над миром высказываниями доброй воли и внешне привлекательными предложениями своей политической, экономической и военной помощи. Но любое свободное государство, являющееся объектом советского заманивания, должно проявить элементарную мудрость, чтобы заглянуть под маску.

Вспомните Эстонию, Латвию и Литву. В 1939 году Советский Союз заключил пакт о взаимопомощи с этими тогда независимыми странами; и советский министр иностранных дел в своем обращении к чрезвычайной первой сессии Верховного Совета в октябре 1939 года во всеуслышание торжественно заявил: «Мы стоим за тщательное и точное соблюдение пактов на основе полной взаимности, и мы объявляем, что все бессмысленные разговоры о советизации Прибалтийских стран ведутся лишь в интересах наших общих врагов и всех антисоветских провокаторов». И тем не менее в 1940 году Эстония, Латвия и Литва были насильственно присоединены к Советскому Союзу.

Насильственный советский контроль над государствами-сателлитами Восточной Европы продолжает существовать, несмотря на выданные во время Второй мировой войны торжественные заверения в противоположных намерениях. Смерть Сталина принесла надежду, что такая практика изменится. И мы прочли в Варшавском договоре 1955 года, что Советский Союз будет следовать в странах-сателлитах «принципам взаимного уважения к их независимости и суверенитету и невмешательства во внутренние дела». Но мы только что стали свидетелями порабощения Венгрии грубой вооруженной силой. В результате венгерской трагедии уважение и вера мира в советские обещания пали еще ниже. Международный коммунизм стремится к легко опознаваемому успеху.

Итак, мы имеем дело с простыми и неоспоримыми фактами:

- 1) Средний Восток, который всегда представлял соблазн для России, сегодня является для международного коммунизма еще более желанной, чем когда-либо, наградой;
- 2) советские правители продолжают демонстрировать, что они не остановятся ни перед чем, чтобы добиться желаемых целей;
- 3) свободные государства Среднего Востока нуждаются в дополнительной поддержке, и большинство из них стремится заручиться ею для того, чтобы продолжать оставаться независимыми. <...>

IV

При всех обстоятельствах, которые я вам изложил, самая большая ответственность лежит сейчас на Соединенных Штатах. Мы продемонстрировали, не оставляя ни у кого сомнений на этот счет, нашу верность принципу, что в международном масштабе сила не будет применяться и каких-либо агрессивных целях и что целостность и независимость государств Среднего Востока должны оставаться нерушимыми. История знает не много примеров того, когда приверженность государства своим принципам подвергалась бы столь жесткому испытанию, как это произошло с нами в последние несколько недель.

Широко известно, причем не только на Среднем Востоке, что Соединенные Штаты не стремятся к политическому или экономическому господству над другими людьми. Нашим желанием является создание в мире атмосферы свободы, а не рабства. В то же время многие, если не все, государства Среднего Востока осознают опасность, которая исходит от международного коммунизма, и приветствуют более тесное сотрудничество с Соединенными Штатами, с тем чтобы реализовать для себя объявленные Организацией Объединенных Наций цели независимости, экономического благополучия и духовного роста. Если Среднему Востоку предстоит по-прежнему выполнять свою географически определенную роль связующего звена между Востоком и Западом, если его огромным экономическим ресурсам суждено служить благополучию населяющих его народов и если его культуры, религии и другие святыни подлежат

сохранению для поднятия духа народов, то в этом случае Соединенные Штаты должны еще яснее выразить свою готовность поддержать независимость свободолюбивых государств этого региона.

В этих обстоятельствах я счел необходимым обратиться к конгрессу за сотрудничеством. Только при таком сотрудничестве мы сможем сделать все необходимое для отпора агрессии, для придания мужества и уверенности тем, кто посвятил себя делу свободы, и предотвратить таким образом события, которые поставят весь свободный мир перед серьезной угрозой. Ранее Соединенные Штаты опубликовали несколько президентских деклараций, касающихся Среднего Востока... Тем не менее неопределенность сложившейся ситуации и рост угрозы, исходящей от международного коммунизма, убеждают меня в том, что принципиальная политика Соединенных Штатов должна найти выражение в совместных действиях конгресса и главы исполнительной власти. Кроме того, наши обоюдная решимость должна быть сформулирована таким образом, чтобы не оставалось никаких сомнений в том, что в случае необходимости наши слова будут подкреплены действиями.

VI

...У предлагаемых мной действий будут следующие отличительные черты. Во-первых, в результате этих действий Соединенные Штаты получат право помогать любому государству или группе государств Среднего Востока в развитии их экономической мощи, направленной на сохранение национальной независимости.

Во-вторых, в результате этих действий глава исполнительной власти будет уполномочен реализовывать в этом же регионе программы военной помощи и сотрудничества с любым государством или группой государств, желающих такой помощи.

В-третьих, в результате этих действий будут санкционированы такие формы помощи и сотрудничества, которые будут включать применение вооруженных сил Соединенных Штатов для обеспечения и защиты территориальной целостности и политической независимости любого государства, запросившего такую помощь, для отражения открытой вооруженной агрессии со стороны какого-либо государства, контролируемого международным коммунизмом.

Эти меры должны будут соответствовать договорным обязательствам Соединенных Штатов, включая Устав Организации Объединенных Наций, и действиям или рекомендациям ООН. В случае вооруженного нападения эти меры будут также подпадать под неоспоримый контроль Совета Безопасности ООН в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций.

В-четвертых, настоящее предложение уполномочит президента использовать в экономических и военных оборонительных целях суммы, ассигнованные по Закону о взаимной безопасности (1954 г.) с поправками к нему, независимо от существующих ограничений.

Предлагаемый законодательный акт не должен будет предусматривать выделения ассигнований, поскольку я считаю, что для определяемых мной мер уже выделенных фондов будет достаточно вплоть до конца текущего отчетного года, завершающегося 30 июня. Однако я намерен запросить выделение 200 миллионов долларов в каждом очередном законопроекте на 1958 и 1959 годы для целевого использования в регионе и дополнение к средствам на другие программы совместной безопасности, которые отныне будут утверждаться конгрессом.

VII

Эта программа не решит всех проблем Среднего Востока. Не исчерпывает она и всего комплекса политических решений, касающихся этого региона. Существуют проблемы Палестины и взаимоотношений Израиля с арабскими государствами, а также судьбы арабских беженцев. Существует и проблема будущего статуса Суэцкого канала. Эти трудности осложняются мировым коммунизмом, но они существовали бы и совершенно независимо от этой угрозы. Предлагаемый мной законопроект не рассчитан непосредственно на решение этих проблем. Этими вещами занимается Организация Объединенных Наций, и мы поддерживаем ООН. Соединенные Штаты четко заявили (в частности, в обращении госсекретаря Даллеса от 26 августа 1955 года), что мы намерены оказать всемерную помощь Организации Объединенных Наций в решении основных проблем Палестины.

Предлагаемая программа рассчитана прежде всего на противостояние опасности коммунистической агрессии, прямой или косвенной. Крайне необходимо, чтобы отсутствие достаточной военной мощи в регионе было восполнено не внешней или враждебной силой, а возросшей энергией и повышением обороноспособности независимых государств региона. <...>

И, как я уже указал, нам следует также внести экономический вклад в дело усиления этих стран или групп стран, правительства которых решительно посвятили себя делу сохранения независимости и сопротивления подрывной деятельности. Такие меры обеспечат наилучшую гарантию от коммунистических посягательств. Одних слов недостаточно.

VIII

Позвольте мне еще раз обратиться к вопросу запрашиваемых полномочий на использование вооруженных сил Соединенных Штатов для оказания помощи в защите территориальной целостности и политической независимости любого государства региона от коммунистической вооруженной агрессии. Такие полномочия

не будут использованы, если подвергшееся нападению государство не выразит соответствующего желания. Кроме всего прочего, я очень надеюсь, что вообще никогда не возникнет необходимости использовать эти полномочия. <...>

Настало время вновь продемонстрировать наше национальное единство в защите свободы и проявить наше глубокое уважение к правам и независимости всех государств, как больших, так и малых. Мы хотим не насилия, а мира. Этой цели мы должны сейчас посвятить наши усилия, нашу решимость и полностью самих себя.

Дуайт Д. Эйзенхауэр

Congressional Record. 85th Congress, 1st Session. 1957. January 5.

Дуайт Дейвид Эйзенхауэр
ПРОЩАЛЬНОЕ ОБРАЩЕНИЕ К НАЦИИ
(FAREWELL ADDRESS)

Президентские выборы 1960 г. в США принесли победу кандидату Демократической партии Дж. Кеннеди. За три дня до завершения своего восьмилетнего пребывания в Белом доме в качестве президента *Дуайт Дейвид Эйзенхауэр* (1890-1969) обратился с прощальным посланием к американскому народу. В нем он подробно охарактеризовал международную, а также внутривластную обстановку в стране.

Однако это обращение президента вошло в американскую историю прежде всего по той причине, что в нем впервые содержалось упоминание о существовании в стране военно-промышленного комплекса и предупреждение об опасности роста его могущества и влияния на политическую и экономическую жизнь Соединенных Штатов Америки.

Добрый вечер, соотечественники-американцы!

Прежде всего я хотел бы выразить свою благодарность радио и телевизионным сетям за предоставлявшуюся мне на протяжении многих лет возможность обращаться к нашей стране с докладами и посланиями. Приношу им свою особую благодарность за возможность обратиться к вам сегодня вечером.

Через три дня, после полувека пребывания на службе нашей стране, я сложу свои полномочия в процессе традиционной и торжественной церемонии передачи власти моему преемнику.

Сегодня вечером я предстаю перед вами со своим последним и прощальным посланием для того, чтобы напоследок поделиться с вами, мои соотечественники, несколькими своими соображениями.

Подобно всем другим гражданам, я желаю успеха новому президенту и всем, кто работает с ним. Я молюсь, чтобы предстоящие годы стали, с Божьего благословения, годами мира и всеобщего процветания.

Наш народ надеется, что его президент и конгресс придут к общему согласию по всем важным вопросам, мудрое решение которых более успешно определит будущее нации.

Мои собственные отношения с конгрессом, изначально опиравшиеся на непрочную и шаткую основу, когда очень давно член сената направил меня на учебу в Вест-Пойнт⁶⁴, развились в очень близкие в годы войны и последовавший за ней послевоенный период и, наконец, в отношения взаимозависимости в эти последние восемь лет.

В процессе этих взаимоотношений конгресс и администрация успешно сотрудничали по большинству жизненно важных вопросов в интересах всей нации, а вовсе не в партийных интересах, и обеспечили таким образом движение нашей страны вперед. Так что завершение моих официальных отношений с конгрессом пробуждает во мне чувство благодарности за то, что нам удалось вместе сделать так много.

Мы прожили десять лет с середины столетия, ставшего свидетелем четырех крупных войн между великими державами. В трех из них участвовала наша страна. Несмотря на эти разрушительные события, Америка стала сегодня самым сильным, самым влиятельным и самым богатым государством мира. Испытывая по понятным причинам гордость за наше превосходство, мы тем не менее понимаем, что американское лидерство и престиж зависят не только от никем не превзойденного уровня материального прогресса, богатства и военной мощи, а от того, как мы используем эту нашу силу в интересах мира во всем мире и прогресса всего человечества.

Все то время, когда претворялся в жизнь американский опыт с выбором свободного правительства, мы руководствовались этими основными принципами в целях сохранения мира, содействия прогрессу человечества и обеспечения свободы, достойных и честных отношений между народами и государствами. Стремиться к чему-то меньшему недостойно свободного и религиозного народа.

Любой неуспех, явившийся следствием нашего высокомерия или отсутствия у нас понимания либо готовности идти на жертвы, нанес бы нам тяжелый урон как в самой нашей стране, так и за рубежом.

Движению к этим благородным целям постоянно угрожает конфликт, охватывающий сейчас весь мир. Он

⁶⁴ Военная академия в Вест-Пойнте – ведущее военное учебное заведение США. – *Прим. сост.*

занимает все наше внимание, затрагивает самую суть нашего существования. Нам противостоит враждебная идеология, глобальная по масштабу, безбожная по характеру, безжалостная по целям и коварная по методам. К несчастью, представляемая ею опасность может существовать неопределенно долго. Для успешной борьбы с ней требуются не столько эмоциональные и преходящие жертвы, сколько действия, которые позволяют нам и дальше нести уверенно и без жалоб бремя длительной и сложной борьбы в условиях, когда на кон поставлена свобода. Только таким образом мы останемся, вопреки всем провокациям, на предначертанном нам пути к прочному миру и прогрессу человечества.

Кризисы в этой области, крупные или мелкие, будут продолжать существовать. Чтобы справиться с ними за рубежом или внутри страны, может время от времени возникать соблазн поверить, что какие-то эффективные и дорогостоящие действия способны стать решением всех текущих трудностей. Огромный прогресс в разработке новейших элементов нашей обороны, принятие нереалистичных программ решения многочисленных проблем в сельском хозяйстве; заметные достижения в сфере фундаментальных и прикладных исследований – эти и многие другие направления (каждое из них в отдельности, возможно, и весьма перспективное) мог., быть предложены в качестве единственного пути, по которому мы хотим идти.

Но каждое направление следует оценивать в более широком контексте: с точки зрения необходимости сохранять баланс в национальных программах и между ними – баланс между частной и государственной экономикой, между ценой и ожидаемой выгодой, между явно необходимым и в принципе желательным, между нашими насущными нуждами как государства и обязательствами, налагаемыми государством на личность, между действиями, подсказываемыми моментом, и будущим национальным благосостоянием. Разумное решение приводит к равновесию и прогрессу, отсутствие такого решения в конечном счете приводит к неустойчивости и разочарованию.

Перечень достигнутого на протяжении многих десятилетий служит свидетельством того, что наш народ и его правительство в основном правильно поняли эти истины и верно отреагировали на них, столкнувшись с угрозой и напряженностью. Но угрозы, новые по сути и масштабам, возникают постоянно. Я упомяну лишь две из них.

Жизненно важным элементом сохранения мира является наш военный истеблишмент. Наши вооружения должны быть мощными, готовыми к немедленному действию, чтобы ни один потенциальный агрессор не решился рискнуть собой, пойти на собственное уничтожение. Наша военная организация сегодня имеет мало общего с военной организацией, известной кому-либо из моих предшественников в мирное время или даже солдатам Второй мировой войны или Корейской войны.

До самого последнего из наших мировых военных конфликтов Соединенные Штаты не имели собственного производства вооружений. Американские производители орап могли в случае необходимости и при наличии достаточного времени производить также и мечи. Но сегодня мы не можем более рисковать в чрезвычайных обстоятельствах импровизациями на тему национальной обороны, мы вынуждены создать мощную военную промышленность. Три с половиной миллиона мужчин и женщин прямо связаны с оборонным истеблишментом. Мы ежегодно расходует на военную безопасность сумму, превышающую чистый доход всех корпораций Соединенных Штатов.

Этот конгломерат огромного военного истеблишмента и крупной индустрии вооружений является чем-то новым в американской жизни. Экономическое, политическое, даже духовное влияние такого союза ощущается в каждом городе, в каждом здании администрации штата, в каждом ведомстве федерального правительства. Мы признаем насущную необходимость такого хода событий. И тем не менее нам не следует недооценивать его серьезных последствий. С этим связано все – наш труд, ресурсы и средства к существованию, да и сам наш общественный строй.

В наших правительственных структурах мы должны быть начеку, предотвращая необоснованное влияние, намеренное или ненамеренное, военно-промышленного комплекса. Потенциал опасного роста его неоправданной власти существует и будет существовать.

Мы не должны никогда позволить этому союзу подвергнуть опасности наши свободы или демократические процессы. Нам не следует принимать что-либо на веру. Лишь бдительное и информированное гражданское общество может настоять на разумном сочетании огромной индустриальной и военной машины с нашими мирными методами и целями, с тем чтобы безопасность и свобода могли совместно процветать.

В значительной степени ответственной за радикальные изменения в нашем военно-промышленном статусе была технологическая революция последних десятилетий. Центральным моментом в этой революции стала исследовательская деятельность, которая становится все более формализованной, сложной и дорогостоящей. Постоянно увеличивается та часть исследований, которая проводится в интересах или по поручению федерального правительства.

Сегодня изобретатель-одиночка, трудящийся в своей мастерской, оттеснен на второй план оперативными группами ученых, работающих в лабораториях и на испытательных полигонах. Аналогичным образом свободный университет, по исторической традиции являющийся источником свободных идей и научных открытий, претерпел революционные изменения в организации проведения исследований. Частично по причине требуемых огромных финансовых затрат правительственный контракт теперь фактически заменяет интеллектуальную любознательность. Старые классные доски заменены сегодня сотнями новых компьютеров.

Перспектива подчинения ученых нашей страны федеральному диктату выделения средств под конкретные проекты, утверждения власти денег вполне реальна, и ее следует рассматривать со всей серьезностью.

И все-таки уважительно, как и положено, относясь к научным исследованиям и открытиям, мы должны также опасаться столь же серьезной и противоположной по характеру угрозы того, что государственная политика может оказаться заложницей интересов научно-технической элиты.

Задачей государственного управления является сбалансировать эти и прочие силы, старые и новые, и интегрировать их в нашу демократическую систему, всегда устремленную к высшим целям нашего свободного общества.

Другим фактором поддержания баланса является фактор времени. Заглядывая в будущее, мы – вы, я, наше правительство – должны избегать заманчивого стремления жить сегодняшним днем, расходуя во имя собственной беспроblemной и удобной жизни драгоценные ресурсы завтрашнего дня. Мы не можем отдавать в заклад материальные ценности наших внуков, не нанося при этом ущерба их политическому и духовному будущему. Мы желаем, чтобы демократия выжила для всех последующих поколений, а не превратилась в призрак завтрашнего дня.

На опыте долгого исторического пути, описать который еще предстоит, Америка знает, что наш мир, становящийся все меньше и меньше, не должен оказаться средоточием страха и ненависти, а должен превратиться в гордую конфедерацию взаимного доверия и уважения.

Такая конфедерация должна быть сообществом равных. Слабый должен участвовать в обмене мнениями с такой же уверенностью, как и мы, быть защищенным, подобно нам, нашей моральной, экономической и военной мощью. <...>

По-прежнему настоятельным требованием является разоружение при сохранении взаимной честности и доверия. Мы обязаны научиться улаживать споры, не прибегая к оружию, а используя лишь свой разум и видя впереди благую цель. Поскольку эта необходимость столь насущна и очевидна, я сознаюсь, что слагаю свои официальные полномочия в этой области с чувством большого разочарования. Как человеку, бывшему свидетелем ужасов и непрекращающихся бедствий войны, как человеку, знающему, что еще одна война может полностью уничтожить нашу цивилизацию, которая строилась столь медленно и болезненно на протяжении тысяч лет, мне хотелось бы, чтобы я смог заявить сегодня, что прочный мир близок.

К счастью, я могу сказать, что войны удалось избежать. Обеспечен устойчивый прогресс в направлении нашей конечной цели. Но так много еще остается сделать. В качестве частного гражданина я никогда не прекращу делать то немногое, что я могу, для того, чтобы помочь миру двигаться вперед в этом направлении.

Итак, в последний раз в качестве вашего президента желая вам доброй ночи, я благодарю вас за возможности служить государству в мирное и военное время, которую вы предоставили мне. Что касается моей службы, я надеюсь, что вы найдете в ней какие-то достоинства; что же касается всего остального, я знаю, что вы найдете возможности многое улучшить и в будущем. Вам и мне, мои соотечественники, следует быть сильными в пере в то, что по Божьей воле все государства добьются мира, основанного на справедливости. Да сохраним мы навечно верность своим принципам, решимость и вместе с тем сдержанность в использовании силы, усердие в достижении великих целей нашего государства.

Всем народам мира я еще раз выражаю внушенные свыше и непреходящие надежды Америки.

Мы молимся за то, чтобы великие гуманистические потребности народов всех верований, всех рас, всех государств были удовлетворены; чтобы те, кому отказано в возможностях, получили их; чтобы те, кто стремится к свободе, испытали ее духовное благословение; чтобы те, кто обладает свободой, поняли, наконец, ее тяжелые обязательства; чтобы все те, кто не проявляет внимания к нуждам других, научились творить благо; чтобы нищета, болезни и невежество были устранены с лица земли; чтобы настал добрый час и все народы стали жить вместе в мире, поддерживаемом обязывающей всех силой взаимного уважения и любви.

А теперь, в полдень в пятницу, мне предстоит стать частным лицом. Я горд стать им. Я смотрю с надеждой на это. Спасибо и доброй ночи.

Presidential Speeches // The Dwight D. Eisenhower
Presidential Library. Abilene, Kansas.

Джон Фицджеральд Кеннеди ИНАУГУРАЦИОННАЯ РЕЧЬ (INAUGURAL SPEECH)

20 января 1961 г. Президентом США стал *Джон Фицджеральд Кеннеди* (1919-1963). Это был самый молодой избранный президент за всю предшествующую историю страны. Избирательная кампания 1960 г. шла под лозунгом необходимости смены поколений в руководстве страной. Этот лозунг нашел широкий отклик у американцев, тем более что покидающему Белый дом президенту Д. Эйзенхауэру уже исполнилось 70 лет и он оказался самым старым президентом в истории США. Страна жаждала появления на политической арене более молодых и активных руководителей. По утверждению многих американских органов массовой информации, решающую роль в победе Кеннеди на выборах сыграли, однако, не ожидания, связанные с желанием «энергичного

руководства», а то, как выглядели кандидаты основных конкурирующих политических партий – Дж. Кеннеди и Р. Никсон – на телеэкране.

Инаугурационная речь Кеннеди изначально была названа образцом политического красноречия, а отдельные фразы из нее цитировались настолько часто, что превратились со временем чуть ли не в обязательный компонент множества официальных высказываний государственных деятелей США и других стран.

Вице-президент Джонсон, господин спикер, господин председатель Верховного суда, президент Эйзенхауэр, вице-президент Никсон, президент Трумэн, преподобные отцы, сограждане!

Сегодня мы являемся свидетелями не победы партии, а торжества свободы, символизирующего конец, равно как и начало, знаменательных новшеств и перемен. Ныне я принес перед вами и всемогущим Богом ту же самую торжественную присягу, которую нам завещали отцы-основатели сто семьдесят пять лет назад.

Мир сейчас стал совсем иным. Человек держит в своих бранных руках силу, способную уничтожить все виды человеческой бедности и все виды человеческой жизни. Однако на всем земном шаре по-прежнему актуальна та революционная вера, за которую сражались наши отцы, – вера в то, что права даруются человеку не щедротами государства, но Божьей дланью.

Сегодня нам нельзя забывать, что мы – наследники той первой революции. Пусть с этого места в это мгновение до друга и до врага долетит весть о том, что факел был передан новому поколению американцев, рожденных в этом столетии, закаленных войной, дисциплинированных трудным и горьким миром, гордящихся своим древним наследием и не желающих видеть или допускать постепенного уничтожения прав человека, которым всегда был предан наш народ и которым мы ныне преданы у себя в отечестве и во всем мире.

Пусть каждая страна, желает ли она нам добра или зла, знает, что мы заплатим любую цену, вынесем любое бремя, пройдем через любое испытание, поддержим любого друга, воспрепятствуем любому врагу, утверждая жизнь и достижение свободы.

Мы торжественно обещаем это, и не только это.

Старым союзникам, с которыми у нас общие культурные и духовные начала, мы обещаем верность истинных друзей. Объединившись, мы сможем свершить почти любое из множества совместных дел. Разъединенные, мы почти ничего не сумеем, ибо не осмелимся принять могучий вызов, оставаясь порознь.

Тем новым государствам, которые мы приветствуем в рядах свободных, мы даем слово, что одна форма господства – колониальная – отброшена не для того, чтобы смениться еще худшей – железной тиранией. Мы не станем ждать от этих государств постоянной поддержки нашей точки зрения. Но мы всегда будем надеяться, что они твердо поддерживают собственную свободу и помнят, как в прошлом глупцы, старавшиеся показать силу, проехавшись верхом на тигре, в конце концов оказывались у него в желудке.

Тем народам, которые по всей Земле, в хижинах и деревнях, борются, разрывая оковы массовой нищеты, мы обещаем всеми силами помогать обеспечивать себя самим, сколько бы времени на это ни понадобилось, и будем делать так не потому, что это могут сделать коммунисты, и не потому, что ищем их благосклонности, а ради справедливости. Если свободное общество не способно помочь множеству бедняков, оно не уберет и немногих богатых.

Братским республикам к югу от наших границ мы даем особое обещание – претворить добрые слова в добрые дела, объединиться в новый союз во имя прогресса, чтобы помочь свободным людям и свободной власти сбросить оковы бедности. Но эта обнадеживающая мирная революция не должна стать добычей враждебных сил. Пусть все наши соседи знают, что мы присоединимся к ним для отпора агрессии и подрывной деятельности в любом месте обеих Америк. И пусть любая другая держава знает, что наше полушарие намерено оставаться хозяином в собственном доме.

Всемирной ассамблее суверенных государств, Организации Объединенных Наций, последней надежде на лучшее в наш век, когда орудия войны значительно совершеннее орудий мира, мы вновь обещаем поддержку, чтобы эта организация не превратилась в форум для инвектив, чтобы она укрепила свой щит, ограждая молодые и слабые государства, чтобы она расширила сферу действия своих предписаний.

Наконец, к тем странам, которые пожелают стать нашим противником, мы обращаемся не с обещанием, а с предложением: обеим сторонам следует заново начать поиски мира, прежде чем темные разрушительные силы, высвобожденные наукой, поглотят человечество в предумышленном или случайном самоуничтожении.

Мы не рискуем искушать их слабостью. Ведь только располагая безусловно достаточным вооружением, мы можем быть безусловно уверены, что оно никогда не будет использовано.

Но две великие и могучие группы стран не могут быть также удовлетворены и нынешним курсом, когда обе стороны чрезмерно обременены расходами на современные вооружения, обе справедливо обеспокоены неуклонным распространением смертоносного атома и тем не менее обе спешат изменить это страшное неустойчивое равновесие, задерживающее наступление часа последней войны человечества.

Так начнем же заново, притом что обе стороны будут помнить, что вежливость никогда не является

признаком слабости, а искренность всегда подлежит проверке. Давайте не будем договариваться из страха. Но давайте не будем страшиться переговоров.

Пусть обе стороны выяснят, какие проблемы нас объединяют, вместо того чтобы твердить о разъединяющих нас проблемах.

Пусть обе стороны впервые сформулируют серьезные и конкретные предложения по инспектированию и контролю над вооружениями, чтобы абсолютную власть, направленную на уничтожение других стран, поставить под абсолютный контроль всех государств.

Пусть обе стороны творят чудеса, а не ужасы науки. Будем вместе исследовать звезды, покорять пустыни, искоренять болезни, измерять океанские глубины, поощрять искусство и торговлю.

Пусть обе стороны объединятся, чтобы донести во все уголки Земли завет Исаяи – «развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу»⁶⁵.

И если передовой отряд взаимодействия сумеет пробиться сквозь дебри подозрительности, пусть обе стороны объединятся в попытке создания не нового баланса сил, а нового мира, где царит закон, где сильный справедлив, а слабый в безопасности, где сохраняется мир.

Всего этого не завершить за первые сто дней. Не завершить этого ни за первую тысячу дней, ни за жизнь этой администрации, а может быть, даже ни за нашу жизнь на планете. Но давайте начнем.

В конечном счете успех или провал нашего курса будет не столько в моих руках, сколько в ваших, мои сограждане. С момента основания нашей страны от каждого поколения американцев требовалось засвидетельствовать национальную верность. Могилы молодых американцев, откликнувшихся на призыв к службе, раскинулись по всему земному шару.

Ныне труба вновь зовет нас. Она не требует братья за оружие, хотя оружие нам необходимо, не требует идти в бой, хотя мы строимся в босые ряды, а призывает год за годом нести тяготы долгой мрачной борьбы, «радуясь надежде, терпя горести», борьбы против общих врагов человека: тирании, бедности, болезней и войны.

Сможем ли мы противопоставить этим врагам великий всемирный союз Севера и Юга, Востока и Запада, способный обеспечить всему человечеству более плодотворную жизнь? Примете ли вы участие в этой исторической попытке?

В долгой мировой истории лишь немногим поколениям в час величайшей опасности была дарована роль защитников свободы. Я не уклоняюсь от такой ответственности – я ее приветствую. Я не верю, что кто-то из нас согласился бы поменяться местами с любым другим народом, с любым другим поколением. Энергия, вера, преданность, с которыми мы беремся за эту попытку, озарят нашу страну, всех, кто служит ей; отблеск этого пламени поистине может озарить весь мир.

Поэтому, дорогие американцы, не спрашивайте, что страна может сделать для вас, – спросите, что вы можете сделать для своей страны.

Дорогие сограждане мира, не спрашивайте, что Америка сделает для вас, – спросите, что все мы вместе можем сделать для свободы человека.

Наконец, кем бы вы ни были – гражданами Америки или гражданами мира, – требуйте от нас столь же высоких образцов силы и жертвенности, каких мы требуем от вас. С чистой совестью, нашим единственным несомненным вознаграждением после окончательного суда истории над нашими поступками, пойдем вперед, направляя любимую страну, прося Его благословения и Его помощи, но зная, что здесь, на Земле, дело Божие поистине должно быть нашим делом.

Инаугурационные речи президентов США /

Под ред. и с комм. Э. А. Иваняна. М., 2002. Пер. Е. В. Нетесовой.

Джон Фицджеральд Кеннеди

РЕЧЬ В АМЕРИКАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (AMERICAN UNIVERSITY SPEECH)

В октябре 1962 г. СССР приступил к размещению на Кубе ракет среднего радиуса действия. Получив сведения о «непонятной и новой» советской деятельности на острове, власти США предупредили Правительство СССР о неизбежных серьезных последствиях этого шага. В ответном послании Москва заявила, что поставка оружия и военного снаряжения на Кубу осуществляется «исключительно в оборонных целях», и обвинила США в «подготовке к агрессии против Кубы и других миролюбивых государств».

Кульминацией кризиса стало выступление президента *Джона Фицджеральда Кеннеди* (1919-1963) по телевидению 22 октября 1962 г. В нем «в качестве первых шагов» объявлялась морская блокада Кубы, а СССР предъявлялось ультимативное требование безотлагательно удалить ракеты с острова.

О решительности американской позиции должно было свидетельствовать предупреждение Президента США о том, что им отдан приказ вооруженным силам страны «быть готовыми к любому развитию событий», и о том, что

⁶⁵ Книга пророка Исаяи, 58:6. – *Прим. пер.*

ракета, запущенная с территории Кубы против любой страны Западного полушария, будет считаться нападением Советского Союза на Соединенные Штаты Америки, требующим адекватного ответного удара по СССР. В течение четырнадцати дней октября 1962 г. весь мир находился в состоянии напряженного волнения, ожидая дальнейшего развития событий. В эти две недели человечество было ближе к началу третьей мировой войны с применением ядерного оружия, чем когда-либо на протяжении всех послевоенных десятилетий.

Во избежание дальнейшего обострения международной обстановки, грозившего перерасти в военное противостояние с непредсказуемыми последствиями, 28 октября Правительство СССР сочло разумным согласиться с требованием США о выводе советских ракет с территории Кубы. Взамен было получено заверение Правительства США о соблюдении территориальной неприкосновенности острова, гарантии невмешательства во внутренние дела Республики Куба и обещание вывести американские ракеты среднего радиуса действия с территории Турции.

По свидетельству Т. Соренсена, одного из наиболее близких к президенту сотрудников Белого дома, Кеннеди как-то заметил, что «будущие историки, оглядываясь на 1962 г., имеют все основания считать его годом, который произошел коренной поворот во внешнеполитическом курсе Соединенных Штатов». Также, ссылаясь на слова президента, Соренсен заявлял впоследствии, что Карибский кризис «способствовал созданию в США благоприятной атмосферы для распространения убеждения о смертельной безысходности тотальной "победы" в ядерной войне и о созидательных возможностях соглашений... Разоружение становилось все в большей степени необходимостью и все в меньшей степени мечтой».

В июне 1963 г. президент произнес в Американском университете (в Вашингтоне) приводимую ниже речь. В том же месяце США и СССР подписали соглашение об установлении «горячей линии» – линии прямой связи между Москвой и Вашингтоном в целях предотвращения случайного возникновения войны. А 5 августа 1963 г. США, СССР и Великобритания подписали договор «О запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космосе и под водой». Это был первый с начала «холодной войны» международный документ, ограничивающий дальнейшее усовершенствование ядерного оружия. В октябре 1963 г. Президент США одобрил продажу Советскому Союзу зерна на сумму в 250 миллионов долларов, что помогло советскому руководству справиться с последствиями серьезного неурожая.

...Я избрал этот момент и это место для того, чтобы обсудить тему, по поводу которой очень уж часто проявляется невежество и очень уж редко преследуется цель добиться правды, хотя эта тема является наиболее важной в мире – мир во всем мире.

Какой мир я имею в виду? Какого мира мы стараемся добиться? Не Пакс Американская⁶⁶, навязанного миру американским оружием. Не мира могилы и не безопасности раба. Я говорю о подлинном мире, который делает жизнь на Земле достойной того, чтобы ее прожить, о том мире, который позволяет людям и государствам развиваться, надеяться и строить лучшую жизнь для своих детей, не о мире исключительно для американцев, а о мире для всех мужчин и женщин, не просто о мире в наше время, а о мире на все времена.

Я говорю о мире потому, что у войны появилось новое лицо. Тотальная война не имеет никакого смысла в век, когда великие державы могут содержать крупные и относительно неуязвимые ядерные силы и отказываться от капитуляции без применения этих сил. Она не имеет никакого смысла в век, когда одна единица ядерного оружия содержит в себе взрывную мощь, чуть ли не в десять раз превосходящую ту мощь, которая была применена всеми военно-воздушными силами союзников во Второй мировой войне. Она не имеет никакого смысла в век, когда смертоносные яды, которые образуются во время обмена ядерными ударами, могут быть доставлены ветром, водой, через почву и семена в самые дальние уголки планеты и поразить еще не родившиеся поколения.

Сегодня ежегодные затраты миллиардов долларов на оружие, приобретаемое для того, чтобы обеспечить уверенность, что мы никогда не будем им пользоваться, крайне необходимы для сохранения мира. Но приобретение таких лежащих втуне запасов оружия, которое пригодно лишь для разрушения, но не для созидания, не является единственным и тем более наиболее эффективным средством обеспечения мира. Поэтому я говорю о мире как о необходимой рациональной цели рационально мыслящего человека. Я отдаю себе отчет в том, что достижение мира потрясает воображение в меньшей степени, чем стремление к войне, и часто к словам человека, добивающегося мира, люди абсолютно не прислушиваются. Но перед нами не стоит более важной задачи.

Некоторые утверждают, что бесполезно говорить о мире во всем мире, о мировом праве или о мировом разоружении и что это не принесет пользы, пока лидеры Советского Союза не займут более разумную позицию. Я надеюсь, что они это сделают. Я считаю, что мы можем им помочь сделать это. Но я также считаю, что мы – и как индивиды, и как нация – должны пересмотреть нашу Собственную позицию, так как наша позиция столь же важна, как и их позиция. И каждый выпускник этого университета, каждый мыслящий гражданин, обеспокоенный опасностью войны и желающий добиться мира, должен заглянуть себе в душу и проверить свое собственное отношение к возможностям достижения мира, к Советскому Союзу, к ходу «холодной войны» и к свободе и миру в нашей собственной стране.

Первое. Давайте разберемся с нашим отношением к самому миру. Слишком многие из нас считают, что он невозможен. Слишком многие считают, что он нереален. Но это опасное, пораженческое убеждение, из него следует, что война неизбежна, человечество обречено, что мы находимся во власти неподконтрольных нам сил.

⁶⁶ Pax Americana (лат.) – внешнеполитическая идеология доминирующего положения США в мире. – Прим. сост.

Нам не следует соглашаться с этой точкой зрения. Наши проблемы созданы человеком, следовательно, они могут быть решены человеком. А человек может добиться всего, чего захочет. Ничто в судьбе человека не является для него недоступным. Человеческий разум и дух часто решали проблемы, казавшиеся неразрешимыми, и мы убеждены, что они в состоянии вновь это сделать.

Я не имею в виду концепцию абсолютного, беспредельного, глобального мира и доброй воли, о которой мечтают некоторые фантазеры и фанатики. Я не отрицаю значения надежды и мечты, но мы лишь вызываем разочарование и недоверие, делая это нашей единственной и немедленной целью.

Давайте сосредоточимся на более практическом, более достижимом мире, основанном не на внезапной революции в человеческой природе, а на постепенной эволюции человеческих институтов, на серии конкретных действий и эффективных соглашений, которые отвечают всеобщим интересам. Не существует одного-единственного ключа к этому миру, какой-то сложной или волшебной формулы, которая могла бы быть использована одной или двумя державами. Подлинный мир должен быть результатом труда большого числа государств, итогом множества разных действий. Он должен быть не статичным, а динамичным, изменяющимся в соответствии с требованиями каждого нового поколения. Ведь мир это процесс, путь решения проблем.

В таком мире останутся споры и конфликтующие интересы, как это происходит в семьях и государствах. Мир во всем мире, как и мир в обществе, не требует, чтобы каждый человек любил своего соседа, — он лишь требует, чтобы они жили вместе в обстановке взаимной терпимости, решая свои разногласия справедливым и мирным путем. И история учит нас, что вражда между государствами, как и между отдельными людьми, не длится вечно. Какими бы ни представлялись нам объекты наших предпочтений и неприязни, течение времени и ход событий будут часто вносить удивительные изменения в отношения между государствами и соседями.

Так что давайте упорно продолжать наши усилия. Мир не должен быть недостижимым, а война не должна быть неизбежной. Более четко определив нашу цель, сделав ее более выполнимой и менее отдаленной, мы можем помочь всем людям увидеть ее и с надеждой решительно взяться за ее достижение.

Второе. Давайте пересмотрим наше отношение к Советскому Союзу. Бессмысленно считать, что его лидеры могут действительно верить в то, что пишут их пропагандисты. Если прочитать недавно опубликованный авторитетный советский текст, касающийся военной стратегии, то на его страницах можно найти невероятные и абсолютно беспочвенные заявления, подобные утверждению, что «американские империалистические круги готовятся развязать различные виды войны... что существует реальная опасность превентивной войны, которая развязывается американскими империалистами против Советского Союза... (и что) политические цели американских империалистов заключаются в том, чтобы экономически и политически поработить европейские и другие капиталистические страны... (и) добиться мирового господства... с помощью агрессивных войн».

Поистине, как писали уже давно: «Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним»⁶⁷. И тем не менее печально читать эти советские заявления и осознавать масштабы пропасти, лежащей между нами. Но это и предупреждение — предупреждение американскому народу, чтобы он не попал в ту же западню, что и советский, чтобы он не видел лишь искаженный образ другой стороны, не считал конфликты неизбежными, договоренности — невозможными, а переговоры — всего лишь обменом угрозами.

Ни одно правительство, ни одна общественная система не являются столь зловещими, чтобы считать народ лишенным достоинств. Мы, американцы, считаем коммунизм глубоко отвратительным как систему, отрицающую личную свободу и самоуважение. Но мы можем по-прежнему уважать русский народ за его многочисленные достижения в науке и космосе, в экономическом и индустриальном развитии, в культуре, а также за его отважные подвиги.

Среди многих сходных черт, которыми обладают народы наших двух стран, нет более ярко выраженной, чем наше обоюдное отвращение к войне. Практически исключением в отношениях между крупными мировыми державами является тот факт, что мы никогда не воевали друг с другом. И никакое другое государство в истории войн не несло таких потерь, какие понес Советский Союз в ходе Второй мировой войны. Было потеряно по меньшей мере 20 миллионов жизней. Были сожжены или разграблены бесчисленные миллионы домов и ферм. В пустыню была превращена треть национальной территории, включая почти две трети промышленной базы — ущерб, соизмеримый с разрушением территории нашей страны к востоку от Чикаго.

Сегодня, в случае начала по той или иной причине новой тотальной войны, обе наши страны станут главными целями. Звучит иронией, но это абсолютно точный факт, что двум самым могущественным державам грозит самая серьезная опасность разрушения. Все, что мы построили, все, ради чего мы работали, будет уничтожено в первые 24 часа. И даже в условиях «холодной войны», приносящей тяготы и угрозы столь большому числу стран, включая самых близких союзников нашего государства, на долю наших двух стран выпадают самые серьезные тяготы. Это происходит потому, что обе наши страны расходуют на вооружения огромные суммы денег, которые с большей пользой могли бы быть потрачены на борьбу с невежеством, бедностью и болезнями. Наши страны оказались в порочном и опасном круге, где

⁶⁷ Библия. Книга притчей Соломоновых, 28:1. Полностью притча гласит: «Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним; а праведник смел как лев». — *Прим. сост.*

подозрительность одной стороны вызывает подозрительность другой, а новое оружие вызывает необходимость создания контроружия.

Короче говоря, и Соединенные Штаты и их союзники, и Советский Союз и его союзники взаимно глубоко заинтересованы в справедливом и подлинном мире и прекращении гонки вооружений. Соглашения в этой области соответствуют как интересам Советского Союза, так и нашим интересам. И даже на самые враждебно настроенные государства можно рассчитывать, что они согласятся и будут соблюдать те договорные обязательства, и лишь те договорные обязательства, которые учитывают их собственные интересы. Так что давайте не будем закрывать глаза на наше несходство, но давайте обратим внимание на наши общие интересы и на средства, с помощью которых это несходство может быть устранено. И если мы окажемся сейчас не в состоянии покончить с нашими разногласиями, мы можем, по крайней мере, содействовать тому, чтобы наши разногласия не угрожали миру. Поскольку в конечном счете самым главным является то, что мы все живем на этой маленькой планете. Мы все дышим одним и тем же воздухом. Мы все заботимся о будущем наших детей. И мы все смертны.

Третье. Давайте пересмотрим наше отношение к «холодной войне», помня, что мы не стремимся к тому, чтобы набрать очки в споре. Мы не занимаемся здесь установлением степени вины каждого или предъявлением друг другу обвинения. Мы должны иметь дело с реально существующим миром, а не с тем, каким он мог бы быть, если бы история последних восемнадцати лет была иной.

Поэтому мы должны продолжить наши поиски мира в надежде на то, что конструктивные изменения внутри коммунистического блока смогут приблизить те решения проблем, которые пока кажутся нам за пределами наших возможностей. Мы должны вести наши дела таким образом, чтобы соглашение о подлинном мире стало соответствовать интересам коммунистов. Прежде всего, защищая свои собственные жизненно важные интересы, ядерные державы должны предотвращать такие конфронтации, которые ставят противника перед выбором между унижительным отступлением и ядерной войной. Выбирать подобный путь в ядерный век было бы лишь свидетельством банкротства нашей политики или же проявлением коллективного инстинкта смерти всего мира. Во имя достижения этих целей американское оружие является непровоцирующим, тщательно контролируемым, рассчитанным на сдерживание и способным на выборочное применение. Наши вооруженные силы настроены на мир и обучены проявлять сдержанность. Наши дипломаты проинструктированы избегать излишних раздражающих действий и сугубо риторической враждебности.

Дело в том, что мы можем стремиться к ослаблению напряженности, не ослабляя нашей бдительности. И нам не надо прибегать к угрозам для доказательства нашей решительности. Нам не надо глушить иностранные радиопередачи из боязни, что наша вера окажется подорванной. Мы не хотим навязать нашу систему людям, которые этого не хотят, но мы готовы и можем вступить в мирное соревнование с любым народом на Земле.

А тем временем мы хотим укрепить Организацию Объединенных Наций, помочь в решении ее финансовых проблем, превратить ее в орудие мира и сделать ее подлинной системой мировой безопасности – системой, способной разрешать споры на правовой основе, обеспечивать безопасность больших и малых народов и создавать условия, при которых оружие сможет быть окончательно уничтожено.

В то же самое время мы хотим сохранить мир в некоммунистическом мире, в котором многие государства, являющиеся нашими друзьями, расходятся в позициях по проблемам, которые ослабляют западное единство, провоцируют коммунистическую интервенцию или угрожают вылиться в войну. Наши усилия в Западной Новой Гвинее, в Конго, на Среднем Востоке и на индийском субконтиненте отличались настойчивостью и терпением, несмотря на критику с обеих сторон. Мы также попытались послужить примером для других стран, стремясь уладить небольшие, но серьезные разногласия между нашими ближайшими соседями – Мексикой и Канадой.

Говоря о других государствах, я хочу прояснить один вопрос. Мы связаны союзными обязательствами со многими государствами. Эти союзы существуют благодаря тому, что у нас много общих забот. К примеру, наше обязательство защищать Западную Европу и Западный Берлин остается нерушимым, поскольку наши жизненные интересы совпадают. Соединенные Штаты не вступят ни в какую сделку с Советским Союзом за счет других государств и народов не только потому, что они являются нашими партнерами, но и потому, что наши интересы сходятся.

Однако наши интересы сходятся не только в вопросе защиты границ свободы, но и в вопросе продолжения следования по пути к миру. Нашей надеждой и целью союзной политики является убедить Советский Союз и том, что и ему также следует позволить каждому государству самостоятельно выбрать свое будущее при условии, что этот выбор не станет препятствовать выбору других. Стремление коммунистов навязать свою политическую и экономическую систему другим странам является сегодня основной причиной напряженности в мире. Ибо не может быть никаких сомнений, что, если все государства воздержатся от вмешательства в самоопределение других, мир может быть обеспечен в гораздо большей мере.

Это потребует новых усилий в обеспечении общемирового права – это новый контекст для переговоров в мировом масштабе. Это потребует более широкого взаимопонимания между Советами и нами. А более широкое взаимопонимание потребует расширения контактов и общения. Первым шагом в этом направлении станет достижение договоренности о прямой связи между Москвой и Вашингтоном, чтобы избежать с той и другой стороны опасных задержек, непонимания и неверного толкования действий другой

стороны, которые могут иметь место в период кризиса.

Мы также обсуждали в Женеве другие начальные меры по контролю за вооружениями, имеющие своей целью снизить накал гонки вооружений и уменьшить риск возникновения случайной войны. Нашей основной долгосрочной целью на переговорах в Женеве является, однако, всеобщее и полное разоружение, которое может быть достигнуто поэтапно, что позволит параллельно создавать новые институты мира, которые заменят вооружения. С 1920-х годов достижение разоружения было целью правительства нашей страны. Его упорно добивались три последние администрации США. И какими бы туманными ни казались сегодня перспективы, мы намерены продолжать эти усилия, с тем чтобы все страны, включая и нашу, лучше разобрались в том, каковы возможности разоружения.

Одной из важнейших сфер этих переговоров, где виден уже конец пути и где тем не менее крайне необходимо пройти весь путь с самого начала, является заключение договора об объявлении вне закона испытаний ядерного оружия. Такой договор, столь близкий и вместе с тем столь далекий, остановит растущую по спирали гонку вооружений в одной из наиболее опасных областей. Он позволит ядерным державам более эффективно противостоять одной из величайших опасностей, грозящих человеку в 1963 году, – дальнейшему распространению ядерного оружия. Он увеличит нашу безопасность и сократит опасность возникновения войны. Несомненно, эта цель достаточно важна, чтобы потребовать наших целеустремленных усилий, чтобы мы не поддавались соблазну отказаться от этой попытки и соблазну отказаться от нашей настойчивости в достижении жизненно важных и ответственных гарантий. Поэтому я пользуюсь данной возможностью, чтобы объявить о двух важных решениях в этой связи.

Первое. Председатель⁶⁸ Хрущев, премьер-министр Макмиллан и я договорились, что в скором времени в Москве начнутся переговоры на высоком уровне по вопросу о скорейшем заключении всеобъемлющего соглашения о запрещении испытаний ядерного оружия. Исторический опыт умеряет наши надежды, но наши надежды разделяет все человечество.

Второе. Для демонстрации нашей искренней и твердой убежденности в необходимости запрета испытаний настоящим я провозглашаю, что Соединенные Штаты не будут проводить ядерные испытания в атмосфере, пока другие государства также не будут этого делать. Мы не возобновим их первыми. Это заявление не заменяет официального договора, но я надеюсь, что оно поможет его заключить. Не является это заявление и заменой разоружения, но я надеюсь, что оно поможет нам его добиться.

И наконец, мои соотечественники-американцы, давайте разберемся с нашим отношением к миру и свободе у себя дома. Жизнь нашего собственного общества должна оправдывать и поддерживать наши усилия за пределами страны. Мы должны показывать всем, чему мы посвящаем нашу собственную жизнь, поскольку многие из вас, сегодняшних выпускников, получают уникальную возможность поступать должным образом, служа без вознаграждения в Корпусе мира за рубежом или в планируемом Национальном корпусе мира здесь, дома.

Но где бы мы ни были, мы все должны в нашей повседневной жизни оправдывать своими делами вековую веру в то, что мир и свобода идут рука об руку. Сегодня в слишком большом числе наших городов мир ненадежен потому, что свобода несовершенна.

Обеспечение и сохранение этой свободы для всех наших граждан с использованием всех доступных им средств является обязанностью исполнительной ветви государственной власти на всех ее уровнях – местном, национальном и на уровне штатов. Это является обязанностью законодательной ветви власти на всех уровнях, и если эта власть не соответствует сегодня требованиям времени, следует привести ее в соответствие с ними. И обязанностью всех граждан во всех частях нашей страны является проявление уважения к правам всех других граждан и уважения к законам государства.

Все это имеет отношение к миру во всем мире. «Когда Господу угодны пути человека, – учит нас Библия, – он и врагов его примиряет с ним»⁶⁹. А разве не мир в конечном счете составляет основу прав человека – права жить без страха погибнуть, права дышать воздухом, которым одарила нас природа, права будущих поколений на здоровую жизнь.

По мере того как мы продолжаем охранять наши национальные интересы, давайте также охранять интересы человечества. Ликвидация войн и вооружений вполне определенно соответствует и тому и другому. Ни один договор, каким бы полезным он ни был для всех, как бы тщательно он ни был сформулирован, не может гарантировать абсолютной безопасности от обмана и уклонения от выполнения обязательств. Но он может, при условии достаточно эффективного контроля за его выполнением и приемлемого для подписавших его государств соответствия их интересам, обеспечить гораздо большую безопасность и намного меньший риск гибели, чем ничем не сдерживаемая, неконтролируемая, непредсказуемая гонка вооружений.

Весь мир знает, что Соединенные Штаты никогда не начнут войны. Мы не хотим войны. Мы не ожидаем войны. На долю нынешнего поколения американцев выпало много испытаний – слишком много – войной и угнетением. Но мы будем готовы к ней, если ее захотят другие. Мы будем готовы попытаться остановить ее. Но мы также выполним нашу роль в строительстве мира во всем мире, в котором слабым ничто не

⁶⁸ Председатель Совета Министров СССР. – *Прим. сост.*

⁶⁹ Библия. Книга притчей Соломоновых, 16:7. – *Прим. сост.*

будет угрожать, а сильные будут справедливыми. Мы не беспомощны перед лицом этой задачи и верим в ее осуществимость. Убежденные и бесстрашные, мы будем продолжать работать не ради осуществления стратегии уничтожения, а ради стратегии мира.

Representative American Speeches. 1937-1997/ Ed. by C. M. Logue. N.Y., 1997.

Мартин Лютер Кинг-младший

У МЕНЯ ЕСТЬ МЕЧТА (I HAVE A DREAM)

60-е годы XX в. стали периодом небывалой активизации американских движений протеста – антивоенного, молодежного, женского и расовых меньшинств. В эти же годы у всех движений появились популярные лидеры, с именами которых стали связываться эти движения.

28 августа 1963 г. в Вашингтоне состоялся грандиозный митинг в защиту гражданских прав афроамериканского населения США. В нем приняли участие 250 тысяч белых и цветных американцев. К собравшимся обратился с речью известный чернокожий проповедник, один из самых активных деятелей американского движения за равные права *Мартин Лютер Кинг-младший* (1929-1968). Произнесенная им на ступеньках вашингтонского Мемориала А. Линкольна речь вошла в историю под названием «У меня есть мечта» – по фразе, которую несколько раз повторил Кинг.

Пять десятков лет назад великий американец, под чьей символической сенью мы сегодня собрались, подписал Прокламацию об освобождении негров. Этот важный указ стал величественным маяком света надежды для миллионов черных рабов, опаленных пламенем испепеляющей несправедливости. Он стал радостным рассветом, завершившим долгую ночь пленения.

Но по прошествии ста лет мы вынуждены признать трагический факт, что негр все еще не свободен. Спустя сто лет жизнь негра, к сожалению, по-прежнему калечится кандалами сегрегации и оковами дискриминации. Спустя сто лет негр живет на пустынном острове бедности посреди огромного океана материального процветания. Спустя сто лет негр по-прежнему томится на задворках американского общества и оказывается в ссылке на своей собственной земле. Вот мы и пришли сегодня сюда, чтобы подчеркнуть драматизм плачевной ситуации.

В каком-то смысле мы прибыли в столицу нашего государства, чтобы получить наличные по чеку. Когда архитекторы нашей республики писали прекрасные слова Конституции и Декларации независимости, они подписывали тем самым вексель, который предстояло унаследовать каждому американцу. Согласно этому векселю, всем людям гарантировались неотъемлемые права на жизнь, свободу и стремление к счастью.

Сегодня стало очевидным, что Америка оказалась не в состоянии выплатить по этому векселю то, что положено ее цветным гражданам. Вместо того чтобы выплатить этот святой долг, Америка выдала негритянскому народу фальшивый чек, который вернулся с пометкой «нехватка средств». Но мы отказываемся верить, что банк справедливости обанкротился. Мы отказываемся верить, что в огромных хранилищах возможностей нашего государства недостает средств. И мы пришли, чтобы получить по этому чеку – чеку, по которому нам будут выданы сокровища свободы и гарантии справедливости. Мы прибыли сюда, в это священное место, также для того, чтобы напомнить Америке о настоятельном требовании сегодняшнего дня. Сейчас не время удовлетворяться умиротворяющими мерами или принимать успокоительное лекарство постепенных решений. Настало время выйти из темной долины сегрегации и вступить на залитый солнцем путь расовой справедливости. Настало время открыть двери возможностей всем Божьим детям. Настало время вывести нашу нацию из зыбучих песков расовой несправедливости к твердой скале братства.

Для нашего государства было бы смертельно опасным проигнорировать особую важность данного момента и недооценить решимость негров. Знойное лето законного недовольства негров не закончится, пока не настанет бодрящая осень свободы и равенства. 1963 год – это не конец, а начало. Тем, кто надеется, что негру нужно было выпустить пар и что теперь он успокоится, предстоит суровое пробуждение, если наша нация возвратится к привычной повседневности. До тех пор пока негру не будут предоставлены его гражданские права, Америке не видать ни безмятежности, ни покоя. Революционные бури будут продолжать сотрясать основы нашего государства до той поры, пока не настанет светлый день справедливости.

Но есть еще кое-что, что я должен сказать моему народу, стоящему на благодатном пороге у входа во дворец справедливости. В процессе завоевания принадлежащего нам по праву места мы не должны давать оснований для обвинений в неблагоприятных поступках. Давайте не будем стремиться утолить нашу жажду свободы, вкушая из чаши горечи и ненависти.

Мы должны всегда вести нашу борьбу с благородных позиций достоинства и дисциплины. Мы не должны позволить, чтобы наш созидательный протест вырожден в физическое насилие. Мы должны стремиться достичь величественных высот, отвечая на физическую силу силой духа. Замечательная воинственность, которая овладела негритянским обществом, не должна привести нас к недоверию со стороны всех белых людей, поскольку многие из наших белых братьев осознавали, о чем свидетельствует их присутствие здесь сегодня, что их судьба тесно связана с нашей судьбой и их свобода неизбежно связана с нашей свободой.

Мы не можем идти в одиночестве.

И начав движение, мы должны поклясться, что будем идти вперед. Мы не можем повернуть назад. Есть такие, которые спрашивают тех, кто предан делу защиты гражданских прав: «Когда вы успокоитесь?» Мы никогда не успокоимся, пока наши тела, отяжелевшие от усталости, вызванной долгими путешествиями, не смогут получить ночлег в придорожных мотелях и городских гостиницах. Мы не успокоимся, пока основным видом передвижений негра остается переезд из маленького гетто в большое. Мы не успокоимся, пока негр в Миссисипи не может голосовать, а негр в Нью-Йорке считает, что ему не за что голосовать. Нет, нет у нас оснований для успокоения, и мы никогда не успокоимся, пока справедливость не начнет струиться, подобно водам, а праведность не уподобится мощному потоку.

Я не забываю, что многие из вас прибыли сюда, пройдя через великие испытания и страдания. Некоторые из вас прибыли сюда прямо из тесных тюремных камер. Некоторые из вас прибыли из районов, в которых за ваше стремление к свободе на вас обрушились бури преследований и штормы полицейской жестокости. Вы стали ветеранами созидательного страдания. Продолжайте работать, веруя в то, что незаслуженное страдание искупается.

Возвращайтесь в Миссисипи, возвращайтесь в Алабаму, возвращайтесь в Луизиану, возвращайтесь в трущобы и гетто наших северных городов, зная, что так или иначе эта ситуация может измениться и изменится. Давайте не будем страдать в долине отчаяния.

Я говорю вам сегодня, друзья мои, что, несмотря на трудности и разочарования, у меня есть мечта. Это мечта, глубоко укоренившаяся в Американской мечте.

У меня есть мечта, что настанет день, когда наша нация воспрянет и доживет до истинного смысла своего девиза: «Мы считаем самоочевидным, что все люди созданы равными».

У меня есть мечта, что на красных холмах Джорджии настанет день, когда сыновья бывших рабов и сыновья бывших рабовладельцев смогут усестись вместе за столом братства.

У меня есть мечта, что настанет день, когда даже штат Миссисипи, пустынный штат, изнемогающий от накала несправедливости и угнетения, будет превращен в оазис свободы и справедливости.

У меня есть мечта, что настанет день, когда четверо моих детей будут жить в стране, где о них будут судить не по цвету их кожи, а по тому, что они собой представляют.

У меня есть мечта сегодня.

У меня есть мечта, что настанет день, когда в штате Алабама, губернатор которого ныне заявляет о вмешательстве во внутренние дела штата и непризнании действия принятых конгрессом законов, будет создана ситуация, в которой маленькие черные мальчики и девочки смогут взяться за руки с маленькими белыми мальчиками и девочками и идти вместе, подобно братьям и сестрам.

У меня есть мечта сегодня.

У меня есть мечта, что настанет день, когда все низины поднимутся, все холмы и горы опустятся, неровные местности будут превращены в равнины, искривленные места станут прямыми, величие Господа предстанет перед нами и все смертные вместе удостоверятся в этом.

Такова наша надежда. Это вера, с которой я возвращаюсь на Юг. С этой верой мы сможем вырубить камень надежды из горы отчаяния. С этой верой мы сможем превратить нестройные голоса нашего народа в прекрасную симфонию братства. С этой верой мы сможем вместе трудиться, вместе молиться, вместе бороться, вместе идти в тюрьмы, вместе защищать свободу, зная, что однажды мы будем свободными.

Это будет день, когда все Божьи дети смогут петь, вкладывая в эти слова новый смысл: «Страна моя, это я тебя, сладкая земля свободы, это я тебя воспеваю. Земля, где умерли мои отцы, земля гордости пилигримов, пусть свобода звенит со всех горных склонов».

И если Америке предстоит стать великой страной, это должно произойти.

Пусть свобода звенит с вершин изумительных холмов Нью-Хэмпшира!

Пусть свобода звенит с могучих гор Нью-Йорка!

Пусть свобода звенит с высоких Аллегенских гор Пенсильвании!

Пусть свобода звенит с заснеженных Скалистых гор Колорадо!

Пусть свобода звенит с изогнутых горных вершин Калифорнии!

Пусть свобода звенит с горы Лукаут в Теннесси!

Пусть свобода звенит с каждого холма и каждого бугорка Миссисипи! С каждого горного склона пусть звенит свобода!

Когда мы позволим свободе звенеть, когда мы позволим ей звенеть из каждого села и каждой деревушки, из каждого штата и каждого города, мы сможем ускорить наступление того дня, когда все Божьи дети, черные и белые, евреи и язычники, протестанты и католики, смогут взяться за руки и запеть слова старого негритянского духовного гимна: «Свободны наконец! Свободны наконец! Спасибо всемогущему Господу, мы

ТОНКИНСКАЯ РЕЗОЛЮЦИЯ (TONKIN GULF RESOLUTION)

В августе 1964 г. в территориальных водах Демократической Республики Вьетнам (ДРВ), в Тонкинском заливе, при остающихся до сих пор окончательно не выясненными обстоятельствах произошли события, использованные Соединенными Штатами Америки в качестве повода для начала войны во Вьетнаме. Один из американских военных кораблей был обстрелян северовьетнамской канонеркой. Этот инцидент был оперативно использован администрацией президента Л. Джонсона для получения согласия Конгресса США на начало боевых действий против ДРВ.

Текст резолюции был принят 7 августа 1964 г. в палате представителей единогласно, а в сенате – 88 голосами при двух голосовавших против. 24 августа резолюция была одобрена на совместном заседании обеих палат конгресса. Проведя впоследствии расследование, сенатский комитет по иностранным делам в декабре 1967 г. пришел к выводу, что «тонкинский инцидент» был, скорее всего, спровоцирован самими США, а 24 июня 1970 г. отменил Тонкинскую резолюцию с «такой же поспешностью и замешательством, с какой он содействовал ее принятию шесть лет назад». Так писали в прессе США об этом решении американских законодателей.

С целью содействия поддержанию международного мира и безопасности в Юго-Восточной Азии, и

ввиду того, что военно-морские подразделения коммунистического режима во Вьетнаме в нарушение принципов Устава Организации Объединенных Наций и международного права преднамеренно и неоднократно совершали нападения на военно-морские суда Соединенных Штатов, законно находящиеся в международных водах, и создали тем самым серьезную угрозу международному миру, и

ввиду того, что эти нападения являются частью преднамеренной и систематической кампании агрессии, которую коммунистический режим в Северном Вьетнаме вел против своих соседей и государств, объединившихся с ними в коллективной защите своей свободы, и

ввиду того, что Соединенные Штаты помогают народам Юго-Восточной Азии защитить свою свободу и не имеют никаких территориальных, военных или политических намерений в этом регионе, а желают лишь, чтобы эти народы жили в мире и получили возможность независимо ни от кого определить свою собственную судьбу. Да будет посему!

Решено сенатом и палатой представителей Конгресса Соединенных Штатов Америки, собравшихся на совместном заседании, что конгресс одобряет и поддерживает решение президента как главнокомандующего принять все необходимые меры для отражения любого вооруженного нападения против вооруженных сил Соединенных Штатов и предотвращения дальнейшей агрессии.

Раздел 2. Соединенные Штаты считают жизненно важным для их национальных интересов и международного мира поддержание международного мира и безопасности в Юго-Восточной Азии. Согласно Конституции Соединенных Штатов и Уставу Организации Объединенных Наций и в соответствии с их обязательствами по Договору о коллективной безопасности Юго-Восточной Азии, Соединенные Штаты, таким образом, готовы по решению президента предпринять все необходимые шаги, включая использование вооруженных сил, для оказания помощи любому члену Договора о коллективной безопасности Юго-Восточной Азии или государству, подписавшему протокол к Договору, обратившемуся за помощью в защите своей свободы.

Раздел 3. Эта резолюция потеряет силу после того, как президент решит, что мир и безопасность в регионе в разумной степени обеспечены международными условиями, создавшимися в результате действий Организации Объединенных Наций или иным путем, за исключением того случая, когда она может быть досрочно аннулирована совместной резолюцией обеих палат конгресса.

U.S. Department of State Bulletin. 1964. August 29.

ГУАМСКАЯ ДОКТРИНА, ИЛИ ДОКТРИНА НИКСОНА (GUAM DOCTRINE)

К концу 1960-х годов Соединенные Штаты Америки увязли в кажущейся бесконечной войне во Вьетнаме, которая уже обошлась стране в: сотни миллиардов долларов и десятки тысяч погибших американцев. В США ширилось антивоенное движение, грозившее перерасти в серьезный социальный конфликт. Общественное мнение страны, поддерживаемое международной общественностью, выражало обеспокоенность по поводу опасности возникновения «новых Вьетнамов» и требовало прекращения войны и вывода американских войск из Юго-Восточной Азии.

С приходом в Белый дом в январе 1969 г. нового Президента США *Ричарда Милхауса Никсона* (1913-1994) впервые со времени начала военных действий во Вьетнаме встал вопрос о необходимости возложения ответственности за исход войны на самих «южных вьетнамцев», т. е., как вскоре стали именовать этот процесс, о «вьетнамизации» войны. По мере распространения подобных взглядов в политических кругах страны конкретизировались и обязательства США. Так, подчеркивалось, что Соединенные Штаты должны будут

продолжать оказывать Южному Вьетнаму всю необходимую для продолжения войны экономическую и техническую помощь или, как ее называли, помощь в интересах обеспечения безопасности.

25 июля 1969 г., остановившись по пути в Румынию на острове Гуам, Никсон провел пресс-конференцию, в ходе которой выдвинул новую внешнеполитическую доктрину, вошедшую в американскую историю под названием «Гуамская доктрина». Будучи тихоокеанской державой, Соединенные Штаты, заявил президент, будут и впредь играть важную роль в Азии, выполняя свои обязательства по ранее заключенным договорам. Подтвердив готовность США использовать «в целях обеспечения безопасности» этого региона мира американские военно-морские и военно-воздушные силы, он в то же время подчеркнул, что целью внешней политики его страны является создание условий для переложения большей части ответственности за безопасность в западной части Тихого океана на страны этого региона.

С целью постепенной «вьетнамизации» войны в июне 1969 г. президент объявил о выводе из Южного Вьетнама 25 тысяч, а на протяжении следующих шести месяцев еще более 60 тысяч американских военнослужащих. В это же время Сенат США принял резолюцию, в которой призвал президента не направлять американские войска в другие страны без согласия конгресса. Основные положения Гуамской доктрины были расширены Никсоном и изложены в его обращении к американскому народу 3 ноября 1969 г.

Добрый вечер, мои соотечественники!

Сегодня я хочу поговорить с вами по вопросу, серьезно волнующему всех американцев и многих людей в разных частях мира, – о войне во Вьетнаме.

Я считаю, что одной из причин глубокого раздора по Вьетнаму является то, что многие американцы утратили веру в то, что говорило им правительство о нашей политике. Американский народ нельзя и не следует просить поддерживать политику, касающуюся важных вопросов войны и мира, если от них скрывается правда об этой политике.

Поэтому сегодня вечером я хотел бы ответить на некоторые вопросы, которые, я знаю, беспокоят многих из вас, слушающих меня сейчас.

Как и почему Америка оказалась вовлеченной в войну во Вьетнаме?

Как наша администрация изменила политику предшествующей администрации?

Что в действительности произошло в ходе переговоров в Париже и на фронтах боевых действий во Вьетнаме?

Какие альтернативы стоят перед нами, если мы собираемся окончить войну?

Каковы перспективы мира?

А сейчас позвольте мне начать с описания ситуации, которая сложилась к тому времени, когда я вступил на президентский пост 20 января.

Война шла уже четыре года.

31 тысяча американцев погибли в боевых действиях.

Программа обучения южных вьетнамцев отстала от запланированного графика.

Во Вьетнаме находились 540 тысяч американцев, и не существовало никаких планов по сокращению их численности.

Не было достигнуто никакого прогресса на переговорах в Париже, и Соединенные Штаты не выдвинули никакого всеобъемлющего мирного предложения.

Война вызвала глубокий раскол в стране и критику со стороны многих наших друзей, а также врагов за рубежом.

Учитывая эти обстоятельства, некоторые настаивали на том, чтобы я тотчас же закончил войну, приказав немедленно вывести все американские войска.

С политической точки зрения это был бы наиболее популярный и легкий путь выхода из ситуации. Ведь мы оказались вовлеченными в войну, когда президентский пост занимал мой предшественник, и я мог бы взвалить на него вину за поражение, ставшее результатом моих действий, и выглядеть миротворцем. Некоторые говорили мне абсолютно открыто, что это единственный путь избежать превращения войны Джонсона в войну Никсона.

Но на мне была гораздо большая ответственность, чем просто думать о годах, отпущенных моей администрации, и о следующих выборах. Я должен был думать о влиянии моего решения на жизнь грядущего поколения и на будущее мира и свободы в Америке и во всем мире.

Нам необходимо понять, что суть стоящего перед нами вопроса заключается не в том, сколько американцев выступает за мир и сколько американцев против мира. Вопрос не в том, станет ли война Джонсона войной Никсона.

Вопрос в том, как мы можем выиграть мир для Америки.

А теперь обратимся к основополагающим вопросам. Почему и как Соединенные Штаты изначально

оказались вовлеченными во Вьетнам?

Пятнадцать лет назад Северный Вьетнам при финансовой и технической поддержке коммунистического Китая и Советского Союза начал кампанию по навязыванию Южному Вьетнаму коммунистического правительства, спровоцировав и поддержав революцию.

В ответ на просьбу правительства Южного Вьетнама президент Эйзенхауэр направил экономическую помощь и военное снаряжение, чтобы помочь народу Южного Вьетнама в его усилиях по предотвращению захвата власти коммунистами. Семь лет назад президент Кеннеди направил во Вьетнам в качестве военных советников 16 тысяч военнослужащих. Четыре года назад президент Джонсон направил в Южный Вьетнам боевые части.

Сейчас многие считают, что решение президента Джонсона направить в Южный Вьетнам боевые части было ошибкой. Многие другие – и я в их числе – жестко критиковали его за то, как эта война велась.

Но сегодня, в условиях, когда мы уже находимся в состоянии войны, перед нами стоит вопрос: как наилучшим образом ее закончить?

В январе я мог лишь прийти к заключению, что быстрый вывод американских войск из Вьетнама станет бедствием не только для Южного Вьетнама, но и для Соединенных Штатов и дела мира.

Для южных вьетнамцев наш быстрый выход из войны неизбежно привел бы к возобновлению коммунистами бойни, которая последовала за их захватом власти на Севере пятнадцатью годами раньше.

Тогда они умертвили более 50 тысяч человек, а еще сотни тысяч погибли в лагерях рабского труда.

Когда в прошлом году коммунисты захватили г. Хьеу, мы стали свидетелями прелюдии к тому, что случилось бы в Южном Вьетнаме. В течение их короткого правления в городе царил кровавый режим террора, в обстановке которого были забиты до смерти, расстреляны и погребены в массовых захоронениях 3000 гражданских лиц.

С внезапным прекращением нашей помощи зверства, совершенные в Хьеу, станут кошмаром всей нации, и особенно для полутора миллионов беженцев-католиков, укрывшихся в Южном Вьетнаме после того, как коммунисты захватили власть на Севере.

Для Соединенных Штатов это первое поражение в истории нашего государства приведет к утрате доверия к американскому лидерству не только в Азии, но и во всем мире.

Три американских президента признали важность того, что было поставлено на карту во Вьетнаме, и понимали, что надо делать.

В 1963 году президент Кеннеди с присущим ему красноречием и четкостью сказал: «...мы хотим видеть там стабильное правительство, ведущее борьбу за сохранение своей национальной независимости. Мы твердо верим в это. Мы не собираемся отказываться от реализации этого усилия. С моей точки зрения, отказ от этого будет означать для нас крах не только Южного Вьетнама, но и всей Юго-Восточной Азии. Так что мы собираемся оставаться там».

Президент Эйзенхауэр и президент Джонсон в годы своего пребывания на посту выражали аналогичную точку зрения.

Быстрый вывод наших войск станет бедствием огромного масштаба для будущего мира.

Нация не может оставаться великой, если она предаст своих союзников и изменит своим друзьям.

Наше поражение и унижение в Южном Вьетнаме, без сомнения, привело бы к безрассудным действиям правительств тех великих государств, которые еще не отказались от своих целей мирового господства. Это вызвало бы факты насилия повсюду, где наши обязательства поддерживают мир: на Среднем Востоке, в Берлине, со временем даже в Западной Европе.

В конечном счете это стоило бы еще большего числа человеческих жизней. Это не принесло бы мира. Это принесло бы новые войны.

В силу этих причин я отверг рекомендации закончить войну быстрым выводом всех наших войск. Вместо этого я выбрал изменение американской политики как на переговорах, так и на фронте боевых действий.

С целью окончания войны, которая ведется на многих фронтах, я выдвинул инициативу достижения мира по многим направлениям.

В переданной 5 марта по телевидению речи перед сессией Организации Объединенных Наций и в ряде других случаев я выдвинул наши детально сформулированные мирные предложения.

Мы предложили полный вывод наших зарубежных вооруженных сил в течение одного года.

Мы предложили перемирие под международным контролем.

Мы предложили провести под международным наблюдением свободные выборы с участием коммунистов в их организации и проведении в качестве организованной политической силы. И сайгонское правительство обещало согласиться с результатами этих выборов.

Мы не выдвигали наши предложения в качестве безальтернативных. Мы указали, что готовы обсудить предложения другой стороны. Мы объявили, что готовы обсуждать все, за исключением права народа Южного Вьетнама определять свое собственное будущее. На Парижской мирной конференции посол Лодж продемонстрировал нашу гибкость и добрую волю в ходе сорока общественных мероприятий.

Ханой отказался даже обсуждать наши предложения. Они потребовали безоговорочного принятия их условий, заключающихся в том, чтобы мы немедленно и безусловно вывели все американские вооруженные силы и одновременно свергли правительство Южного Вьетнама.

Мы не ограничили наши мирные инициативы проведением общественных форумов и произнесением публичных заявлений. Я признал в январе, что длительная и жестокая война, подобная той, которая ведется сейчас, обычно не может быть завершена проведением общественных форумов. По этой причине, помимо публичных заявлений и проведения переговоров, я изучил все возможные неофициальные пути, которые могли бы привести к урегулированию.

Сегодня вечером я делаю беспрецедентный шаг, раскрывая перед вами некоторые из наших мирных инициатив – инициатив, предпринятых в частном и секретном порядке, поскольку мы считаем, что таким образом можем попробовать открыть официально закрытую дверь.

Я не ждал моей инаугурации, чтобы начать свои поиски мира. Вскоре после моего избрания, пользуясь услугами лица, поддерживающего личный контакт с лидерами Северного Вьетнама, я выдвинул два частных предложения быстрого, всеобъемлющего урегулирования. Ответы Ханоя предусматривали, по сути дела, нашу капитуляцию до начала переговоров.

Поскольку Советский Союз поставляет Северному Вьетнаму большую часть военного снаряжения, государственный секретарь Роджерс, мой помощник по вопросам национальной безопасности доктор Киссинджер, посол Лодж и я встречались несколько раз с представителями Советского правительства, чтобы заручиться их помощью в содействии началу содержательных переговоров. Кроме того, мы провели продолжительные беседы, посвященные тем же темам, с представителями других правительств, поддерживающих дипломатические отношения с Северным Вьетнамом. Ни одна из этих инициатив не принесла вплоть до настоящего времени никаких результатов.

В середине июля я убедился в необходимости сделать решительный шаг, чтобы выйти из тупика, создавшегося на Парижских переговорах. В этом кабинете, где я сейчас сижу, я говорил с неким лицом, лично знакомым с Хо Ши Мином (Президентом Демократической Республики Вьетнам) на протяжении двадцати пяти лет. Через него я направил письмо Хо Ши Мину. Я сделал это, минуя официальные дипломатические каналы, в надежде на то, что отсутствие необходимости выступать с пропагандистскими заявлениями может помочь сделать конструктивный шаг в направлении окончания войны. Разрешите мне зачитать сейчас выдержки из этого письма.

«Уважаемый господин президент!

Я отдаю себе отчет в сложности содержательного общения в ситуации, когда мы оказались на краю пропасти, образовавшейся в результате четырехлетней войны. Но именно из-за этой пропасти я хочу воспользоваться представившейся возможностью со всей торжественностью подтвердить мое желание потрудиться на благо справедливого мира. Я глубоко верю, что война во Вьетнаме длится слишком долго и промедление в ее завершении не принесет никому пользы, и меньше всего народу Вьетнама. <...>

Настало время продвижения вперед за столом переговоров к достижению скорейшего завершения этой трагичной войны. Вы увидите, что мы проявим готовность и непредубежденность в нашем общем стремлении добиться благословенного мира для отважного народа Вьетнама. Пусть история зафиксирует, что в этот критический момент обе стороны обратили свое лицо к миру, а не к конфликту и войне».

Я получил ответ Хо Ши Мина 30 августа, за три дня до его смерти. Он просто повторил официальную позицию Северного Вьетнама, высказанную в Париже, и отверг мою инициативу. Полные тексты обоих писем передаются в руки прессы.

Помимо официальных встреч, о которых я упоминал, посол Лодж провел с главным представителем Вьетнама на переговорах в Париже одиннадцать частных встреч.

Мы предприняли и другие важные инициативы, которые должны сохраняться в секрете, чтобы оставались открытыми некоторые каналы общения, которые еще могут оказаться полезными.

Но результаты всех этих официальных, частных и секретных переговоров, которые были предприняты после прекращения бомбардировок полгода назад и после того, как наша администрация пришла к власти 20 января, можно свести к одному предложению. Не достигнуто абсолютно никакого прогресса, за исключением договоренности о форме стола, за которым должны вестись переговоры.

Ну и кого следует винить за это?

Стало ясно, что не Президент Соединенных Штатов является препятствием на пути переговоров об окончании войны. И это не южновьетнамское правительство.

Препятствием является категорический отказ другой стороны продемонстрировать хотя бы готовность к объединению усилий в достижении справедливого мира. И она не сделает этого, пока остается уверенной

том, что единственное, что ей остается, – это ожидать нашей очередной уступки и затем еще одной, пока она не получит всего, чего добивается.

Сейчас не может быть никаких сомнений в том, что прогресс на переговорах зависит лишь от желания Ханоя вести переговоры, серьезные переговоры.

Я отдаю себе отчет в том, что этот доклад о наших усилиях на дипломатическом фронте разочарует американский народ, но американский народ должен знать правду – как плохую, так и хорошую, – когда речь идет о жизни наших молодых людей.

А теперь разрешите изложить вам более обнадеживающие сведения, касающиеся иной стороны проблемы.

Когда мы начали наш поход за мир, я признал, что, возможно, нам не удастся добиться окончания войны путем переговоров. Поэтому я ввел в действие другой план достижения мира – план, который завершит войну независимо от того, что будет происходить на переговорном фронте.

Он соответствует серьезным изменениям во внешней политике США, о которых я говорил на пресс-конференции в Гуаме 26 июля. Разрешите мне вкратце изложить то, что было названо доктриной Никсона, – политику, которая не только может помочь нам закончить войну во Вьетнаме, но и составляет существенный элемент нашей программы по предотвращению будущих Вьетнамов.

Мы, американцы, являемся народом, сделавшим самое себя. Мы нетерпеливый народ. Вместо того чтобы учить других, как выполнять работу, мы предпочитаем сделать ее сами. И эта привычка была перенесена в нашу внешнюю политику.

Соединенные Штаты выделили большую часть денег, большую часть вооружений и большую часть живой силы, с тем чтобы помочь Корее и ныне Вьетнаму защитить свою свободу от коммунистической агрессии.

Прежде чем американские войска были направлены во Вьетнам, во время моей поездки в Азию в качестве частного лица лидер одной азиатской страны сказал мне: «Когда вы пытаетесь помочь другой стране защитить ее свободу, политикой США должно быть оказание помощи в ведении этой страной войны своими силами, а не в ведении войны за нее».

Итак, в соответствии с этим мудрым советом я изложил на Гуаме три принципа в качестве директив для будущей американской политики в отношении Азии.

Первое. Соединенные Штаты выполняют все свои обязательства по заключенным договорам.

Второе. Мы предоставим щит, если ядерная держава станет угрожать свободе государства, находящегося в союзе с нами, или стране, выживание которой мы считаем жизненно важным для нашей безопасности.

Третье. В случаях, касающихся других типов агрессии, мы окажем военную и экономическую помощь, если к нам обратятся с просьбой, соответствующей нашим договорным обязательствам. Но мы будем ожидать от государства, подвергшегося этой угрозе, что оно возьмет на себя основные обязательства по выделению живой силы, необходимой для своей обороны.

После того как я объявил эту политику, я обнаружил, что лидеры Филиппин, Таиланда, Вьетнама, Южной Кореи и других государств, которым может угрожать опасность коммунистической агрессии, приветствовали этот новый курс американской внешней политики.

Защита свободы является делом каждого, а не только делом Америки. И особенно это должно быть обязанностью народа, чья свобода подвергается опасности. При прежней администрации мы «американизировали» войну во Вьетнаме. При нашей администрации мы «вьетнамизируем» поиски мира.

Политика прежней администрации привела к тому, что мы не только взяли на себя основную ответственность за ведение войны, но и, что более важно, недостаточно определенно подчеркнули задачу помощи южным вьетнамцам, с тем чтобы они могли защитить себя после нашего ухода.

План «вьетнамизации» был введен в действие после завершения в марте визита во Вьетнам министра [обороны] Лэйрда. В соответствии с этим планом я приказал существенно увеличить помощь в обучении и техническом оснащении южновьетнамских вооруженных сил.

В июле, в ходе моего визита во Вьетнам, я внес изменения в приказы генерала Абрамса, с тем чтобы они соответствовали целям нашей новой политики. Согласно новым приказам, основная миссия наших войск будет заключаться в содействии южновьетнамским вооруженным силам, дабы они могли принять на себя полную ответственность за безопасность Южного Вьетнама.

Мы сократили более чем на 20 процентов наши военно-воздушные операции. И сейчас мы становимся свидетелями результатов этого долгожданного изменения американской политики во Вьетнаме.

Спустя пять лет после ввода американской армии во Вьетнам мы наконец возвращаем американских мужчин домой. К 15 декабря из Южного Вьетнама будут выведены более 60 тысяч человек, включая 20 процентов всех наших боевых частей.

Южные вьетнамцы продолжают наращивать свою мощь. В результате они смогли взять на себя ответственность за выполнение боевых задач вместо наших войск.

Со времени прихода к власти нынешней администрации произошли и два других важных события.

Число вражеских вылазок в Южный Вьетнам, имеющих существенное значение, если они предшествуют серьезному наступлению противника, сократилось за последние три месяца на 80 процентов по сравнению с тем же периодом прошлого года.

И наиболее важное – за последние два месяца потери Соединенных Штатов сократились до самого низкого за три года уровня.

А теперь разрешите мне перейти к нашей программе на будущее.

Мы приняли план, выработанный в сотрудничестве с южными вьетнамцами, который предусматривает полный вывод всех американских сухопутных частей и замену их южновьетнамскими войсками согласно четкому графику. Этот вывод будет осуществлен исходя из силы, а не из слабости. По мере того как южные вьетнамцы станут обретать силу, темпы вывода американцев увеличатся.

Я не намерен объявлять график реализации нашего плана. И для этого существуют вполне очевидные причины, которые, я уверен, вы поймете. Как я уже неоднократно указывал, темпы вывода будут зависеть от развития событий, определяемого тремя факторами.

Одним из них является прогресс, который может быть достигнут на парижских переговорах. Объявление точного графика вывода наших войск могло бы полностью лишить врага стимулов к достижению договоренности. Они просто ждали бы вывода наших войск, а затем вторглись бы.

Другие два фактора, которые будут лежать в основе наших решений о выводе войск, – это уровень вражеской активности и прогресс в реализации программ обучения южновьетнамских войск. И я рад доложить вам сегодня вечером о более внушительном прогрессе, достигнутом на обоих этих направлениях, чем это было предусмотрено, когда мы начали в июне реализацию программы вывода войск. В результате наш план вывода войск выглядит более оптимистичным, чем он выглядел в июне, когда были сделаны предварительные наброски. И это только подтверждает, почему неразумно было следовать раз и навсегда установленному графику.

Мы должны оставаться гибкими, обосновывая каждое решение о выводе войск конкретной ситуацией, сложившейся в каждый данный момент, а не оценками, уже устаревшими.

Наряду с этими оптимистичными оценками я должен со всей прямотой высказать одно предупреждение. Если уровень вражеской активности значительно возрастет, нам, возможно, придется пересмотреть наш график.

Однако мне хотелось бы полностью прояснить один вопрос.

Во время временного прекращения бомбардировок около года назад возникли сомнения относительно того, поняли ли враги, что в случае прекращения бомбардировок Северного Вьетнама они обязаны будут прекратить артиллерийский обстрел городов Южного Вьетнама. Я хочу, чтобы не было никакого недопонимания со стороны врага относительно нашей программы вывода войск.

Мы отметили сократившийся масштаб проникновения северовьетнамцев на территорию Южного Вьетнама, сокращение наших потерь и частично основываем наши решения о выводе войск на этих факторах.

Если масштабы инфильтрации или наши потери возрастут, в то время как мы пытаемся сократить военные действия, это будет результатом решения врага.

Ханой не может совершить более крупной ошибки, чем решить, что рост насилия будет ему выгоден. Если я приду к выводу, что повысившаяся активность врага угрожает нашим еще остающимся во Вьетнаме войскам, я не остановлюсь перед принятием решительных и эффективных мер для исправления ситуации.

Это не угроза. Это политическое заявление, которое я как главнокомандующий нашими вооруженными силами делаю во исполнение своих обязанностей для защиты американских военнослужащих, где бы они ни находились.

Мои соотечественники, я убежден, что вы сможете признать на основе того, что я сказал, что перед нами открыты лишь два выхода, если мы хотим закончить эту войну.

Я могу издать приказ о немедленном и быстром выводе всех американцев из Вьетнама, не обращая внимания на последствия этой акции.

Или же мы можем настаивать на наших поисках справедливого мира, если представится возможным, либо путем переговоров об урегулировании конфликта, либо, в случае необходимости, путем дальнейшей реализации нашего плана «вьетнамизации» поисков мира – плана, согласно которому мы выведем все наши войска из Вьетнама в соответствии с графиком, т.е. по мере того, как южные вьетнамцы станут достаточно сильными, чтобы защитить свою собственную свободу.

Я избрал второй курс.

Это нелегкий путь.

Это верный путь.

Это план, выполнение которого позволит закончить войну и послужит делу мира не только во Вьетнаме, но и во всем Тихоокеанском регионе и во всем мире.

Говоря о последствиях быстрого вывода наших войск, я сослался на то, что наши союзники могут утратить доверие к Америке.

Гораздо более опасным является то, что мы утратили бы доверие к самим себе. О да, первой реакцией было бы чувство облегчения по поводу того, что наши мужчины возвратятся домой. Но когда мы увидели бы последствия того, что мы сделали, неизбежные угрызения совести и сеющие распри взаимные обвинения оставили бы глубокие шрамы в нашей душе.

Мы сталкивались со многими кризисами в нашей истории и стали сильнее, отвергая легкие пути и избирая верный путь решения бросаемых нам вызовов. Наше величие как нации состояло в нашей способности поступать так, как следовало поступать, когда мы знали, что избранный нами путь верен.

Я признаю, что некоторые из моих соотечественников не согласны с предложенным мной планом достижения мира. Честные и патриотически настроенные американцы сделали свой вывод в отношении того, как следует добиться мира.

Несколько недель тому назад в Сан-Франциско я видел демонстрантов, несущих плакаты со словами: «Проиграй во Вьетнаме, доставь парней домой».

Что ж, одним из сильных аспектов нашего свободного общества является право каждого американца на свое мнение и отстаивание своей точки зрения. Но я как Президент Соединенных Штатов не исполнил бы принесенной мной при вступлении на пост присяги, если бы позволил, чтобы политика нашего государства диктовалась бы меньшинством, придерживающимся такой точки зрения и пытающимся навязать ее нации с помощью уличных демонстраций.

В течение почти двухсот лет политика нашего государства осуществлялась в соответствии с нашей Конституцией избранными всем народом лидерами в конгрессе и в Белом доме. Если громогласное меньшинство, при всей его пылкости в отстаивании своей позиции, одержит верх над разумом и волей большинства, будущего у нашего государства как свободного общества не будет.

А сейчас я хотел бы, если можно, обратиться к молодым американцам, которые проявляют особую озабоченность по поводу этой войны, и я понимаю, почему они столь озабочены.

Я уважаю ваш идеализм.

Я разделяю вашу заботу о мире.

Я желаю мира так же, как и вы.

Существует много убедительных причин личного характера, почему я хочу закончить эту войну. На этой неделе мне предстоит подписать 83 письма матерям, отцам, женам и близким тех мужчин, которые во Вьетнаме отдали свою жизнь за Америку. Меня не утешает, что число их составляет лишь одну треть того количества писем, которые я подписал в первые недели пребывания на президентском посту. Нет ничего, чего бы я хотел больше, чем увидеть день, когда мне не нужно будет подписывать эти письма.

Я хочу закончить эту войну, чтобы спасти жизнь этим отважным молодым людям во Вьетнаме.

Но я хочу закончить ее таким образом, чтобы их младшим братьям и сыновьям не пришлось сражаться в каких-то будущих Вьетнамах где-то в мире.

И я хочу закончить войну еще по одной причине. Я хочу ее закончить так, наши молодые люди, чтобы ваши энергия и самоотверженность, превратившиеся сегодня в ожесточенную ненависть к тем, кто несет ответственность за эту войну, были обращены на пользу великому делу мира, достижения лучшей жизни для всех американцев, лучшей жизни для всех людей на нашей земле.

Я выбрал план достижения мира. Я верю в его успех. Если наши усилия приведут к успеху, то все, что говорят ныне критики плана, не будет иметь никакого значения. Если план провалится, то все, что говорю я, не будет иметь никакого значения.

Я знаю, в наши дни, возможно, не модно говорить о патриотизме или о судьбе нации. Однако в данном случае я считаю уместным говорить об этом.

Двести лет тому назад наша нация была слабой и бедной. Но даже тогда Америка была надеждой миллионов людей во всем мире. Сегодня мы стали самой сильной и самой богатой страной в мире. И колесо судьбы повернулось таким образом, что любая надежда народов Земли на мир и свободу будет определяться тем, обладает ли американский народ достаточной моральной выдержкой и отвагой для того, чтобы справиться с ответственной задачей руководства свободным миром.

Пусть историкам не придется фиксировать, что Америка, когда она была самой могущественной державой мира, перешла на другую сторону дороги и позволила последним надеждам миллионов людей на мир и свободу оказаться удушенными силами тоталитаризма.

И поэтому сегодня вечером я прошу вас, огромное молчаливое большинство Америки, оказать мне поддержку.

Я пообещал в ходе своей президентской кампании закончить войну таким образом, чтобы мы смогли выиграть мир. Я выдвинул план действий, который поможет мне выполнить это обещание.

Чем сильнее будет моральная поддержка, которую я смогу получить у американского народа, тем скорее будет выполнено это обещание, поскольку чем глубже будет раскол в нашем обществе, тем меньше шансов на то, что враг окажется готов к переговорам в Париже.

Давайте объединимся во имя мира. И давайте объединимся, чтобы не потерпеть поражения. Давайте поймем: Северный Вьетнам не может нанести поражение или унижить Соединенные Штаты. Лишь американцы могут сделать это.

Пятьдесят лет тому назад в этом кабинете и за этим же столом⁷⁰ президент Вильсон произнес слова, овладевшие сознанием уставшего от войны мира. Он сказал: «Это война, которая положит конец всем войнам». Его надежда на мир после окончания Первой мировой войны столкнулась с жестокой реальностью мировой силовой политики, и Вудро Вильсон скончался разочарованным человеком.

Сегодня я не говорю вам, что война во Вьетнаме положит конец всем войнам. Но я говорю: я выдвинул план, который положит конец этой войне таким образом, чтобы мы оказались ближе к реализации великой цели, которой посвятили свои усилия Вудро Вильсон и все президенты в нашей истории, — цели достижения справедливого и прочного мира.

Как президент я несу ответственность за выбор наилучшего пути достижения этой цели и за руководство нацией в ее движении по этому пути.

Я обещаю вам сегодня вечером, что я буду исполнять эту ответственную задачу со всей энергией и мудростью, на которые я способен, в соответствии с вашими надеждами, проявляя внимание к вашим заботам и опираясь на ваши молитвы.

Спасибо вам и доброй вам ночи.

U.S. Department of State. Foreign Relations
of the United States. 1969-1976. Vol. 1.

ОСНОВЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И США (AGREEMENT ON BASIC PRINCIPLES OF MUTUAL RELATIONS BETWEEN THE USSR AND THE USA)

В мае 1972 г. состоялся первый в истории российско-американских отношений визит действующего Президента США в Москву. Визит президента Р. Никсона готовился на протяжении нескольких месяцев. Ему предшествовали длительные переговоры и обмен визитами между министром иностранных дел СССР А.А. Громыко, государственным секретарём США У. Роджерсом и советником президента по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджером.

Начинавшийся процесс нормализации отношений между двумя странами, вошедший в историю под названием «детант» или «разрядка международной напряженности», нуждался в официальном, документальном закреплении на долгосрочной основе принципов и целей этого процесса. Такой документ и был подписан в Москве Р. Никсоном и Л. И. Брежневым 29 мая 1972 г. Как утверждалось в те годы, он знаменовал собой переход от эры конфронтации к эре переговоров.

*Москва,
29 мая 1972 г.*

Союз Советских Социалистических Республик и Соединенные Штаты Америки,

руководствуясь принятыми на себя обязательствами по Уставу Организации Объединенных Наций и стремлением укрепить между собой отношения мира и подвести под них возможно более прочную базу,

сознавая необходимость приложить все усилия для предотвращения угрозы и для создания условий, способствующих разрядке напряженности в мире, укреплению всеобщей безопасности и международному сотрудничеству,

считая, что улучшение советско-американских отношений и их взаимовыгодное развитие, в том числе в сфере экономики, науки и культуры, будут отвечать этим целям и способствовать лучшему взаимопониманию и деловому сотрудничеству, ни в коей мере не нарушая интересы третьих стран,

сознавая, что эти цели отражают интересы народов обеих стран, согласились о следующем.

Первое. Они будут исходить из общей убежденности в том, что в ядерный век не существует иной основы для поддержания отношений между ними, кроме мирного сосуществования. Различия в идеологии и социальных системах СССР и США не являются препятствием для развития между ними нормальных отношений, основанных на принципах суверенитета, равенства, невмешательства во внутренние дела и взаимной выгоды.

Второе. Важное значение СССР и США придают предотвращению возникновения ситуаций, могущих вызвать опасное обострение отношений между ними. Исходя из этого, они будут делать все возможное, чтобы избежать военных конфронтации и предотвратить возникновение ядерной войны. Они будут всегда проявлять сдержанность в своих взаимоотношениях и будут готовы вести переговоры и урегулировать

⁷⁰ Позднее было установлено, что стол, за которым Р. Никсон произносил эти слова, никогда не принадлежал В. Вильсону. Он стоял в кабинете Г. Вильсона, занимавшего пост вице-президента в администрации президента У. Гранта. — *Прим. сост.*

разногласия мирными средствами. Обмен мнениями и переговоры по нерешенным вопросам будут проводиться в духе взаимности, взаимного учета позиций и взаимной выгоды.

Обе стороны признают, что попытки получения односторонних преимуществ, прямо или косвенно, за счет другой стороны несовместимы с этими целями. Необходимыми предпосылками для поддержания и укрепления между СССР и США отношений мира являются признание интересов безопасности Сторон, основывающейся на принципе равенства, и отказ от применения силы или угрозы ее применения.

Третье. На Советском Союзе и Соединенных Штатах лежит особая обязанность, как и на других странах – постоянных членах Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, делать все от них зависящее, чтобы не возникало конфликтов или ситуаций, способных усилить международную напряженность. В соответствии с этим они будут способствовать тому, чтобы все страны жили в условиях мира и безопасности, не подвергаясь вмешательству извне в их внутренние дела.

Четвертое. СССР и США намерены расширять договорно-правовую базу своих взаимоотношений и прилагать необходимые усилия к тому, чтобы заключенные между ними двусторонние соглашения, а также многосторонние договоры и соглашения, участниками которых они являются, неуклонно претворялись в жизнь.

Пятое. СССР и США подтверждают свою готовность поддерживать практику обменов мнениями по интересующим их проблемам и, когда в этом возникает необходимость, осуществлять обмены мнениями на высшем уровне, в том числе путем проведения встреч между руководящими деятелями обеих стран.

Оба правительства приветствуют развитие продуктивных контактов между представителями законодательных органов двух стран и будут способствовать их расширению.

Шестое. Стороны будут продолжать усилия в целях ограничения вооружений как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Они будут предпринимать особые усилия для ограничения стратегических вооружений. В тех случаях, когда это становится возможным, они будут заключать конкретные соглашения, направленные на достижение этих целей.

Конечной задачей своих усилий СССР и США считают решение проблемы всеобщего и полного разоружения и обеспечение эффективной системы международной безопасности в соответствии с целями и принципами Организации Объединенных Наций.

Седьмое. СССР и США рассматривают торгово-экономические связи как важный и необходимый элемент упрочения двусторонних отношений и будут активно содействовать росту таких связей. Они будут способствовать сотрудничеству между соответствующими организациями и предприятиями обеих стран и заключению соответствующих соглашений и контрактов, в том числе долгосрочных.

Обе стороны будут содействовать улучшению морского и воздушного сообщения между ними.

Восьмое. Стороны считают актуальным и полезным развивать между собой контакты и сотрудничество в научно-технической области. В соответствующих случаях СССР и США будут заключать надлежащие соглашения по вопросам конкретного сотрудничества в этой области.

Девятое. Стороны подтверждают свое намерение углублять связи между собой в области культуры и расширять возможности более полного ознакомления друг друга со своими культурными ценностями. Они будут содействовать улучшению условий для культурных обменов и туризма.

Десятое. СССР и США будут стремиться к тому, чтобы связи и сотрудничество между ними во всех перечисленных выше областях и в любых других областях, представляющих для них взаимный интерес, строились на прочной и долговременной основе. С целью придания этим усилиям постоянного характера Стороны создадут во всех областях, где это представляется целесообразным, совместные комиссии или иные совместные органы.

Одиннадцатое. СССР и США не претендуют сами и не признают чьих бы то ни было притязаний на какие-либо особые права или преимущества в мировых делах. Они признают суверенное равенство всех государств.

Развитие советско-американских отношений не направлено против третьих стран и их интересов.

Двенадцатое. Основные принципы, изложенные в настоящем документе, не затрагивают ранее принятых на себя СССР и США обязательств по отношению к другим государствам.

За Союз Советских Социалистических Республик

Генеральный секретарь ЦК КПСС

За Соединенные Штаты Америки

Президент Соединенных Штатов Америки

Советская программа мира в действии. М., 1972.

РЕЗОЛЮЦИЯ (ЗАКОН) О ВОЕННЫХ ПОЛНОМОЧИЯХ (WAR POWERS RESOLUTION)

Затянувшаяся необъявленная война во Вьетнаме, в которой приняли участие крупные соединения американских вооруженных сил общей численностью свыше полумиллиона человек, не только активизировала антивоенное движение в США, но и вновь привлекла внимание политических кругов и общественности к необходимости рассмотрения в Конгрессе США вопроса о роли этого законодательного органа и пределах полномочий президента страны в случае возникновения военного конфликта за пределами Соединенных Штатов. Этот вопрос уже ставился в предшествующие годы в связи с конфликтными ситуациями в различных регионах мира, в которые оказывались вовлеченными американские вооруженные силы.

Однако решение вопроса о роли президента и конгресса при возникновении военных конфликтов за пределами США стало реальностью лишь на завершающем этапе войны во Вьетнаме. 7 ноября 1973 г. обе палаты конгресса приняли совместный документ, который поставил точку в дискуссии между Белым домом и Капитолием. Для принятия соответствующего закона конгрессу понадобилось преодолеть вето президента Р. Никсона, решительно возражавшего против такого решения.

С 1974 г. президенты США в более чем 50 конкретных ситуациях обращались к конгрессу за санкцией на участие американских вооруженных сил в «наведении порядка» в том или ином регионе мира (в частности, на Гаити, в Сомали, бывшей Югославии, Либерии, Ливане, Руанде, Центральной Африканской Республике, Ираке).

Совместная резолюция по вопросу о военных полномочиях конгресса и президента

*Принята Сенатом и Палатой представителей
Соединенных Штатов Америки на совместной сессии конгресса*

Краткое название

Раздел 1

Эта совместная резолюция может называться «Резолюцией о военных полномочиях».

Цель и политика

Раздел 2

а) Целью настоящей совместной резолюции является исполнение намерения авторов Конституции Соединенных Штатов и обеспечение того, чтобы коллективное суждение конгресса и президента распространялось на использование вооруженных сил Соединенных Штатов в военных действиях или в ситуациях, обстоятельства развития которых четко указывают на неизбежность вмешательства и на продолжение использования таких сил в военных действиях или в таких ситуациях.

б) Раздел 8 статьи I Конституции особо предусматривает, что конгресс имеет право издавать все законы, которые будут необходимы для осуществления не только своих собственных прав, но и всех других прав, которыми Конституция наделяет Правительство Соединенных Штатов, его департаменты или должностных лиц.

в) Конституционные права президента как главнокомандующего, касающиеся использования вооруженных сил Соединенных Штатов в военных действиях или в ситуациях, обстоятельства развития которых четко указывают на неизбежность вмешательства, осуществляются исключительно в соответствии:

- 1) с официальным объявлением войны;
- 2) со специальными, предусмотренными законом полномочиями или
- 3) с чрезвычайной обстановкой в государстве, создавшейся в результате нападения на Соединенные Штаты, или их территории либо владения, или их вооруженные силы.

Консультации

Раздел 3

В любом возможном случае президент будет консультироваться с конгрессом, прежде чем начать использование вооруженных сил Соединенных Штатов в военных действиях или в ситуациях, обстоятельства развития которых четко указывают на неизбежность вмешательства, и после начала каждого акта такого использования будет регулярно встречаться с конгрессом до тех пор, пока вооруженные силы Соединенных Штатов будут участвовать в военных действиях или не будут выведены из таких ситуаций.

Отчеты

Раздел 4

а) В отсутствие официального объявления войны в любом случае использования вооруженных сил Соединенных Штатов:

- 1) в военных действиях или в ситуациях, обстоятельства развития которых четко указывают на неизбежность вмешательства;
- 2) на территории, в воздушном пространстве или в территориальных водах иностранного государства в состоянии полной готовности к военным действиям, кроме случаев, связанных исключительно с обеспечением снабжения, заменой, восстановлением боеспособности или учебной

подготовкой таких сил, или

3) в количестве, которое существенно превосходит численность находящихся в состоянии полной боевой готовности вооруженных сил Соединенных Штатов, уже размещенных на территории иностранного государства, президент должен в течение 48 часов представить спикеру палаты представителей и временному президенту (president pro tempore) сената доклад в письменном виде, в котором указать:

- А) обстоятельства, делающие необходимыми использование вооруженных сил Соединенных Штатов;
- Б) конституционные и законодательные полномочия, согласно которым осуществляется такое использование;
- В) оценку масштабов и продолжительности военных действий или участия в них.

б) Президент должен представить любую иную информацию, которую конгресс может потребовать во исполнение его конституционных обязанностей, касающихся вступления государства в войну и использования вооруженных сил Соединенных Штатов за рубежом.

в) В случае вступления вооруженных сил Соединенных Штатов в военные действия или их использования в любых ситуациях, предусмотренных в подразделе «а» настоящего раздела, в течение всего периода участия вооруженных сил в таких военных действиях или ситуациях президент должен периодически докладывать конгрессу о ходе таких военных действий или изменении ситуации, а также о масштабе и продолжительности таких военных действий или ситуации, но ни при каких обстоятельствах он не должен докладывать конгрессу реже, чем один раз в каждые шесть месяцев.

Действия конгресса

Раздел 5

а) Каждый доклад, представленный в соответствии с разделом 4 (а, 1), должен быть передан спикеру палаты представителей и временному президенту (president pro tempore) сената в тот же календарный день. Каждый переданный таким образом доклад должен быть представлен в комитет по иностранным делам палаты представителей и в комитет по иностранным делам сената для принятия соответствующих решений.

В случае, если после передачи доклада конгресс объявил перерыв в работе на неопределенное время или же перерыв в работе на срок, превышающий три календарных дня, спикер палаты представителей и временный президент (president pro tempore) сената своим решением (или по требованию по меньшей мере 30 процентов членов соответственно каждой из палат) должны совместно обратиться к президенту с просьбой о созыве сессии конгресса для рассмотрения доклада и принятия решения, предусмотренного в настоящем разделе.

б) В течение 60 календарных дней после представления доклада или предъявления требования о его представлении в соответствии с разделом 4 (а, 1), в зависимости от того, что наступит раньше, президент должен прекратить использование вооруженных сил Соединенных Штатов, в отношении которого был представлен доклад (или предъявлено требование его представить), если до этого конгресс:

- 1) не объявил официально войну или не издал специального решения о таком использовании вооруженных сил Соединенных Штатов;
- 2) не принял закона о продлении такого 60-дневного периода или
- 3) оказался физически не в состоянии собраться в результате вооруженного нападения на Соединенные Штаты. Такой 60-дневный период не должен быть продлен более чем на дополнительные 30 дней, если президент решит и подтвердит в письменной форме конгрессу, что неизбежная военная необходимость, затрагивающая безопасность вооруженных сил Соединенных Штатов, требует продолжения использования вооруженных сил для обеспечения их быстрого вывода.

в) Независимо от подраздела «б», в любом случае, если вооруженные силы Соединенных Штатов вовлечены в военные действия за пределами Соединенных Штатов, их владений и территорий без официального объявления войны или особо оговоренных законом решений, такие силы должны быть выведены президентом после принятия соответствующей резолюции параллельно обеими палатами конгресса. <...>

Раздел 8

г) Ничто в настоящей совместной резолюции

- 1) не направлено на пересмотр конституционных полномочий конгресса или президента либо положений существующих договоров;
- 2) не должно рассматриваться как предоставление президенту каких-либо полномочий касательно использования вооруженных сил Соединенных Штатов в военных действиях или в ситуациях, обстоятельства развития которых четко указывают на неизбежность вмешательства, а именно таких полномочий, которыми бы он не обладал в отсутствие настоящей резолюции. <...>

Congressional Record. 93rd Congress. 2nd Session. 1973. November 7.

(CARTER DOCTRINE)

Внешнеполитическая концепция, вошедшая в историю под названием «доктрина Картера», была впервые изложена 23 января 1980 г. в ежегодном президентском послании Конгрессу США «О положении в стране». Разработке этой концепции предшествовало несколько крупных событий на международной арене: революция в Никарагуа и приход к власти в стране «сандинистов»; осложнение внутривосточной обстановки в Сальвадоре; революция в Иране, в частности свержение шаха и захват в заложники сотрудников посольства США в Тегеране; ввод «ограниченного контингента советских вооруженных сил» в Афганистан.

Общее осложнение международной обстановки, и прежде всего обстановки в регионе Персидского залива, вызвало необходимость пересмотра положений внешнеполитического курса США, не обеспечивающих, по мнению администрации *Джимми Картера* (р. 1924), защиту жизненно важных интересов страны.

Последние несколько месяцев были нелегкими для всех нас. Сегодня вечером как никогда ясно, что положение нашей страны зависит от положения в мире. И сегодня вечером, как и на протяжении жизни всего нашего поколения, свобода и мир во всем мире зависят от положения в нашей стране. 1980-е годы начались в обстановке беспорядков, раздоров и перемен. Наступила пора вызовов нашим интересам и нашим ценностям, пора испытаний нашего разума и наших способностей. Сегодня в Иране по-прежнему содержатся в заключении 50 американцев – невинных жертв терроризма и анархии.

Сегодня же крупные силы советских войск пытаются покорить воинственно независимый и глубоко религиозный народ Афганистана. Эти два события (одно подпадает под понятие международного терроризма, а второе – под понятие военной агрессии) представляют собой серьезный вызов Соединенным Штатам Америки и фактически всем государствам мира. Вместе мы справимся с этими угрозами миру.

Я уверен, что Соединенные Штаты останутся самым сильным из всех государств, но наша мощь никогда не будет использована для того, чтобы угрожать безопасности какого-либо другого государства или же правам какого-либо человека. Мы стремимся к безопасности и хотим ее сохранить, чтобы оставаться мирным государством в стабильном мире. Но для того, чтобы быть в безопасности, мы должны видеть мир в реальном свете.

Брошенным нам вызовам предшествовали три основных события: участвовавшие демонстрации постоянно растущей советской военной мощи за пределами их собственных границ; огромная зависимость западных демократий от поставок нефти со Среднего Востока; социальные и религиозные, экономические и политические изменения во многих развивающихся странах, примером чего служит революция в Иране.

Каждый из этих факторов важен сам по себе. Каждый из них связан с другими. Все они должны быть нами оценены честно и принципиально. Брошенный нам вызов мы встретим должным образом, используя все лучшее, что есть в нас. И мы не потерпим неудачу.

На отвратительную акцию, совершенную Ираном, наше государство ответило беспрецедентным в мирное время возмущением и сплочением. Наша позиция ясна. Соединенные Штаты никогда не поддадутся шантажу.

Мы по-прежнему стремимся добиться следующих основных целей: во-первых, защитить текущие и долгосрочные интересы Соединенных Штатов; во-вторых, сохранить жизнь американских заложников и обеспечить их скорейшее освобождение, избежав, если окажется возможным, кровопролития, поскольку это может представить еще более серьезную угрозу для жизни наших соотечественников; заручиться поддержкой других государств в осуждении этого возмутительного акта насилия, который нарушает моральные и правовые нормы цивилизованного мира, а также убедить иранских лидеров в том, что истинная угроза их государству находится на севере и исходит от Советского Союза и советских войск, ныне находящихся в Афганистане, и что эта ничем не спровоцированная ссора с Соединенными Штатами препятствует тому, чтобы они могли отреагировать на эту гораздо большую опасность для них.

Если американским заложникам будет нанесен вред, за этим последует суровая кара. Мы не успокоимся, пока не будут освобождены все американские заложники.

Но в результате недавней военной акции Советского Союза в этом регионе нам брошен более сильный и опасный вызов.

Сегодня, как и на протяжении последних двух с половиной десятилетий, взаимоотношения между нашей страной и Советским Союзом являются наиболее критическим фактором в определении того, будет ли весь мир жить в мире или же он будет охвачен глобальным конфликтом.

После окончания Второй мировой войны Америка возглавила противостояние ряда государств растущей советской военной мощи. Взаимоотношения с Советами не были простыми или незыблемыми. Между нами существовало не только сотрудничество, но и соперничество, а временами была и конфронтация.

В 1940-х годах мы возглавили процесс создания Североатлантического союза в ответ на подавление стран Восточной Европы Советским Союзом, а затем и консолидацию его восточноевропейской империи и возникшей в результате этого угрозы Западной Европе со стороны Варшавского договора.

В 1950-х годах мы помогли сдержать советские попытки бросить нам вызов в Корее и на Среднем Востоке. И мы перевооружились, чтобы и далее обеспечивать это сдерживание.

В 1960-х годах мы столкнулись с советскими вызовами в Берлине и с кубинским ракетным кризисом. И мы стремились убедить Советский Союз в необходимости отказа от «холодной войны» и конфронтации.

А в 1970-х годах три американских президента вели переговоры с советскими лидерами в попытке остановить гонку ядерных вооружений. Мы стремились выработать правила поведения, которые сократили бы риск возникновения конфликтов, и мы искали сферы сотрудничества, которые могли бы сделать наши взаимоотношения продуктивными не только в интересах наших двух государств, но и в интересах безопасности и мира во всем мире.

Во всех этих действиях мы соблюдали два обязательных условия: быть готовыми встретить любой вызов, брошенный нам советской военной мощью, и совершенствовать пути решения споров и сохранения мира.

Предотвращение ядерной войны является важнейшей обязанностью обеих супердержав. Поэтому мы вели переговоры по ограничению стратегических вооружений – ОСВ-1 и ОСВ-2. Сегодня, в период сильной напряженности, особенно важно соблюдение взаимных мер сдерживания, установленных положениями этих договоров во имя высших интересов обеих стран и оказания содействия сохранению мира во всем мире. Я буду тесно сотрудничать с конгрессом по этому вопросу в процессе контроля за ядерным вооружением. Мы не откажемся от продолжения усилий по контролю за ядерными вооружениями.

Мы, сверхдержавы, несем также ответственность за проявление сдержанности в использовании нашей огромной военной мощи. Ничто не должно угрожать целостности и независимости более слабых государств, которые должны знать, что рядом с нами они находятся в безопасности.

Но сейчас Советский Союз предпринял новый радикальный и агрессивный шаг. Он использует свою огромную военную мощь против относительно беспомощной страны. Последствия советского вторжения в Афганистан могут представить самую серьезную угрозу миру со времен Второй мировой войны.

Огромное большинство стран Земли осудило эту советскую попытку расширить свое колониальное господство над другими странами и потребовало немедленного вывода советских войск. Мусульманский мир испытывает особенно сильный и оправданный гнев по поводу этой агрессии против народа, исповедующего ислам. Ни одна другая акция великой державы не вызывала когда-либо прежде столь немедленного и столь единодушного осуждения. Но осуждения на словах недостаточно. Советский Союз должен заплатить за свою агрессию конкретную цену.

В условиях продолжения этого вторжения мы и другие государства мира не можем продолжать вести дела с Советским Союзом как прежде. Поэтому Соединенные Штаты ввели суровые экономические санкции против Советского Союза. Я не разрешу советским кораблям заниматься рыбной ловлей в прибрежных зонах Соединенных Штатов. Я закрыл доступ Советского Союза к высокотехнологичному оборудованию и сельскохозяйственной продукции. Я ограничил торговлю другими товарами с Советским Союзом и попросил наших союзников и друзей присоединиться к нам и сократить их собственную торговлю с Советами и не предлагать заменить американские товары, на торговлю которыми нами наложено эмбарго. И я уведомил Олимпийский комитет о том, что с вводом советских войск в Афганистан ни американский народ, ни я не поддержим направление олимпийской команды в Москву.

Советский Союз должен будет ответить на несколько основных вопросов. Будет ли он содействовать созданию более стабильной международной среды, в условиях которой могут быть соблюдены его собственные мирные интересы? Или же он будет продолжать наращивать свою военную мощь далеко за пределы его оправданной заинтересованности в соблюдении собственной безопасности и использовать эту мощь для колониальных завоеваний? Советский Союз должен осознать, что его решение прибегнуть к военной силе в Афганистане подрывает все ценимые им политические и экономические взаимоотношения.

Регион, которому сейчас угрожают советские войска в Афганистане, представляет огромную стратегическую важность: оттуда поступает более двух третей всего объема мирового экспорта нефти. Попытка СССР установить господство над Афганистаном приблизила советские военные силы на расстояние 300 миль к Индийскому океану и вплотную к Ормузскому проливу – водному пути, через который проходит основная часть мирового нефтяного потока. Советский Союз сейчас пытается укрепить свою стратегическую позицию и тем самым серьезно угрожает свободному движению нефти со Среднего Востока.

Эта ситуация требует внимательного осмысления, крепких нервов и решительных действий не только в текущем году, но и на многие годы вперед. Она требует коллективных усилий для противодействия этой новой угрозе безопасности в регионе Персидского залива и в Юго-Западной Азии. Она требует участия всех, кто зависит от ближневосточной нефти и кто заинтересован в мире и стабильности во всем мире. И она требует консультаций и тесного сотрудничества со странами региона, которым может угрожать опасность.

Готовность принять этот вызов предусматривает проявление национальной воли, дипломатической и политической мудрости, принесение экономических жертв и, конечно, военные усилия. Мы должны обратиться ко всему лучшему, что есть в нас, для обеспечения безопасности этого жизненно важного региона.

Пусть наша позиция будет абсолютно ясна всем: попытка внешней силы овладеть контролем над Персидским заливом будет рассматриваться как посягательство на жизненно важные интересы Соединенных Штатов Америки, и такое нападение будет отражено всеми необходимыми средствами,

ДОКТРИНА РЕЙГАНА (REAGAN DOCTRINE)

В 1985 г. администрация Президента США *Рональда Уилсона Рейгана* (1911-2004) приняла ряд внешнеполитических решений, призванных свидетельствовать об активизации ее борьбы с «коммунистической экспансией» в Центральной Америке. В противовес многолетней приверженности доктрине «сдерживания» новая стратегия предусматривала оказание моральной и материальной помощи движениям, выступающим с антикоммунистических позиций в странах третьего мира.

Первые наброски программы, получившей позднее название «доктрина Рейгана», были изложены в феврале 1985 г. в президентском послании Конгрессу США «О положении в стране». В этом докладе содержался призыв к американцам: «Мы не должны потерять веру тех, кто рискует жизнью на всех континентах от Афганистана до Никарагуа, бросая вызов советской агрессии и обеспечивая сохранение свобод, принадлежащих нам с рождения. Поддержка борцов за свободу является самообороной».

В приводимой ниже речи Рейгана, с которой он обратился к американскому народу по радио 16 февраля 1985 г., этот призыв получил дальнейшее развитие. В ноябре 1986 г. стало известно, что американское правительство тайно продавало оружие Ирану и использовало полученные за это миллионы долларов для оказания помощи никарагуанским «контрас» (в дополнение к официально выделенным конгрессом ассигнованиям в размере 100 миллионов долларов). Конгресс США, осудив незаконный характер сделки, получившей название «Иран-контрас» или «Ирангейт», тем не менее поддержал внешнюю политику администрации Рейгана.

Соотечественники-американцы!

Одним из наиболее вдохновляющих событий последних лет является то, что движение, направленное против коммунизма, за свободу, охватило весь мир. В Советском Союзе и в Восточной Европе мы видим диссидентов, в Польше – движение «Солидарность». Мы видим борцов за свободу в Афганистане, Эфиопии, Камбодже и Анголе. Эти отважные мужчины и женщины борются за отмену постыдной доктрины Брежнева, подтверждающей, что с падением страны в тьму коммунистической тирании ей уже никогда не удастся увидеть вновь свет свободы.

Нигде мы не имели возможности убедиться в этом воочию в такой степени, как в Никарагуа, чье сандинистское правительство являет собой марксистско-ленинскую клику, которая поразила сердца свободолюбивых соотечественников, навязав им жестокую диктатуру вскоре после установления контроля над страной в 1979 г. Выступая в качестве сателлита Советского Союза и Кубы, сандинисты быстро принялись за подавление внутреннего инакомыслия, заставили замолкнуть свободную прессу, стали преследовать церковь и профсоюзы и нарушили свое обещание о проведении свободных выборов. А сейчас они экспортируют наркотики, чтобы отравить нашу молодежь, и объединяют усилия с террористами в Иране, Ливии, с «Красными бригадами» и Фронтом национального освобождения Палестины. Сандинисты являются не демократами, а коммунистами, стремящимися не к свободе, а к власти, не строителями миролюбивого государства, а создателями крепости Никарагуа, намеревающимися экспортировать коммунизм за пределы своих границ.

Истинные герои никарагуанской борьбы – некоммунисты, революционно настроенные сторонники свободы – убедились в том, что их революция оказалась преданной, и взяли за оружие, подняв его против изменников. Эти мужчины и женщины являются сегодня борцами за демократию, борцами сопротивления, которых некоторые называют «контрас». Мы называем их борцами за свободу.

Сандинистская пропаганда называет их наемниками и национальными гвардейцами диктатора Сомосы, но это ложь. Борцов за свободу возглавляют те люди, которые выступали против Сомосы, а их солдатами являются крестьяне, фермеры, лавочники и студенты – народ Никарагуа. Эти отважные мужчины и женщины заслуживают нашей помощи. Они не просят помочь им войсками, а просят оказать им лишь техническую и финансовую поддержку, а также продовольственную помощь. Мы не можем повернуться к ним спиной в момент, когда они испытывают нужду; такой поступок с нашей стороны будет означать измену многовековой преданности делу поддержки тех, кто борется за свободу. Это не только законно, но и полностью согласуется с нашей историей.

В ходе нашей истории мы неоднократно помогали всем в мире, кто боролся за свободу, демократию, независимость и освобождение от тирании. В XIX в. мы поддерживали Симона Боливара, Великого Освободителя. Мы поддерживали польских патриотов, французское Сопротивление и других борцов за свободу. Мы хорошо помним, как другие страны, подобно Франции, пришли к нам с помощью во время нашей собственной революции. Поворачиваться к кому-то спиной не в американской традиции. И, к счастью для нас, те, кто любил свободу двести лет тому назад, не отвернулись от нас.

Большинство из нас знают о героизме Лафайета⁷¹, который предпочел стать братом тех, кто сражался за американскую независимость в рядах Континентальной армии. Но он совершил большее, чем просто

⁷¹ **Мари Жозеф Поль де Лафайет** (1757-1834) – французский маркиз и американский генерал, один из героев американской Войны за независимость, друг и соратник Дж. Вашингтона. – *Прим. сост.*

участвовал в сражениях. Он отправился во Францию и попросил у своего правительства финансовой помощи для американских повстанцев. И он вернулся к генералу Вашингтону с обещанием, что Франция направит нам помощь, включая крупный контингент войск для оказания поддержки в последней решающей кампании. Именно эти французские войска и сам Лафайет помогли нанести поражение генералу Корнуоллису и обеспечить капитуляцию английских войск под Йорктауном.

Америка могла никогда не родиться без помощи и поддержки свободолюбивых народов Европы, без Лафайета, фон Штойбена и Костюшко⁷². И Америка этого не забыла. Спустя более чем столетие после нашей революции американские солдаты направились во Францию, чтобы помочь им оказать сопротивление в годы Первой мировой войны. И они сказали словами, которые будут жить вечно в истории: «Лафайет, мы здесь».

Это не рассказ из какого-то романтического прошлого. Так строилась демократия, когда одна страна, один народ помогал другому в час величайшей опасности.

А сегодня свободные народы Сальвадора, Гондураса и Никарагуа просят помощи. В Никарагуа насчитывается более 15 тысяч борцов за свободу, сражающихся за освобождение и демократию и помогающих Сальвадору в предотвращении подрывной деятельности. Они борются за то, чтобы покончить с тиранией и с ее единственным неизбежным последствием – жестокостью. Они наши братья. Как мы можем их игнорировать? Как мы можем отказать им в помощи, когда мы знаем, что в конечном счете их борьба является нашей борьбой? Мы должны помнить, что в случае, если сандинисты не будут сейчас остановлены, они попытаются, как и обещали, распространить коммунизм в Сальвадоре, Коста-Рике, Гондурасе – повсюду.

Борцы за свободу оказывают давление на сандинистов, чтобы те отказались от своих методов и действовали не как коммунистические марионетки, а как мирные демократы. Мы обязаны им помочь. Конгресс должен понять, что американский народ поддерживает борьбу за свободу в Центральной Америке. Мы можем спасти их, как мы уже однажды их спасли, только если мы начнем действовать, причем немедленно.

До следующей недели. Спасибо за то, что слушали меня, и да благословит вас Бог.

Flanders S. A., Flanders C. N. Dictionary of American foreign Affairs. N.Y., 1993.

Рональд Уилсон Рейган РЕЧЬ У БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ (BERLIN WALL SPEECH)

В июне 1987 г. Президент США *Рональд Уилсон Рейган* (1911-2004) участвовал в работе саммита лидеров европейских стран, посвященного экономическим вопросам. Перед возвращением в США он нанес визит в Западный Берлин, чтобы принять участие в празднествах по случаю 750-летия основания города. 12 июня Рейган выступил у Бранденбургских ворот с большой речью (автором текста речи стал президентский спичрайтер П. Робинсон).

Ознакомившись с проектом речи, Государственный департамент и Министерство обороны США рекомендовали Рейгану не произносить ее или хотя бы тщательно отредактировать текст, сочтя язык речи излишне резким а содержание – слишком провокационным. Даже за несколько минут до начала выступления помощники президента уговаривали его отказаться от произнесения речи. Согласно их воспоминаниям, Рейган с усмешкой сказал: «Ребята из Госдепа убьют меня, но это следует сделать». После того как в ноябре 1989 г. пала Берлинская стена, на протяжении более 28 лет делившая надвое не только город Берлин, но и фактически всю Европу эту речь Президента США стали рассматривать как одну из важных причин решения советского руководства настоятельно потребовать от руководителя ГДР Э. Хонеккера снести стену.

Канцлер Коль, мэр Дипген, леди и джентльмены!

Двадцать четыре года назад президент Джон Кеннеди посетил Берлин и выступил перед жителями этого города и перед всем миром в здании муниципалитета. С тех пор еще два наших президента побывали по очереди здесь, в Берлине. И сегодня я сам уже во второй раз посещаю ваш город.

Мы американские президенты, приезжаем в Берлин потому, что считаем своим долгом говорить здесь о свободе. Но я должен признаться, что нас призывало сюда и нечто другое – ощущение истории в этом городе, который более чем на пятьсот лет старше нашей страны, красоты Грюнвальда и Тиргартена, а более всего – ваша отвага и решимость. <...> Видите ли подобно многим президентам до меня, я приехал к вам, поскольку, куда бы я ни поехал, что бы я ни делал, – *Ich hab noch einen Koffer in Berlin*⁷³.

Наша сегодняшняя встреча транслируется на всю Западную Европу и Северную Америку. Я отдаю себе отчет в том, что ее сейчас видят и слышат и на Востоке. Я особо обращаю свои слова к тем, кто слушает

⁷² **Фридрих Вильгельм фон Штойбен** (1730-1794) – прусский генерал, генеральный инспектор Континентальной армии, один из иностранных героев американской Войны за независимость; **Тадеуш Анджей Бонаventura Костюшко** (1746-1817) – польский политический и военный деятель, бригадный генерал Континентальной армии, адъютант генерала Дж. Вашингтона, один из иностранных героев Войны за независимость. – *Прим. сост.*

⁷³ Я все еще храню свой чемодан в Берлине (нем.). – *Прим. сост.*

нас в Восточной Европе: хотя я не могу быть с вами, я адресую мои слова вам точно так же, как и тем, кто стоит передо мной. Я присоединяюсь к вам, как я присоединяюсь к вашим соотечественникам на Западе, в твердой и непоколебимой вере в то, что *Es gibt nur ein Berlin*⁷⁴.

За мной стоит стена, которая окружает свободные сектора этого города, часть огромной системы барьеров, разделяющих весь европейский континент. От Балтийского моря к югу эти барьеры разрезают Германию глубокими ранами колючей проволоки, цементных стен, собачьих выгулов и сторожевых вышек. Далее к югу, возможно, нет видимых глазу, очевидных стен. Но там остаются тем не менее вооруженные охранники и контрольные пункты – такие же препятствия на пути свободных поездок, такой же инструмент подчинения обычных мужчин и женщин воле тоталитарного государства. Но именно здесь, в Берлине, стена видна наиболее четко; здесь она разрезает ваш город, и фотографии агентств новостей и телеэкраны запечатлели в сознании мира это жестокое разделение континента. Стоя перед Бранденбургскими воротами, каждый человек ощущает себя немцем, разделенным со своими соотечественниками. Каждый человек ощущает себя берлинцем, будучи вынужден смотреть на этот шрам.

Президент Вейцеккер сказал: «Германский вопрос остается открытым до тех пор, пока закрыты Бранденбургские ворота». Сегодня я говорю: «До тех пор пока закрыты ворота, пока этому шраму – стене позволяют сохраняться, остается единственно открытым вовсе не германский вопрос, а вопрос свободы всего человечества. Но я приехал сюда не для того, чтобы сокрушаться, поскольку я вижу в Берлине луч надежды, даже в тени этой стены – луч триумфа.

В весеннюю пору 1945 Года жители Берлина вышли из своих бомбоубежищ и обнаружили всеобщее разорение. За тысячи миль отсюда народ Соединенных Штатов протянул им руку помощи. И в 1947 году, как вы знаете, государственный секретарь Джордж Маршалл объявил о создании того, что стало известным как план Маршалла. В этом месяце исполняется ровно сорок лет с того дня, когда он сказал: «Наша политика направлена не против какой-либо страны или доктрины, а против голода, нищеты, отчаяния и хаоса».

Некоторое время назад в Рейхстаге я видел выставку, посвященную сороковой годовщине плана Маршалла. Меня поразила надпись на обгоревшем, разбитом сооружении, которое сейчас восстанавливается. Я знаю, что многие берлинцы моего поколения могут вспомнить такие надписи, разбросанные по всем западным секторам города. Надпись просто гласила: «План Маршалла помогает здесь усилить свободный мир». Сильный, свободный мир на Западе – эта надежда осуществилась. Япония поднялась из руин и стала экономическим гигантом. Италия, Франция, Бельгия – практически все государства Западной Европы политически и экономически родились заново; было основано Европейское сообщество.

В Западной Германии и здесь, в [Западном] Берлине, произошло экономическое чудо. Аденауэр, Эрхард, Рейтер⁷⁵ и другие лидеры поняли практическое значение свободы – то, что, подобно тому как истина может процветать лишь тогда, когда журналисту предоставляется свобода слова, процветание может наступить лишь тогда, когда фермеру и бизнесмену предоставлена экономическая свобода. Германские лидеры снизили таможенные тарифы, расширили свободную торговлю, сократили налоги. Лишь с 1950 по 1960 год уровень жизни в Западной Германии и [Западном] Берлине вырос вдвое.

Там, где четыре десятилетия назад были руины, сегодня в Западном Берлине зарегистрировано самое крупное промышленное производство из всех городов Германии: деловые кварталы, красивые дома и квартиры, великолепные улицы и беспредельные лужайки парков. Там, где, казалось, была разрушена городская культура, сегодня функционируют два крупных университета, оркестры и оперный театр, бесчисленное количество театров и музеев. Там, где царила нужда, сегодня изобилие еды, одежды, автомобилей, замечательные товары *Ku'damm*⁷⁶. Из разорения, из полнейшей разрухи вы, берлинцы, восстановили в условиях свободы город, который вновь считается одним из крупнейших на Земле. У Советов, возможно, были иные планы. Но, друзья мои, существовали такие вещи, на которые Советы не рассчитывали: *Berliner Herz, Berliner Humor, ja, und Berliner Schnause*⁷⁷.

В 1950 году Хрущев пообещал: «Мы вас похороним». Но сегодня на Западе мы видим свободный мир, достигший такого уровня процветания и благосостояния, который не имеет прецедентов в истории человечества. В коммунистическом мире мы видим провалы, техническую отсталость, ухудшающееся состояние здоровья населения, нужду даже в самом главном – недостаток продовольствия. Даже сегодня Советский Союз все еще не может прокормить самого себя. В результате спустя эти четыре десятилетия весь мир сделал один важнейший и неизбежный вывод: свобода ведет к процветанию. Свобода заменяет древнюю ненависть между государствами взаимоуважением и миром. Свобода победила.

И сейчас сами Советы, возможно, приходят с известными ограничениями к пониманию важности свободы. Мы слышим из Москвы много слов о новой политике реформ и открытости. Были освобождены некоторые политические заключенные. Отдельные зарубежные информационные радиопередачи более не заглушаются. Части экономических предприятий было разрешено работать в условиях большей свободы,

⁷⁴ На свете есть лишь один Берлин (*нем.*). – *Прим. сост.*

⁷⁵ Эрнст Рейтер – бургомистр Западного Берлина.

⁷⁶ Имеется в виду Курфюрстендам – центральная торговая улица Берлина. – *Прим. сост.*

⁷⁷ Берлинское сердце, берлинский юмор, да, и берлинская словоохотливость (*нем.*). – *Прим. сост.*

не подвергаясь государственному контролю.

Что это – начало глубоких изменений в Советском государстве? Или же это показательные жесты, предназначенные для того, чтобы вызвать фальшивые ожидания на Западе? Или же это делается для того, чтобы укрепить советскую систему, ничего в ней не меняя? Мы приветствуем перемены и открытость, поскольку мы верим, что свобода и безопасность идут рука об руку, что прогресс человеческой свободы может лишь укрепить дело мира во всем мире. Советы могут сделать лишь один безошибочный шаг, который будет расценен как серьезно способствующий делу свободы и мира.

Генеральный секретарь Горбачев, если Вы стремитесь к миру, если Вы хотите процветания для Советского Союза и Восточной Европы, если Вы стремитесь к либерализации, приезжайте сюда, к этим воротам! Господин Горбачев, откройте эти ворота! Господин Горбачев, снесите эту стену!

Я осознаю страх перед войной и боль от раскола, поразившую этот континент, и я обещаю вам, что моя страна будет пытаться помочь в устранении этого бремени. Мы убеждены в том, что мы, на Западе, должны сопротивляться советской экспансии. Поэтому мы должны поддерживать свою оборону на высоком уровне, обеспечивающем нашу безопасность. И вместе с тем мы хотим мира, и поэтому мы должны стремиться взаимно сократить наши вооружения.

Десять лет тому назад Советы бросили вызов содружеству стран Запада, грозя серьезной новой опасностью – сотнями новых и более смертоносных ядерных ракет SS-20, способных нанести удар по всем европейским столицам. Это содружество пообещало развернуть ответные ударные силы, если Советы не согласятся вступить в переговоры о поиске более разумного решения, а именно о ликвидации такого оружия обеими сторонами. В течение многих месяцев Советы отказывались торговаться всерьез. Поскольку наши союзники, в свою очередь, готовились приступить к развертыванию ответных военных сил, наступили тяжелые дни – дни протестов, подобных тем, которые состоялись во время моего визита в этот город в 1982 году, – и Советы в результате покинули стол переговоров.

Но все это время союзники держались твердо. И я приглашаю тех, кто сегодня протестует, отметить следующий факт: поскольку мы сохраняли твердость, Советы вернулись за стол переговоров. И поскольку мы оставались сильными, сегодня у нас появилась возможность не только сократить темпы роста вооружений, но и впервые устранить целый класс ядерных вооружений с лица Земли.

Сейчас, когда я произношу эти слова, министры стран НАТО встречаются в Исландии для изучения прогресса, достигнутого в реализации наших предложений о ликвидации этих вооружений. На переговорах в Женеве мы также предложили серьезно сократить стратегические наступательные вооружения. И западные союзники также выдвинули перспективные предложения о сокращении опасности возникновения обычной войны и об объявлении полного запрещения химического оружия.

В то время как мы добиваемся сокращения вооружений, я обещаю вам, что мы сохраним наш потенциал сдерживания советской агрессии в масштабе, достаточном для ее отражения, на каком бы уровне она ни началась. И в сотрудничестве со многими нашими союзниками Соединенные Штаты проводят в жизнь Стратегическую оборонную инициативу – исследования, имеющие своей целью положить в основу сдерживания не угрозу ответных наступательных действий, а оборону, которая действительно защищает, короче – создаются системы, которые будут не нацелены на мирное население, а защитят его. Этими средствами мы хотим укрепить безопасность Европы и всего мира. Но мы должны помнить важный факт: Восток и Запад не доверяют друг другу не потому, что мы вооружены, а мы вооружены, потому что не доверяем друг другу. И причиной наших расхождений является не оружие, а свобода. Когда президент Кеннеди выступал в муниципальном зале двадцать четыре года тому назад, свобода была окружена со всех сторон, Берлин находился в осаде. И сегодня, вопреки давлению, оказываемому на город, свободе Берлина ничто не угрожает. И свобода сама изменяет мир.

На Филиппинах, в Южной и Центральной Америке демократия возродилась. По всему Тихоокеанскому региону свободные рынки добиваются чудес экономического роста. В промышленно развитых странах происходит техническая революция – революция, отличающаяся быстрым, поразительным развитием компьютеров и средств телекоммуникации.

В Европе лишь одно государство и те, которые оно контролирует, отказываются присоединиться к сообществу свободы. Однако в этот век ускоренного экономического роста, информации и инноваций перед Советским Союзом стоит выбор – в нем должны произойти основательные перемены или же он отстанет навсегда.

Сегодня, таким образом, настал момент надежды. Мы, на Западе, готовы к сотрудничеству с Востоком во имя содействия истинной открытости, для того чтобы уничтожить барьеры, разделяющие народы, создать безопасный, более свободный мир. И конечно, нет лучшего места для начала пути, чем Берлин, место встречи Востока и Запада. Свободные жители Берлина сегодня, как и в прошлом Соединенные Штаты, выступают за строгое соблюдение и безусловное выполнение всех разделов четырехстороннего Соглашения от 1971 года. Давайте используем представившуюся возможность – празднование 750-летнего юбилея этого города, – чтобы начать отсчет новой эры, чтобы добиться для Берлина еще более насыщенной, еще более богатой жизни в будущем. Давайте вместе будем поддерживать и развивать связи между Федеративной Республикой и западными секторами Берлина, обусловленные соглашением 1971 года.

И я приглашаю господина Горбачева: давайте вместе работать над тем, чтобы сблизить восточную и западную части города, чтобы все жители всего Берлина могли пользоваться благами, предлагаемыми жизнью в одном из великих городов мира.

Для того чтобы еще шире открыть Берлин всей Европе, Восточной и Западной, давайте расширим жизненно важный доступ по воздуху в этот город, находя пути к тому, чтобы сделать обеспечивающую Берлин коммерческую воздушную службу еще более удобной, более комфортабельной и более экономной. Мы надеемся, что настанет день, когда Западный Берлин станет одним из главных воздушных узлов всей Центральной Европы.

Вместе с нашими французскими и английскими партнерами Соединенные Штаты готовы оказать содействие в проведении международных встреч в Берлине. Берлину будет лишь к лицу служить в качестве места проведения конференций Организации Объединенных Наций или всемирных конференций, посвященных правам человека, контролю над вооружениями или другим вопросам, требующим международного сотрудничества.

Не существует лучшего пути внушения надежды на будущее, чем просвещение молодых умов, и мы сочтем за честь выступить спонсорами летнего молодежного обмена, культурных мероприятий и других программ для молодых берлинцев с Востока. Я уверен, что наши французские и английские друзья сделают то же самое. И я надеюсь, что в Восточном Берлине можно будет найти представителей власти, готовых выступить в качестве спонсоров визитов молодых людей из западных секторов.

И последнее предложение, близкое мне по духу: спорт является источником радости и благородства, и вы, возможно, обратили внимание на то, что Республика Корея – Южная Корея – предложила разрешить проведение некоторых соревнований в рамках Олимпийских игр 1988 года на севере страны. Международные спортивные соревнования могут проходить в обеих частях этого города⁷⁸. И существует ли лучший путь для демонстрации всему миру открытости этого города, чем предложение провести когда-нибудь в будущем здесь, в Берлине, Восточном и Западном, Олимпийские игры?

За эти четыре десятилетия, как я уже говорил, вы, берлинцы, выстроили замечательный город. Вы это сделали, несмотря на угрозы – советские попытки навязать вам восточную марку, несмотря на блокаду. Сегодня город процветает, несмотря на вызов, заключающийся в самом присутствии-

(так в книге)

живет Берлин, и самого образа жизни, а не просто чувств. Никто не смог бы долго прожить в Берлине, не расставшись с иллюзиями. Вместо них возникло нечто прошедшее через трудности жизни в Берлине, но согласившееся с этим и продолжающее строить этот замечательный и гордый город, противостоящий тоталитарному присутствию, отказывающемуся дать свободу человеческой энергии и надеждам. Нечто говорящее мощным голосом утверждения, говорящее «да» этому городу, «да» – будущему, «да» – свободе. Одним словом, я хочу сказать, что то нечто, что держит вас в Берлине, – это любовь, любовь глубокая и постоянная.

Возможно, мы подошли к сути вопроса, к наиболее убедительному из всех различию между Востоком и Западом. Продуктом тоталитарного мира является отсталость, поскольку такой мир совершает насилие над духом, препятствуя человеческому стремлению созидать, радоваться, верить. Тоталитарный мир не признает даже символы любви и веры. Многие годы тому назад, до того как восточные немцы стали восстанавливать свои церкви, они создали светскую структуру: телевизионную вышку на Александерплац. Практически с той поры власти трудились над тем, чтобы исправить то, что они считают единственным крупным недостатком вышки, покрывая венчающую ее стеклянную сферу различными красками и химическими веществами. Но и сегодня, когда лучи солнца попадают на эту сферу – а эта сфера возвышается над всем Берлином, – лучи света образуют крест. В Берлине нельзя подавить символы любви, символы веры, как нельзя подавить и сам город.

Выглянув некоторое время назад из окна Рейхстага, этого воплощения германского единства, я заметил слова, грубо написанные на стене, возможно, каким-то молодым берлинцем: «Эта стена падет. Вера станет реальностью». Да, эта стена падет во всей Европе. Она не сможет устоять перед верой. Стена не может устоять перед свободой.

И, прежде чем я завершу свое выступление, я хочу сказать еще одно слово. Я читал и мне задавали вопросы, когда я приехал сюда, относительно каких-то демонстраций, протестующих против моего приезда. И я хотел бы сказать, в том числе этим демонстрантам, лишь одно. Мне интересно, задумывались ли они когда-либо над тем, что, если бы они получили такое правительство, которого они, по всей видимости, добиваются, никто бы не смог делать то, что они теперь делают.

Спасибо и да благословит вас Бог.

The Public Papers of Ronald Reagan //
Ronald Reagan Presidential Library. Simi Valley, California.

⁷⁸ Имеется в виду Берлин. – *Прим. сост.*

**СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ
(THE NATIONAL SECURITY STRATEGY OF THE UNITED STATES OF AMERICA)**

И сентября 2001 г. здание Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и здания Министерства обороны США (Пентагон) подверглись нападению арабских террористов – пилотов-камикадзе. В результате преступной акции погибли около 3000 человек, работавших в этих зданиях, а также экипажи и пассажиры захваченных террористами лайнеров. Статус США как наиболее могущественной державы мира и ее военный потенциал оказались не в состоянии предотвратить эту акцию.

Администрация президента *Джорджа Уокера Буша-младшего* (р. 1946) дала ясно понять, что США в будущем намерены полагаться в основном на свои собственные силы и средства. Заклеймив как «ось зла» группу стран, включающую Иран, Ирак и КНДР, Президент США заявил, что он не намерен безучастно наблюдать за тем, как опасность подкрадывается все ближе к его стране, и что Соединенные Штаты не позволят самым опасным режимам мира угрожать им террористическими актами. Выработанный американскими стратегами метод борьбы с терроризмом предусматривал применение военной силы с перенесением военных действий на территорию противника.

Международные события конца XX – начала XXI в. продемонстрировали союзникам Соединенных Штатов Америки, что за давно знакомыми фразами о важности сохранения единства и укрепления сотрудничества скрывается убежденность США в правомерности и даже необходимости принятия единоличных решений по важнейшим вопросам современности и что формальное согласование этих решений с членами Североатлантического договора все реже основывается на искренней готовности считаться с их мнением и учитывать их интересы.

В сентябре 2002 г. Белый дом опубликовал документ «Стратегия США в области национальной безопасности», содержащий военно-политическую программу и получивший название «доктрина Буша». В этом документе главными противниками США были названы международный терроризм, а также поддерживающие его иностранные государства и их лидеры. Обнародование этого документа ознаменовало, по сути дела, отказ США от основ доктрины периода «холодной войны» – принципа сдерживания и утверждение абсолютного военного доминирования США в современном мире. В противовес принципу сдерживания новая доктрина провозгласила принцип предотвращения, или превентивности.

*Белый дом,
17 сентября 2002 г.*

Великие битвы XX века между свободой и тоталитаризмом завершились убедительной победой сил свободы и единственно жизнеспособной модели национального успеха – свободы, демократии и свободного предпринимательства. В XXI веке лишь государства, взявшие на себя обязательство защищать основные права человека и гарантирующие политическую и экономическую свободу, будут в состоянии высвободить потенциал своего народа и обеспечить его будущее процветание. Люди повсюду хотят иметь возможность свободно выражать свои мысли, избирать тех, кто будет ими управлять, поклоняться тем богам, которых они предпочитают, давать образование своим детям – мальчикам и девочкам, владеть собственностью и наслаждаться результатами своего труда. Эти ценности свободы верны и справедливы для всех людей во всех обществах. И обязанность защиты этих ценностей от врагов является долгом свободолюбивых людей по всему земному шару и во все времена.

Сегодня Соединенные Штаты обладают уникальной военной мощью и огромным экономическим и политическим влиянием. В полном соответствии с нашим наследием и принципами мы не используем нашу мощь для получения односторонних выгод. Напротив, мы стремимся создать баланс сил, благоприятствующий свободе человека, создать условия, в которых все государства и все общества смогут выбрать для себя блага политической и экономической свободы. В мире, не представляющем опасности, люди смогут сделать свою жизнь еще лучше. Мы будем защищать мир, сражаясь с террористами и тиранами. Мы сохраним мир, выстраивая дружественные отношения между великими державами. Мы будем способствовать расширению сферы мирных отношений, поощряя свободные и открытые общества на всех континентах.

Защита нашего государства от его врагов является первейшей и важнейшей задачей федерального правительства. Сегодня эта задача существенно изменилась. В прошлом врагам нужны были большие армии и огромные промышленные возможности для того, чтобы угрожать Америке. Сегодня темные силы могут привести к колоссальному хаосу и страданиям на наших берегах, и на это им потребуется меньше средств, чем стоит один танк. Террористы организованы таким образом, чтобы они могли проникнуть в свободные общества и обратить против нас мощь современных технологий.

Чтобы, одолеть эту угрозу, мы должны воспользоваться любым имеющимся в нашем распоряжении инструментом: военной силой, лучшей национальной обороной, правоохрнительными мерами, разведкой и энергичными усилиями, направленными на ликвидацию источников финансирования террористов. Война против террористов, действующих в мировом масштабе, является глобальной задачей на неопределенно продолжительное время. Америка будет помогать всем государствам, нуждающимся в нашей помощи в борьбе с террором. И Америка призовет к ответу государства, скомпрометировавшие себя террором, включая те страны, которые укрывают террористов, поскольку союзники террора являются врагами цивилизации. Соединенные Штаты и страны, сотрудничающие с нами, не должны позволить террористам создавать новые базы. Вместе мы будем стремиться к тому, чтобы им повсюду было отказано в убежище.

Перед нашим государством стоит исключительно серьезная задача, находящаяся на стыке радикализма и технологии. Наши враги открыто объявили, что они стремятся заполучить в свои руки оружие массового поражения, и имеющаяся информация свидетельствует, что они действуют в этом направлении весьма решительно. Соединенные Штаты не позволят, чтобы эти усилия увенчались успехом. Мы создадим системы обороны против баллистических ракет и всех средств их доставки. Мы будем сотрудничать с другими государствами в вопросах сдерживания наших врагов и лишения их возможностей приобретения опасных технологий. И в соответствии со здравым смыслом и необходимостью самообороны Америка будет принимать меры против возникающих угроз прежде, чем они смогут полностью материализоваться. Мы не можем защитить Америку и наших друзей надеждой на наступление лучших времен. Следовательно, мы должны быть готовы нанести поражение планам наших врагов, используя наш разум и осмотрительность. История сурово осудит тех, кто осознал грядущую опасность, но не предпринял никаких действий. В новом мире, в который мы вступили, единственным путем к миру и безопасности является путь действий.

Защищая мир, мы воспользуемся также исторической возможностью сохранить мир. Сегодня перед международным сообществом существует наилучшая возможность со времени возникновения первого национального государства в XVII веке создать мир, в котором крупные государства смогут соревноваться в мирных условиях, вместо того чтобы постоянно готовиться к войне. Сегодня крупные державы мира находятся на одной стороне, объединенные общими опасностями террористического насилия и хаоса. Соединенные Штаты будут основываться на этих общих интересах во имя содействия глобальной безопасности. И нас все чаще объединяют общие ценности. Россия находится в многообещающем переходном периоде, стремясь к своему демократическому будущему и став нашим партнером в войне с террором. Китайские лидеры открывают для себя, что экономическая свобода является единственным источником национального богатства. Со временем они обнаружат, что социальная и политическая свобода является единственным источником национального величия. Америка будет поощрять развитие демократии и экономической открытости в обоих государствах, поскольку это является наилучшей основой их внутренней стабильности и поддержания международного порядка. Мы будем решительно сопротивляться агрессии со стороны других крупных государств, но готовы приветствовать их мирные попытки добиться процветания, развития торговли и культуры.

И наконец, Соединенные Штаты воспользуются создавшейся возможностью для распространения благ свободы по всему миру. Мы будем активно работать, чтобы донести идеалы демократии, прогресса, свободного рынка и свободной торговли до каждого уголка мира. События 11 сентября 2001 года научили нас, что слабые государства, подобные Афганистану, могут представлять столь же большую угрозу нашим национальным интересам, как и сильные. Нищета не превращает бедняков в террористов и убийц. Но нищета, слабые политические институты и коррупция могут сделать слабые государства уязвимыми для террористических сетей и наркокартелей.

Соединенные Штаты будут стоять бок о бок с любым государством, решительно настроенным построить лучшее будущее путем использования благ свободы для своего народа. Свободная торговля и свободные рынки доказали свою способность вывести общество из состояния нищеты. И Соединенные Штаты будут сотрудничать с отдельными государствами, целыми регионами и со всем мировым торговым сообществом во имя строительства мира, который занят мирной торговлей и поэтому, развиваясь, процветает. Соединенные Штаты будут оказывать через каналы «Счета вызовов тысячелетия»⁷⁹ еще большую помощь в развитии государств, которые отличаются справедливым правлением, капиталовложениями в свой народ и поощрением экономической свободы. Мы будем также помогать миру в реализации усилий по сокращению ужасных последствий ВИЧ/СПИДа и других инфекционных заболеваний.

В процессе создания благоприятствующего свободе баланса сил Соединенные Штаты руководствуются убеждением, что у всех государств имеются важные обязательства. Государства, проповедующие свободу, должны активно бороться с террором. Государства, зависящие от международной стабильности, должны помогать в предотвращении распространения оружия массового поражения. Государства, желающие получать международную помощь, должны иметь разумное руководство, с тем чтобы эта помощь правильно использовалась. Для процветания свободы требуется неукоснительная подотчетность.

Мы также руководствуемся убеждением, что ни одно государство не может добиться безопасного и справедливого мира, действуя в одиночку. Альянсы и многосторонние институты могут умножить мощь свободолюбивых государств. Соединенные Штаты взяли на себя обязательства в отношении таких прочных альянсов, как Организация Объединенных Наций, Всемирная торговая организация, Организация американских государств, НАТО, а также других давно существующих союзов. Добровольно объединяющиеся государства могут усилить эти постоянно существующие коалиции. В любом случае международные обязательства следует выполнять со всей серьезностью. Их не следует принимать символически, поддерживать какой-то идеал, не добиваясь его претворения в жизнь.

Свобода является обязательным требованием человеческого достоинства, это первородное право каждой личности во всех цивилизованных обществах. На протяжении всей истории война и террор угрожали свободе, ей бросали вызов противоречивые интересы могущественных держав и злые замыслы тиранов;

⁷⁹ Объявленная в марте 2002 г. президентом Дж. Бушем программа «Счет вызовов тысячелетия» (MCA) предусматривает увеличение на 50 процентов в течение трех лет помощи, выделяемой на развитие нуждающихся стран. Условием предоставления такой помощи названо намерение этих стран способствовать миру, демократии, безопасности и экономическому процветанию. – *Прим. сост.*

она подвергалась испытаниям со стороны таких широко распространенных явлений, как бедность и болезни. Сегодня человечество имеет возможность обеспечить победу свободы над всеми ее врагами. Соединенные Штаты готовы со всей ответственностью возглавить эту великую миссию.

Джордж Буш

The National Security Strategy of the United States of America //
Executive Office of the President, National Security Council.
Washington, D.C., 2002.